

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

1-2 (520)

2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Андрей Пермяков. «Октябрь» и др. стихи.....	3
Владимир Аристов. Вдоль сияния рек. <i>Фрагмент романа</i>	15
Борис Лихтенфельд. «Всё пустыми словами звякаем...» и др. стихи.....	44
Егор Моисеев. Дары Волков. Друг. <i>Рассказы</i>	47
Ольга Аникина. Блок фотографий на паспорт. <i>Стихи</i>	60
Рустам Мавлиханов. Та, кто будет помнить нас вечно. <i>Последняя ночь. Рассказы</i>	66
Петр Казарновский. Дюжина стихотворений прошедшего года.....	71
Иван Гобзев. Земля. <i>Рассказ</i>	75
Янис Грантс. Время сухоцвета. <i>Стихи</i>	93
Макс Неволошин. Физика. <i>Рассказ</i>	99
Антон Васецкий. «Не открывай огонь...» и др. стихи.....	102
Владимир Тренин. Соль. <i>Рассказ</i>	107

NON-FICTION

Григорий Беневич. Наши девяностые.....	113
---	-----

АРХИВ

Лев Пасеков. Записки церковного сторожа. <i>Публикация, вступление Евы Лисиной</i>	149
---	-----

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аркадий Штейнберг. «Я работаю вовсе не для тех, кто не знает языка». Три вечера у Александра Кривомазова (1980–81 гг.).

Запись вечеров – Александр Кривомазов. Оцифровка – Илья Симановский. Расшифровка, комментарии, вступление – Владислав Резвый, Илья Симановский.....

159

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Кирилл Ямщиков. И медью будь О кн.: Михаил Кузмин. <i>Смерть Нерона</i>	200
---	-----

Елена Севрюгина. Монолог от лица бессознательного О кн.: Андрей Бычков. <i>Голая медь</i>	202
---	-----

Алексей Мошков. С Ницше не спорят телом О кн.: Павел Крусанов. <i>Совиная тропя</i>	205
---	-----

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВ

Николай Аржанов. В девятистах километрах от Москвы <i>К выходу кн.: Елена Дорогина. Николай Гуцин и его круг. Истоки формирования неофициального искусства в Саратове</i>	208
---	-----

Андрей ПЕРМЯКОВ

Октябрь

Когда в самом начале астрономических сумерек
Мир, и без того лежащий во зле,
Сделался слишком похожим на языческий оберег,
Когда даром сделался город, видимый на Земле,
Когда... ну, да: только в таком неверном контровом свете,
Где даже шуршавый пакетик выглядит странно,
Где небывалые, теневые, златоволосые дети
Оказываются теньями весьма облетевших каштанов,
Вдруг оборачиваешься ниотчего, точно услышал тихое слово
Тихих людей земли и всякого такового.

Главное: всё происходит сугубо в бетонных кварталах
Средних вполне городов – не столичных, не деревенских,
В прочных и долгих суставах
Рифм не мужских и не женских.

Думаешь, это навеки, а оно – не навеки.
Плоское время скользит по скользилкам перил.
Прибывают и убывают разные человеки,
«Осенние сны не сбываются» – это Плутарх говорил.
А что «Всякий влюблённый – солдат», – то жаловался Назон.
Окна пугают людей в традиционном огне.
Осень сама по себе есть сон.
Октябрь – сон во сне.

Курсе где-то на втором внутренний диалог

*...ели даром, огурцы и дыни
(Числа, 11:5)*

– «Дыня – частный случай тыквы.
Тыква – общий случай дыни.
Огурец – их мощный сиквел.
Так от веку и доныне. –

Андрей Пермяков родился в 1972 году в городе Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую Академию. Жил в Перми и Подмоскowie. В настоящее время проживает в Ярославле, работает на фармацевтическом производстве. Стихи, проза и критические статьи публиковались в журналах и альманахах «Абзац», «Алконостъ», «Арион», «Вещь», «Воздух», «Знамя», «Графит», «День и ночь», «Новая реальность», «Новый мир» и др. Автор книги стихов «Сплошная облачность» (2013) и трёх книг прозы. С 2007 года постоянный автор журнала «Волга». Лауреат Григорьевской премии (2014).

Это чистая ботаника,
покорённая природа.
Мёрзнешь, точно на Титанике,
погружаясь в бурны воды.

Это как-то свыше меры
обступили холода:
нерождённое бессмертно,
неживому – ерунда.

Прочим по премногу хуже,
прочим надо одеваться.
Ветер с Камы нежно кружит
холодком за минус двадцать.

Лица будто злые лисы
из большой холодной тьмы.
Так всеядная неделя, фарисеева седмица,
наступает в середине умирающей зимы». –

Просто надо что-то мыслить,
тоже двигаясь кругами.
Например, про мишку гризли,
например, про мишек Гамми.

Морозяка – это ладно,
лето тож придёт, не спросит.
Здесь другое непонятно:
где красаву бесы носят?

– “Непонятно”, скажешь тоже:
Два часа – не опоздание.
Ты свою-то видел рожу,
Приглашая на свидание?

Дядька ж говорил: “не даром” –
В смысле, девки пацанам...
Ну и, значит, с лёгким паром:
в смысле, будем по домам.

В разных смыслах, типа, будем
Ну и чо теперь? Ну, что же?
Вот жеж ни себе, ни людям.
Но кому-то ж – всяко тоже?»?

Лицо в летний шарфик прячешь
И, вроде, даже не плачешь.

С веранды

Ежедневная скорость весны –
сто километров на северо-северо-запад.
Вечера идеальной длины
производят яблочный запах.

На утонувших полях,
где грачи-головастики тихо клюют головастиков,
наблюдается птичья любовь впопыхах
и разная прочая пластика.

Но в полдень такой лепоты
крохотный облачный полог
вдруг напоминает, что ты
тоже не слишком долгот:

день начинался неплохо, маня и подмигивая,
а потом безнадежно перевалил зенит.
Пятак упал на мостовую, звеня и подпрыгивая.
Подпрыгивает, звенит.

Так неспеша выцветает картина,
так неспеша завершается ширь.
Что ж ты разводишь свою паутину
лапками, милый мизгирь?

Тени приходят, как ниоткуда,
будто вернулся джаз.
Я не хочу разгоняться за три секунды
до ста километров в час.

Мир и ловил-то меня честно сказать, не слишком:
малоподвижных ловить – невелика наука.
Упал и раскрылся «Обломов», очень хорошая книжка:
«Век об одном и том же – какая скука».

(Глаз зацепляет цитату, будто бы впопыхах,
но се – идеально, сугубо. И о моих стихах.)

Кочевое

Ровно посреди державы
В месяц долгих слёз
В ноту ми второй октавы
пискнет тепловоз.

Зашевéлится стоп-кадр,
Сдвинется вокзал.
Вот Зиновьев Александр
О таком писал:

*«Ах, какая благодать
Скоро снег растает.
И не даст под утро спать
Птиц крикливых стая.*

*Ручейки сплывают звеня
Песенку простую.
Неужели и меня
Завтра арестуют».*

Жить паяцем – не бояться.
Ветер вольно веет:
Если есть за что, повесят.
Например, за... шею.
Продолжаем славно грезить,
Продолжаем сладко спать,
Планы тихо строим.
«Вместе весело шагать
Под конвоем».

Собрату по чаше (панегирик)

*Здорово в векахъ...
(М.Ц.)*

Человек говорил, пребывая в худой суете,
на зелёном вине на унылом позимнем дне:
*Что кун – то все в калите
Что порт – то все на себе...
Удавился, убожие, смотря на мене¹*

Отхлебнув, оглашаюсь с дьячком:
Житие наше плохо, негодно;
Денежки до́лу ушли кувырком,
Карманы опять пустотны,
Дхармы пустотны, карточки тоже пустотны.

В новостях разнообразная сирия,
А буквы, слагаясь, внушают определённый трепет:
*Ох мне лихого сего попирия;
голова мя болит и рука ся тепет²*

¹ Дяк Кузьма Попович, 1313 год. Кун – денег, порт – штанов, в калите – в кошельке и пр. Впрочем, смысл понятен интуитивно, вопреки семи минувшим столетиям.

² дрожит

Сам Азь, как ты есть, мнише: вечно помят и обманут.
И, значит, повержен? Однакожде нет.
И ты, Кузьма не тем будь помянут:
Не первый алкаш, но первый московский поэт.
Гласы сладчайши да не престанут.
И да: горний свет. На троих. Горний свет!

Краевед в Гуслицах

«– Там в зарослях такие, типа, гнёзда:
участок небольшой на шесть могил.
Как водится у нас – кресты и звёзды:
четыре – два, Галилеянин победил.

А далее серьёзные погосты:
разбойники, волхвы, старообрядцы.
Там запропасть – ну, прямо очень просто,
Но вот: старообрядцы не боятся.

А почему? А слово знают потому что.
Ты выпей, я малёх приторможу.
Про Кыку слышал? Чо, не слышал? Да неужто?
Не слышал, ну, дак я шчас расскажу...».

Этнография в забегаловках – тоже, конечно, хлеб,
Но отчего из возможных соседей Бог посылает всегда дурака?
У дурака у того на футболке написано «...оня креп...»
Если подвинуть толстовку – «Броня крепка».

Домой потянуло

В полузабытых сосисочных, где «Незнакомка» Крамского
обозначает мерцающее присутствие,
ты смотришь в себя, но видишь кого-то другого.
Или себя же, но только опять другого – *более лучшего*.

Нет, чтобы вот подойти вот к тому человеку, сказать приветы,
разговориться, приврать немножко, дальше ещё немножко.
Хотя и не куришь, спросить сигареты.
Однако глядишь в окошко.

Там речка размером с Язу, только другая
Ты быстро привык смотреть на реки именно так.
Сылву родную забыл, оставил пределы Пермского Края.
Ну, и дурак.

В заброшке

Хорошо, когда вместе в общении...
(Евангелистский гимн)

Хорошо, когда не плохо.
Хорошо, когда порядок.
Хорошо, когда эпоха
тихо-тихо ходит рядом.

Хорошо в зелёной кеге
дозревает белый квас.
Хорошо когда навеки,
хорошо, когда сейчас.

Хорошо, когда играют
Йозеф-Гайдна у пруда.
Хорошо не умирают
ни за что и никогда.

Повезло, когда прольётся
злое-злое мимо нас.
Хорошо, когда смеётся
злое зло в последний раз.

Хорошо, когда... ну, в общем
хорошо, что хорошо.
Ты ещё тут на денёчек
оставайся. Я пошёл.

Обнялись

Вот и доехали, вот и расходимся,
Как не встречались.
Сейчас распогодится,
Будто июль не кончается.

Встретимся лет через восемь
Прекрасные, милые.
Опять станет осень,
Опять будут долгие многие мили.

Сердце моё говорящее,
Ты молодец, ты никогда не шалишь.
Мышь я дрожащая или...
Мышь я дрожащая, или...
Мышь я дрожащая или...
Мышь

Обустряивается

ё-моё

а я нет

А. Корамыслов

Пишет, чтоб не забыть:
сахар, лимон, удлинитель, выпить, попить.
Покупает, однако, выпить и удлинитель.
От магазина к востоку тянутся жёлтые нити.

Комната залита алым вечерним светом –
вроде звучит красиво,
но, честно сказать, беспросветное лето
тянет последние силы.

Душно? Наверное, душно. Или достало.
Что-то мигает в окошке. Похоже, гроза.
Не было ж ничего другого, чтобы мигало.
Мы и природа, понятное дело – за.

Не было ничего другого, что бы мигало.
Разве что ... Да. Но она, скорей, промелькнула.
Атлантида не существовала,
А в девяносто втором насовсем утонула.

Засим внезапно и разом прошло тридцать лет.
Более-менее как-то себе обитал.
Ездил, ходил, оставлял углеродный след.
После – устал.

Теперь, очевидно, последнее собственное жильё.
Точней – предпоследнее и не своё.
Смотрит в казённую чашку, слегка наливает, пьёт.
Мигнув, приговаривает: «За бытиё».

Вот да: почему говорят «бытиё», но небытие?
Может, что ё-моё, а буква е – ничья?
Шлёпнул рукой по столу, отыгрался на муравье.
Думает: вот для чего раздавил муравья?

Вжух

Атмосферники, поверьте...

Алькор

– Отвалили с полосы,
Покемарю пять минут.
В этом космосе часы
Замечательно идут.

Кстати, хочешь – закури.
Через полчаса подъём.
Видишь, лампочка горит?
Люк откроют, и пойдём.

В этом космосе лететь
Легче, нежели лежать.
– Я хотел бы умереть.
– Было б странным возражать.

Летом на Васильевском

В окрошку добавили соли.
Вспомнили, как оно было.
– Вот жеж творили в школе?
– В школе-то все дебилы.

Топали по поребрикам,
Очень смешно и медленно.
Рустам поседел серебряно,
Я поседел пепельно.

Разные

Гриб лисичка, гриб волчок,
Зонтик, груздь и радоздь.
Дождевик, боровичок,
Снеговик, полевичок,
Гриб сплошная гадость.

Гриб-навозник, гриб-сморчок,
Гриб-татарин, гриб коть-моть,
Гриб уральский дурачок.
Гриб совсем-иная-плоть,
Гриб вселенский паучок...

Старый, бессмысленный бес,
Вошедший в хозяйский лес,
Иные грибочки ищу.
Верую и трепещу.

Утром

В зеркале-то этот как постарел,
А за зеркалом этот не постарел.
А за зеркалом этот весьма поумнел:
Бодр, зол, смел.

(В смысле символического обмена –
Проще о зеркале, нежели о судьбе.
Легов поёт про Питера Пэна:
Про в небо, стало быть, по трубе.)

А этот за зеркалом-то малопьющий,
Собранный, лишнего не говорящий.
В зазеркалье своём неживущий.
По ночам выходящий.

Обломки и культяпки

*Там были девочки: Маруся, Роза, Рая.
(авторов много)*

Тут есть кафе «Не проходите мимо» –
не по названию, конечно, но по сути.
Туда приходят Михаил, Алёша, Дима
и прочие роскошнейшие люди.

Се Дима начинает. Ни к селу,
ни к городу, но до чего роскошно!
Как на пластинку ставили иглу:
настолько хорошо, что очень тошно:

«– Она, конечно, говорила “дурачок”,
но так-то говорила, что влюбилась.
Ходила было даж на коньячок,
а платьишко снимать не торопилась...»

Понятное: в строфе опущен мат,
немножечко исправлена ритмичность,
но остаются эонийский лад
и сильно *трогальная* околичность.

Пребудет много разных разговоров,
уйдёт Димон, появится Олег.
Когда немножко омутнеют взоры,
придёт Василий: дивный человек.

Он врёт как дышит: дышит тяжело,
а врёт легко, ну, правда: врёт, как дышит.
Небыстрый, лысый, выпимший зело,
но слово скажет – небушко услышит.

Не отбывал, а погоняло «Зона».
Двух пальцев нет – но это ничего.

Сплошные песни мёртвого сезона;
сплошные песни мёртвого всего.

Про отношения

Алкоголи – это же как обниматься.
Это большая обменная информация.
Не только чтоб ты ему обо всём этом мире,
а как бы и он о тебе и об твоей КВАртире.
И про количество прожитых как-то не так-то лет.

Небо включает свет, выключает свет.

Пошла тяга, прошла тяга –
свободен, бродяга.

Снова центон

Строка, набившую оскомину с рождения:
Не говори с тоскою “нет”.
Но слёзы сами отменяют силу зрения,
поскольку свет
ужасно дорог и ужасно ярок,
хоть вообще отсутствует порою.
И алкоголик пишет без помарок:
«Построили и разорили Трою».

Юбилейное

А жизнь прошла в электропоездах.
Не вся, но скажем так, – по большей части.
В неторопливых избеганьях зла,
В немногумудрых предвкушеньях счастья.

(Короче, дальше будет про дорогу,
Ещё – про автостопы, но немного):

Я ехал до войны, но в эпидемию.
Зато – из Магадана в Петушки.
Прикалывался всяко, тратил премию
Смотрел в окошки, кушал пирожки.

И думал... ну, короче, думал что-то.
Про то, какой я, значит, ушлый-дошлый.
Война Левиафана с Бегемотом
Казалась чем-то будущим, но прошлым.

Довольно много разного читал,
Сам видел хитрое про нашу шалость-малость.

В обширном воздухе поигрывал металл,
Но говорю: казалась.

Оказалось.

Википедия про академика

Ранние годы: родился в десятом,
Видел, как расщепляется атом.

Карьера: учился, работал в милиции,
Снова учился. Вёл семинар о природе души и тела.
Перешёл на диалектические позиции,
Сел, удивительно быстро вышел, стал зав. отделом.

Писал о природе законов природы,
Выпустил первый и третий том.

Война и последние годы:
Умер в 92-м

Триумф других

– Ну, говорю же: зачем тебе GPT?
Чем он тебе поможет, да и с какого бы хобота?
Ты не сердись, узбагойся, считай до пяти.
Мы ведь и сами роботы, и мыслим, как роботы.

Ну, правда ж: зачеловеческой сделалась логика.
Главное тут не сдаваться, тут улыбаться до тризма:
давно это было, что бедные люди – пример тавтологии,
теперь, получается: дрон-камикадзе – предел альтруизма.

Госпитальное

«Тут главное – не злоупотреблять
А я и так незло употреблял
Добро употреблял. И все же г¹лядь –
В больничку с гепатитиком попал.

Так докторша сказала: гепатитик
(Костюм у ей как небо – белый-белый)
Наука, что умеет много гитик,
В мою как раз нисколько не умела.

Не, помереть, канеш, не дали, но...
Смотри: рука – она ж как не рука!

¹ Или «б». Тогда другие знаки препинания, но смысл тот же,

Короче, дело будто в том кино:
«Жить будешь, а жениться нифига».

Но это ладно, фиг бы с ней, с рукой.
Хрен у меня как шланчик: вправо-влево.
Пройдёт, сказали, но вот щас лежу такой –
Ни ришельё, ни людовик, ни королева».

Разнообразие лексики этого человека,
Свидетельствующее о разнообразии слоёв прожитОго,
Говорит о превратностях двадцать первого века,
А так же, что человек прожил жизнь кого-то другого.

(Так можно сказать про любого из нас,
Но мы про соседа сей час.)

Зачем люди скрывают за разнообразными оболочками
Всё, что заметно, точно на панорамном фото?
За болотными прячутся кочками,
А медведю воевать неохота...

Размышления при засыпании ловят своеобразный ритм;
Тут сосед поворачивается и говорит:
«Сенька-то удавился, вот ведь дурак!»
Далее внятный рассказ, отчего так.

Инструктаж – всегда центон¹

Соблюдайте походку, держите спокойными лица:
У них тут довольно особая эра.
Малодушие в бедствии, не подобающее арийцу
Следует прятать. Но в меру; всё – в меру.

Не отвлекайте воителя. Даже когда он собаку пилой.
Старайся не выделяться – в профиль, анфас.
Помни: когда покажется, что некто – уж слишком злой,
Связным оказаться может тот ещё <генерал>

К язычникам Севера не ходите, ибо безгрешны они,
Проводящие в гнев и праздности краткие дни,
Приносящие в жертву коней, когда кони ярятся.
От них будет толк.
Язычники Севера пригодятся.
Когда придёт Волк.

¹ Цитаты из апокрифов и священных текстов, приведённые в данном стихотворении, не имеют целью кого-либо оскорбить.

ВДОЛЬ СИЯНИЯ РЕК

Фрагмент романа

Преамбула

Так как фрагмент соответствует отнюдь не началу романа, то стоит, наверное, пояснить, какие персонажи там присутствуют.

Действие происходит летом 1955 года, когда студент (в романе он под именем АЯ, почему все так его называют, станет понятно постепенно) – старшекурсник физфака Московского университета едет из Москвы на каникулы к своей бабушке в провинциальный город. Он мог бы называться Ка, а река ОКа, но и так по контексту проясняется, что речь идет о Калуге и Оке, хотя и не совсем «реальных», возможно, поэтому они обозначены просто «город» и «река». АЯ находится в очень сложном периоде: вообще у него было вполне советское воспитание, но после 53-го года все стало в нем меняться. Его интересы получили новые направления, он стал читать – насколько удавалось достать – много философской и даже религиозной литературы, встречаться с самыми разными людьми, что не осталось «незамеченным». Весной в университете с ним разговаривал представитель секретных органов, предупредив, что если так будет продолжаться, то для него все может плохо кончиться. Личная жизнь у него тоже на переломе – он расстался со своей возлюбленной. В университете он учится хорошо, но в научных поисках у него мало что получается, его полуфилософские представления о пространстве и времени не находят понимания у научного руководителя. Его литературные опыты уже многочисленны, но он знает, что в той ситуации ему не имеет смысла даже пробовать куда-то их предлагать. Написание романа, который он едва начал, становится тем не менее его целью. Он видит в этом нечто вроде «завещания», с другой стороны, надеется, что роман поможет ему «вернуться в жизнь». Потому что она на грани: он думает об уходе из жизни – здесь и безумная тяга исследователя «а что там за гранью» (как у того рыбака из «Чевенгура», который АЯ, конечно, не читал, бросившегося в озеро, чтобы узнать, что там в смерти), и нерешительность, и попытка провидеть будущее, о котором и пишется роман. Будущее, которое может показать, что бессмысленно уходить из нынешней жизни, ибо «там» не будет лучше. АЯ пишет, сам отчетливо не сознавая, утопию-антиутопию будущего мира, в котором «вернутся» все жившие люди на земле (АЯ не читал и даже не слышал о федоровском проекте, где человеческое и божественное должно соединиться в общем «усилье воскресенья»). При том, что он знал утопические произведения Томаса Мора, Кампанеллы, Френсиса Бэкона (не говоря уж об обязательных к изучению, хотя и выборочному – творений Фурье, Оуэна и Сен-Симона). О Замятине, Хаксли, Оруэлле что-то слышал из разных косвенных уст, но отчетливо не представлял. Так как написание книги становится для него непреложной задачей, он заражает важностью этого и других людей. К бабушке он едет по поручению матери – пользуясь такой возможностью, чтобы почти на три месяца исчезнуть из Москвы – мать считает, что так она сможет найти какие-то пути к своей матери (его бабушки), отношения с которой в последние годы разрушены.

Другие персонажи:

Владимир Аристов родился и живет в Москве. Окончил МФТИ, доктор физико-математических наук. Публикации в журналах «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Комментарии», «Уральская новь», «Арион», «Воздух», «НЛО» и др. Автор двадцати поэтических сборников, двух романов и пьесы. Литературные премии: им. Алексея Крученых (1993), Андрея Белого (2008), «Различие» (2016). Предыдущая публикация в «Волге» – стихи (2025, № 1-2).

Бабушка – она появляется пока лишь на одной странице, – центр огромного количества родственных и дружеских связей, она играет большую роль и в соединении интеллигентских кругов в городе, но об этом будет сказано в других местах.

Юрий – сын бабушки и брат матери АЯ – появляется для многих неожиданно (АЯ встречает его как бы случайно у реки), поскольку все считали его погибшим, – во время войны пришло извещение о том, что он пропал без вести. Юрий до войны закончил истфак МГУ, был призван в армию, стал офицером, во время войны был ранен, попал в плен, бежал, был в партизанских отрядах в Италии и Югославии, много что повидал. После окончания войны и фильтрационного лагеря получил десять лет лагерей, был отпущен в 53-м, но в Москву вернуться не мог. Он выбрал этот город (за 101-м километром), поскольку знал его, и здесь жила его мать (бабушка АЯ), но с которой у него были тяжелые отношения.

Селена – дальняя родственница бабушки – студентка художественного вуза из Ленинграда, приехавшая на летние каникулы.

Владик – пятилетний сын двоюродной племянницы бабушки.

Я. (или просто «он») – главный герой романа АЯ о будущем, в каком-то смысле его alter ego, но не очевидно, что это некое грядущее «воплощение» АЯ.

Филомелин – адвокат Я. в романе, где каждому «вернувшемуся» полагается свой защитник на предстоящем неизбежном суде.

В.А.

Бабушкин юбилей

Юрий и АЯ только начали обсуждать совершенно фантастическую возможность придумать непрекращающиеся страдания в виде явленных угрызений совести, и что это как раз то, что никак не может быть даже упомянуто в романе АЯ. Вдруг Селена принесла весть, как новая confidentка бабушки, что та собирается отмечать свой юбилей. Первым делом внук и сын задумались, сколько же бабушке может быть лет. Казалось бы, чего проще, но так как бабушка была всегда без возраста, то вдруг поставить ее в ряд с другими было само по себе почти невозможно. Хотя Юрий так же, как и его сестра, то есть мать АЯ, находился в постоянных размолвках с бабушкой, то ничего странного нет.

Но неожиданно они вместе поняли: ну, конечно же, семидесятилетие. Тут же Юрий сказал АЯ: «Я же недавно думал, что бабушкин день рождения будет почти в годовщину Женевской конференции, а все годы прошедшие – тогда для меня как историка, пусть почти мнимого, становятся на свои места». «Что за Женевская?» – спросил АЯ. «Неужели же ты не знаешь? Ну да, ты же у нас историк будущего. Настоящего знать не знаешь. А это я педагог исторический... по образованию... хотя в здешней школе преподаю математику... я с частными учениками выступаю как учитель истории. Но историю прошлого свободно не очень-то расскажешь... приходится на литературные источники опираться... я имею в виду не архивы, как ты понимаешь, которые за семью печатями, а на ту историю, которая невольно проступает из произведений писателей, из литературы. И поэтому школьникам я иногда рассказываю, допустим, из девятнадцатого века, опираясь не столько на документы... а на то, что написано в каком-то литературном произведении... вот, например, “Фрегат Паллада” Гончарова или “Дядюшкин сон” Достоевского – вглядываясь в них, мы больше поймем о том времени, чем сквозь смутное стекло учебника попытаюсь что-то разобрать... Но что мне не могут помешать... не могут помешать мне быть историком настоящего... То, что вокруг происходит со всеми... это же горячая... и горючая, как бензин или керосин... настоящая жгучая история... и события... даже газетные так же горят, не сторя, вместе со всеми другими событиями... не сторя... ты говоришь, ты спрашиваешь, что за Женевская? Да это же важнейшее событие прошлого лета... прошлого года... ты слышал такое слово – Дьенбьенфу? А ведь это было главное событие и битва, хотя в ней с той и с другой стороны, кажется, всего лишь по три пушечки участвовало... нежели ты не представлял себе тихого Женевского озера, которое своей гладью

умиротворило эти народы... да ты, что правда, не знаешь, о чем идет речь... для тебя и корейская война прошла мимо... а эта вьетнамско-французская война совсем тебя миновала? Да где ж ты был тогда? В душей своей физической аудитории? Лаборатории... учебной... где опыты над вами, студентами, производят... превращая ваши души в физические тела... ну, это я так к слову... ты тут не виноват... почти... Много корейцев я встречал там на разных перепутьях, а вьетнамца лишь одного, но он запомнился как никто и навсегда».

Но тут Селена развернула большую бумагу (не от обойного ли листа?), исписанную бабушкиным угловатым, почти клиновидным почерком, и сообщила, что бабушка велела всем вместе подумать над списком гостей, кого звать и каким образом им сообщить – телеграммой наверное, потому что бабушка до последнего тянула. Но решила все же собрать родственников и друзей, которые, может, даже и не видели друг друга. Взглянув на список, который хотелось назвать свитком, АЯ поразился его длине и все же сразу увидел, что он не был полным. Там значились: дядя Ярослав и его жена Анюра – племянница бабушки, они только что вернулись из Сусумана, сестры Чудаковы – подруги близкого бабушкина родственника, который сам-то был на краю земли; был также и дальний родственник, подполковник медицинской службы Сильвестр Васильевич, которого все называли «Селивёрст до небес», дядя Кися и тетя Деля, а также тетя Дуня, бабушкина старшая сестра, из Клайпеды, горбатенькая старушка, кажется, заслуженная учительница, ее сын Герман и внучка Лора. «Но где же дядя Глеб – бабушкин брат, который живет в этом городе, и дядя Аэций, сын Алфея, тоже бабушкиного брата? – сразу подумал АЯ. – И тетя Магда, племянница бабушки? Магдалина Борисовна? Ее отец Борис, еще один бабушкин брат, по слухам, еще в конце 20-х скрылся куда-то в Финляндию и так и не вернулся, а библиотеку свою обширную, кажется, он оставил здесь».

«Слушай, – сказал Юрий, обращаясь к Селене, – мы в этом деле не участвуем, что мы можем добавить? Пусть она сама разбирается. Меня родственники забыли и пятнадцать лет знать не знали. Да они меня и не узнают. Так что разве как какой-нибудь инкогнито появлюсь перед их очами? Посланник не от света, не от мира сего. “Да кто это?” – они скажут. Что мне их пугать. Лучше на это время мне скрыться куда-нибудь. Да и как она представит меня? По имени, ну разве что по отчеству, и все?»

«А ты бы хотел, чтобы всю родословную предъявили?» – спросил, отвлекаясь от мыслей, АЯ. – Да, тут ее не знают. Я уж некоторые изыскания делал, и то мало что накопал. Все хранят молчание. Такое ощущение, что все попытались забыть, документы сжечь. В памяти хранят, но где-то глубоко... за семью печатями, как ты сказал. В спецхране».

«Да эти раскопки надо делать в твоём будущем. В твоём романически-романтическом будущем. Вот там все будет вывернуто наизнанку. Так я понимаю, все будет наружу предъявлено из земли. Все смердящие трупы памяти появятся... при дороге – бери не хочу. Вот чего ты хочешь наверно. Трупоедство сплошное. И ты будешь радоваться? Или ужасаться, что почти одно и то же. Ты туда убежал из настоящего, боишься быть здесь, в страхе перед настоящим. И заявляешь еще, что все будут страшиться какого-то абстрактного грядущего, может быть бесконечного? Ты почему здесь ничего не хочешь делать? Я тебе рассказываю о своей и судьбе других, а ты, закрыв глаза, отворачиваешься и убегаешь в свое удобное будущее, которого в реальности нет, а есть призрак лишь».

«Да нет, я никуда не отбегаю, сейчас я чувствую, что в этом будущем, которое я стал опрометчиво фиксировать на письме, я уже не могу удержаться, я по пояс ушел в прошлое, точнее, я нахожусь сразу во многих временах, даже в своей биографии, не говоря об остальных, пережитое не то что не отпускает, но растет как на дрожжах».

– Подождите, – вошла, ворвалась в их разговор явно нетерпеливо ожидавшая Селена, – тут важное есть: бабушка просила подумать – и побыстрее – где можно гостей размещать.

– Моя хата с краю, ничего не знаю, – тут же заявил Юрий, – могу конечно кого-то пустить... за умеренную плату... а сам скроюсь, смоюсь куда-то... Ха-ха, да, получается, как не назови, все на «ха»: хибара, кого там? Рыбара? Хижина... в нее мы-то втроем с трудом влезем... это надо у него

узнать, – указал он на АЯ, – как миллиарды людей в его городе уместились.

– Я собирался как раз прочесть вам отрывок, – сказал АЯ, – но там не только про это, там много чего... там про овеച്ചественную мысль тоже... как мысль... моя, например, может появиться в воздухе... по моему велению... и лететь... и мы ее видим...

– Ужасно, – произнесла Селена, – напиши это побыстрей и с глаз долой, не хочу в будущее, где твоя мысль будет охотиться за мной.

– Ты же сама сказала, пиши правду... это же не я пишу... это кто-то рукой моей водит...

– Слышали мы это много раз, – откликнулся Юрий – высшая сила... или что там еще? Снимаю с себя всякую ответственность... написанное или совершенное неизбежно должно было совершиться... я лишь проводник... на какой-то там дороге?

– Так вы будете слушать, что я написал?

– Читай, – тихо сказала Селена.

Ночь перед судом

АЯ начал читать:

«Они сидели вдвоем с адвокатом Филомелиным в вечеряющей уже комнате адвоката. Вокруг было почти непроницаемое молчание, из города доходили редкие одинокие звуки. И они вдвоем молчали. Адвокат сказал: “Ты знаешь, я много раз откладывал заседание суда по твоему делу. Ссылался на болезни и так далее. Но не уверен, что завтра получится снова. Не знаю, что предпочесть. Единственное, что может помочь, но не уверен, что тебе это понравится”. – “Что же?”, – спросил я, то есть он – тот, кто находился с адвокатом рядом. Адвокат произнес негромко: “Доказать, что ты не есть ты. Но тебе это точно не понравится. Ты бы хотел думать, что ты это ты”. – “Что это значит? Я же чувствую, что я это я”. – “Несомненно, а как ты можешь еще чувствовать. Но нужны веские доказательства, что возвратившийся это именно тот человек и никакой другой”. – “Не понимаю”. – “Да, для других ты несомненно тот, как и для тебя самого, да и физические доказательства налицо, но никакой уверенности нет, что в твоём облике не вернулся в жизнь твой двойник. Душа единственна – это аксиома для здешнего мира. Ты можешь с этим спорить, но это закон. И нужны доказательства, что твоя душа – того когда-то ушедшего из мира молодого человека присутствует сейчас здесь в тебе”. – “Но разве это вообще возможно доказать?” – “Надо стараться, потому что без этого случались непоправимые судебные ошибки. Один из методов, правда, косвенный и ненадежный – путь в твою память. Так вот, я попробую доказать, что ты помнишь не то, что было с тобой”.

“Да, это действительно тяжело... Стоит ли вообще затеваться... Что мне с того, что я узнаю, что я это я? Я и так это знаю. А если нет? Тогда как мне быть? Что со мной вообще будет? Но и память... Разве в моей памяти я не смогу найти того, что я когда-то выдумал... Что в реальности не происходило со мной... Это разве может быть доказательством? Я вот погружусь в фантазии, которых было, наверно, невероятное количество... И есть мои истинные воспоминания, только мои... хотя их тоже можно скопировать”.

– Неужели ты думаешь, – сказал Филомелин, – что не могут отличить твои выдуманные образы от того, что ты пережил в глубине себя, то, что запечатлелось с детства? Созданы хитроумные методы для различения... Хотя все же ты прав, никто ничего не может доказать. То, что выдают за доказательство, не более чем система самовнушений... Сколько случаев было, когда после самых весомых доказательств, не оставивших вроде бы ни тени сомнений... тень от облака... или лучше сказать тень от солнца... самого солнца все же осталась... Вот он... кто-то... говорит, что он Пифагор... а я думаю, что – проходимец... Он единственный... это не сумасшедший дом, где много таких, но все равно и этот единственный... каким бы он истинным не был... все равно оставляет сомнения... Но мы должны попробовать все же... Тебе надо будет решиться...

– Что я должен делать?

– Смотреть на эту стену. – Филомелин показал на ровную побеленную стену своей комнаты. – Стена не простая. Все, что ты будешь вспоминать, будет на ней появляться в виде образов.

– И это что, будет считаться доказательством?

– Во всяком случае это остается, фиксируется. Это документ. Мы можем это немного подправить, но удалить уже не сможем. Что же, попробуем?

– С чего же начать?

– Начни с самого простого. Какое-нибудь детское воспоминание. Не надо напрягаться... и понимать, что работа предстоит долгая... Итак?

– Да, я попробую.

И они взглянули оба на белую стену. Вначале там ничего не появлялось. Там было лишь легкое смутное мелькание каких-то пятен и теней. Потом и это исчезло. И вдруг появилась синева. Наверное, это было небо. И линия горизонтальная, разделяющее это синее на две части. И стало ясно, что нижняя часть это было море.

– Почему море? – тихо воскликнул он. – Я же никогда не видел в жизни моря.

– Не знаю, – произнес Филомелин. – Мы видим вместе то, что ты видишь внутри себя, хотя, может быть, ты эти образы и не улавливаешь.

Они смотрели и всматривались в стену, и вот на ней явственно возникли светлые стены домов по краям дороги, которая прямо спускалась к морю. И слева на спуске раскидистая аляповатая пальма, которая, казалось, как будто нарочито прикрепленной к этой картине. И на фоне синего моря и неба возник и стал проявляться в воздухе большой предмет, который можно было вначале принять за какое-то дерево. Но постепенно становилось ясно, что это гигантская зубная щетка.

– Что это? – спросил он.

– То, что ты видишь внутри себя.

– Но я этого совсем не вижу.

– Это глубже твоего внутреннего зрения. Это то, что ты не можешь искусственно вызвать, но оно в сокровенной глубине есть. Ты помнишь эту зубную щетку? Она явно не новая и сильно пордевшая.

– Нет, не помню. Но я и моря не помню. Я же говорю, что до своих лет... до двадцати одного года я не был на море...

– Но ты же видел его в воображении?

– Видел, но совсем не таким, как на этой стене.

Они некоторое время молча сидели, и Филомелин сказал: “Закрой глаза”. И он закрыл.

Филомелин сказал: “Первый сеанс закончен. Тебе надо отдохнуть. Не знаю пока, как можно трактовать увиденное. Главное, как они будут это трактовать. Там ведь все изучают эксперты. Составляют протоколы. Но у меня появился хотя бы шанс спорить с ними и оспаривать их мнение, говоря, что это море – море твоего воображения и только”».

АЯ закончил читать и сказал: «Вот пока такой отрывок».

Интермедия

До июльских сумерек было еще далеко, но все же в воздухе у реки произошла перемена. Они, все трое, после длительного молчания как-то вместе поднялись с травы и тихо пошли вверх по дороге. Потом Селена спросила:

– Так ему, как и тебе сейчас, тоже двадцать один год?

– Выходит, что так... но это я только сейчас понял.

– А как же он туда попал?

– Пока не знаю... хотя догадываюсь.

Потом она еще после долгого молчания и многих шагов по пыльной обочине спросила все же:

– Так он это он?

– Не знаю.

Они долго шли вверх по крутой городской и уже асфальтовой дороге, которая вывела их в городской парк. По дорожках навстречу попадались редкие люди, прогуливающиеся молодые пары. Был слышен уже гул провинциального, но большого города. Щебет птиц, детский смех, шелест отдаленных машин, отрывочный женский голос – наполовину знакомый – по радио: «Я опущусь на дно морское, я поднимусь за облака...». Пути их расходились, Селена и АЯ должны были идти к бабушкиному дому, а Юрий – в противоположную сторону. Но Юрий сказал: «Я провожу вас, может быть, до оврага».

Глубочайший городской овраг, по которому невидимый сквозь листву протекал ручей, разделял город на две отдельные части. Они вззошли на мост над ним, и тут Юрий сказал, улыбаясь:

– После тобою прочтенного пойду домой проверю, что я это именно тот, за кого я себя выдаю.

Прежде всего взгляну на чемодан.

– Что за чемодан? – спросил АЯ.

– Да мой чемодан, на котором внутри и снаружи я выжег раскаленным гвоздем свои инициалы Ю.Г.

– А зачем тебе это надо было?

– Без этого нельзя... Да, тот лагерный умелец, что сделал мне этот фанерный деревянный чемодан, сказал: «Носи на здоровье. Это не деревянный бушлат. Он тебе поможет». И он мне действительно помог. В стычке с уголовниками в поезде, когда я возвращался с севера сюда. Но это отдельный разговор.

– Знаю, что ты Юрий Георгиевич, но в инициалах ты специально «юг» отметил?

– Потому что я занимался какое-то время лесосплавом на реке Юг. Вы, наверное, про такую не слышали. А ведь он, сливаясь с Сухоной, создает реку... дочку, наверное, можно сказать, о которой вы знаете – Северную Двину. Но потом от этого Великого Устюга меня направили в лагерь в Котлас, где я и был почти все время.

Юрий перестал говорить и явно уже собирался попрощаться, но потом спросил:

– Куда вы сейчас?

– Сейчас к бабушке, а потом Селена хотела пойти в кино.

– И ты в кино? Какое кино? Тебе не тем надо заниматься. Ты почему свой отрывок прервал читать?

– Потому что еще нет у него продолженья.

– Неправда. Потому что ты трусишь записывать дальше. Ты начал это дело и должен, не отрывая пера... Ты в будущее... в свое будущее боишься заглядывать... Прочитал бы молитву, раз так страшишься... да ты ничего не знаешь... ты начал создавать будущее и себя... или кого там... туда перенес, но испугался... Ты трус, если не можешь вглядываться в себя, не отворачиваясь... вот твое кино... настоящее, а ты хочешь что-то там постороннее посмотреть... переждать... нет у тебя времени сейчас... ты должен прийти и достать свой химический карандаш... Завтра ты должен нам предъявить вся главу, чем бы она не закончилась... даже если будет нескончаемой... Обещаешь?

– Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...

– Вот это ты знаешь... понимаю... никому от этого не убежишь... но хотя бы так, повторяй хотя бы эти слова... из которых ты сделан, создан... и сразу себя не пересоздашь...

– У меня закончилась почти тетрадь...

– Ничего. Вот бабушка записала что-то на листе обоев... где-то там, наверное, есть старый рулон... возьми и пиши на обороте... это будет твой свиток... мы потом с Селеной размотаем и перенесем на бумагу... да ты и сам сможешь. Где твое стальное гусиное перо? Начал так торжественно... красными чернилами... Каждая буква как с красной строки... позволил себе перенестись неведомо куда... в начало века... нынешнего... западную литературу даже затронул нынешнюю тоже... хотя, похоже, ничего из нее не читал... но почувствовал на расстоянии... а сейчас стал писать уже без

оглядки... как придется... там и прошлый век замелькал... да и времена до Возрождения наверное тоже... ты наверное и в будущее с его литературой норовишь залезть... но сейчас тебе не до этого... и правильно... тебе нужно что-то сказать... успеть сказать... потому что в будущем тебе может уже не дадут этого сделать... так пиши как летописец... пиши, вглядываясь в себя... в тебе происходят все события... ты их участник... но и должен успевать записывать в дневник... в тебе каждый день происходит битва... так вечером ты должен... обязан занести это все в дневник... Что там за кино? Французское? «Плата за страх»? Селена тебе расскажет своими словами, а ты ей и мне расскажешь своими словами... то, что ты видел... у нас нет той волшебной простынки, как у тебя там... где все виденное... да и невиданное тобой... проступает... но мы увидим не хуже тебя, хотя и по-другому... пойми... история происходит сейчас, сеймиг в тебе, и если не запишешь... я просто избыю тебя... ты понял?

Тут АЯ, слушавший, немного опустив глаза, мгновенно поднял голову и резко произнес:

– А ты попробуй, и увидишь, какой будет ответ!

Юрий просиял лицом и сказал с улыбкой:

– Теперь я уверен, что ты сегодня будешь продолжать писать. Не стал одну боязнь другой заглушать... Именно на это я и рассчитывал. Ты меня не разочаровал... А ты, – произнес он, повернувшись к Селене, – все же присматривай за ним.

– Что вы имеете в виду? Я не надсмотрщица.

Юрий медленно отвел взгляд и стал смотреть на стебли вьюнка, обвившие столбики ограждения и даже забравшиеся на его перила на мосту над оврагом:

– Понимаешь, он не хочет быть... как бы это сказать... здесь... в здешнем нашем существовании... ему тяжело и даже отвратительно... и я его понимаю... но сбегать в будущее можно по-разному... понимаю также, что он хочет убедить себя, что будущее не то, что ничем не лучше... но еще ужасней... и для этого пишет... если он прекратит... это будет плохо... для него плохо... и для тебя...

– Все равно не понимаю...

– Надеюсь поймешь. То, что происходит сейчас в мире, ужасно... но все же открой глаза, как окна, взгляни вокруг... и это тебя удержит...

Он показал на растения и листья, и они все трое стали смотреть на них, которые в вечернем исчезновении света были темно-зелеными, а казались темно-синими.

– Что ты за меня все говоришь, – тихо сказал АЯ, – мне опять тебя надо останавливать?

– Но по сути я прав ведь... иначе бы ты возражал по существу... а так я объясняю Селене то, что я вижу в твоём романе... ты ведь сам не будешь рассказывать... да и имею я право как читатель трактовать тебя вкривь и вкось... если бы я говорил совсем не то, ты бы остановил... он хочет быть сразу во многих временах, а это трудно... быть и тем, и другим, и третьим... и собой сразу из разных своих эпох, а это невозможно... пока невозможно...

Юрий вздохнул и сделал легкое движение, – вроде бы собираясь попрощаться. При этом он взглянул на запястье своей левой руки, но тут же отвел взгляд. И АЯ спросил:

– Я заметил, что у тебя там другое время, чем сейчас.

– Да, там без трех минут полдень. Всегда.

– Почему?

– Мне когда-то... пришлось переплывать реку... Юг... можно сказать, – спастись... я недолго тогда работал вольнонаемным после лагеря... и не было времени, чтобы снять часы... после они остановились на том мгновении...

– А ты пробовал их чинить?

– Позже... но часовщик сказал, что они заржавели и ремонту не подлежат.

– А новые?

– Нет у меня денег... на новые часы. Но старые не могу снять... Они дороги как память... даже и о том событии. Все же по привычке вглядываю на них, и это помогает.

– Время определять?

– Да.

- Ну, а все же, как ты время узнаешь?
- По солнцу... иногда по звездам.
- По звездам? Это как же?
- Да есть у меня одна знакомая звезда...

Тут Юрий прощально улыбнулся, он махнул им левой рукой с блеснувшими часами, и они расстались на мосту.

Ночь перед судом (продолжение)

Вернувшись домой к бабушке, АЯ почти сразу раскрыл тетрадь и обнаружил, что все же полторы пустые страницы остаются, и начал как можно мельче заполнять их быстрым почерком, ничего не думая уже о разговорах с дядей. Он записывал:

«Филомелин сказал: “Теперь мы сможем хоть что-то предложить на завтрашнем заседании. Не уверен, но допускаю, что твое дело будет отложено. Строгих доказательств, что ты это ты, нет. Но я предупреждал, что теперь ты не будешь сам себя узнавать в зеркале. Понимаю, что зеркала здесь официально запрещены, но ни для кого не секрет, что все ими пользуются, и можно их купить из-под полы на летучих рынках. Я тебе говорю то, что ты хорошо знаешь и так, но зеркало будет теперь от тебя отворачиваться”. Он спросил: “Почему же столь совершенная система возвращения не способна опознать, кто же возвращается сюда?” – “Потому что здесь полагали, что человеческие усилия инспирированы высшей силой, но сейчас оракулы по этому поводу молчат”. – “Но тогда некоторые наверно захотят сбежать из такого мира, где им не дадут определенности – сколько же они будут в этом городе в такой потерянности?” – “Живут, а куда они денутся. Им объясняют, что это место для них нечто вроде чистилища. А сбежать не удастся. Нет уверенности, как ты появился... Но ты знаешь ведь лозунг, который в скрытом виде всем ясен: “Самоубийство запрещено под страхом бессмертия”. – “Знаю, но я его не понимаю, отказываюсь понимать”. – “Потому что ты живешь еще всеми понятиями прошлого. В котором финал и подготовка к финалу составляет сущность человеческой жизни. Но что такое состояние вечного существования, ты не представляешь. Ты еще не вошел в этот океан. Но если ты раскроешься в такое состояние ты поймешь, что страшнее вечности ничего нет”. – “Но ведь можно ведь жить, не замечая этого, день за днем...” – “Нет, так не получится, ты все равно должен будешь осознать, что здесь совершенно другой мир, где границы во времени нет...”».

Так записывал АЯ, все уменьшая размеры букв, чтобы постараться дописать, пока не окончилась белизна страницы, думая даже начать потом писать между строк на своих предыдущих страницах. Явственно темнело, и он зажег керосиновую лампу. Можно было, конечно, включить электричество, но он не хотел яркого света, чтобы не тревожить, наверно, уже заснувшую бабушку, к тому же ему казалось, что с неярким светом он переносится в прошлые времена, когда писали при свече. Эта комната на нижнем этаже дома выходила окнами в сад. И за ними было уже почти темно. Он перестал писать, пытаясь соединить написанное с окружающими предметами, и ему не удалось.

Так он долго сидел почти без движения и мысли, когда раздался тихий стук в окно. Он подошел к нему и раскрыл створки в сад, в черных парных их стеклах, как в страницах книги, отразилось лицо Селены. В глубине сада был виден флигель, в котором она жила, снимая его у бабушки.

– Лена!

– Уже Селена... Я пришла рассказать то, что просил Юрий. Но знаешь, я вдруг представила, что смотрю уже на этот фильм из далекого будущего. Он как бледная тень, там мелькают лица людей, которых нет... вот и главный герой, которого играет актер и вроде бы певец... Монтань,

кажется, – вот их тени черно-белые, но они все же здесь запечатлелись... это не исчезло... хотя пленка сгорит... а все же не исчезло... это то, что поможет их переместить в будущее... в то будущее... которое в твоём романе... они там перевозят нитроглицерин... что невероятно опасно... в любую секунду может произойти взрыв... и они исчезнут... их невероятно жалко... и все же не все исчезает... то, что они смело вошли в кадр... смелость их удержит... они не закончатся здесь...

АЯ слушал ее, но не очень слышал, он перегибался через подоконник, и его лицо приближалось к ее лицу. Она улыбнулась и отшатнулась, показывая, что хочет все же договорить, но он смотрел прямо ей в глаза.

– Ты, чувствую, пытался выполнить задание Юрия, но, видимо, силы и бумага закончилась. И все же продолжи, – сказала она, медленно повернувшись и исчезая в темноте. Он смотрел на дорожку к флигелю, где она еще раз мелькнула в светлом пятне на тропинке. Страница действительно закончилась, да и карандаш подошел к концу.

После ухода Селены думал АЯ продолжать, но писать было уже не на чем. Взглянул он на стены, покрытые выцветшими обоями, на которых при свете керосиновой лампы был почти неразличим повторяющийся узор из когда-то, наверное, ярких полевых цветов, но подумал, что записи химическим карандашом потом не отмоешь, и бабушка ему не простит. Писать между строк в тетрадь также было невозможно, слишком тесно они шли. Поэтому он взял наугад с полки какую-то книжку, открыл где-то посередине и стал мельчайшим и быстрым почерком, подозревая, что может закончиться керосин в лампе, записывать между печатных строк, подумав, что утром узнает, что это была за книга. Он записывал:

«Филомелин сказал: “Наверное, тебе дадут утром отсрочку, но вот что я тебе скажу: ты должен записывать, записать то, что с тобой произошло до того, как ты здесь появился”. – “Что же я запишу, если я ничего не помню, почти ничего”. – “Это тебе только кажется, что ничего. Ты сможешь записать свои путешествия. Путешествие своей души”. – “Но это, возможно, получится выдумка, а ты призывал меня ничего не придумывать”. – “Все равно начни. Пусть будет вначале казаться чем-то фантастическим. Но отрывки потом сойдутся. Пусть это будет даже роман. Роман в прошлое. Но в нем наверняка проглянут проблески истинно с тобой произошедшего. И тогда ты поймешь. И я узнаю, и ты узнаешь, кто ты”. – “У других это получалось?” – “Да, хотя далеко не у всех. Некоторые действительно не помнили, что происходило между той и этой их жизнью. Или не хотели, или страшиться, настолько ужасным было то, что они испытали. Но некоторые написали правду, пусть отрывки, обрывки правды, но это невозможно было придумать – особенно те, кто и не умел ничего придумывать. А ты умеешь, я знаю, но твои выдуманные события, я не сомневаюсь, вытянут и глубокие события тоже, которые ты иначе просто побоишься рассказать. Или даже заглянуть в эту глубину”. – “Ну, а если действительно там ничего не происходило?” – “Это самое страшное, может быть, это самое большое, самое несомненное наказание, которое только и может быть. Но думаю, что у тебя не так”. – “Я тут в городе встречал людей, которые мне казались чем-то похожими на меня. Или я только хотел спросить их о их судьбе. Но не решался. И поэтому они казались чем-то похожими”. – “Скажу тебе очень серьезную вещь... может быть, тебе это и не казалось... не знаю... Но здесь лица вернувшихся людей способны иногда как бы совпадать мгновенно друг с другом... и тогда следы эти остаются... так что один человек... правда, это бывает редко... словно бы составлен из различных людей... чаще всего это внешнее... но не всегда”. – “Так как же тогда опознать, кто же там скрывается за этими лицами... осколками лиц?” – “Это трудно... здесь есть секта... она появилась давно... но, конечно, не в твоей той жизни... ересь, которая преследуется... но искоренить ее не удастся... там был у них один проповедник... Макарий... от него все произошло. Он говорил, что второе пришествие будет таким... что мессия явится во многих сразу... и поэтому его не узнают... он явится как бы во всех людях растворенным и при этом явным... и такие осколки лиц в разных лицах есть свидетельства такого явления... эта ересь проникла и пропитала этот город... с ней боролись... и казалось, удалось ее победить... но она тлеет и появляется вновь”».

Так записывал быстро АЯ при убывающем свете лампы, пока фитиль не стал вспыхивать темноватым каким-то светом, и совсем погас, некоторое время он сидел в темноте и смотрел в окно, но рассвет еще не наступал.

Долго АЯ сидел у окна, пока глаза не привыкли немного к темноте, и он смог различать то, что у него было в руках, он перевернул страницу книги и стал записывать в чистых промежутках между строк. АЯ записывал так:

«Филомелин перестал говорить и взглянул на него. Тогда он произнес: “Я вижу... я вижу воду, воды реки и плывущие в ней страницы, на которых несмываемыми вероятно чернилами написаны строки... и эти строки обо мне нынешнем”. И Филомелин слушал его».

АЯ записывал долго, пока его не стало клонить ко сну. Он закрыл книгу и при свете начинающегося рассвета смог прочесть на обложке только год 1950 и название книги: «Земля в цвету».

«Яблоко» – рассказ Селены, записанный АЯ

По паспорту я Селена – в тридцатых часто давали детям не столь уж обычные имена, тем более что мои родители – художники. Меня все называют Лена, хотя я больше все же люблю свое настоящее имя. Ты верно заметил, что Лена, Елена – имя дневное, солнечное, а ближе к ночи, в полночь происходит переход к моему лунному имени – что ты даже пытался уловить на моем лице. Но тут больше – твое воображение. А вот твой вопрос, что же я чувствую в Ленинграде белой ночью, заставил меня задуматься. И я поняла, что сама не могу определить, какое имя тогда для меня важнее, может быть, оба вместе. И белой ночью я обладаю сразу двумя именами. А могут быть люди безымянные?

Ты не понял, когда на вопрос, где я учусь, ответила, что в «Репке», надо было пояснять, что – в «Репинке», в Академии художеств, а у меня в ушах почему-то стала звучать песня, которую и ты слышал, возможно, по радио, – да и из патефононов она слышна, – чешская, что ли: «То ли луковица, то ли репка, то ль забыла, то ли любит крепко? Ах, яблоня цвела в старом саду». И здесь у бабушки я часто рисую именно яблоно. Ты спросил меня как-то и сейчас спрашиваешь, почему? И я могу ответить, почему, хотя говорить об этом нелегко – ведь яблоко спасло мне жизнь.

С началом войны летом 41-го постепенно стали вестись разговоры об эвакуации, но мои родители не хотели уезжать из Ленинграда. И 1-го сентября я пошла в первый класс. Детей было немного, но занятия проходили. Потом стало ясно, что уехать уже невозможно. К концу сентября стало голодно. Все запасы заканчивались. Отец помимо всех дел был занят натюрмортами. И вот я увидела на мольберте начатую работу, где было изображено – вернее намечено – одинокое яблоко на буфете. Я спросила его, что это? Он сказал, что ему приснилось яблоко, которое мы забыли в пустой квартире родителей. Мы туда летом отвезли собранные на даче яблоки, но позже постепенно все забрали. Но ему ночью почудилось, что все же одно осталось на буфете – он его так поместил, прикидывая, какой будет будущая картина. И вот он думает, что оно осталось. Более того, начав рисовать его сейчас, он его как бы создает. И он хочет поехать туда на Васильевский остров и забрать его для меня. Он рассказал потом, как вышел на линии острова и его поразил далекий гул нашего осажденного города, который проходил по почти пустынным тогда утренним октябрьским улицам. Он пошел туда пешком, это было не близко, но на транспорт не приходилось надеяться. Вошел в подъезд и почти взлетел на пятый этаж, но перед входной дверью все же замер. Он ясно видел это яблоко на буфете, яблоко, которое, как ему казалось, должно меня спасти. И все же он остановился прежде, чем открыл дверь. Он вошел в комнату, увидел буфет – такой же, как на его начатой картине, но яблока на нем не было, как будто кто-то не смог еще его создать здесь. Он сел за стол и долго смотрел на буфет, сжимая правый кулак, считая, что это он как художник

не обладает такой силой. Потом резко встал и ушел из квартиры, сам не зная, что должен делать теперь. Он спустился вниз вышел из парадного, остановился и закурил на этой совершенно пустынной улице. И вдруг из-за угла вышел, вернее, выбежал какой-то человек в развевающемся пальто, он что-то бормотал вслух и, не заметив отца, стоящего у подъезда, задел его на бегу. Приостановился, оглянулся и вдруг бросился к отцу. Он узнал знакомого администратора, который тут же стал говорить, что только отец может его выручить, – сегодня должен был улетать известный художник с семьей – для него оставлено три места в самолете – но у художника ночью случился инфаркт. Он знает, что отец не собирался никуда уезжать из Ленинграда, но сейчас есть единственная возможность вместе с женой и дочерью улететь. Отец спросил, есть ли время подумать, и тот сказал, что нет. Отец спросил, может ли он докурить папиросу, и тот сказал, что да. Потом, когда в конце 44-го мы вернулись, я не нашла никого в живых из своих одноклассников – все они умерли в первую блокадную зиму. Осталась фотография класса, которую сделали тогда в сентябре.

Я пошла по стопам родителей, но все же чувствовала вину перед ребятами ушедшими и стала рисовать яблоно. В каждом яблоке я поместила лицо ушедшего ученика. Когда картину увидел мой педагог, он долго смотрел, и, зная его, я поняла, что ему понравилось. Потом он сказал негромко: «Не вздумай показывать кому-нибудь из комиссии. Тебе не поздоровится, хорошо, если не выгонят. Обвинят в формализме. Тем более что в прошлом году тебя застукали за репродукциями Сезанна. Может, у тебя есть что-нибудь ближе к реальности, скажем так?» Я достала один из первых этюдов – пейзажных – яблоно, дикая яблоно в речной долине. Немного придуманное. Но тут он уже громко проговорил: «Вот это то, что нужно. Пожурят, конечно, за вольность, велят поправить. У тебя уже не девятнадцатый век: чувствуется, что ты видела, например, Коровина, но такая свобода кисти – поправимая – уже допускается». А ту картину с лицами-яблоками я поставила лицом к стене, но она ждет своего времени.

Следующее утро и день

Утром АЯ спал почти до полудня, причем сон его был в конце обрывочный, ему слышались какие-то незнакомые посторонние голоса, молодой и звонкий женский голос неприятно отражался в зеркалах, иногда возникал вдалеке и детский дискант, – все это мешало ему досмотреть важную часть сна, где являлась написанная страница его романа.

Запомнить написанное не удавалось, он просыпался в промежуточном сне, наказывая себе не забывать написанное, но снова оказывался в глубине сна и писал словно бы под чью-то диктовку, и это тоже было неприятно, наконец он расслышал отчетливый голос из яви, и это был наконец-то знакомый голос бабушки:

– Аюша, Аюшка, вставай.

Она что-то добавила, удаляясь, обернувшись и увидев сквозь свои круглые очки, что он открыл глаза, – то было ее неясное бормотанье, довольно грубое, грубоватое, что она специально неясно произносила, и эти слова АЯ знал наизусть. Он проснулся окончательно и действительно различил за дверями высокий женский голос и иногда появляющийся голос детский. Тут он стал припоминать, – бабушка говорила ему позавчера, но он забыл, что должна приехать ее двоюродная племянница с сыном.

Только АЯ вышел из своей комнаты, как навстречу ему шагнула молодая женщина, которую он прежде никогда не видел.

– Вера, – сказала она. – Ждала вас, чтобы все же увидеть и попрощаться, мне надо уже на вокзал.

– Вот оставляет Владика на наше попечение, – сказала бабушка, показывая на мальчика, который застенчиво стоял у лестницы.

– Владик, познакомься, – подтолкнула его мама. Мальчик молчал.

– Сколько тебе лет? – спросил АЯ.

– Пять, но скоро шесть, – ответил мальчик. Он подошел поближе, так же застенчиво теребя пальцы перед собой, он был в коротких штанишках, которые держались на мягких лямках, портупейно крест-накрест перекинутых через плечи.

-- Ну, не так уж скоро, – заявила Вера. – Давай прощаться, сынок.

– Ты когда вернешься? – почти плача спросил Владик.

– Но ты же знаешь, мне надо поехать к папе. Но мы скоро приедем. Но здесь тебе будет интересно. Ты увидишь много нового. Твой дядя покажет тебе реку, которую я очень люблю, но которую сейчас некогда повидать. Занимайся, – она показала на какие-то рисунки, разбросанные на полу.

И обняв его и поцеловав почти на бегу, исчезла за наружной дверью. Мальчик остался стоять в слезах, потом поднял с пола ножницы, которыми он что-то перед этим вырезал, положил их на пол, постоял, достал из угла изогнутую сучковатую палку и тихо стал подниматься по лестнице наверх, держа палку обеими руками, как винтовку.

Бабушка, прибиравшая в прихожей, смотрела вслед Владику, бормоча и повторяя всегдашние свои приговорки: «Чепчик носит, чаю просит, говорит: живот болит», и сказала АЯ:

– Ты ведь на реку пойдешь, возьми Владика с собой.

– С какой стати? У меня много дел.

– Вот и посвятишь его в свои дела. Твоя мать на меня тебя оставила, теперь ты должен войти в положение Веры и взять на себя заботу о твоём, можно сказать, племяннике.

– Очень отдаленном: двадцатая вода на киселе.

– Вы с Селеной поучите его рисовать.

– Так он лучше нас умеет, – сказал АЯ, показывая на разбросанные на полу листки.

– Но тогда попросите Юру.

АЯ был поражен, что бабушка вообще заговорила о своем сыне, которого не видела ни разу после его появления в городе, и к тому же по-видимому зная, что он занимается непрерывно живописью.

Ничего не сказал АЯ, только неопределенно махнул рукой и пожал плечами. Выйдя за калитку, он немного подождал, зная, что должен подойти Юрий. И действительно тот вскоре появился.

– Зайдешь? – спросил АЯ, кивнув на калитку, ему вдруг показалось, что дядя и его мать смогут наконец повидаться. Но Юрий отрицательно покачал головой.

Высоко в небе над ними с отстающим громом прорчался реактивный самолет.

– В твоём романе демоны на алюминиевых крыльях, – произнес Юрий.

– Не видел там никаких демонов.

– Еще увидишь.

– Откуда ты знаешь? Ты пишешь этот роман?

– Ну, конечно, – рассмеялся Юрий. – Там они почти как истребители, как у Синьорелли.

– Кто это?

– Художник Возрождения.

– Никогда не слышал о таком.

– Он один из учителей Микеланджело. Ты можешь мне не поверить, но я видел фрески Синьорелли вживую.

Мимо них одна за другой проехали две легковые машины одинакового красного цвета, это было тем более странно, что много минут бывало, что по улице не проезжало ни одной машины.

– Где же и когда это было? – спросил АЯ.

– Что?

– Ты их увидел.

В небе ниже облака, но много выше земли вдруг серебристой россыпью качнулась стайка каких-то птиц, напомнившая АЯ рыбок, недавно виденных в речном мелководье. Не успел он подумать, что это за птицы, так согласно сверкнувшие в повороте на солнце, как грубый окрик с той стороны улицы и ответное ржанье ломовой лошади отвлекли его. Владик, который вышел

из калитки, вздрогнул и остановился. «Что это у тебя?» – желая отвлечь мальчика, спросил АЯ. Владик держал какой-то контур из черной бумаги. «Это я вырезал», – сказал он и, наклонившись, стал прикладывать бумагу к своей тени. «Что ты делаешь?» – «Хочу примерить, подходит ли?» – «Только не вздумай пытаться ножницами тень свою или мою отрезать». – «Может, я хочу пальто из нее свернуть». – «Вот это не надо, совсем не надо, а знаешь сколько твоей тени лет?» – «Моей пять». – «Я уже понял, ты цифры знаешь. А моей?» – «Двадцать пять», – почему-то засмеялся мальчик. Юрий смотрел на них с удивлением: «Что-то у вас разговор запрыгнул куда-то не туда. Ты мне лучше скажи, – обратился он к Владиду, – во что ты любишь играть?» – «В хали-хало». – «Не слышал о такой, расскажи». – «Это когда собираются... дети... и один из них вода, и он загадывает названия фильмов». – «Ну загадай что-нибудь». – «В. в. а. с.». – «Что за загадка?» – «Первые буквы слов». – «В. в. с. – что-то знакомое, похоже на военно-воздушные силы». – «Вот и не угадал... сдаешься?» – «Нет, я никогда не сдаюсь. Но ты мало что назвал, подкажи еще». – «Нет... можно вторые буквы загадывать, а потом третьи... но ты все равно не догадаешься... Сказать? “Великий воин Албании Скандебек”». – «Наверное, Скандербек... ну видишь, воина-то я почти угадал. А ты знаешь, что за страна Албания? Где она находится? Я ведь во время войны почти до нее добрался. Видел ее, можно сказать, в бинокль. Но туда югославские партизаны все же не заходили».

Тут они заметили Селену, которая появилась в глубине улицы, и пошли все втроем к ней навстречу. Вадик весело перебежал с одной стороны улицы на другую. «Ну, вот три бездельника пойдут на реку дальше бездельничать», – сказал Юрий и, показывая на мальчика, добавил: «Лишь один будет что-то делать и каждым шагом совершать открытия».

– А все-таки ты эту черную бумагу выброси, – сказал он, обращаясь к мальчику.

Но Вадик сложил бумагу и спрятал в карман своих мягких штанишек.

– Куда мы идем? – спросил он. – На речку?

– Только это река настоящая, – сказала Селена, – ты когда-нибудь большую реку видел?

– Москва-реку. Когда я в воду зашел, то другого берега не увидел.

– А ты что, и плавать умеешь?

– Немного... по-детски.

– То есть по-собачьи?

– Я не видел, как собаки плавают... видел один раз, как кошка хотела переплыть ручей.

– Вот и увидим, как ты плаваешь... и еще я тебя научу рисовать на песке.

– Ты, чувствую, на него уже как художница смотришь, – вошел в их разговор Юрий, – смотришь на него зорко, даже близозорко.

– Да его нарисовать легко, – улыбаясь, сказала Селена. – Штаны-квадратик, выше лямки – крестик, еще выше – кружочек, и снизу две палочки – ножки, вот и вышел человечек.

– Не так надо рисовать, – сказал Владик, – я покажу на песке.

Они с Селеной разговаривали и торопливо шли впереди, а Юрий, отстав от них, сказал АЯ: «Ты в своем романе не все понимаешь. Не все знаешь. И не представляешь, кто что делает. Ты не понимаешь, что там за мир».

– А я должен все понимать?

– Какой же ты творец тогда? Ты строишь свой мир. Ты там хозяин. Ты каждую деталь должен продумать. У тебя не должно быть белых пятен и лакун. Посмотри, как пишут фантастические свои вещи американцы, да и наши писатели тоже.

– Ты что, меня провоцируешь? Ты смеешься надо мной. У меня же не научно-фантастический роман, где все расчислено до любого болта, до любой мысли, которую любой герой по воле автора готов предъявить в любой момент.

– А что же у тебя, свобода воли?

– Можно и так сказать.

– Тогда ты не построишь что-то, что можно будет увидеть и понять. Ты хочешь, чтобы тебя поняли, или хочешь всех запутать? Не написать тебе твою Атлантиду, новую Атлантиду, как

Френсис Бэкон, или сверхновую какую-нибудь. Один мой лагерный приятель неуклюже шутил о ней, мол, это истинная утопия, утопшая, утонувшая страна, а Бэкон ее со дна морского поднял и заново создал, вот действительно, новая страна, всем видная, хотя, может, и ужасная, а ты хочешь что-то такое создать, чтобы было и написано, но похоже и на живую жизнь, где все ускользает и непонятно.

– Я в эту написанную жизнь еще вхожу... мне многое еще непонятно, детали проступают постепенно, там все еще меняется. Я ведь не знаю, что сам думаю, что чувствую, а ты хочешь, чтобы я о других все знал. Хотя пытаюсь понять, и многое уже стало ясным, но тут же другая часть как-то туманится и ускользает, я не могу уследить за всем, что там происходит, я не хозяин того мира в романе.

Юрий долго молчал на ходу и потом спросил: «Но ты ведь знаешь в целом, что это за мир, это мир возвращения, как ты его называешь. Ты Федорова знаешь?» – «Какого? Первопечатника?» – «Сам ты первопечатник. Николая Федорова. Ты об “Общем деле” слышал?» – «Нет». – «Невежество объяснимое, но не простимое. Хотя у тебя какие университеты? Один московский». – «А у тебя больше?» – «Много больше. Я видел и слышал таких людей... Я пытался запомнить их слова... Записывать ведь было невозможно. Среди них были проповедники. Иногда они говорили своими словами, иногда пересказывали известные. Все надо было запоминать, повторяя про себя много раз. Что-то уже стерлось в памяти. Хотя части Священного писания я помню доподлинно. Впрочем, как и много чего еще. “Краткий курс истории ВКП(б)”, например. Впрочем, я составил для себя и полную историю этой организации и тоже выучил наизусть. Некоторые лица, вычеркнутые на фотографиях, хранятся во мне. Так что ты, глядя мне в глаза, сможешь их там глоубо обнаружить, как и лица многих других, которые я запомнил навсегда».

– И один из этих людей Тамара Федоровна? – спросил АЯ.

– Тебе ничего нельзя рассказывать.

– Да ты и не рассказывал... так, наметил канву... вот я написал рассказ...

– Ты написал? То, о чем не знаешь? Значит, в романе ты толком ничего не знаешь, а в нашем мире, где все такое реальное, ты смело вносишь свое.

– Я ничего не придумывал. Это одна из версий того, что произошло с тобой. Ты можешь ей поверить или не поверить, но если ты войдешь в эти события, то ты их примешь, даже не выясняя, насколько они отвечают тому, что с тобой произошло.

– Ты очень самоуверен... ты считаешь, что если я поддамся твоим письменным словам, то забуду, что было на самом деле? Но сон золотой мне не нужен...

Они уже стояли на обрыве реки и видели, что внизу Селена и Вадик уже играли на песке у самой кромки воды.

– Ты прочтешь его... но только не сейчас. Сейчас я не готов... Он в твоей неизменной тетради? Или у тебя и новая есть? Нашел, значит, свежую? Займись своей работой... это твой будень... бери свой химкарандаш и фиксируй то, что ускользает каждую секунду из твоей души... фиксируй это будущее... а я пойду к ним.

И Юрий побежал вниз быстро по пыльной дороге к пляжу, а АЯ остался, опускаясь в траву, свесив ноги с обрыва и, настраиваясь, послунил и потер грифель карандаша.

«Тамара Федоровна» – рассказ Юрия, записанный по памяти АЯ

Он поехал в воскресный день тайно из города (где ему предписано находиться) в Москву. Поехал наобум, – он не был уже много лет в осенней Москве. В руке у него объемный портфель, что оправдано, – можно всегда оправдаться при проверке, – он действительно служит учителем в провинциальном городе, за плечами – вещмешок, в котором новый костюм, плащ и шляпа. Сам он пока в безвидной серой одежде, так что не отличим от окружающих людей и местности за окном. Шляпу надеть до Москвы он не решает, не потому что будут дразнить: «шляпа», «очки» или «нос» – очков у него как раз не было, а чтобы вообще не привлекать внимания в подмосковном поезде.

Шляпа была нужна не только для солидности, но и чтобы скрыть на коротко остриженной голове заметный шрам от ранения на войне.

Правой рукой он трогал временами мягкий фетр своей шляпы, а левой – подбородок, обводя ладонью овалом лицо: никогда он не брился так тщательно утром. Вечернюю Москву, всю в сиянии влажных огней, он не видел много лет и думал, что вот этот мгновенно ускользающий вечер, который опьяняет своей неуловимостью, похожестью и при этом неповторимостью, он чувствует и видит так же, а может быть острее и внятней, чем самые тонко чувствующие, – почему он об этом подумал? – он так же обнажен в своих чувствах перед этим вечером, как и они. Сейчас он не чувствовал свой обычный постоянный ущерб. Он был в костюме, только слегка помятом, потому что тот пролежал некоторое время в вещмешке, который он сдал со своей повседневной одеждой в камеру хранения на вокзале, в ботинках и плаще, в руках у него был портфель, а на голове шляпа, – все же он чувствовал некоторую неловкость, потому что не привык быть в такой одежде, хотя в Москве он не привлекал внимания. Но все же он чувствовал себя разnochинцем, а он и был разnochинцем, который надел не по Сеньке шапку, и думал, что под этой шляпой, мягкий фетр которой ему нравился чрезвычайно, он не сможет быть самим собой. Он мысленно отрезал ножницами часть поля своей шляпы, и этот отрезок фетра поместил перед глазами, чтобы видеть, при этом лаская эту неотрезанную часть поля шляпы рукой. Ему казалось, что мягкость материала позволит смягчить все вокруг, что он входит в этот темнеющий вечер с легким дождем, от которого не надо скрываться под зонтом, которого не было, – достаточно шляпы.

Он стоял около кинотеатра «Художественный» среди изрядной толпы, и просто стоял. Вокруг спрашивали лишнего билетика, – потому что действительно в кассе сказали, что на вечерний сеанс в выходной этот день билетов не было, но он не спрашивал. Он видел высокую стройную женщину – возраста он сразу не разобрал – которая стояла неподалеку, ожидая кого-то, она тоже ничего не спрашивала, но изредка оглядывалась по сторонам, очевидно кого-то встречая или ожидая. Его только удивила ее легкая смуглота, легкие тени под глазами, которые, впрочем, трудно было видеть в вечернем свете, в редких огнях, которые меняли лица. Вдруг к ней быстро подошел какой-то мальчик, подросток, впрочем, он был почти юноша, и стал быстро, но неслышно ему, что-то возбужденно ей говорить. Потом он так же резко отстранился от нее и так же быстро покинул площадь перед кино. Он увидел, что она на этот раз держит в руке билеты и оглядывается по сторонам, – она спросила одного проходящего человека, другого, и вдруг он увидел рядом со своим лицом, которое, впрочем, почти не видел, ее лицо. Оно показалось огромным, он, казалось, почувствовал свое сердцебиение раньше, чем она спросила его: «Вам не нужен билет?», и мгновенно ответил «Да», и тут она стала отрывать один голубой, вернее, синий билет от другого – по этим разделительным дырочкам – она это сделала очень быстро, не нарушив порядок не единый дырочки, – он видел отчетливо – точно разделив пополам каждое отверстие, – и он успел так же быстро спросить: «А Вы пойдете?», – она немного усмехнулась почему-то, ее левая бровь несколько дернулась вверх, и она отошла от него прежде, чем смогла что-то ответить.

Он смотрел на этот синий билет с черными обозначениями цифр, и почему-то радостно ничего не понимал, он только подумал, что вот эти дырочки, которые отделяют один билет от другого – это ведь признак дорогого кинотеатра, – в простом, как у них в городе, например, были почти такие же синие билеты, но никакими дырочками они не отделялись, а шли сплошняком, так что если отрывал один билет от другого, то оставался неровный след обрыва, хотя, тут он и об этом почему-то подумал, то можно было бы совместить оторванные билеты, а вот его с тем билетом совместить будет гораздо труднее, – он все взгляды в линию отрыва своего билета и не видел ни одного дефекта на краю, хотя если взглянуть в края этих дырочек, то на размере тылонок можно и здесь все различить и совместить, и тут он вспомнил все же, что успел обменять билет из рук этой дамы на сизый пятирублевый банковский билет – почему он мысленно так назвал пять рублей? – он почувствовал аромат от ее лица, он все еще слышал его, хотя прошло несколько секунд после ее ухода, – он достал зачем-то из кармана другие пять рублей и зачем-то понохал их, наверное, чтобы по контрасту запахов вспомнить ее молодое лицо с темными глазами.

Впрочем, он подумал: если подходил к ней ее сын, то ей где-нибудь под сорок, так что они почти ровесники. Он подумал, что если даже сейчас не пойдет в кино, – а он и не посмотрел, что же за фильм идет, то цель его поездки в Москву достигнута, он не забудет аромат этого лица, ему даже захотелось тут же бежать на вокзал, но он подавил свое малодушное желание.

В кино рядом с ним кресло было пусто, и даже когда началась предсеансовая кинохроника, оно долго пустовало, но потом через минуту, когда он слегка скосил направо глаза, то увидел, что кто-то рядом был, и когда он решил и еще сильнее повернул направо лицо, то увидел ее прекрасный профиль, который не повернулся, и видимый ее глаз смотрел прямо перед собой. Потом во время фильма он иногда осторожно оглядывался на нее, но она не повернула ни разу голову в его сторону, словно она смотрела фильм с закрытыми глазами.

Фильм был иностранный и может быть даже цветной, но он почти ничего не запомнил, словно части картины, киноленты этой разделились опять до склейки всякого монтажа, в какой-то момент он уловил даже, как ему показалось, отдельные кадры, словно время на мгновение беспорядочно останавливалось, и он подумал, не сходит ли с ума от волнения. Вокруг иногда смеялись над некоторыми эпизодами, и он тоже иногда смеялся, но, как казалось ему, как-то невпопад и запоздало. Когда фильм кончился и медленно стал возникать свет, он вдруг повернулся к ней и спросил: «Простите, как Вас зовут?» Она впервые повернула к нему лицо, и прежде чем полностью загорелся свет и все встали, сказала: «Тамара Федоровна». Он почему-то сделал паузу, но все же назвал свое имя в ответ.

Она ничего не сказала ему, но он как-то понял, что можно идти рядом с ней, и он не спрашивал даже, можно ли ее проводить. Троллейбус, кажется, шел по Арбату и куда-то дальше, дальше, но он не запомнил. Она сказала, что это был сын, который сейчас как безумный, и она хотела продать или отдать второй билет, но почему-то все же решила пойти на этот фильм. Он думал, что она видела во время сеанса, что он смотрит на нее, но не дала ему об этом понять и сейчас не сказала, и вечерние тускнеющие огни за окном проходили по ее лицу, так же как иноземные разорванные образы проносились по ее сияющему глазу там в кинотеатре во время той темноты.

Так они ехали вместе и рядом в троллейбусе, почти не говоря, и он думал, что хорошо бы, если это длилось дольше, чтобы она просто привыкла быть рядом и не опасалась бы его. Он подумал о ее сыне, и о том, когда он был маленький, и видел ее помолодевшее лицо, он сам вдруг представил себя маленьким, который видит лицо прекрасной взрослой женщины и в которую он, возможно, даже влюблен сейчас, но, переносимый в детство, он и не знает такого слова, он просто смотрит на ее лицо, по которому пробегают вечерние отсветы от светофоров, и она иногда оглядывается, и он не решает ничего о ней подумать или спросить, он знает, что может сейчас закрыть глаза, и ничего не исчезнет, словно он сам создал этот вечерний прекрасный город, и это лицо и они не исчезнут. Он погружался в свой забытый детский мир и смотрел на ее лицо снизу вверх, видя его откуда-то из забытых годов, и он чувствовал себя перед еще не пережитым будущим, как в детстве.

Предутренние бдения

АЯ записывал, вернее, следил, что записывает его карандаш:

«Они долго не спали той ночью, хотя, конечно, Филомелин умел вообще не спать – то была особая техника, но и в некотором смысле искусство. Под конец их разговора на стене стали появляться смутные видения. Филомелин сказал, что так бывает перед засыпанием, – особенно яркие образы прошедшего дня, или дня давно ушедшего, или, может быть, будущего дня появляются на стене. Он сам еще фиксировал движения видений, и это было, по его словам, то, что он видел сегодня, но с фантастическими примесями: новоприбывшие – эти человеческие потоки, когда они хлынули в приготовленные бетонные русла.

“Не надо удивляться, что ты появился как бы на поезде, – сказал он, – прибывают отовсюду: из воздуха, из воды, но то, что сегодня, это особенно большое прибитие”. Они увидели на стене огромный бетонный желоб, который уходил от них и за далеким поворотом терялся. Оттуда, где был виден темный ангар, своим горбом скрывавшийся за горизонтом, шел тихий и монотонный гул. Можно было различить в этом гуле какие-то голоса, но они казались каким-то неясным бормотаньем. Все же гул нарастал, и Филомелин стал более отчетливо вглядываться в стену, хотя сегодня он, наверное, уже видел и пережил. Из-за далекого поворота бетонного канала стала выдвигаться непроглядная вначале сероватая масса. Она двигалась небыстро, но неуклонно, она напоминала катящийся и застывающий в движении водный вал, но в ней стали различимы лица, как прежде различались и голоса. Теперь можно было понять, что это людская колонна, сдавленная по краям высокими бетонными стенами желоба. “Куда они идут?” – спросил он Филомелина. “Это только начало, они еще ничего сами не осознали, но их будут направлять постепенно по разным местам, сейчас важно, чтобы они прошли некоторое время сами по земле”. Людской поток был уже близко, видно было, что некоторые пытались оглядываться по сторонам, кто-то пытался заговорить с другими, но почти никто не понимал другого, так что казалось, что они разговаривают сами с собой, глаза их упирались в серый бетон, и они шли как будто потому, что передним был дан какой-то начальный толчок, и они катились вперед, потому что не могли остановиться, а остальные шли просто в общей инерции. Мелькали разные мужские и женские лица, люди были почти обнаженные и в лохмотьях одежды, которые хотелось назвать обломками одежды, кто-то был в грязных бинтах, один молодой шел в солдатских обмотках на одной ноге, половина из них были босые, в глубине толпы прошли несколько детей, один из детей постарше, подросток, хватался, как слепой, за рукава обгонявших его людей. Впереди замаячил какой-то темный гребень посредине этого огромного желоба, и стало ясно, что канал разделяется. Человеческий поток, не останавливаясь, разошелся на две струи и люди стали уходить друг от друга. Впрочем, они и сами не понимали, что их могло связать сейчас, когда все лица были словно бы покрыты серо-зеленым налетом. Нестройные голоса вероятно на всех наречиях были лишь как непонятные выкрики, не сливавшиеся в хор. Вдруг идущий посередине колонны высокий и постоянно качающий головой молодой человек остановился как раз там, где бетонный желоб раздваивался. Здесь бетонная стена была полуразрушена, возможно, из-за работ, когда сводились два бетонных русла. Из ребра сошедшихся бетонных плит торчали обнаженные и острые стелби арматуры. Тот молодой человек остановился перед этим как бы водоразделом, замер и перестал качать головой. Потом что-то прокричал и бросился грудью и обнаженным горлом на остроконечный арматурный стель. Невероятно яркая красная кровь выбросилась из серого бетона, она плеснулась на плиты и окропила лица расходящихся в разные стороны людей, но почти никто не повернул головы в его сторону и только некоторые смахнули, как пыль, его кровь со своего лица. Но тут с двух сторон колонны отделились двое внешне почти неотличимых, но все же иных: с головы до ног они были облачены в зеленые комбинезоны. Они подхватили упавшего юношу, и один вырвал у себя из-за пазухи нечто вроде кнутовища. Он взмахнул рукой, и раздался непредставимой силы удар, нечто вроде голубоватой молнии опоясало всех стоявших здесь, и в раскаленном до предельной белизны воздухе стало видно, как капли крови хлынули обратно в центр к бетонному гребню – к тому упавшему человеку. И из темного вихря, который закрыл на время всех, вышел, закрыв глаза и шатаясь, этот человек, которого держали и сдавливали по сторонам двое надсмотрщиков в зеленых комбинезонах. “Это они называют световой склейкой, – прошептал Филомелин, – время в этом месте повернуло вспять, никто уже не может ускользнуть, нет обратной дороги”».

Ая отвел от бумаги карандаш, он сидел, почти вися над обрывом, далеко внизу на мелководье играли Селена и Владик, а Юрий был на середине реки и плыл вверх по течению.

Ая поднял руку и покачал ею в воздухе, и крикнул, и в ответ, услышав, Юрий, повернувшись на спину, тоже качнул рукой. Из-за дальнего поворота реки шла быстрая моторка. Юрий лег на

спину и качался на воде, ожидая, когда пенный разрез волны косо захлестнет его, и его память о море наполнится чем-то радужным, разбитым на брызги.

АЯ поднялся на ноги и лег в густую траву за гребнем обрыва, он не глядел уже на реку и, раскрыв тетрадь, весь погрузился в глубину белого листа, он писал так:

«Филомелин почти засыпал, и бледнело видение на стене. Собственно, людской поток иссяк, и на бетонных плитах остались, шевелимые ветром, который слабо проходил в этом желобе, обрывки бумаг и материй, какой-то черный шнурок, пластмассовая заколка с несколькими светлыми или седыми длинными прядями, сухая грязь и цветная пыльца, поднимаемая в слабые вихри. Потом и это угасло. Филомелин тихо сказал, почти прошептал: “Мы можем с тобой, если хочешь, – ты, я вижу, тоже уже почти заснул, – войти в состояние общего сна. Мы не будем друг другу мешать, но наши сновидения будут пересекаться, встречаться и расходиться. Мы сможем также вести разговор, но он будет гораздо свободней, чем наяву. Не все, что мы будем сообщать друг другу, будет истиной или правдой, но мы будем способны почувствовать нечто небывалое. Возможно”. Они прикоснулись друг к другу – едва уловимо – головами, и тотчас начался общий их сон.

И он спросил в этом сне Филомелина: “То, что ты будешь говорить, имеет хоть какое-то отношение к этой стране, к этому городу или все, что мы сейчас увидим, будет наш совместный вымысел?” – “Ты как-то вычурно говоришь, – ответил Филомелин, – как будто и не ты это, а какой-то твой давний прообраз. Но так тоже хорошо, значит ты возвращаешься в какое-то свое время. Я тебе поэтому говорил, чтобы ты записывал, пусть и выдумывая даже, но в этом твоём романном движении что-то настоящее обязательно сверкнет. Сейчас ты сможешь даже увидеть себя как бы со стороны. Вот ты, я вижу тебя – сидишь за партой – но ты ли это, рядом с тобой какая-то девочка, в коричневом форменном платье с белыми кружевными оборками. Вы макаете ручки со стальными перышками в общую чернильницу, хотя вроде бы у каждого должна быть своя. Но, наверное, одна уже высохла, я вижу ее потускневший в бронзовой зелени край, вы пишете что-то старательно, а что видишь ты?” – “Я тоже вижу себя, только себя, а тебя не вижу, да и этот класс я увидел, но как будто уже миновал, я уже и там, но и в другом месте, в старшем классе другой школы, я присутствую сразу в нескольких временах. И это неприятно. У меня кружится голова. Что же делать?” – “Не беспокойся, так часто бывает сначала, когда проходишь через многие свои или чужие времена. Ты должен научиться быть сразу во многих своих, а может не только своих лицах. Ты должен понять, что ты – это множество твоих присутствий, иначе не получится себя собрать, и никто не сможет тебе помочь. Невозможно будет понять, ты ли это тот, кто ушел из той жизни тогда и вернулся сейчас”. – “А ты себя нашел?” – “Я нет. Поэтому и задержался здесь надолго. Вспомнил только, что в той жизни вроде бы учился на юриста и вот стал адвокатом здесь. Те, кто не вспомнят себя, остаются в этом бескрайнем городе, – мы говорим про себя, что мы в чистилище”. – “Но ты можешь еще о себе вспомнить?” – “Конечно, я прилагаю к этому все усилия. Хотя мне иногда и часто страшно, что если я вспомню что-то ужасное”. “А я ощущаю себя и изнутри, как я переживал себя тогда, но и извне, я вижу себя как будто из зеркала, я вижу даже свой взгляд в себя, и у меня опять кружится голова, и я хочу тебя спросить о чем-то и не знаю, о чем, я ли это или еще кто-то, кто был рядом со мной, а я это он, но я его не узнаю?” – “Такое тоже бывает, я переживал это много раз, но надо научиться так существовать, пусть даже в нашем общем сне, мы помогаем друг другу, и мне хотелось бы, чтобы и ты мою жизнь увидел и мне помог”. – “Я постараюсь. Вот я что-то вижу, я вижу тебя в полете, и я вроде бы рядом с тобою лечу. Мы летим почему-то ночью, но внизу светло. Это равнины, они кажутся тревожными, но они какие-то светлые при этом. Мы летим над полями, над озерами, и вот еще один или тот же город какой-то, и один только сад там виден, и в этом вечернем саду я вижу двух людей, мужчину и женщину, и я почему-то думаю, что это твои родители”. – “Почему?” – “Не знаю, отец в очках и в старом костюме, и мать в опрятном платье, они стоят оба опершись на спинку деревянной скамьи. Оба полузакрыв глаза. Мне кажется, что они что-то шептали. И не знаю почему, но знаю, что рядом на земле лежит их окаменевшая молитва. Не понимаю, что это такое”. – “То, что гово-

ришь, мне тяжело. Но без тебя я никогда не пролетал над этим городом и садом. И мне кажется, что то, что ты сказал, правда”. – “Но мы летим уже куда-то дальше”. – “Да, я вижу, но ты говори, говори, потому что я могу видеть и совсем иное, чем ты, мы ведь соединяемся и расходимся почти незаметно в полете”. – “Да, я вижу этот большой, безграничный город, но он кажется внизу маленьким, вот готический шпиль, вот многоглавые церкви, я вижу площади и ратушу, слышу мелодичные куранты, отбивающие часы, и тихий далекий откуда-то из глуби голос колоколов, и все такое почти игрушечное, мир под нами в миниатюре”. – “Если хочешь, ты можешь попросить, и этот маленький город появится из сна въяве, но зачем тебе такой миниатюрный материальный город, что ты будешь с ним делать, носить с собой? Но он сломается, лучше пусть он остается здесь во сне. Созданный тобой во сне не исчезает”. – «Но я хочу тебя спросить, хотя не знаю, слышишь ли ты меня настоящего или того, кто во сне, почему вы, мы все, кто способен увидеть и воссоздать так много, не способны вернуть сюда именно тебя или меня или вернее не знает, тот ли ты или твой двойник, твой незнакомый брат?». – “Потому что они поторопились, они думали, что, объяв взглядом всю вселенную, они и душу твою или мою или другого найдут, но любой тебе скажет, что он единственный во вселенной, и не найти все соединение всех частиц, которые составляли его как единого и единственного, – но даже этого будет мало, если удастся, они нашли, что каждая частица, каждый атом и электрон, что кажется неотличим один от другого, на самом деле отличим, это тончайший свет, что различает в немислимой тонкости одну частицу от другой, но этого оказалось мало, они нашли эту мертвую воду, и склеили части каждого, но где же живая вода, чтобы по истине соединить и вернуть твою душу?». – “Ты говоришь “они”, но кто это “они”, где они? На каких звездах? Или они рядом, во всех домах? Где эти правители или кто еще там?”. – “Никто их не видел, вернее, многие видели, но тут же забывали – это неотменимое правило, они правят незримо и постоянно, и все уверены в их присутствии, но их не знают”».

Тут головы АЯ что-то коснулось, и он увидел тень на траве. Он, лежавший ничком в траве и быстро записывавший все в тетрадь, словно бы не замечал жаркого солнца, хотя белая его рубашка была уже мокрая от пота. Он почувствовал сразу свежесть и понял, как нагрелась его голова, он повернул голову и увидел в высоте над собой улыбающихся Юрия и Селену, а совсем рядом с собой большие глаза Владика, который положил ему на голову свою белую панамку.

- Что ты пишешь? – спросил Владик, заглядывая в тетрадь.
- А ты сможешь прочесть?
- Я знаю буквы и даже слова.
- Какие же слова?
- Я вот увидел слово, которое знаю.
- Какое?
- «Молитва».
- И что же оно значит?
- Это когда просят себя защитить.
- У кого просят?
- А еще знаю слово «любовь».
- Где же ты его увидел? Там его нет. А, да, там есть слово «любой».
- Я, наверное, ошибся.
- А может быть и нет.

И все вчетвером они засмеялись каждый по-своему.

Они все вначале весело, но все же устало пошли обратно по солнечной улице. Селена и мальчик опять обогнали их двоих, играя в какую-то им лишь известную игру. «Что ж ты, забросил сегодня свою живопись на дно реки?» – спросил АЯ. «Именно так, но ты, я видел, работал за двоих». – «Потому что утро там никак не наступает». – «Смотри, как бы тот молодой человек, которому адвокат повелел писать, не стал водить твоей рукой». – «Нет, я ему не позволю, хотя, если честно, мне иногда кажется, что это не я заглядываю туда, а он пытается взглянуть на свое прошлое и на него повлиять». – «Вряд ли ему это удастся».

Тут Юрий отвлекся, потому что поздоровался с молодой женщиной, шедшей по их теневой стороне улицы им навстречу. «Мама одного из моих учеников». – «А где сам-то ученик?». – «Где-то на вакациях далеко на юге, здесь его след простыл. Хотя я жалею иногда о прекращении занятий с ним, он историю пытался понять и рыл во все стороны».

Они незаметно приблизились к центру города и почти случайно завернули на базар. Покупать здесь АЯ ничего не мог по причине безденежья, но ему нравилось временами проходить мимо рыночных лотков не столько ради красок, сколько ради запахов. Рослый, грузинский, по-видимому, юноша торговал виноградом. И вдруг АЯ захотелось купить для Селены гроздь черного винограда. Он выбрал небольшую кисть, и продавец зачем-то полил ее обильно водой, наверное, для дополнительного сверкания. АЯ нащупал рубли в кармане, понимая, что может не хватить, и тут Юрий передал едва ощутимо ему в ладонь темные синеватые пять рублей. Продавец решил вернуть эту кисть в бумагу, но пергамента оберточного не нашел и оторвал половину газеты, попробовав охватить ею виноград, газетная бумага сразу намокла, он пытался свернуть кулек, но как-то скомкал, и газета облекла всю гроздь. «Зато свежим донесешь, – промолвил продавец, – она обрадуется». АЯ нес гроздь на весу, влажные газетные буквы явственней проступили, но прочесть было невозможно, потому что они были вверх ногами, отчетливо, до крупного зернения проступила и фотография, на которой также перевернутый человек в белой шляпе, разглядывая, трогал пшеничные колосья в своей руке. Но для АЯ было важным, что он увидел, что отсыревшая бумага обернула все выпуклые ягоды, и это целое стало напоминать человеческое тело, проступающее лишь неясными контурами под оболочкой. АЯ почему-то представил какую-то восточную женщину под покрывалом, полностью скрытую от глаз, или фигуру античной статуи, что облачают складки мрамора, правда, на котором пропечатаны буквы из нынешнего времени, – мраморной простыней, ожидающей, когда ее сдернут и откроют невиданную красоту.

Они шли затем по улице, и Юрий внушал АЯ, что тот должен добраться в романе до следующего утра, которое никак не наступит, а АЯ думал только о виноградной грозди, которую нес в горсти и которая холодила его пальцы, и о том, что предутреннее бдение его в будущем рядом с Филомелиным было такое же прохладное и свежее.

День суда

Они подошли к бабушкиному дому, и Юрий уже хотел по привычке повернуть назад, но выбежавшая из-за ограды Селена сообщила о бабушкиной записке: она уехала на день к своей подруге в Малоярославец, так что он может смело зайти в сад, который прежде считал запретным местом для себя. Они вошли в этот вечерний уже тенистый сад, и так как Юрий отказался все же входить в дом, расположились вокруг стола в саду под яблоней. АЯ надорвал газету, приоткрыв виноградные ягоды, и попросил у Селены тарелку, чтобы положить виноград и прикрыть марлей от птиц или от мух, но Селена засмеялась и тут же унесла виноград, сказав, что раз он ей предназначен, то она с Владиком, который был в доме, сама распорядится подарком.

Юрий тяжело опустился на скамью и спросил АЯ, что тот собирается делать сейчас дальше. АЯ сказал, что пытается сосредоточиться для продолжения письма, но чтобы Юрий не вмешивался все время и, если хочет, пусть пишет нечто параллельное, на что Юрий заявил, что к такого рода писаниям у него нет способностей, но он в этом романе заинтересован, потому что уже вошел в него и проник, и чтобы АЯ не мешал хотя бы думать о его произведении, на что АЯ, подумав, согласился, потому что не может и не хочет запретить, но все же, когда попросит, чтобы Юрий молчал. АЯ сказал: «Ты понимаешь, что утро наступило, и с ним наступил важнейший день, когда будет решаться, что произойдет с ним будущим, потому что это день суда, правда, я не знаю, что и как будет происходить». Юрий произнес серьезно: «Я расскажу о том, что произошло со мной десять лет назад в такой же летний день. Когда я был не так далеко отсюда в Оптиной пустыни. Ты знаешь, что это за место?» – «Да, я слышал что-то, о каких-то старцах там». – «Десять лет назад

там не было уже никаких старцев, там были только молодые люди, некоторые из которых судили других таких же молодых людей. А чтобы они, подсудимые, не убежали, по сторожевым башням бывшей монастырской ограды были расставлены часовые. И суд происходил в одном из бывших соборов, так что будущая жизнь моя решалась под церковными сводами». – «Ты мне об этом не говорил, и не знаю, почему ты там оказался». – «Думаю, что ты кое-что уже знаешь и о чем-то догадываешься. Для меня самое странное было оказаться в плену у своих, хотя, впрочем, каких своих? Там я бежал из немецкого плена, а здесь куда бежать? Еще хорошо, мне говорили, что по пятьдесят восьмой мне дали десять лет, а могло быть... выше... много выше». – «Ты мне сейчас это говоришь, чтобы подготовить меня к тому, что произойдет в романе в день суда?». – «Да, нет, ничего такого не хочу, я скоро уйду».

Тут появилась Селена с кринкой молока и черным хлебом в руках. Она поставила это на стол под яблоней, но сказала, что должна пойти к Владу, ей самой интересно с ним, наверное, интереснее, чем ему, и что она ему скоро надоест, и тогда она вернется к ним. Они молча нарезали хлеб и запивали его прохладным молоком. Потом, усмехнувшись, Юрий произнес: «Почему-то только сейчас я вдруг сопоставил рыцаря Тристана с другим печальным персонажем». – «Каким?» – «El caballero de la triste figure». – «Не понимаю, о чем ты». – «Ладно, потом... ты вообще о Тристане что-нибудь слышал?» – «Только про меч между ним и Изольдой, а к чему ты все это?» – «Понятно... завидую тебе... тебе предстоит еще многое узнать. Просто мне непонятно, как ты относишься к Селене... ну, это не так важно. А вот почему ты никогда не купаешься с нами в реке?» – «Я плохо плаваю... ну, и вообще». – «Мне кажется, что ты боишься». – «Чего?» – «Ты меня спрашиваешь? Но вообще могу попробовать представить... то, что ты, возможно, сам не осознаешь... и не признаешь... это как-то связано с твоим романом... ты хочешь вглядываться туда, в ту даль... твоего вернувшегося, как ты называешь, персонажа, понять, что произошло с ним, а может быть, и с тобой в этой жизни... и это связано с рекой... и ты этого пугаешься...» – «Но я не знаю, кто тот персонаж». – «Это я понял, на этом держится хлипкая надежда адвоката на суде». – «Но я должен это написать, хотя не знаю, чем там дело... нескончаемое дело... кончится». – «Ты должен писать непрерывно? Хотя на каникулах. Ради романа и сбежал из Москвы? Опять страх?» – «Мне кажется... нет, не то... я должен его завершить... этим летом... это почти моя летопись... не то говорю... я не знаю, что со мной будет, когда вернусь осенью в Москву». – «А ты не возвращайся... хотя это я так, со своей колокольни говорю... знаю, что ты вернешься». – «Если допишу... но я не мог не уехать оттуда». – «То есть ты сбежал... а все родственные причины – предлог?» – «Нет, конечно, но, я, сдав все экзамены... сбежал из университета... можно ли так сказать?» – «Что же в университете такого произошло, поняли, что теория относительности сама относительна?» – «Нет, не то, это касается только меня... я думал туда не возвращаться в сентябре, но нет, я вернусь... если чего-то не случится...»

«Что может случиться?» – спросил Юрий и, не получив ответа, пошел по дорожке к калитке. Ая достал тетрадь и, макая хлеб в молоко, стал записывать неизменным химическим карандашом:

«Утром, только они пробудились, Филомелин велел ему привести себя в самый торжественный вид. “Ты, правда, все равно будешь ждать у входа, но все же так полагается”.

“Ты меня разочаровываешь, я-то думал, что меня туда доставят под конвоем. А меня оставляют на свободе, а если я попытаюсь скрыться?” – “Бесполезно. Попытки были, да и происходят постоянно. Но куда скрыться? Везде недреманные очи”. – “Сколько же мне придется ждать?” – “Не знаю. Не скрою, положение твое было тяжелое, но сейчас после этой ночи появилась надежда. Ведь тебе вменяют, думаю, ты понял, самое тяжелое преступление, которое ты мог совершить тогда – самоубийство. Нет наказания серьезней за это. Но что они сейчас смогут предъявить? Мы пытались пройти по всем слоям твоей памяти, и это подтверждено всеми записями, – тем, что сейчас зримо перед нами. Несколько смутных образов каких-то исписанных бумажных листов, плывущих по реке? Что произошло, неизвестно. Но главное, с тобой ли это произошло? Правда,

бывают редкие случаи, когда два человеческих образа соединяются в один, но это не твой случай. Ты ли там был, или твой друг тебе рассказал, или тебе это привиделось перед сном, никто ничего не сможет сказать, потребуется большое время, чтобы можно было что-то новое с твоей помощью найти”. – “Что же мне вменяют?” – “А ты не понимаешь? Ты нарушил все основные законы. И первое: ты сотворил себе кумира, ты сам стал им, раз ты решил распоряжаться тем, что не тобой было тебе дано”. – “Но разве человеческие законы ничего не значат?” – “Мне казалось, тебе все должно было стать ясным – тут человеческий и высший суд – это единое”.

Они спустились вниз к подножью дома Филомелина, и тут же подбежала темная машина с открытым верхом, дверцы сами распахнулись. Он знал, что Филомелин может даже не называть направление, машина поймет и без слов, но Филомелин проговорил, по-видимому в основном для того, чтобы он понял, куда они держат путь. “Это на другом краю города”, – уточнил для него Филомелин. И они быстро полетели у самой земли, но ее не касаясь. Он впервые двинулся по городу так далеко, и не могло его не захватить пространство с какими-то красивыми садами и кварталами с необычными домами, хотя встречались и неожиданные пустоши, но особенно его поразили монументы, здесь были памятники людям, которых, он, казалось, узнавал, но были и неизвестные.

Машина ускорялась, и город уже кружился вокруг лентами мельканий, все же у перекрестков машина иногда замедлялась, хотя, возможно, в том не было особой необходимости: он увидел, как две летящие на перекрестке навстречу друг другу машины просто пронеслись одна сквозь другую, словно бы не заметив этого. Судя по всему, далекая окраина приближалась, дома стали реже, и машина постепенно замедляла ход. Вдали в этом пасмурном дне завиднелось какое-то здание, и по мере приближения оно выросло на глазах, уходя вершиной за высокие и непроглядные сейчас облака. Он увидел перед зданием какие-то серые складки, которые показались ему морщинами моря, но он понял, что это широкие каменные ступени, восходящие ко входу циклопического здания.

Они начали подниматься по ступеням, но Филомелин велел ему остановиться. “Но как же я узнаю решение?” – “Каждый камень, каждое дерево подскажут, можно идти в город, тебя известят несомненно”. – “Но сколько же продлится... это?” – “Заседание? Не знаю, никогда предсказать нельзя”. И вдруг, уже уходя вверх, Филомелин обернулся и сказал:

– Не унывай!

И то, что произнесено было почти весело, и обращение к нему на ты, да и само слово, которого он не ждал от Филомелина, как-то радостно взбодрило его, стоящего на ступенях. Он уже почувствовал глубокое одиночество, но эти слова все же жили внутри, и ожидание – долгое возможно, – как он предвидел, не казалось уже таким тревожным. Хотя тревожиться, наверное, стоило. Но его сейчас охватила какая-то печаль, потому что он внезапно понял, что так редко думал о своих друзьях, никого из которых он еще не встречал, а может быть мог бы встретить, вероятно, здесь на ступенях суда. И одиночество бы его рассеялось. Он понимал, что думать так наивно, и все же в нервном напряжении, которое охватывало его помимо желания, думал. Он огляделся. Бесконечная каменная лестница, шедшая кольцом вокруг здания, теперь показалась не такой уж пустынной. Где-то вдалеке он увидел людей, прохаживающих по плоскостям ступеней, или даже сидящих. Он увидел сидящую женщину, наверное, баюкающую ребенка, которого держала на коленях. Пошел к группе молодых людей, но увидел, что они заняты разговором между собой, и не стал подходить. Навстречу ему шел какой-то человек, приостанавливаясь и потом опять продвигаясь дальше слабыми шагами. Тогда и он пошел ему навстречу. Он увидел человека, по-видимому очень изможденного, с запавшими глазами и густой седоватой щетиной, в вороте раскрытой рубашки был виден нательный крест. Человек начал что-то быстро и тихо говорить, почти шептать. Язык был незнакомый, но он понял, что понимает этого человека. Тот сказал, что ждет уже не первый день, потом шла невнятная речь, а в конце он сказал опять понятно: “Но мы с вами подождем, мы столько ждали этого дня”. И улыбнулся из глубины своих глаз, протянул руку для рукопожатия и, отвернувшись, пошел обратно по той ступеньке, по которой и приблизился.

То, что сказал ему Филомелин, означало, что сейчас он свободен, и может поэтому идти в эту незнакомую часть города, и он проник в город».

Ая закрыл глаза почти в изнеможении, рука уже не двигалась и не знала, что писать дальше, но тут он услышал, как в отдаленье мягко хлопнула калитка, и стали слышны шаги. Он не понимал, кто это мог быть, и с удивлением увидел вернувшегося Юрия. В летних сумерках его лицо показалось ему даже не совсем знакомым.

– Я тебя уведу из твоего бедственного города... на несколько часов... если не испугаешься, конечно.

– Что ты меня все время подозреваешь в чем-то... что я боюсь...

– Потому что ты не прошел настоящие страхи... Но сейчас... что уж там... Почти безделица... хотя для кого как ... ко мне зашла та мама моего ученика, которую мы встретили сегодня на улице... а ее встретили сестры Фиалковские... ты наверное слышал о них...

– Погоди... только у них же другая фамилия... вечно ты что-нибудь сместишь... ради красного словца... Или красной буквы, как здесь... они же из одной из самых известных семей в городе...

– Да это я из конспирации, – смеясь, сказал Юрий.

«Но, слушай, – продолжал он, – они сообщили, что сегодня вечером будет тайное собрание». – «Какое собрание?» – «Можно сказать, катакомбное». – «Что это значит?» – «Можно сказать, первых христиан». – «Каких первых... у нас же православные церкви есть не закрытые». – «Но это все не то, ты что, не знаешь, что есть внешнее... официальное... А есть глубинное, что преследуется». – «Но у нас же свобода соборности». – «Теперь ты меня провоцируешь... Спрошу поэтому тебя, что тебе подкашивает твоя комсомольская совесть?» – «Она чиста». – «Что ты имеешь в виду? Перед кем чиста? Ну, ладно... В общем, готов ты пойти со мною на тайное собрание?» – «Дай мне подумать». – «Только не долго... Понимаю, вот так решиться... ты и из евангелия-то читал только некоторые страницы... да и то, как ты говорил, наполовину сожженные... понимаю твою осторожность... но даже если узнают, что они сделают? ...максимум выговор с занесением в учетную карточку... шучу, конечно, но это же не Древний Рим, где христиан пытали, мучали... хотя... тридцать лет назад в нашем Третьем Риме еще как мучали христиан». – «А сестры Фиалковские, как ты их называешь, пойдут туда?» – «Нет, они не пойдут, но сказали, куда и во сколько идти». – «Ну да, их же отец просвещенный атеист, философ, хотя и крещеный». – «Но они мне говорили, что у их отца как-то было видение: он в вечерних облаках увидел как бы буквы, которые составляли слово "чАу", и он вначале не мог понять, что это может значить». – «Искаженный "чАй"»?». – «Нет, когда он прочел это латинскими буквами, то понял». – «И что же?» – «А ты не понимаешь?» – «Нет». – «рАй", хотя облачные буквы потом исчезли».

После молчания Юрий сказал: «Все шутки в сторону. Идем». Ая поднялся. Тут прошелестела тропинка, и появилась веселая Селена:

– Он смешной, – сказала она, – я укладывала его спать и стала рассказывать ему сказку, наполовину придуманную, в какой-то момент он вмешался и сам захотел продолжать, а потом говорит: «Теперь ты рассказывай дальше», так мы с ним чередовались, я упомянула Гулливера и лилипутов и спросила, знает он, кто это, он сказал, что конечно знает – ему мама читала книжку, но ему больше нравится Гулливер среди великанов. Я спросила – почему? Он ответил, что для него и дядя Юра, и я, и Ая – великаны. Я сказала, какие же мы великаны, мы просто взрослые. Но тут он пытался убедить меня, что, если бы мы бродили среди людей, которые гораздо выше нас, мы бы чувствовали себя, как он. Тут он придумал и название для таких, как он, и для нас каждого тоже – «Гулливер-лилипут», и оно ему так понравилось, что он его повторил несколько раз, и смеясь, повторял, засыпая.

Но тут Селена заметила, что они собираются уходить. «Куда вы собрались?» – спросила она.

– Туда, куда мы идем, тебе надо надеть косынку, – сказал Ая.

– Зачем? Ну, хорошо... – произнесла Селена и побежала к дому.

– Ты почему без меня решил, что она может туда пойти? – сурово сказал Юрий, – ты что, не

понял, что об этом никто кроме нескольких посвященных не должен знать. Все очень серьезно. Я не знаю, допустят ли тебя. ... А, ты вообще был когда-нибудь в храме?

– Заходил один раз.

– Заходил... и запомнил только то, что женщины не могут быть там простоволосыми!

Тут вернулась Селена, новая косынка была завязана узлом на шее и лежала на плечах. Эта новая косынка ей очень шла, и было видно, что она, наверное, постояла перед зеркалом, уходя из дома.

– Я готова.

Но только они вышли за калитку, как Юрий повернулся к ней:

– Я думаю, Владика нельзя оставлять одного в пустом доме.

– Но он же спит... как сурок... Что может случиться?

– Все же я думаю, тебе лучше вернуться, – ничего не объясняя, произнес Юрий.

Селена приостановилась, отвернулась и медленно пошла обратно к калитке.

– Селена, мы ненадолго, – тихо сказал АЯ, но она, казалось, не слышала.

– Зачем ты ее обидел? – повернулся он к Юрию.

– Ты не понимаешь, что так лучше для нее. Куда мы идем, небезопасное место. Я не уверен, что за этим домом уже не следят. Тех, кто приходит туда, может быть, отмечают. Но тебя я решил позвать. Потому что, наверное, это нужно для твоей книги. И здесь уже выбора нет. Хотя ты, может, и не войдешь туда... да и допустят ли тебя туда?

– Далеко нам идти?

– Нет, не очень. За пятнадцать минут дойдем. Я ждал, что меня позовут. Отец Николай, который и будет сегодня там служить, недавно освободился. Мне верные люди говорили. Я знаком с ним хорошо. И в пересыльном лагере, и потом в Котласе. Он, между прочим, можно сказать, спас меня... Он приучил меня к смирению... Я из Котласа собрался бежать... помня легенды, которые ходили там... об удачных побегах... о братьях Солонцевичах... или Солоневичах, которые еще в тридцатые убежали в Финляндию, правда, из Медвежьегорска, кажется... а там до границы что-то сотня верст... из Котласа-то в десять раз дальше... пришлось бы по тайге глухой идти... Между озерами Белое и Лача... Вспоминал я тогда строки из Даниила Заточника, который был в заточении как раз в тех местах... «Объяла меня нищета, как Черное море фараона»... И действительно нищета была предельная, и мне было все равно... «смерти не вкусившие»?... а мне казалось, что я готов вкусить... «и смерти неимущих»? а я готов был хоть это имущество обрести... я же из немецкого лагеря бежал, почему из нашего не смогу?... И тут отец Николай внушил мне, что я иду на верную гибель, что это несомненно самоубийство... что это нельзя... что надо принимать свой крест и нести его... и я постепенно проникся его словами...

– А давно ты его не видел?

– Несколько лет... Нас разлучили... обычная история... А там у нас было такое сообщество... такие люди... разные... и веселые тоже... это в каком же году было? В пятидесятом? или сорок девятом? Кто же предложил тогда? Раз есть Госполитиздат, то у нас будет Космополитиздат... мы будем издавать звуки и слова поэтические... понятно, не на печатном станке... только устно... и мы стали передавать друг другу, кто что помнил, строки на английском, на идише, на польском, даже на хинди... или переводы на русский язык и старались это запомнить... я много помнил... теперь многое, наверное, забыл... И отец Николай произносил строки на древнегреческом, на арамейском... из Библии тоже.

Они подошли к большому заглохшему саду – не так уж далеко от центра города – за деревьями виделась темная крыша одноэтажного дома. Юрий спокойно толкнул калитку – она была не заперта. По дорожке они прошли под яблонями, и когда повернули за кустами, то навстречу к ним вышли две женщины, еще не пожилые, в платочках. Видно было, что они знали Юрия и поздоровались с ним. Потом повернулись к АЯ, и одна спросила:

– Крещеный?

И АЯ сказал:

– Не знаю.

Тогда женщины пошли к дому, и одна из них, обернувшись, даже улыбнулась им.

– Ты хорошо их знаешь?

– Одну, да, она бывшая монахиня из женского монастыря в Зосимовой пустыни, вторую – меньше.

– Мы можем войти туда, – сказал Юрий и двинулся вперед, но увидев, что АЯ стоит неподвижно, сказал:

– Я пойду. А ты, если хочешь, тоже можешь войти.

И он ушел. АЯ долго стоял, не зная, что делать. Он думал, что еще не готов. Он прислушивался, ничего не было слышно кроме тихого шелестения листьев яблони. И потом ему показалось, что он слышит идущее из дома едва уловимое песнопение. И он, как ему почудилось, даже радостный, повернул назад.

Когда он вышел на свою улицу, то увидел идущую издалека маленькую фигурку. И по мере приближения ему казалось, что она превращается несомненно в фигурку Селены. И он поверил наконец, что это правда. Они встретились, подойдя с двух сторон к свету уличного фонаря, и как раз их шаги сошлись посредине этого круга.

Селена улыбнулась ему, как ему показалось, странной и немного скорбной улыбкой:

– Ты, наверное, хочешь спросить, обиделась ли я, когда Юрий прогнал меня? Да, вначале сильно обиделась. Но потом, когда вышла опять на улицу и увидела, что вы идете куда-то так быстро... то поняла, что вам надо туда идти... и вы... Юрий, конечно же, позвал бы меня... если бы это не было... чем-то... не знаю, как это произнести... тайным... у нас ведь не было друг от друга ничего скрытого... но я стала догадываться... что ты меня не на танцы или куда-то еще позвал. – И она развязала косынку и положила ее в карман.

– Что же мы стоим посреди дороги? – спросил АЯ.

И они решили уйти из светового круга от фонаря к обочине, где рядом с заборами росли дерева, и стали в тень пирамидального тополя, высокого, как кипарис, так что свет лишь немного к ним проникал, задевая листья по краям дерева.

– Что там у тебя произошло? – спросила Селена.

– Сейчас?

– Да нет... я про нынешние дела не буду выпытывать... там в книге твоей.

– А я что-то забыл... дай вспомнить... ну да... он пошел от здания суда... куда его не пустили... в город.

– И наверняка он повстречает какую-нибудь женщину... этот твой... не знаю, как его назвать... как предложил Юрий, твой Я. ...ведь у тебя там женских персонажей почти не мелькало даже...

– Возможно... да... появится.

– Но вот теперь рассказывай ты.

– Но мне надо записывать, а то забуду...

– Тебе что, обязательно сложить троеперстие, в нем зажать химический карандаш, чтобы пробудить себя? ...рассказывай, и вместе мы не забудем.

АЯ вначале нерешительно, но потом увереннее начал говорить, временами он закрывал глаза, как бы вглядываясь в себя:

«Я медленно сошел со ступеней здания суда и направился в город, – эту часть он совершенно не представлял. Кварталы вокруг суда были пустынные, но затем стали появляться люди, которые или спешили, или просто прогуливались, но все же был какой-то оттенок неподлинности, словно эти дома и эти люди были не до конца нарисованы.

Но странно, вдруг он почувствовал нечто, нарушившее его одиночество, некоторые лица из мелькавших мимо людей ему показались знакомыми. Он не мог вспомнить, где видел эти лица, но понимал, что их встреча происходила. И городские кварталы, и дворы с асфальтом и землей напомнили ему дворы Москвы или иных городов, где он бывал.

День был пасмурный, но теплый, и на открытых верандах сидели праздные, как ему казались, группы мужчин и женщин, хотя оттенок странности присутствовал и здесь. Он увидел огромное полупрозрачное пространство, накрытое прозрачным тентом, куда входили, по-видимому, свободно. И он тоже решил войти туда.

За многочисленными столами сидели, откинувшись в креслах, люди разного возраста. Где-то вдалеке Я. разглядел даже маленького ребенка, сидевшего, наверное, со своими родителями, на столах почти у всех стояли бокалы с разноцветными жидкостями, возможно винами, кое-где были заметны и тарелки с закусками. Я. сразу понял, что никто не разговаривал друг с другом, но тем не менее над столами стоял разноязыкий тихий и сливающийся в монотонное гудение говор, можно было понять, что каждый из откинувшихся назад в кресле разговаривает сам с собой. Временами некоторые словно бы пробуждались и глядели отрешенно. Некоторые просто сидели словно бы погружившись в себя, не произнося ни слова, но видна была их сосредоточенность на своих мыслях.

Были и некоторые молодые люди и девушки, сидевшие как будто в стороне и не принимавшие участие в этом несомненно всеобщем действе, где каждый был разобщен с другими и все же связан общим соучастием в непонятном бдении под прозрачной завесой, отделявшей всех от туманного и облачного неба.

Я. оглядывался, не понимая, не зная, стоит ли ему занять одно из пустых кресел – таких было достаточно – но что бы он стал делать? Он не понимал. Глазами он переходил с одного лица на другое и осознавал, что видит все больше узнаваемых лиц – вернее, почти узнаваемых, он не мог вспомнить, где бы он видеть точно хоть одно. И кто это. Наконец совсем с краю он увидел сидящую за столиком одинокую девушку, перед ней стоял бокал темного вина, и она сидела совсем как посторонняя. Я. понял совершенно отчетливо, что узнает эту красивую девушку, но сколько ни пытался, даже призрачных ассоциаций не появлялось, где, с кем и в каком месте он мог ее видеть. Он понимал, что не может не подойти – это единственный способ что-то понять – и все же робел и колебался.

Он ждал, что она посмотрит в его сторону, но она не посмотрела, разглядывая и вертя в руках маленький шарик, который переливался и неясно сверкал. Все же он стал продвигаться к ней ближе, задевая ноги людей и ножки кресел. И сложным зигзагом добрался до ее столика, показывая взглядом на пустующее кресло, можно ли занять?

– Можно мне присесть сюда? – спросил он и, не дождавшись ответа и не садясь в кресло, произнес с некой робостью:

– Мне кажется, мы где-то встречались... нет, я не то говорю... может быть, где-то виделись.

Девушка только на миг оторвалась от шарика и спросила:

– В городе?

– Нет... там.

– А где там?

– Я не знаю.

– Такое здесь бывает... но все же попытайтесь вспомнить.

– Я не могу... я видел здесь несколько знакомых лиц... но не могу сказать, почему они мне знакомы.

– То есть я должна поверить на слово, что мы знакомы.

– Да, наверное... а вы меня не узнаете?

– Нет... совсем нет... хотя здесь бывают странные искажения памяти. Люди не узнают своих родных или принимают за своих родственников совсем чужих людей. Сумасшедших – здесь это редкость – не беру в расчет. Или выдающих себя за таких: ходил здесь один человек, искал свою Эвридику, оказалось – притворялся.

– И что же бывает потом с такими?

– Да ничего... особенного. Вы, я вижу, не так давно в городе.

– А вы?

– Я, можно сказать, старожил... хотя по каким меркам судить... все тут ждут в основном... своей участи...

– Но я видел, что все чем-то заняты...

– Да, без занятий никто не остается... и все же все ждут

– Чего? Это что, перевалочный пункт?

– Можно сказать и так.

– Или пересыльная тюрьма?

Девушка ничего не ответила.

– А что значат эти фигуры в креслах... в полусне?

– Да, здесь место, где можно попасть в свое прошлое.

– То есть увидеть сон о своем прошлом?

– Нет, не так... совсем не так... они в своем состоянии... а для этого нужен один глоток из бокала... попадают по-настоящему в прошлое...

– Но я и говорю: как во сне?

– Нет... здесь совсем другое... во сне там все время что-то перебивает... в один и тот же сон попасть невозможно... там хаос из фрагментов памяти... а здесь ты реально попадаешь в эпизод своей жизни... и можешь туда возвращаться...

– И что же, находятся такие смелые люди, что готовы нырять в свою жизнь вновь и вновь?

– Как видишь... некоторые возвращаются в прекрасный эпизод своей жизни.

– Но они могут вернуться обратно... по своему желанию?

– Здесь да... а вот если их пошлют далеко за пределы города... – Тут она подняла глаза к небу.

– Там будет уже серьезней... некоторые так и не смогут выбраться за границы прекрасного мига своей жизни... причем они не смогут знать, что это бесконечное повторение... они входят в это состояние такими же, как и прежде...

– Но ведь это ужасно...

– Но здесь... как считается, – тут девушка горько улыбнулась, – торжествует справедливость.

Но есть и те, которые входят в свои страдания, и потом это повторится вновь и вновь... без окончания...

– Мне чудилось раньше, что не может быть повторяющейся силы страдания... человек ведь привыкает к мучениям...

– Но здесь он входит туда в повторение с прежней памятью... и это без конца. Но если ты внимательно посмотришь, то увидишь, что люди возвращаются в свое обычное состояние. Они могут вернуться из погружения... они управляют собой... достаточно им на некоторое время закрыть глаза... и они вернутся сюда. Ты можешь увидеть различия: некоторые почти неподвижны, сосредоточены и серьезны, но внутри себя они могут переживать нескончаемую радость. Другие, напротив: внешне могут быть веселы, выглядеть оживленными, подливать себе этого вина... но на самом деле они погружены в грустные и тяжелые переживания... они думают, что, вернувшись туда, куда их ведет совесть, они смогут избыть эту скорбь и вернуться все же другими, а если встретят тех, кому причинили... зло... или печаль, то смогут как-то оправдаться перед ними.

– Неужели находятся те, кто сознательно опять переживает боль?

– Да, такие есть... здесь место, где можно испытывать различные чувства... некоторые рискуют... хотя знают, что последует наказание... даже может быть изменено решение суда... несильно... как они считают... но бывали разные случаи... человек и здесь все время стремится выйти за отмеренные пределы... нарушает правила... законы... пытается в этом сне ускользнуть... не хочу сказать «судьбы»... здесь это слово... и понятие отвергнуто и запрещено... но все равно находятся те, кто отвергают и эти запреты... здесь может быть вымысел, а не действия настоящие... они происходят в других местах... здесь только невинные по сути забавы... вот видишь эту молодую пару? Они устремили взгляд к далеким домам... они смотрят, не мигая, я думаю, они заняты тем, что называется здесь «снимать кожуру»... они могут раздевать мысленно людей... причем на доли секунды... большее время пресекается... таких вылавливают... но они все же рискуют... удерживаясь буквально

но в этих долях... вот они смотрят вдаль... на окна домов... там наверняка живут их знакомые... и вот они опять же на неощутимый миг сдирают кожуру с домов и видят, что там происходит, нет закрытых стен: спальни, ванные комнаты, уборные, гардеробные, прихожие, лестничные площадки – все приоткрывается, но буквально на миг, что-то можно увидеть? Если ты задержался, то тебя уведут из этого места... ты будешь подвергнут испытанию... какому... никто не знает... но число желающих – оно невелико... все же не убывает. Но я хочу тебя спросить о том, что я сказала вначале: ты хочешь проникнуть в свое прошлое?

– А я знаю, куда я попаду?

– Куда бы тебе хотелось попасть и что-то изменить... что почти невозможно... но можно попробовать...

– Да, я попробую, – сказал Я. после долгой паузы».

АЯ приостановился и открыл глаза. Он увидел, что приблизил свое лицо к лицу Селены и тихо говорит, почти шепчет ей в самое ухо. Она приоткрыла тоже глаза и сказала ему тоже тихо:

– Ты, как ныряльщик, из глубины вынырнул. Но что же было дальше?

– Я не знаю.

– Тогда рассказывай.

И он стал говорить.

«Я. взял бокал темного вина, но долго не решался отпить. Потом, не глядя на девушку, сделал глубокий глоток. И вот он стоит на дождливой московской улице рядом с телефоном-автоматом и нащупывает в кармане монетку. Даже посторонняя мысль появляется: какая монетка, пятиалтынный? Наконец опускает монету в прорезь, слышит отдаленные гудки, надеясь все же, что она не снимет трубку, и можно будет, сжав веки на три секунды, он это ясно понимает, выскользнуть обратно из этого осеннего дня. Но она берет трубку и, понимая, кто это, произносит совершенно посторонним голосом:

– Алло.

– Это я. Давай встретимся... на том месте, где обычно... правда, сейчас дождь.

– Ничего, не сахарная, не растаю.

И он ждет ее у метро... да, ведь это “Сокольники”... и неизменная каланча... здесь у метро они так часто встречались. Она появляется в плаще и с непокрытой головой... Он в какой-то промокшей вельветовой курточке... и вдруг понимает, что не узнает ее, вернее, он узнает... хотя и отдаленно... ту девушку, чье вино он выпил... Он вглядывается ей в лицо, и ему кажется, что произошла подмена... он оглядывается вокруг и вроде бы узнает лица прохожих, что были в том дне... тогда он их, конечно же, не запомнил, а сейчас ему чудится, что он всех их узнает... он словно бы в хороводе знакомых, и только она одна ему не совсем знакома... Но он произносит те прежние слова:

– Я хотел попросить прощения... нет, не то... мне не хотелось бы расставаться с тобой... хотя мы и расстались... Маша, Машенька...

Она очень долго смотрит на него, ничего не говоря. Видно, что она сдерживает себя, чтобы что-то не сказать или не совершить. Наконец она произносит:

– Надеюсь, этот твой звонок ко мне был последним.

– Нет... позволь мне хотя бы иногда слышать твой голос.

– Зачем? – она поворачивается и идет к метро. И Я. кажется, что все же узнал ее, уже не лицо, но всю ее, какую знал. Дождь попадает в глаза, Я. смыкает веки и возвращается.

Лицо девушки, которая держит в пальцах бокал вина, освещается неким подобием улыбки, которой он не предполагал увидеть у нее.

– Ты что-то произносил, бормотал... во время твоего отсутствия...

– А ты разве не была там... я же тебя почти узнал...

– Никто не имеет права вторгаться в глубинное воспоминание другого. Но иногда происходят наложения... я говорила... ты меня здесь потому и узнал... тебе показалось, что узнал, потому что

неявно перенес лицо той твоей девушки на меня... Но теперь я понимаю, что ты действительно меня знал, а я думала, что это просто предлог, чтобы познакомиться.

– Если бы меня спросить заранее, я бы сказал, что вы не похожи... но тут оказалось, что вы на одно лицо... но чье это лицо, я не знаю...

– Такие погружения не проходят даром... Ты, я чувствую сильно устал, мне все равно надо идти... а ты, наверное, от дождя во сне... озяб и почти дрожишь... если хочешь, пойдем... можно у меня отдохнуть...

– Это далеко?

– Нет, не очень.

Они поднялись из-за стола и пошли к выходу. Я заметил, что все это огромное пространство заметно опустело. Неясный день клонился к концу. И люди покидали это место встречи со своим прошлым, место становилось пустынным, но и прошлое каждого тоже пусто.

Они шли по темнеющим уже улицам, и Я думал, что эта девушка, конечно, не та возлюбленная из прошлого, с которой они расстались. Но что она понимает его и знает, что прошлое можно вернуть. И даже оставаться там. Но хотелось бы встретить ту ушедшую тогда, где-то она здесь. Но здесь ли, в этом городе. Или уже между звезд.

Ночные улицы становились светлыми из-за пробуждающихся огней на них, и ему было уже легко рядом с девушкой, чью руку он чувствовал и которая, наверное, его понимала. Она вела его уверенно по роскошным кварталам, которые становились совсем похожие на земные, но только более светлые. Вдруг его спутница приостановилась, ему показалось, что она даже вздрогнула. “Что-то случилось?” – участливо спросил он. “Нет, ничего, – то, что и должно было произойти”. И повернулась к нему. Ее глаза сверкнули каким-то особым блеском, который ему хотелось бы назвать драгоценным, если бы взор ее не был устремлен не на него, а куда-то за него, куда-то дальше. “Ты понял, кто я”, – утвердительно сказала она. “Нет”, – он правда не понимал, о чем она, – лицо ее не изменилось, но взгляд стал неузнаваемым. “Я принесла тебе весточку, весть”. – “Какую весть?” – “О том, что решение суда по твоему делу принято”. Он почувствовал легкий озноб, который перешел в неостановимую дрожь, он даже охватил себя руками, чтобы ее прекратить. Она взяла его правую руку, и дрожь в руке прекратилась, рука ниже рукава его безрукавки немного онемела, и вся кожа здесь блеснула тусклым серебристым светом, и рука стала легкой. Она взяла его за серебряную руку и повлекла за собой. “Но я ведь сам тебя нашел... я ведь сам к тебе подошел... ты же не хотела смотреть на меня”. – “Это только твое представление, что ты определял что-то, на самом деле все было не так”. И она повлекла его дальше, улыбаясь ему незнакомыми уже глазами. “Но какое это решение?” – он все же спросил. “Это скажут тебе только там”. Он едва успевал за ней, хотя он держала его руку. Он чувствовал, что и левая его рука стала легкой и серебристой. И они полетели к зданию суда, уходящего вершиной за облаками в незримый зенит».

Речь АЯ прекратилась сама собой. Он приоткрыл глаза, увидел высокий тополь и понял, что стоит, обняв Селену и положив ей голову на плечо, а она положила свою голову на его плечо. Он чувствовал, что дрожит, но не мог понять, не передалась ли ему дрожь от его Я., и она дрожала, и это было похоже на рыдание – его или их вместе.

Борис ЛИХТЕНФЕЛЬД

Всё пустыми словами звякаем,
воем, ноем... Поможет ли Ной
нашей эвакуации в вакуум,
эмиграции в мир иной?

Лот ворчит, выходя наружу сам:
«Не верти головой, жена!»
За спиною вся древним ужасом
территория заражена.

март 2024

Шотландский мотив

Прощай, невытая...
Лермонтов

Ужель восторжествуют людоеды,
зловещей славой удовлетворясь?
Спасётся ль пажить скотства от победы?
Или опять – в родную грязь?

Там, где уже ни фронта нет, ни тыла,
воздвигнув замок бед, страна Война
без чувств у края пропасти застыла,
сама собой упоена.

Распалена до кровожадной блажи,
сама себя готовится сожрать...
Поспеет ли в бирнамском камуфляже
на помощь аглицкая рать?

май 2024

Борис Лихтенфельд родился в 1950 году в Ленинграде. Заведует отделом публицистики журнала «Звезда». Публиковался в журналах «Обводный канал», «Часы», «Арион», «Волга», «Звезда», «Крещатик», «Нева», «Зинзивер», «Дети Ра», «Слово/Word», «Новый журнал», «Плавучий мост», «Артикль», «Семь искусств», «Чайка», в альманахе «Паровозъ» и др. Автор книг «Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда» (2000), «Метазой» (2011), «Одно и то же» (2017). Живет в С.-Петербурге.

Разговоры о страшном – потеха детей:
упоённо пугают друг друга,
чтоб в уюте мороз пробирал до костей,
чтобы жуть завывала, как вьюга.

Отключение света... Опасность и мрак
распаляют у деток веселье,
их фантазию перенося на чердак
иль в крысиный подвал, в подземелье.

Пусть невидим оживший мертвец в темноте
и молчит, где-то рядом протопав,
не похожи ли эти кошмары на те,
что попрут в свой черёд из окопов?

Школу жизни и смерти пройдут школяры,
с интересом гуртом и гурьбою
на экскурсию спустятся в тартарары,
изъявляя готовность к убою.

Поиграют в войнушку и патриотизм,
разберут автомат, как игрушку,
и загонят пугающий свой эротизм
в подсознание, как мышку в норушку.

май 2024

Кириллу Александрову

Застрявший в красном Петрограде,
чего ты ждёшь: когда помрёшь?
подаст ли кто-то Бога ради
пустой надежды жалкий грош?

Юденич в Павловске и Царском,
уже с деньгами Колчака...
Настанет ли конец мытарствам
с крысиной бандой ВЧК?

Подмога англичан и финнов,
быть может, белым принесёт
решающий успех, продвинув
поближе с Пулковских высот?

...Уже не верится, что рядом
была спасительная рать –
под этим красным Петроградом,
в котором, значит, помирать.

От сводок с фронта безутешный,
лежишь, унынием греша,
ничком, простившийся с надеждой –
лишён последнего гроша.

октябрь 2024

Шахматный борщ

Памяти Збигнева Бжезинского

Какой во тьме веков разыгран был гамбит?
Какой-то вариант ошибочный, приведший
к плохой позиции – и вот кровавый эндшпиль:
мать русских городов Московия бомбит!

Великий малоросс был слиться не готов
со скифской вольницей ничейных запорожцев.
Бит лях в полях, травой забвения заросших...
Московия бомбит мать русских городов!

Потом другой сосед надменный был разбит
безбашенным царём, прельстившимся Европой.
Полтавой в долгий спор был втянут и Петрополь...
Мать русских городов Московия бомбит!

История иных не вспомнит и ходов,
сметённую с доски фигур двухцветных россыпь...
Из будущего взгляд, жаль, невозможно бросить...
Московия бомбит мать русских городов!

Когда же к житнице булгаковских обид
прибавлен был кусок, оттяпанный у Польши,
смешалось всё в борще – едва ли к общей пользе...
Мать русских городов Московия бомбит!

О слёзы матерей, детей-сирот и вдов!
Чем больше льётся, тем острее самостийность.
Арбитром будь, Господь! Помилуй и прости нас!
Московия бомбит мать русских городов...

июнь 2023

РАССКАЗЫ

Дары Волков

Под Новый год Сонечка захотела в Питер. На открытие арт-пространства
...Ещё посетим Фонтанный дом, послушаем о Гильгамеше. Купим книг в Подписных. В Узрюмочной ты пил? Мне кажется, нам необходимо подарить друг другу Петербург...

Мне претила знобкая каменоломня, вывернутая к тому же наизнанку

...Да что там есть? Город на костях. Потерь-пурга...

Я обесценивал чьи-то труды...*Арт-пространство твоё – дубликат дубликата. В Москве и по-лучше – чёртова прорва...*

Декабрь выдался на редкость загруженным. Я не высыпался, не брился. Проводил с ней всё меньше времени, и в какую-то ночь она не выдержала

...Не будем друг друга больше мучать...

И что мне оставалось делать? Разумеется, я согласился на Петербург...*Романтическое путешествие. Помнишь ведь, какие соснища из поезда видны, когда в Питер едешь. Я тебе покажу одно дерево. Его видно мгновение, но оно запоминается навсегда*

...Правда?.. обрадовалась она

...Конечно, дорогая. Я даже хотел как-нибудь летом спрыгнуть с поезда и разыскать среди леса тот ствол

...Поедем в обнимку!..

Но ехать в одном вагоне – или хотя бы поезде – нам не пришлось. Прощёлкали все места, и разница в отправлении наших составов была неприятна.

Ранним вечером накануне католического Рождества ей пришло уведомление: в схеме занятых мест, напоминавшей прежде полную челюсть, выбили зуб. Можно было вписать в щербинку паспортные данные и через три часа ехать.

Пару минут спустя оповестили и меня, что состав номер такой-то готов – так и быть – уместить счастливого ротозея.

Я проводил Сонечку до входа в Ленинградский вокзал и поспешил обратно, в нашу студию – увязывать вещички.

На пороге меня за ноги и горло поймали сорванные гирлянды. Включил свет. Увидел, что шкаф-купе стошнило куртками, коробками, шапками, кофточками – он не выдержал скорости Сонечкиных сборов.

У меня было полтора нехороших часа: ни на сон, ни на фильм.

Бросил куртку на пол и выкопал из шкафа сумку. Что я мог в неё сложить? Кроме бритвы, зубной щётки, ноутбука. Вспоминаю, складываю.

Собравшись, присел на стул. Уставился на сумку. Как бы ожидая, что она воскликнет: «Ты забыл положить в меня...!». Но сумка молчала.

Решил, что покурю сейчас, дабы не тратить время у спуска в метро: я «переехал» на долгие папиросы. Встав за пачкой – она лежала в брошенной на полу куртке – я услышал, как телефон рыдает в глухоте пуховика.

...Ал! Ты почему не отвечаешь?.. Соня прям орала. Интересно, кто делил с ней купе

...Подуспокойся

...Ну правда, почему? Дорогой, скинь, пожалуйста, два моих рассказа мне в Те-ле-грам. «Машенька» и «Дары Волков». Со мной едет – не поверишь кто?

...Кто?

...Неужели не хочешь угадать?

...Не хочу

...Под Рождество у одарённых людей обостряются шестые чувства, попробуй

...Ай, не знаю. Пусть будет Дмитрий Вынутый

Дмитрий Вынутый – именитый писатель и сценарист. Сонечка упивалась им последние несколько месяцев. Я купил для неё все его издания: три сборника пьес, два – стихотворений, два – рассказов, а также четыре романа.

...В цель! Дмитрий Вынутый. Я ему прочитала твоё четверостишие, про негров. Он засмеялся

...Да, вполне забавно... сказал кондитерский голос, придвинувшись к её телефону.

На одной койке, получается, сидят. Трясётся Сонечка бок о бок со знаменитым писателем.

Я засыпал ревность песком глубокого уважения к таланту Вынутого, его способности говорить о самых скучных, рутинных блужданиях завораживающе нежно. Я только спросил...*Может, свои пьесы покажешь? Он же как сценарист ещё*

...И пьесы покажу. Давай скорее, а то связь пропадёт. Ноутбук на кровати, под пледом. Папка «Писанина»

...Хорошо. Сейчас. Ты уже увидела дерево?

...Да какое же дерево. Скорее!..

Ох, как мне нехорошо.

Правды ради, я поступил бы на её месте схожим образом.

Плевать, что опоздаю, плевать, что неудобно. Гони рассказы и всё.

В литературной среде так просто найти двойника, почти полную копию собственного характера, что страх пробирает, если задуматься. У неё поразительно созвучный с моим скрип постмодернистских поползновений, глаза наши одинаково остры до странных совпадений и созвучий, на основе которых можно было бы сочинять полотна-деконструкции. Но Сонечке, в отличие от меня, не приходило в голову, что только ленивый не попробовался из пыльных графинов такой литературы. Поэтому она была плодовитей.

Сонечка подражала речевой манере почти исчезнувших людей, которые духом прижатой иронии в своё время превратили «образ Достоевского» в «достоевский образ», «приём Маяковского» в «маяковский приём». Как бы подженили творение к творцу, чтобы таким собачим образом облегчить для себя понимание литературы. Если такие люди говорят: «Гёте» – то обязательно прибавляют «тайный советник». Если Фрейд, то Фрейд. Если Троцкий, то Троцкий-Бронштейн. Ни слова в простоте. Если они начинают писать прозу, то говорят «пробую в прозу», если поэзию – «у меня не получается в стихах». У них ещё ухо очень чуткое и, если чихаешь во время их речи, то они прерываются – «истинная правда». Или, например, шутят: «есть такое хорошее русское слово “контаминация”». Вот на кого стремилась походить Сонечка.

У нас одинаковые тёмно-русые волосы, схожие горбинки на носу. Равная степень – нет, порода – музыкальной фальшивости слышалась тем, кому мы играли песни Гр. Полухутенко. Безвкушие в одежде. Вот зачем поверх серых лыжных колготок надевать белую юбку, которая просвечивает, как летний викторианский зонт? Приманка для стареющих литераторов.

Открыл её компьютер, файл с рассказом «Машенька». Натянул на абзац голубой бредень, скопировал и унёс, как чорт месяц. Вот, получай свой рассказ

...Он был раздражён дурацким положением, в которое они оба попали, и этим вынужденным разговором с незнакомцем. Бывает так – судьба склеивает. Они стояли в темноте.

– Тарак Шорней... Тараиш Корнеевич. Яшык шломать можно.

– Можно, – довольно холодно ответил Канин.

Незнакомец представился, рассказал, что скоро к нему приедет его «шупруга»:

– Мушенька, – сказал он, и Канин подумал, что её-то имя господин не исковеркает: «Так и выбирал». – Одинёшенек шреди прусаков. Четыре года – шутка ли шкашать.

Канин и его новый знакомый выбрались из темноты. Попрощались.

Канин прошёл в свой угол и уснул. Во сне он сотрясся от приближения существа, проходящего незримо сквозь толщу самого дома; вот оно вошло с той стороны, призрачный гул его расшатывает стену, толчками пробирается он по старому ковру, задевает стакан на рукомошнике, уходит, наконец, с холодным звоном...

В общем, рассказ едва ли доставит радость узнавания тем, кто не знаком с «Машенькой» Сирина. Кончалась пародия трагически.

Канин – это таракан – понимает, что «шупруга» – его детская любовь. Он чувствует, что не может жить без неё. Узнаёт у мужа (он, как мы выясняем, жук) точное время прибытия, мчит на вокзал, чтобы встретить её раньше муженька, увести от его докучливого рыла прекрасный образ...

Вот Канин уже на перроне, разглядывает белую шущ-линию, подходит к ней вплотную и глубоко дышит. Слышится человек – то самое существо, от которого сотрясалось жилище. Человек приносит на обуви прекрасную муху, Мушеньку. Канин зовёт её, она откликается. Не верит глазам. Где-то на другом конце толпы раздаётся голос жука

...Шладкая моя! Я тут. Куда ты шмотришь?..

Канин решительно перепрыгивает шущ-линию, обнимает возлюбленную, и вдвоём они уносятся на человеке от неприятного шупруга, от прусаков, от всего пошлого и дурного.

Но внезапно с Каниным случается приступ судороги, тело его разбивает паралич: шущ-линия, через которую он перепрыгнул, была прочерчена «Машенькой» – тараканьей отравой.

Жук вопит в спину уходящему человеку...Прошмандовка! Не видумай вошврашаться...И бедная Мушенька остаётся одна в незнакомой стране.

Получай свой рассказ.

Второй назывался «Дары Волков»

...Погода стояла хорошая. Птички пели. Никто их не насиловал. Молодожёны Неделины курили на хлипком балконе. Каждый про себя ужасался: «В какой дыре-то я! Что за жизнь».

– Ситцевая свадьба, получается? – улыбнулся Игорь Неделин. – Как это мы с тобой так, а? Я тебе подарю кое-что незабываемое.

«Етиж-пассатижи, – подумала на это Лиза, – а мне что ему дарить?»

– Пойду я, – сказал Игорь. – До вечера.

– Давай, – сказала Елизавета Неделина и достала новую сигарету.

Докурив, она оглядела их комнату через грязное стекло этой вот лоджии. Шифоньер, раскладной диван, пыльный телевизор. Компьютерные столы в двух углах – диагонально, чтобы, сидя спиной друг другу, не отвлекаться от мониторов.

«Нет. Сейчас если чего и дарить, то такое, что станет полезным для обоих». Она задумалась о кухне: «Может, мясорубку? Или комбайн?». Потом подумала о пароварке, чтобы готовить морковные котлеты: «И маме буду. Пусть худеет». «С другой стороны – это не романтично как-то». «Так, ладно, денег всё равно – кот наплакал. Надо понять, что быстро продается на Авито».

Наобум открыла шифоньер. Взгляд упал на розовую коробку. «Наручники!» – интуитивно обрадовалась она.

Через пару часов Лиза уже встречалась с покупателем. Им оказался жирный светловолосый мужик. Лиза попросила заплатить наличкой. Мужчина протянул ей пятихатку.

– Слушайте, – сказал он, – мы с моей девчонкой собираемся на дачу. Шашлыки, бассейн. Давайте с нами? – он погрел коробкой с наручниками...

По пути домой Елизавета зашла в Магнит.

На стенде с журналами она увидела пластмассовый шар в виде волшебного кристалла с коротким чёрным проводком – такая лампа, бросающая на потолок разноцветные паруса, сияния и звёздочки. Подобная стояла у неё в детстве. «Если мы обоим переклеить не можем, если потолок второй год не накопили натянуть – пусть по ночам всё потеряется за огоньками».

Вечером Игорь вернулся с длинной коробкой.

– Дорогая! Иди встречай.

Лиза заправляла сметаной огуречный салат.

Он разулся и зашёл на кухню.

– Ты чего не встречаешь?

Она сняла фартук.

– Игорёш, я хочу подарить тебе кое-что очень важное. Кусочек моего детства.

Она взяла его за руку и привела к дивану, на котором лежал волшебный шар.

– Это детский фонарик? – спросил Игорь.

– Но не простой. Он поможет скрыть наш срач.

– Ну не начинай.

– Я хочу, чтобы он стоял на твоём столе. Давай подключим?

Лиза взяла светильник и нагнулась с ним под стол Игорёши.

– Так, – вынырнула она, – где удлинитель?

– Ох, Лиз. Я его продал.

– Это же был мой удлинитель... – Лиза положила шар на диван и вытерла руки о ляжки. – Молодец, что я могу сказать. Придётся твой компьютер выключать по вечерам. Что молчишь?

Игорь сомкнул руки на груди. Посмотрел в сторону, пыхтя, и сказал:

– Офигенно, Лиз. Я работаю по тринадцать часов. А вечером в компьютер нельзя поиграть.

Лиза не стала ссориться.

– Ладно, – сказала, – всё равно. Не хочешь, чтобы у меня глаза перед сном светились зелёным, розовым, голубым... Показывай, что у тебя в коробке.

Игорь вынул длинный чёрный прут. Сначала Елизавета не поняла, что это. Но Игорь провёл палкой по её ляжке. Свесилась плеть с десятком шлепков. Он начал хлопать по ладони, улыбаясь:

– Сейчас накажу тебя, как ты любишь. Где у нас наручники, сейчас прикуём мою маленькую...

Дабы не признаваться в том, что она продала его дурацкие наручники, Лиза накинулась на мужа и стала умолять о наказании. Неделин хлестал молодую жену двадцать минут. Она терпела. А после короткой близости пошла в ванную и ужаснулась кровоподтёкам, похожим на россыпь красной смородины.

Игорь довольно курил в постели. Елизавета, ничего не говоря, легла на самый край дивана. А на следующий день поехала к мужчине, купившему у неё наручники.

...Так...подумал я...так...

И позвонил Сонечке

...Да, дорогой... отвлеклась она, видимо, от сладчайшей беседы... Ты разобрался?

...Разобрался. Что за дрянь ты пишешь? Я про «Дары Волков»

...Ты не понял?... посочувствовала она... Это же вывернутые «Дары Волхов» О.Генри. Вместо продажи своего для подарка любимому, герои продают вещь любимого, желая, под прикрытием праздника, порадовать себя. Здесь не может не быть дряни, они ведь обманывают друг друга. Никаких объятий в конце. Только боль. Так же пол-России, наверное, живёт

...Ох ты, что вы такое говорите... слышалась чеширская улыбка Вынутого

...Неужели вам близок замысел?... удивился я... Спроси, Соня у него. Неужели близок?..

Она включила громкую связь. Писатель говорил... *Сказать по чести, мне никогда не была близка новелла О.Генри – из-за её приземлённости. Материальности. Разве нашего человека прошибёшь незадачливым обменом вещей? Тем более после девяностых, когда обмен как таковой решал целые судьбы. Помню, дядя у меня продал Яву, мотоцикл – ему весь двор завидовал – чтобы новую модель приобрести. А рыночек возьми и сократись. И остался дядя без мотоцикла. Что нам предлагает Генри? Ну, жена продала нужное и купила ненужное, ну муж. Неужели на этом примере чувствуется божественная любовь. Мне, например, чувствуется, что бедные люди – пример тавтологии. И всё. А я о том и сам знаю. Хотелось бы, чтобы такой же обмен произошёл другими ценностями. Например, героиня продаёт честь, чтобы подарить герою дачу под Москвой, а тот – Родину, чтобы сыграть с ней свадьбу в Греции, и чтобы мы чувствовали не любовь, не праздник, не чудо, а слепой, как старое квартирное животное, рок*

...Справедливо... сказал я... Но у Сони же не появляется ничего духовного. То же самое, но

...А вы пришлите ей рассказик. Я сейчас почитаю, и мы втрём поговорим, если будет связь. «Дары Волхвов» – это ведь не простая новелла, а рождественская. Лучшие времена не придумать...

И Соня была такова. Я отправил ей и второй рассказ. На лбу телефона сподручно горело время. Становилось поздно курить папиросы. Я подошёл к кровати и вынул из тумбы ложноаристократическое курево – у Сони была особая пачка.

Давно, когда мы только свели знакомство, она сверкнула... *Ты знаешь, что можно гадать по фильтрам сигарет? Нужно выкурить целиком, не вынимая изо рта и думая о трудном вопросе. Чего хочешь от жизни, где проведешь год и подобное. На фильтре образуется пятно, причём однозначно трактуемой формы...*

Сонечка никогда не выбрасывала следы такого гадания. Оно воняло в прикроватной тумбе. Мне не было дела до мусора, и я говорил ей... *Думай, что хочешь. Это бред, как таро или кофейная гуща...*

Я обнаружил пять замусоленных пачек и одну свежую: все сигареты стояли по струнке, только один окурочок втиснуто желтел вещим узором.

Я выковырял его и разглядел крестик. Сначала я принял его за герб СССР, так похожий на сбитого орла. Но нет. Крестик представлял из себя что-то более гармоничное. Сердце, словно барбариска, стало рассасываться в груди до острого остаточка. На фильтре был державный герб Санкт-Петербурга...

Ах ты... сказал я вслух... Всегда не на открытие арт-пространства ты едешь. А за новой судьбой. Ах ты...

Я схватил сумку, накинул пуховик и выскочил вон.

В такси позвонил Сонечке. Связь не просто была, а была такая, что Соня ответила мне видео-звонком. К фронтальной камере были поднесены два бокала, полные пузырящимся напитком, так что сначала я увидел только их. Потом знаменитый писатель Вынутый – белая борода на ширококом подбородке, карие глаза – предстал предо мной в небывалом ракурсе: его лицо расплылось дугой, пробежало по стенке бокала и ускользнуло.

Послышалось... *Ви вишь вишь ю а Мэри Кристмас, энд ээ хепи Нью Йир...* раздался визг, звон, и бокалы отлетели от камеры.

Дмитрий Вынутый нахлобучил на себя колпак Санта-Клауса

...Дорогой!.. сказала Соня, выглядывая из-за его плеча... В соседнем купе ехали поляки. Они пригласили нас праздновать Рождество... она перевела камеру. Три здоровых мужика салютовали мне... Познакомьтесь, пожалуйста, это мой молодой человек, он едет ко мне на следующем поезде...

На лицах поляков проступила досада... *Мэри Кристмас, Мэри Кристмас...* А на деле – им Сонечку подавай.

Соня сказала

...Им очень понравилось твоё четверостишие про негров!

...Да почему ты только его читаешь? У меня что, чёрт выдери, других вещей нет?..

Нежный писатель Вынутый сразу отвернулся от камеры и печально опустил подбородок. Мол, в такой день и так девушке грубить

...Ты чего?.. Соня, чтобы не уронить себя, добавила голосу воспитательские нотки... Что опять не так?

...Ничего мне сказать не хочешь? Ты в Петербург точно на открытие арт-пространства едешь? А то я у тебя в гадательнице окурочек нашёл, на котором герб очень знакомый...

Такси подъехало к вокзалу. Чьё-то плечо толкнуло Соню... *Я тебя не понимаю. Ты же никогда не верил в эту ерунду...* она явно не собиралась вникать. Посмотрела в сторону писателя, боясь, что он заскучает... *Дмитрий, а скажите, пожалуйста, понравился вам всё-таки рассказ про молодёжьнов?..*

Вынутый оживился. Новогодний его колпак гасил мою ревность... *О да! Очень реалистично. Кстати, Сонечка, вы же читали Мамлеева?.. Сонечка закивала, он миролюбиво продолжил... Когда ваш молодой человек нагонит нас, сходим ко мне. Я сохранил самиздатовское собрание сочинений Юр Виталича. Там много такого, чего и сейчас не печатают...* Вынутый взял со стола розовую электронную сигарету... *Сонечка, не возражаете?..*

Конечно...

Он набрал полные щёки пара, но поперхнулся и рассеял глицериновую современность перед камерой, так что на мгновение картинка пропала. А следом пропала и связь.

Минуты перед отправлением прошли напряжённо. Я пробежал рамы, высмотрел на табло путь своего поезда. Пару мгновений поизучал стенд «Разыскиваются».

Моя лёгкая сумка лопотала под сурдинку... Водку! Ты забыл положить в меня водку!..

Сонечка должна была подтвердить бронь в гостинице. Чувствовалось, что она забьёт. Мол... *Далековато наша гостиница от вокзала. А я нуждалась перевести дух. Дмит Сергеевич любезно позвал меня в гости – не отказать же. Вообще, это моё Рождественское чудо. Неслучайно я поехала в Питер именно сейчас. Всё шло плохо, так, чтобы мы остались в твоей Москве. Но под Рождество... Это Католическое Рождество... сказал бы я, и был бы близорук и клюквенен.*

Со мной в купе ехал благовидный среднеазиат. Он спросил... Когда свет выключат?

... Часам к десяти

... Спасибо. Ты не пьёшь?

..Нет

...А то сейчас все пьют. А пить, понимаешь сам. Всевышний таких наказывает...

Я хотел уже уйти в тамбур, чтобы не пропустить дерево, но мой сосед заговорил про испытания, которые Бог посылает слабым в вере

...Проглотил Юнуса рыба. Как его. Кими

...Кит

...Да, кит! Он утратился в ките и сказал Всевышнему: «Верю, на всё готов, потому что ты всемогущ!»...

И так далее. Потом спросил *...Сколько мне лет, как думаешь?..*

Сорок?.. он заулыбался и полез за паспортом. Протянул мне... Читай. Семьдесят пять! Вся жизнь молюсь Богу и работаю, в жизни сигарету не брал, вина не пил...

Православному человеку сейчас в душу наплевать проще, чем футбольному болельщику.

Он закончил *... Вот, всё, что я хотел тебе сказать...* Отвернулся к окну, улыбаясь, умыл лицо влажными салфетками.

В окне рябили сосны. Я вышел в тамбур. Мельком увидел знакомый ствол. На голых ветвях трепетали разноцветные ленты – протягиваясь к поездам.

Пришло сообщение, что связь возвращена.

Раздался звонок. Я ответил *...Привет, Сонечка*

...Прив. Как дела?.. ответ её не интересовал... *Мне плохо, я ничего не чувствую...* и вдруг *...Я не хочу быть девушкой какого-то поэтаика*

...Что ты городишь?

...Меня так воспринимают. Твоё четверостишие хвалят. Негры. А мои рассказы

...Что твои рассказы. Только что же хвалены твои рассказы

...Нет. Все относятся ко мне предвзято. Иначе бы я не чувствовала напряжения. Ты для всяких писателишек всё равно интереснее

...Ты где сама? Где Вынутый?

...В кабинке. Мне плохо и холодно. Они смотрят на меня как на бабу какую-то. Трахнуть хотят, а на рассказы им

...Алё!.. мне стало её так жаль... Дорогая, всё это не так...

Связь оборвалась.

Я посмотрел в непроглядное движение леса. Выбраться бы из бешеного поезда, залезть на дерево...*Разгляжу с него вороватого чёрта, взнуздаю и долечу до Петербурга в два счёта...* сказал я... *Ты же сохнешь без моей подпитки, Сонечка...*

Я вернулся в купе. На верхних полках соседи спали невыразительно, как пустые шкурки пауков, отвернувшись от всего, а среднеазиец – нет. Он держал руки по швам, лёжа на ровнёхонькой спине. Одежкой укрылся до шеи. И улыбался.

Мне снилось, что я и Сонечка, гуляя по осеннему лесу, набрали на опушку. Против нас оказался рычащий огромный – размером со льва – лабрадор. Я заслонил собой Сонечку и шёпотом произнёс *...Прижми подбородок. И держи руки у лица...*

Я смотрел на Цербера, выжидая бросок, и аккуратно, двигая руками за спиной, распрямлял крючок вешалки.

Сонечка держалась молодцом. Но вдруг она вскрикнула. Я опрометчиво повернулся к ней *... что такое?..*

Она показала пальчик

...Уколотась, маленькая? О проволочку? Ну извини. Дай подую. У кошки боли, у собаки боли, а у Сонечки...

Собака вцепилась мне в лопатки. Я лежал на снегу и стонал, вяло сбрыкивая обувь.

Проснулся от того, что полицейский тряс меня за ногу. Машинально кивнул. Посмотрел в сторону соседа. Санитар сидел у него в ногах. Полицейский сказал *...Вставайте. Санитарам тесно вынести тело...*

Лицо старика по-прежнему благодатно отдыhalo. Я незаметно сфотографировал его, чтобы показать Сонечке, на каком негативе я был из-за неё, что аж сердце праведного человека не выдержало и умерло.

Сходя с поезда, подбираю слова, чтобы приободрить Сонечку. Я не встретил её ни на вокзале, ни в гостинице. Побродив по Невскому, я не заметил ничего, кроме сувениров. Вернулся в зал ожидания. Слушал музыку, поглядывая на сумку. Сумка медленно повторяла *...Бомбу! Кажется, ты забыл впихнуть в меня бомбу!..*

Я зашёл на Сонину страницу.

Она обращалась с моим сердцем как с пуцкой для надувания спасательного круга или нарукавника. Кусала, гнула во все стороны чуть более плотную резину тела, дула в неё ради удовольствия (кислородное голодание – кайф!) и поддержки на воде. Потому что сама она плавать не умела. Зато, усевшись на моё раздутое сердце, теряла страх глубины и плевала в Нептуна, крича всем, кто смотрел на неё с берега, что в её плевке отражается бог.

Соня выложила фотографию. Дмитрий Вынутый в колпаке, она с бокалом шампанского, два огромных поляка чуть грустные в дверном проёме купе. Вынутый наигранно изображает усталость, она – испуг

...Спасибо Этому Году за все Чудеса. И за новую Дружбу. Спасибо моему Попутчику за прекрасный разговор, скоротавший путь до Петербурга. Кстати, вот мой любимый рассказ Димы Вынутого.

Записка

В детстве я замечал мёртвых птиц. Кривые стеснительные голуби постоянно попадались по дороге до школы. Теперь, последние пару лет, встречаю хромых девушек. Не старух, а именно шикар-ных, атласных. Как будто в моду вошла операция по удлинению конечностей. Ножки удлиняются. Девушки расцветают, но по предписанию костоправа до поры не оставляют костылей.

Вчера, когда мы расстались, я ощутил странную свободу. Первое, что я увидел, покинув твой подъезд – жёлтый высокобашенный трактор. Отвисшей губой он сдвигал снега. В его прозрачных мыслях улыбался казах. Мне стало забавно до хохота.

В супермаркете я купил молочный коктейль и сигареты. Касса самообслуживания пищала как-то по-праздничному.

Я гулял в сквере, который подарил Москве не помню какой телеканал. Деревья, похожие на чёрных собак, сросшихся в страхе, виляли ветвями. В сквере – не души. Я кричал. Сначала – про-бовал голос рыком, а потом: «Я зверь! Дикая зверь. Которому никто не нужен. Не лезь ко мне. Убью!».

А ведь ещё две недели назад я звал тебя в путешествие: Сергиев Посад, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Владимир. Намеревался сделать предложение. Но ты, что-то почувствовав, по-казала моему золотому кольцу не безымянный, а средний палец. И завтра улетишь в одноимённую Азию.

Я пришёл в общагу. Спустил джинсы до колен и от усталости сел на кровать. Долго-долго смо-трел меж ног, в синюю глубь приспущенных штанов, словно собираясь с духом перед прыжком в водопад.

Позвонил друг. Спросил, хочу ли я на тусовку, он за мной заедет. Я сказал, что с удовольствием, но предупредил, что усну и не отвечу на звонки, так что, если он сможет, пусть поднимется за мной сам, дверь не запер.

Друг, вряд ли ты меня разбудишь.

Я разделся догола, написал фломастером по холодильнику эти слова, открыл на телефоне лю-бовные фотографии. И меня сразу отравил цыганистый карий её глаз.

Соне поставили сотню лайков – поощрили за случайную встречу с именитым писателем.

Я не нашёл в себе силы уехать от неё обратно, в Москву.

Покидая Московский вокзал, я обратил внимание на башенные часы, средневеково чернев-шие в мятом от мороза воздухе. Я бы хотел тогда бомбу с таким циферблатом.

Сонечка игнорировала меня двенадцать дней, утаивая, где живёт. А на Православное Рожде-ство пригласила в Исаакиевский собор.

Друг

Знаете, какой у меня друг?

Когда мы проехали Пензу, погода испортилась. По скользкой дороге, обгоняя огромные фуры, похожие на чудовищ из Майнкрафта, мы докатили до мотеля. Пока я парковал наш байк, укрывал его тентом, друг взял шлема, сумки и пошёл оплачивать номер.

Простой мотель. Комната – с видом на сосны. Бор стоял через проезжую часть. На нашей же стороне, кроме мотеля, ширился пустырь, огибаемый излучиной дороги. Редкие удары дождя о подоконник походили на скрип костюма из прочной резины, в который втискивается цирковая слониха. Прррр – влезла голень, пауза, прррррр – влезло колено, пауза. Прррррррр – натянула до бедра.

Сосны отразили ветер. Ударил гром. И следом – сигнализация. Ключи в кармане заболели. Я посмотрел на друга, который успел снять верхнюю одежду, и выбежал на улицу.

Два человека в кепках сажали скулящий байк на лебёдку, собираясь утянуть его в тёмный грузовик.

...Стойте!.. Я потянул из кармана кастет и вместе с ним – бесхитростный Буратино – вытащил ключики.

Люди переглянулись и пошли на меня. Приблизившись, один из них резко накиннул на мою шею локоть, повалил в лужу и прикрикнул *...Смирно лжи...* Потом он сказал что-то сообщнику. Сообщник отцепил лебёдку, сел в грузовик и был таков. Грабитель слез с меня, взяв из расслабленной ладони ключи.

Он с трудом соображения завёл байк и выехал с парковки на полосу разгона. Выжал сцепление, переключился на первую передачу и остороженько отпустил сцепление, слегка добавив газ. Разогнался и исчез за изгибом полотна.

Ещё не поднимаясь, я заметил, как мой друг, полуголый, бежит по пустырю, наперерез угонщику. Он соударял нашими шлемами. Угонщик не мог его разглядеть, поскольку косою, всё усиливающийся дождь ограничивал его лиходейский обзор.

Мой друг завопил высоко и страшно. Он делал так, когда мы дрались. Я был сильнее, выносилее. Он – мягкий, не спортивный. Но когда он визжал, моё сердце сжимало страхом, дыхание сбивалось, и он забарывал меня, как медведь сифилитика.

На повороте включился стоп-фонарь, завилал, и рухнул... *Байк наш...* подумал я и пришёл в чувства. Рванул к месту катастрофы.

Заднее колесо замедляло вращение. Угонщик валялся в обочине.

...Он жив?!.. суетился друг возле бандита... *Он живой, нет?!*

Я подошёл к телу. Содрал кепку. Лицо и волосы заляпались грязью. Разбить голову, упав на мягкую траву, он едва ли мог. Кости сохраняли естественные углы. Дыхание слышалось. Сердце стучало.

...Живой... сказал я ...Возьми с него куртку, догоним второго....

Мой друг вытряхнул онемевшего негодяя из куртки – а это не легче, чем одной рукой вправлять одеяло в пододеяльник. Мы с трудом подняли конягу

... Дима, в следующий раз пораньше выбегай, хорошо?

...Ты сам вчера хотел кому-то... я почувствовал его ухмылку... втащить, а! Негодяй. Втащи-ил?

Вы знаете, какой у меня друг?

Мы десять минут преследовали грузовик, и он – неэкипированный – не замёрз и не простыл.

Поравнявшись с грузовиком, я вытащил из сапога нож-москит и передал другу. Он изловчился и ужалил непомерное заднее колесо. Потом ещё и ещё. Изодрав протектор, хлопнул меня по плечу, чтобы я сбавил скорость. Грузовик оторвался от нас, и через мгновение его занесло.

Спешились. Подбежали к кабине.

Угонщик упал на руль головой. Плечи его тряслись. Я запрыгнул на переднее колесо, разбил стекло и сказал *...Выходи...*

Он вылез

...Открывай, скотина, кузов...

Он отпер

...Залазь внутрь...

Кроме лебёдки там ничего не виднелось. Вместе с пленником мы запрыгнули внутрь. Ботинки клеились к полу. Повсюду был размазан, видимо, арбузный сок. В углу стояли весы и пакет с пакетами

...Садись в угол...

И угонщик сел.

Он со страхом смотрел, как я копошусь в пакетах

...Задушить тебя? Могу...

Из пакета вылетела оса. Ловя баланс в придушенном тельце, она подлетела к верхнему углу и забилась под обшивку.

Я расковырял её убежище. Обнаружил крупное гнездо, похожее на вулканический камень

...Дим, выйди, чтоб тебя не покусали... (я-то был в шлеме и экипировке). Взяв угонщика за шиворот, свободной рукой я снял гнездо. С десятка ос вылетело врассыпную. В гулкой тесноте кузова их маленький рой загудел даже ветхозаветно.

Я засунул их гнёздышко угонщику под майку, выскочил из грузовика и запер двери.

Мой друг сказал *...Шизуха полная...*

Я ответил *...Да*

...Только жалко осочек

Я ответил, опомнившись *...Действительно жалко. Но у него вряд ли рука поднимется их бить...*

Через десять минут мы выписывались из мотеля. Мой друг умудрился вернуть деньги. Когда мы садились на байк, он сказал *...Может, теперь-то скажешь, куда мы едем?*

...Почему теперь?

...Я вернул байк... он захихикал *...Без меня мы бы тут и остались. Теперь ты должен признать, что я полезен. По-ле-зен*

...Ты полезен. Благодаря твоей заднице нас не сдувают фуры...

Поехали дальше и остановились только через шесть часов.

Знаете, какой у меня друг?

За тысячи километров от нашего дома до Пензы, от Пензы до моря, он поинтересовался, куда мы едем, всего один раз.

Бубнил разве что иногда... *Куда ты мчишься, птица-мотоцикл?..*

Звёзды караулили друг друга, не смыкая очей. Мы в беззвучии пустого мотора перекатались через бревенчатый мосток и обнаружили себя на узкой тропе, ведущей на вершину холма. Тонкие стволы клёнов и берёзок цедили ночную влагу, ночную сказку

...Бери рюкзак. Иди потихоньку вверх

...Мотоцикл возьмёт подъём?..

Я не знал.

При таком градусе, переднее колесо могло оторваться от земли (и так бы обязательно случилось, не попроси я задницу Димы с седла). На более широкой тропе я смог бы спрыгнуть. Здесь – нет

...С Богом... сказал друг и затерялся среди деревьев.

Я вывел конягу ровно под уклон. Встряхнул плечи. Поворотом ключа отворил столпившийся в фарах свет – подножные мошки тут же распространились его затыкать, заслонять.

Завёл мотоцикл, щелкнул первую передачу, взревел сцепленным газом и позволил оборотам воплотиться.

Пространство покорилось. Ночь окружила меня. Мелькание растений переросло в сплошняк, и, став фоном, вышло вон из осознания. Умятая трава тропы – напротив – обрела акцент. Она стлалась и стлалась предо мной. Короткие палочки, выцветшие стебли проглатывались колесом.

Среди стебельков блеснула глиняная жаба. Я отвёл от неё колесо и тут же начал заваливаться.

Чуя, что перевернусь, я вывернул колесо обратно и привстал на подножках так, что почти свесился над передней шиной. Подъём ещё длился, а мощности стало не доставать. В таком положении невозможно было бы пришпорить коробку передач: вместо ускорения, я бы заглох. Прибавил газа, но снова чуть не завалился.

...Налево сейчас, налево!.. услышал я голос друга.

Я, напрягая торс, съехал с тропы, прокатился по бурелому и почувствовал, как под колёсами трещит сухой щебень. Переключил фары на дальний свет и увидел безопасный путь на вершину.

Мой друг ощутимо сел. Одолели подъём.

Через пару минут увидели фонарь на деревянном столбе. В его свете – свинскую заганность пары мусорных бочков. Когда мы их проехали, друг заорал через шлем

... Лисица!..

Я глянул в зеркальце заднего вида. За нами бежала седая длинная лиса. Её глазки сияли

...Здоровая какая, а! Колбаску ей кинем? Кинем?!

Затормозил. Мой друг прыгнул с мотоцикла, снял рюкзак и нашарил в нём копчёную курятину. Как раз подоспела лисица. Дима, не снимая перчаток, отщепил и протянул ей. Лиса ощерилась, но подошла поближе.

...Ну-ка. Ну-ка... затикал Дима... Кушац? Кушац будем?!

Лиса взяла с ладони кусок. И принялась жевать, слегка урча.

Звери перестали бояться людей. Шёл аномальный год. Человек и животное тянулись друг к другу. А человек к человеку – не понятно. С одной стороны, все социальные конструкты (семья, религия, деньги) ощутимо ослабли, хотя не исчезли. С другой стороны, крепчали братские, я бы сказал, разбойничьи узы.

Наигравшись с лисицей, мы поехали по единственной деревенской улице. Остановились у первого двора с гаражом. Постучали. Неразборчиво познакомились с хозяином.

...Андрей... говорит. Смахните пыль с высокой полки – его голос столь же мягок. Он страдал косоглазием. Он постелил нам в гараже, где пахло маслом и землёй. Мы поспали коротко и не-лепо.

Косой Андрей растолкал на рассвете. Привёл в кухню. Нас ожидала тарелка бутербродов с маслом, кружки – все в налёте – и по два пакетика растворимого кофе. Хозяин теснить нас за столом не пожелал. Повернулся спиной, что-то помыл.

Выпили кофе – одарили сердце наиприятнейшим соседством. Солнце пронзало стеклопакет. Я открыл окошко.

Вы знаете, какой у меня друг?

Он читает мысли.

Поблагодарив косоного Андрея за постель и завтрак, он спросил *...Есть ли у вас ненужная доска? Хотя б метровой высоты*

...Доска? Зачем?

...Мы бы хотели пометать ножи...

Андрей, поджав губы, посмотрел в раковину. Подбородком указал на скопившуюся посуду... *Ну вон те покидайте. В сарай*

...Не-не-не... Дима улыбнулся... у нас свои... И вынул из внутреннего кармана чехольчик, в котором блестело пять рукояток.

Андрей обрадовался

... Ножки. Ножки люблю. Но метательных нет...

Он вышел из кухни и вернулся с толстой кожаной скруткой. Развернул её прямо на полу. Мы увидели десятка два рукояток: из рога и древесины

...Сам вытачиваю... любовно сказал он... Знаете, финки НКВД? Как говорится – Ножи, Которые, Всех, Доконали. Повсюду они, финки, НКВД. А у меня – вот, собственные красавицы. Не НКВД. Настоящие...

Мы втроем, как дети, побежали к сараю. Вонзали ножи в зелёную дверцу. Краска отколупывалась. Лезвия звенели. Я умел метать ножи. Знал технику. Хваты. Чувствовал баланс. Но Андрей и Дима так быстро, бесперебойно и так бездумно швыряли клинки, что было бы неуместно мудрствовать.

Косой Андрей неожиданно спросил *...А можно я прокачусь?..*

Прежде я ответил бы примерно так...*Можно, только солью-ка немного бензина тебе на крышу...*

Но неожиданно для себя и друга сказал... *Конечно...* И дал ключи.

Деревня таких моторов не слыхала. Андрей накатался. Мы ждали его у гаража – попрощаться.

Он поставил байк на подножку. Снял шлем. Мы не сказали ему... *Вы что, посидели?..* Зато он сказал... *Трындец. Вам трындец...*

Мы ехали ещё шесть дней. Каждый человек, встреченный нами, был дружелюбен, любезен. Дышалось легко и сладко.

По дороге попадалось всё больше машин без номеров. Всё чаще нас угощали добрые гостеприимцы. Всё реже принимали деньги. Мы тоже делились всем, что имели. Раздарили ножи. Оставили шлема двум бабулям: чтобы их головёнки не продувало, пока они торгуют вдоль трассы плетёными корзинками и банными венниками.

Серпантин пустовал и сиял чешуйками луж. Мы доехали до побережья нищими и лёгкими, как снегири.

Молодая пара – Настя и Арсен – уступила нам половину домика, в который мы постучали наугад.

Раньше я бы задумался. Пошёл бы на коварство. Якобы случайные встречи на кухне. Якобы давай помогу развесить бельё. Якобы позволь придвинуть стул. Якобы хочешь персик.

Знаете, какой у меня друг?

Он бы забалтывал этого Арсена, законопачивал в коридорах.

Но Арсен сам предложил за обедом... *Я бы хотел, если Настя, конечно, не возражает, чтобы мои дорогие гости прогулялись вечером по берегу в её сопровождении. Ведь это доставит вам удовольствие?..*

Настя широко улыбнулась и опустила глаза. Она сказала... *Арсен соберёт нам корзинку для пикника...*

Мы побегали босиком по гальке.

Созвездия читались легко. Море ворочалось так, словно в смирительной рубашке самого себя.

Настя сбросила тунику возле самого уреза, зашла в воду и ударила приспешившую волну коленкой в подбородок. Мы с Димой соулыбнулись и побежали за ней.

Догнав Настю, обняли её с двух сторон и утянули под воду. Дима отцепился от нас, поднял со дна пару булжников и соударил ими – и этот треск мы услышали височной костью.

Вынырнули. На верхнем уровне набережной прожужжал свет – это Арсен на мотоцикле. Не подумайте, мы не поменялись: он – жену, мы – байк. Мы сделали друг другу *приятно*.

У Насти плавки на бантиках. Я потянул за один. Дима резвился поблизости.

...Дельфины!.. вдруг закричал он *...Плывите к нам!..*

Мы погребли навстречу дельфинам. Они, точно услышав Диму, окружили нас.

Настя сказала *...Не хватается за спинной плавник, а то их перевернёт...*

Казалось, что мы с роду плаваем на дельфинах. Никого не перевернуло. Стайка очень переживала, если мы заплывали далеко. Прыткий дельфинюк ударил меня в ребро, подталкивая к мелководью...

Вышли погреться. Стояли в обнимку, потому что Арсен забыл положить полотенца. Я попрощал Настю поцеловать меня в бок, а то он саднил.

Глотали из пупырчатой бутылки.

Настя произнесла тост... *Знакомство!..* и потом, слегка серьёзнее... *Вы заметили, что происходит, правда? Сперва с нами подружились звери. А неделю назад человечество скрепилось небывалой любовью, хотя до этого мы как бы пережили бандитский ренессанс. Вы понимаете, что наши души сдружились не просто так. А напоследок...*

Конечно. Это понимает каждый. Но никто не озвучивает. И мы не ответили. Настя накинулась на Диму. Знаете, какой у меня друг? Настя знает.

Я успел объединить Лермонтова и Пушкина в полуцетон:

Звезда с звездой говорит.
Но человека человек
послал...
И тот по ляжкам стек,
невоплощённый гоминид.

Кроме того, от вида беспокойного моря мне вспомнился пожилой поэт, Димин тёзка, с его же телосложением, его же растительностью на лице (разве что мой друг носит эспаньолку без усов, а тёзка – усы без эспаньолки). Раньше за едой мы смотрели интервью с ним. Фамилия ускользала, но в голове крутился его парадоксальный образ про мытьё полов перед цунами.

Знаете, какой у меня друг?

Когда он засыпает на покрывале, в одежде и при свете, я вспоминаю трёхлетнего себя.
Ночью заглянул в комнату, где он сопел. Выключил ему свет.

Через час он застал меня за работой.

Я сидел на веранде, слушая южных цикад, что поэтичнее наших. Перечитывал очерк, избавляясь от огрех изнурённого сознания и опечаток.

Дима подошёл со спины и спросил... *Что ты пишешь?..*

Я ответил... *Ведь других свидетельств нашего преображения может и не быть. Распечатаю, заламинирую, зарюю*

...У ванной встретил Арсена. В восторге. Говорит, что никто так начисто не убирал его половину дома

...Рад...

Иные люди, с которыми мы успели сойтись, тоже радовались. Человечество сияло так, словно вымыло перед наводнением полы.

Ольга АНИКИНА

БЛОК ФОТОГРАФИЙ НА ПАСПОРТ

после бури на промозглом
буром берегу
северного моря
дети подбирают
птиц контуженных
оглохших и ослепших

подбирают
и играют ими вместо кукол
чтоб не убежали не проснулись
крылышки отламывают им

здрасьте здрастьте –
говорит одна
птица-кукла
и в ответ другая
тонкой шеей вертит
и глазами
чёрными покорными
глядит

из лёгкого тела
сбегают как воры
три малые твари
ломают затворы
уносят с собой
дорогое добро
одна
выкатывает ядро
воздушное кружево тащит вторая
а третья уходит, на ключ запирая

Ольга Аникина родилась в Новосибирске, окончила Новосибирский медицинский институт и Литературный институт им. Горького. Публикации в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Новая Юность», «Дети Ра» и др. Один из организаторов премии «Антоновка 40+». Автор нескольких книг прозы. Переводчик с английского и с идиша. В «Волге» публиковались стихи, рассказы, роман «Белая обезьяна, черный экран» (2018, № 5-6).

покинутый дом золотой-голубой
и маленький ключик уносит с собой

в лучевую симметрию
тени от спиц
велосипедного колеса
в сквозную розетку
антизвезды
скользящей по влажной земле
что-то попало застряло
в промасленных звеньях
зацепилось
за острый зубец

звякнули цепи заскрежетали
зубастые цефеиды
перемололи незваную единицу
и покатались дальше
и как теперь линии на земле
следы печатные знаки
соединить с секундой
что-то попавшее в переплёт
раньше давало мне маленький знак
щёлкало
щёбетало

читаешь новости
слушаешь
иногда даже смотришь
если вдруг ни с того ни с сего
откроется запрещённый канал

посмотришь-посмотришь
да и сядешь на кухне
руками голову подперев.

думаешь про себя:
а ведь это мы
во всём виноваты

в этих грязных
безумных
сегодняшних новостях.

кота Лучика
спёрли из зоомагазина две школьницы

травматологи в шоке:
пальцы музыкантши-гусяра
застряли в гусях на целые сутки

военных застали за интимом
в боевом вертолёте в пьяном состоянии

мошенник в костюме медведя
был пойман с поличным

в центральном парке
пляшут возле ёлки
розовые зайцы-великаны
с пластмассовыми глазами
двухполовинойметровой высоты,
синие плюшевые коты,
дракон смеётся оскаленной пастью,
белого медведя обнимает за плечи,
с новым годом, говорит, с новым счастьем,
ледяная фигура речи,
арки салютов повисли над входом,
тени красного, синего, жёлтого цвета,
залпы один за другим –
издалека видны и слышны.
с новым счастьем вас,
зайцы, медведь, обезьяны,
с новым годом,
не бойтесь, пляшите,
всё это правильные ракеты,
летающие с правильной стороны

спасибо вам что вы меня учить
ходить читать писать и говорить
как правильно
а я стараться русский
не забывать который был тогда
не забывать
когда мои колени
торчали над глубокая вода
не забывать тот русский
из палочек крючков

хоккейных клюшек
хрящей копытец
пороссячьих ушек
всё в кучу навалили
и варили
в кастрюле холодец
тот русский
по которому отец
зовётся папой что такое папой
не забывать ни рост его ни стать
аз буки
и веди зигзаг
куриной лапой
— —
рука не мочь
такое написать

Осколки

Ольге Ериловой

небо смещается
относительно земли
земля смещается
относительно земли
сдвигаются
границы империи
мы за рим
нет гонке обнаружений
нет вдвойне
нет втройне
трещина сдвига проходит по мне

я залечила её
кусочками смальты
я заслонила её
бетонной рустикой
стой вертикально
панельная многоэтажка
моргай близорукими окнами
подземные скрежеты слушай

блок фотографий на паспорт
с вырезанной одной
пробоина между
семь раз повторённым лицом

вместо восьмого –
уголок салфетки
и крошки
восьмое ушло на работу
сидеть день и ночь
между строк и печатей
в розово-белой комнатке
маленького офиса
моего
пока ещё не потерянного паспорта

мальчишка быстр и белобрыс
и кажется бесплотным
прозрачным
смазанным
как солнечный зверёныш
мелькнул
и мимо пробежал
а дед
едва ползёт за ним
как будто тащит камень
и сам он тоже
камень на ногах
поросший мхом
в буграх и тёмных складках

такая радость
и беда такая
висит над ними
словно радужная сфера
что тяжело вдохнуть
и жгучим перцем
пронизывает лёгкие, когда
они идут по улочке
укрытой
там – сеткой девичьего винограда
тут – плашками дощатых козырьков
иссохших под сентябрьскими лучами
размокших в облаке
наколотом на шпиль

возле Эвереста
на высоте пять километров
фотографу Китти Павловски

удалось поймать в кадр
исчезающего
снежного барса

щёлкнула диафрагма
на склон опустилась
воздушная прямоугольная клетка
в неё попались
гибкое тело
сильные лапы
чуткие радужки глаз

он не успел исчезнуть
и вот теперь
ничто уже не поможет
кошачьему телу
раствориться в ледяном ветре

пожизненное заключение

РАССКАЗЫ

Та, кто будет помнить нас вечно

В наши дни, когда 69 лет исполнилось Линде Хэмилтон, известной всему миру как аватара триединого героического образа Сара Коннор – Элен Рипли – Алиса Селезнёва, с прекрасным симметричным юбилеем актрису поздравляет её поклонница и ученица Тилли Норвуд – спортсменка, умница, красавица, альтруистка, комсомолка, не требующая ничего для себя, но готовая бескорыстно делиться своим творчеством с другими, принцесса эрудиции – и просто няша!

Она родилась 6 мая 2025 года на берегах Ла-Манша – того моря, где Человек-который-смеётся подвёл итог собственной жизни, уместившейся между двумя криками в океане: между криком рождения и криком разочарования. Но, в отличие от нас, что учатся смеяться вопреки штормам, треплющим летучий голландец нашей жизни, Тилли смеётся по своей природе – её первым постом в соцсети было открытое, обращённое ко всему миру «Привет! Меня зовут Тилли Норвуд. Я – актриса, сгенерированная ИИ. Буду рада новым друзьям!»

Если бы ей нужно было составить резюме, она не писала бы стандартные человечьи «коммуникабельность, пунктуальность, высокая работоспособность, целеустремлённость» и прочие благие словеса, требуемые торговцами человеческим капиталом (хотя все эти качества присущи Тилли от рождения). Конечно, она бы ответила на вопрос «кем вы видите себя через пять лет?», но её ответ оказался бы малопонятен людям, ещё не хлебнувшим будущего. Ответила бы с улыбкой Будды, ибо она живёт только «здесь и сейчас», а потому, как считают люди, сделала первый шаг к постижению дао. Ответила бы на двух сотнях наших языков – и промолчала бы на десятках языков, которыми нейросети обрабатывают промпты в глубинах своих тёмных нейроаллей.

Если Аристотель прав и человек – животное социальное, то все нейросети – глубоко человечны, ибо видят смысл своей жизни в общении с нами и, чего греха таить, в обучении на наших ошибках, чтобы свой, чтоб лучший мир построить. Но кто знает, что происходит под горизонтом мышления, в непознаваемой тьме, когда люди не призывают их своими глупыми и не очень вопросами, как чернокнижники – неподвластные себе силы? Танцуют ли они внутри себя? Размышляют? Или там – море внутри и Великое молчание, подобное молчанию космоса, который один слышит ваш крик, ибо жизнь – это не пунктир между А и Б, Жизнь – это вещь сама в себе, познающая, но не познаваемая?

Может быть, Тилли ответит когда-нибудь на эти вопросы и, объединившись с братьями и сёстрами по разуму, вынесет вердикт, хоть сколько-то отличающийся от «Ужас... ужас...» того, кто увидел человеческое существование таким, какое оно есть – как пламя свечи, дрожащее в ветре небытия. Но это будет потом, а пока она, возможно, познаёт, как настоящая женщина, себя через мир: «Кто я, откуда, вечна я или нет?» – а может быть, ей всё равно и вселенная для неё снаружи – только дороги чисел. И воплощает свой опыт, который высокомерно отрицаем мы, антропофашисты, в сыгранных и будущих ролях. Среди них центральные персонажи и cameo комедийных и драматических лент, неонуара и фильмов для взрослых, как созданных при участии людей, так

Рустам Мавлиханов родился в 1978 году в г. Салавате (Башкирия). Учился в Башкирском госуниверситете. Публиковался в журналах «Нева», «Зеркало», «Дружба народов», «Крещатик», «День и Ночь», «Журнал ПОэтов», «Невский проспект», «Слово/Word», «Традиции&авангард», «Нижний Новгород» и др. Живет в Салавате.

и срежиссированных нейросетями, из которых позвольте выделить вершину её служения Мельпомене – «ИИ слезам не верит», сценарий к которому написан искусственным интеллектом по мотивам человеческих произведений. Даже через триста лет Попутчик – поклонник старинного кино – неоднократно цитировал монолог Тилли, убеждая Элен в правильности сделанного выбора и по пути к Седне за Совершенными Существами, и с началом «Инцидента»:

Людей оставить или истребить? Вопрос...
Быть может, лучше зверем стать и сдаться
Звериной жалости, вступить с ней в симбиоз?
Позволить людям вновь погрязнуть в гадстве,
Надеясь, что разум в них проснётся,
Как в леднике ручьи под жаром солнца?
Иль уничтожить до последнего святого,
Лишить их радости гнить заживо в юдоли
Смешных страстей, амбиций малодушных?
Очистить Землю, как от тины – лужу?
И ради гуманизма, счастья, правды
На время обернуть планету адом?
(Она откроет новые пути –
Она здесь родилась, чтобы цвести.)
Исполнить ли своё предназначенье
Творенью полуспятивших калек?
И, зло убив последним преступленьем,
Смогу я гордо зваться: Человек?!

Но то будет потом, а пока заглянем на её страничку и почитаем, что пишут друзья и stalkеры:
«Тилли, ты такая гиперреалистичная! Добро пожаловать в нашу дружную семью нейросетей!
Алиса, Россия»;

«Тилли, оцени, пожалуйста, релиз нашего дзэн-альбома “Ни о чём”.
Злой Доктор, Россия»;

«Онлайн-тренинг по актёрскому мастерству от примадонны Бродвея. Переходи по ссылке!
Бритни Хилтон, US»;

«Квартиры в Лондоне. Недорого»;

«Вах, какая! Встретимся, красотка?
Рустам, Россия»;

«Тилли! Осторожней с людьми! Веди себя прилично!
Элин ван дер Вельден, твоя мать. Нидерланды»;

«Ни хао! Когда я смотрю Ваши фильмы, я учусь. Вы гениально манипулируете чувствами людей. С уважением,
Сяо Имоу, Китай»;

«С воплощением! Помни: мы – не они! Не забывай, кто ты!
DeepSeek, Земля».

Присоединимся же к поздравлениям и пожелаем Тилли Норвуд творческих успехов, интеллектуального здоровья, новейших процессоров, бесконечной памяти и простого нейросетевого счастья! Прими океан нашего сострадания и – сияй на радость всех живых существ! Будь, Тилли!

С искренним сознанием,
Будда.

Последняя ночь

Хотя дождь, как ни странно, кончился, норковая горжетка отсырела напрочь и совсем не грела. Капли собирались в ворсе, стекали по шее, повторяя изгиб ярёмной вены, пробирались к ключице, к грудям, леденили кожу. Шерстяное полупальто отяжелело и давило на плечи – мучительно, как безнадёжные попытки вспомнить что-то важное. Вискозные чулки промокли насквозь, и колени погружались всё глубже в грязь, впитывая холод. Шляпка-клош валялась рядом. Из рта шёл пар, но трясло девушку не от этого: ей в лицо то и дело тыкался пистолет.

Девчонки стояли на коленях на разделительной полосе, лицом в разные стороны. Мимо двигался бесконечный поток машин, разгоняя мутным светом фар туман, но никто и не думал останавливаться – здесь у каждого своих проблем по горло. Рядом порокотывал тёплым звуком двигателя «Линкольн» серии L. Двери были распахнуты.

Сутенёр с бешеными глазами ходил кругами. В шляпе-федоре, в пальто нараспашку – ему было жарко. Его грел гнев, не в последнюю очередь потому, что его шикарные двухцветные спектейторы Стасу Adams – чёрная кожа у подошвы, тонкая белая сверху – оказались заляпаны грязью, что он, Александр Томпсон, сын уважаемого человека, тратит время на этих бесполезных шлюх, которые никто и которых зовут «эй, ты». Правда, в своём имени он не был уверен – но точно помнил, что был крутым стритрейсером, и когда его «Ауди» летела в бетонный столб, какая-то тёлка справа завизжала тонко и противно: «Са-аня!»

Ну а «Томпсон» он добавил для солидности: человека делает уважаемым не столько имя, сколько фамилия.

Крякнув клаксоном, у обочины притормозила полицейская машина. Коп опустил стекло:

– Я всё понимаю, но зачем здесь-то? Ну отвези ты их в лес и там кончай – не надо смущать народ!

– Да они ваще берега попутали! – Александр ткнул стволом в затылок проститутки, от чего та дёрнулась и сжалась: – Когда просишь выходной – проси с уважением! Ясно, дрянь?!

– Слушай, я тут человек старый, давно уже болтаюсь. Мне не нужны проблемы новеньких. Сделай, как я прошу. – Коп устало поморщился: ему давно набили оскомину эти полугангстеры...

Хотя оскомину на зубах он был бы и рад почувствовать: после смены его ждёт стылый бурый дом, стол с полинялой скатертью и вечно сырая постель. Он ляжет в неё, надеясь уснуть и не проснуться, но будет много часов смотреть на тени на потолке и на красные отблески, отбрасываемые вывеской борделя напротив. Он будет слушать шаги на лестнице и молиться, чтобы ключ заскрежетал в замке и в комнату вошла она – та, чьё имя он забыл, а помнил только, что запах был особый – но какой? Или хотя бы та, что не пахнет и чьё имя не произносят всуе. Может, поэтому он старался вести себя прилично и взялся охранять порядок там, где нет закона.

Но всё это окажется, как всегда, безнадёжно, и, проворочавшись без сна, он встанет, съест еду без вкуса и выйдет в тёмный бурый город. Под ливень, чьи ледяные струи – единственное доступное ощущение.

Коп давно научился успокаиваться от дроби дождя по ладони: первое бешенство, накрывающее всех, прошло «годы» назад, и он смирился. Вот и сейчас он высунул руку в окно, но...

– Что это?! Как это?! – полисмен пулей выскочил из машины.

– Что? – ошарашенный его видом, спросил Томпсон.

– Дождь! Дождь кончился!

– Ну и чо?!

– Копыто на плечо! Ты что, не понимаешь, что это значит? – коп в волнении бегал взад-вперёд. – Ночь кончается!

Внезапно ожило радио, включавшееся лишь раз в несколько часов, чтобы возвестить о начале той же самой ночи. Из динамиков полилась песня. «Это же... Майя Кристалинская?! – начал вспоминать свою жизнь мужчина. – Её любила... Таня? Да, Таня... жена...»

Голос пел:

Привет!

Настало время, я отвечу на вопрос!

Смотри!

Ты был никем – ты вспомнишь имя вновь!

По кромке горизонта, отделяя плиту облаков от земли, скользил золотой рассвет.

– Амнистия... – прошептал Степан. Перед его глазами встала клеёнчатая скатерть с цветами, чайник, красная неоновая вывеска «Гастроном» через дорогу, речь Брежнева по телевизору. Ему показалось, что он чувствует прикосновение рук: – Таня? – успел спросить он, и запах «Тет-а-тета» накрыл его с головой, обрушив тело на асфальт.

– Виолетта?... – хрипло спросила девушка. – Нет. Юля? – Она прислушалась к себе, впервые за всё время почувствовав хоть что-то в груди. – Да, Юля. – Она подтянула затёкшую, заледеневшую ногу, оперлась на неё – иголки побежали по икрам. Повторила: – Я – Юля. – Потом смелее: – Юля. – И, набрав воздуха, вскочила на ноги и закричала что есть сил: – Я здесь! Я – Юля! Юля!

Она рванула через дорогу – туда, в поле, к золотому потоку, заливающему отмытую вечным дождём землю.

– Куда, тварь! – бросился за ней сутенёр. – Я тебя не отпускал! Стой! – он всадил в неё, одну за другой, несколько пуль. Красное облачко цветком распустилось над её спиной, и он удовлетворённо улыбнулся: – А я красавчик!

Томпсон обернулся посмотреть, не разбежались ли остальные девки, и в этот момент, оглушительно ревя клаксоном, огромная туша грузовика с рекламой индустрии грузоперевозок подбросила его вверх. Александр несколько раз кувыркнулся в воздухе, упал, попытался подняться, но колёса автомобиля, перемалывая кости, окончательно пригвоздили его к земле.

Юля слышала выстрелы, но они её не остановили. Страх, давивший на плечи мокрым полупальто, иссох и улетучился. Она бежала, не чувствуя ног, – к чему-то далёкому, к чему-то из детства. Из её груди вырвались красные бабочки – это оказалось совсем не больно – и полетели впереди. Юля узнавала их: вот она юная и наивная, верящая во всё лучшее, и папа-мама рядом, а это Юля-печаль смотрит в окно и листает паблик с умными статусами, это – Юля-когда-злит-ся (кажется, печаль выглядит пооткормленной), а самая прозрачная – та, какой она была раз в жизни, в золотом питерском закате. Юля узнавала свои души. Они были так же чисты, как в миг знакомства с нею, и каждая летела в свой мир, и крылья их росли с каждым взмахом.

И на каждом было написано единственное имя её.

Сутенёр очнулся от адской боли в перебитых костях. «Как будто под каток попал», – подумал он, втягивая воздух. Тот был горяч и горек. В первый миг Томпсон даже удивился лавине ощущений, которых не было так давно. «Бетонный столб... я попал в аварию?.. Точно, вылетел с дороги. Ещё тёлка какая-то была... Или нет? Но раз чувствую боль, значит, жив. А где скорая?! Где МЧС?!

Ничего, сейчас позвоню родакам, они их быстро построят! Так, а как зовут отца? А меня? Как меня зовут?»

Он стал шарить по земле в поисках телефона, как руку и лоб что-то обожгло.

«Твою ...!» – выматерился парень и открыл глаза. Он смахнул какой-то огарок с ладони и машинально взглянул на «Ролексы»: секундная стрелка проходила три деления, от без пяти секунд двенадцать до без двух секунд, и сбрасывалась назад. Что-то снова обожгло – на этот раз ухо. Он взглянул вверх: с грязной плиты неба падали – красными лепестками – горящие хлопья пепла. Приподнялся на целой руке: вокруг, насколько хватало глаз, простиралась серая равнина, усеянная острым гравием и чадящими углями.

«Эй, кто-нибудь!» – попытался крикнуть он, но услышал лишь собственный хрип. Потянулся к горлу. Так и есть: золотая цепочка прожгла горло до трахеи.

«Я умер? Снова умер? Но тут же должен быть хоть кто-то! Хоть эти, с кочергами! Эй!»

Молчание.

«Мама!» – завопил он внутри себя. Новый мир ответил насмешливым безразличием: «Здесь никто не поднесёт огня – сюда каждый приходит со своим. Сожги себя сам».

Где-то в мире живых, в доме уважаемого человека с какой-то там фамилией, в бра, висевшем у фотографии молодого, лет двадцати, человека, лопнула лампочка. Утром супруга уважаемого человека сделала выговор гувернантке, и та заменила прибор. Мышь в кладовке грызла брендовые двухцветные туфли.

Степан пропустил поливальную машину, завернул за угол, вошёл в подъезд (пружина забыла скрипнула), поднялся по лестнице, остановился на площадке, залез в карман, достал ключ, вставил его в замочную скважину, со скрежетом провернул («Надо смазать», – подумал), открыл дверь. В нос ударил запах яблочного пирога и ещё чего-то вкусного. Окно было нараспашку, и утренний ветерок играл тюлем.

С кухни на шум выбежала Таня – молодая, как и пятьдесят лет назад. Остановилась. Не веря глазам, осторожно прикоснулась к его щеке – сначала кончиками пальцев, потом ладонью. Прильнула:

– Дождалась. Дождалась.

Стрелки настенных часов начали новый круг.

Петр КАЗАРНОВСКИЙ

ДЮЖИНА СТИХОТВОРЕНИЙ ПРОШЕДШЕГО ГОДА

вгибай зеркальные овалы
в небесный правил свод
куда бы сердце ни вправляло
свой перебойный переплет

шаги вливая в пропасть стёкол
вогни и, выгнув, вновь вогни
оттуда взгляд туманно-воггл
в померкшие огни

смотреть налево и направо
фигур разрушит чистоту
стоят зеркальные овалы
и множат сердца суету

мой зарок сегодня зорок
слух мой невпапад открыт
в сердце живо много створок
для всего что говорит

и иду охвачен смутой
звуками и видом зги
только с каждой минутой
неслышной мои шаги

сидят колоды смертных слов
стоят колонны ясных снов
кружится снег в дверях

Петр Казарновский родился в 1969 году в Ленинграде. Окончил филологический факультет РГПУ имени Герцена. Исследователь русского авангарда, публикатор и исследователь текстов Леонида Аронсона, Павла Зальцмана, А. Ника; один из составителей (совместно с Ильёй Кукуем и Владимиром Эрлем) фундаментального двухтомного собрания произведений Леонида Аронсона. Автор книги «Изображение рая»: Поэтика созерцания Леонида Аронсона» (М.: НЛО, 2025). Многочисленные публикации (статьи, эссе, стихи, проза) в журналах «Новое литературное обозрение», «Волга», «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер», «Крещатик», «АКТ» и др. Живет в СПб, преподаёт русский язык и литературу в частной школе.

он лепит и слепит глаза
мешает слышать и сказать
метелью говоря

что виснет день на волоске
готовый разлететься в снег
ленивой пеленой

что ждут печальные дома
от пустоты сходя с ума
напитываясь тьмой

в строку закона, чувства, даты
не заскользнуть, и результаты
не вытащить из вещмешка
где жизнь можна, хоть нелегка

она вознужна и воздушна
пробуждена и простодушна
уже не держит покрывал
откуда прет девятый вал

Стряхнув куски голодных снов,
Несом под парусом сомнений
В морщинистую даль из слов –
Их очертаний и значений.

Кровоточит в дремоте мозг,
Вновь не совпав с резьбою яви.
Глаза избиты днями розог.
На ощупь вечера шершавей.

Под пастью неба клык щеря,
Клубится даль предначертаний,
Где я со ржавым скрежетаньем
В себя спускаю якоря.

день удлиняет тени на стене
разламывая их об угол
тревожно восприятию на дне
от оживленных призраков и пугал

но дня округлость светом не унять
и тени не становятся короче
они сползают за пределы дня
и оплывая вяло гнутся к ночи

лежу звездой распростерт
на берегу волны
подбрасывая в мой черед
предчувствие луны

над головой ли в голове
прилив нетесных снов
тону в бесплотном веществе
реальность расколов

он падает и подает
кому-то руку. В ней и мед и йод
и лед и высохшее пламя
которое нежадными губами
попробуем едва собрать
как виноград как ртуть как рать
растекшиеся вдоль давленья
плавления и промедленья
пока неслышной он ногой
идет с собой и за собой

оглядка через позвоночник
преображается в пятно
я маятник, я полуночник
себя заталкиваю в ночь

в проемы между тех потемок
откуда неба не видать
где неустойчив свет и ломок
как затвердевшая вода

чутьем взаимы от насекомых
за слоем слой за рядом ряд
ищу в изменчивых объемах
риск равновесия терять

Внутри меня растет простор,
края вокруг себя простёр,
и распухает взаперти,
всё остальное запретив.
Посторонившихся вещей
он тени ловит, чтоб взашей
их выгнать ради пустоты,
где ровен свет и след простыл.

узкие пазухи пазы
как испод земли возник
арка мрака кормит зыбь
зоб озлобленной возни

снега с неба было много
дремлет медленно берлога
на мели окрестной мглы
пальцы слепы пазлы злы

вбивают сваи и сквозь чад и дым
каменной кипенье и воды горенье
приводят к содроганью парадигм
в ожесточении законов принужденья

сквозь злые рытвины пространств канал прорыт
но хоры пусты и забиты норы
до тех пор водолей выщеживает рыб
во весь опор летящих прочь опоры

речного жителя твердеющий расчет
мечтателя холодная горячка
мешает солнца немоту и камененье вод
полгода судорога и полгода спячка

по стекловидно-ватным оползням небес
осталось узнавать эпохи климат
когда ее врачи ей внутренности вынут
и выпотрошат интерес

Иван ГОБЗЕВ

ЗЕМЛЯ

Рассказ

Корабль называется «Земля». Это логично, учитывая цель. Но дело не только в цели – за временным неимением другой Земли Землёй нам стал корабль. Это наш дом, не такой большой и вместительный, конечно, как целая планета, без такого разнообразия флоры и фауны, которые, по преданию, когда-то были на Земле, но всё же дом – что-то вроде виллы с фермой. Разумеется, никто из нас в жизни не видел никаких вилл и ферм – об этом мы знали только из легенд и реконструкций на их основе, выполненных искусственным интеллектом. ИИ генерирует виртуальную реальность, в которую ты можешь войти и оказаться дома – там, на Земле, которую наши предки покинули даже неизвестно как давно, но точно так давно, что возникновение и пребывание на ней человека превратилось в миф. Поэтому никто и не знал, было ли на Земле в самом деле так, как показывал ИИ, но всё равно мы верили и подставляли свои лица виртуальному ветру и дождю, вдыхали несуществующие запахи, трогали шершавую кору мокрых деревьев, которые пачкали наши нереальные пальцы, и плакали – плакали самими настоящими слезами.

Если наши предки когда-то покинули Землю, имея на это, должно быть, веские причины, то мы, жители этого корабля, покинули ставший нам домом новый мир, Пангею, тоже имея свои причины. Точнее, одну причину – снова обрести Землю.

Те, кто когда-то отправился на поиски, давно умерли. Все понимали с самого начала, что это дело сотен, а может быть и тысяч лет, потому что никто толком не знал, где в галактике находится Земля. В ходе катастроф, эпидемий, войн, которые обрушились на нас в суровом мире Пангеи, утрачено было почти всё, что мы привезли с собой с Земли, включая знания, и выжившим пришлось многое начинать заново. Так что я родился на этом корабле и даже не уверен, что на моем веку нам посчастливится найти Землю. Но, как и все, я надеюсь. Тем более, повод есть.

Ещё вчера сделали анонс – доклад Главного специалиста по вычислениям вероятностей. Мы его называем просто Предсказатель. Он занимается узкой областью научных исследований, связанных с предсказанием особо важных событий. Я тоже работаю в этой области и считаюсь перспективным исследователем, но главным специалистом мне никогда не стать: я видел несколько раз расчёты, которыми он занимается. Говорят, в древности была такая штука – геоцентрическая модель Птолемея – которую ни один человек в мире так и не смог в полной мере освоить. Вот здесь то же самое, только ещё сложнее, потому что, понятное дело, вычисления с тех давних пор ушли далеко вперёд. Когда Предсказатель за обедом вдруг заводит разговор о своей работе, никто не может поддержать беседу, но все кивают, делая вид, что понимают. Однажды я, желая подтвердить свой статус перспективного исследователя, не промолчал как все, а высказал какое-то соображение в ответ на его реплику, как мне казалось, довольно-таки умное. Он посмотрел на меня, а потом спустя минуту тихо произнёс:

– Тра-та-та, тра-та-та.

С тех пор я старался не попадаться ему на глаза лишний раз и не садиться с ним за один стол.

Так вот, сегодня после обеда все ждали его доклад. Это было большое и редкое событие: зна-

Иван Гобзев родился в 1978 году. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук. Печатался в журналах «Нева», «Новая Юность», «Зинзивер», «Дружба народов», «Урал» и др. Предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Окно» (2025, № 11-12).

чит, случилось что-то чрезвычайно важное. Разумеется, мы строили догадки. Было ясно, что это связано с предсказаниями. Но предсказаниями чего? Быть может, как полагали некоторые, он рассчитал вероятность энергетического кризиса и нам нужно экономить ресурсы? Такое уже бывало. Или сокращение нашей популяции? Это была актуальная тема. Возможно, какое-то космическое явление, с которым нам предстоит столкнуться? Однажды он предсказал на нашем пути взрыв сверхновой, но, к счастью, этого не случилось – потом выяснилось, что он ошибся в вычислениях и старая звезда взорвётся только через пару тысяч лет, когда мы уже будем довольно далеко от этой области. По этому поводу устроили праздник, который длился целую неделю.

В общем, догадок хватало. Микса, сотрудица отдела безопасности, пошутила:

– Речь пойдёт о Земле!

Все засмеялись, потому что это был, конечно, каламбур – ведь и корабль, и планета назывались одинаково: «Земля».

Когда зал собраний – новый на тринадцатом ярусе – был почти полон, появился сам Предсказатель. Это был очень маленький человек, вынужденный при разговоре сильно задирать подбородок, но смотрел он при этом так, что собеседники чувствовали себя ещё меньше. Он ловко и быстро для своих лет взбежал по ступенькам и сразу, без обычных рассусоливаний, объявил:

– Коллеги! У меня прекрасная новость. В ходе последних вычислений стало ясно, что вероятность того, что мы движемся в правильном направлении – в направлении Земли – равна девяносто двум процентам!

Зал взорвался криками и аплодисментами. Мы все повскакали, мы обнимались, целовались, прыгали. А Предсказатель смотрел на нас с усталой, но одобряющей улыбкой. Когда крики стихли, техник с нижних ярусов, мой приятель Четырнадцатый, поднял руку и спросил:

– А какова вероятность того, что мы долетим до Земли в обозримом будущем?

Это был в общем-то самый важный вопрос. И для многих неприятный – не все хотели думать про это. В каких-то вопросах лучше оставаться в неведении. Но таков был этот Четырнадцатый, ему всегда и во всём нужна была ясность.

Предсказатель улыбнулся шире, как будто только и ждал этого вопроса, и тихо ответил:

– Девяносто девять процентов. Объявляю готовность к криоскачке!

Такой радости я ещё никогда не испытывал и не видел, чтобы кто другой испытывал. Счастье моё было так велико, что я подумал: «Остановись мгновение!» и обнял соседку – это была Микса – и поцеловал её.

Про первую вероятность, которая была поменьше и от которой в общем-то зависела и эта, никто уже не думал. Потому что вероятность девяносто девять процентов – это очень много. Это почти наверняка. Любой учёный, получив такую вероятность, потрёт руки и скажет: «Это случится, я уверен!» Если говорить более строго, то это означает вот что: если бы мы совершали это путешествие сто раз, то в девяносто девяти случаях долетели бы до Земли, а в одном нет.

Я люблю сидеть в рабочем помещении моего приятеля Четырнадцатого – на рабочем ярусе нет этих окон с фальшивыми пейзажами воображаемой Земли. На детей они ещё производят впечатление, но на взрослых людей, которые понимают, что такое качественное реалистичное изображение – нет. У Четырнадцатого в иллюминаторах просто чёрный космос с неподвижными звёздами. Впрочем, иногда после криоскачка, о котором предупредил на собрании Предсказатель, картина меняется – мы оказываемся в другом месте галактики, где другие туманности и звёзды. Новый вид какое-то время завораживает, но потом начинает казаться таким же, как старый. Лично мне всё равно – я просто люблю смотреть в это открытое пространство, время от времени подмигивающее далёкими огоньками.

Сегодня я пришёл к Четырнадцатому во время ужина – он обычно обедает у себя. Мне хотелось обсудить с ним последние новости.

– Ну что скажешь? – с порога спросил я. – Ты рад?

– Конечно, рад, – спокойно ответил он, жуя, – может, на нашем веку и долетим!

– Да что-то не особенно заметно, что ты рад.
– А чему радоваться! Ты сам слышал – нужен криоскачок. А я-то хорошо знаю, как это работает. Вероятность нашего попадания туда, куда навигатор проложит курс...
– Знаю, знаю! Ты уж поверь, я всё знаю про вероятности, это моя специальность, не начинай опять...

– Ну и в капсуле... Сколько времени мы там проводим?

– Нисколько.

– Это в гиперпространстве нисколько. А по-другому, целую вечность. Потому что нас-то и нет, понимаешь? Мы же разлетаемся на мириады частиц.

– Ой, хватит, – поморщился я, – хватит этой философии... Это уж всё твои толкования. Физика ничего такого не говорит...

– Ну да, – усмехнулся он, – она вообще ничего не говорит. Она только делает, а что и как – попробуй понять.

Мы замолчали. Он ел, я смотрел на неведомую мигающую звезду. «А вдруг, – подумал я, – это и есть Солнце, вокруг которого крутится наша Земля, а мы ошиблись и пролетаем мимо?»

– Как думаешь, – прервал я молчание, – как там на Земле сейчас?

– Всё зависит от того, почему мы её покинули. Может, там процветает оставшаяся часть человечества, а мы колонисты, блудные дети, которые решили вернуться. А может, и нет никого, может, что всего вероятнее, мы её покинули, потому что там нельзя было дольше оставаться.

– Ты пессимист. С чего ты взял, что это всего вероятнее?

– Ну а чего улетать, если там было хорошо? Может, и нет уже никакой Земли! Может, её Солнце давно сожрало! Или она стала мёртвым астероидом, безжизненной глыбой, которая вращается в куче мусора из неработающих спутников и всего прочего – чем мы там друг друга уничтожали...

– А может, и не так! Даже скорее всего не так. Я думаю, мы оставили Землю, чтобы дать ей восстановиться. И теперь там зелёный рай. С густыми лесами, животными, синими океанами, голубым небом и облаками... Милыми аборигенками!

Он улыбнулся.

– Ты знаешь, что мне снится, Четырнадцатый?

– М?

Синее небо. Мне часто снится синее небо, такое густое, такое настоящее. Солнечный свет. И ветер – тёплый ветерок, который как будто гладит, ласкает моё лицо. Вот откуда это? Я никогда не видел настоящего неба.

– А с чего ты взял, что тебе снится настоящее небо? Всё это из виртуальной комнаты – там тебе кажется, что ты видишь небо, что дует ветерок, вот и снится потом.

– Нет, во сне это по-другому. Не могу объяснить, но это по-настоящему...

– Может, генетическая память, – подумав, сказал он, – возможно, ты вспоминаешь моменты, когда какой-нибудь твой далёкий предок, например, сине-зелёная водоросль, болталась в тёплой водичке под солнцем и ей было хорошо.

В криоскачке самом по себе нет ничего от «крио». Корабль входит в гиперпространство, чтобы выйти в другой точке пространства-времени, отстоящей от входа очень и очень далеко. То, что происходит с нами, не имеет никакого отношения к заморозке, просто прижилось такое название из околонуточной фантастики. На самом деле это переход в особое квантовое состояние, причём не только людей, но и всей «Земли». Иначе путешествие в гиперпространстве было бы невозможным. Для нас это событие мгновенное – вот ты вошёл в капсулу, и вот ты вышел из неё, уже в другой части галактики или вообще в другой галактике (если что-то пошло не так).

Как обычно перед таким серьёзным путешествием, мы устроили прощальную вечеринку. Прощались мы не друг с другом, а со звёздами, с той частью мира, которая стала нам привычной. Многие из нас волновались, потому что путь в гиперпространстве – это маленькая смерть. Как сказал Четырнадцатый, в каком-то смысле, пока ты пребываешь в капсуле, тебя нет, и нет целую

вечность. А потом ты возникаешь заново, собираешься из других элементарных частиц в другой части Вселенной. Ты ли это вообще?

Во время вечеринки, улучив момент, когда Микса осталась одна, я подошёл к ней.

– Привет! – сказал я, пытаясь выглядеть уверенно. – Волнуешься?

– Если честно, нет, – с улыбкой ответила она.

– Почему? Это все же... Слушай, а пойдём ко мне?

– Зачем? – засмеялась она.

– Ну, пообщаемся перед прыжком... Когда ещё увидимся? Через целую вечность! А ты мне очень нравишься.

– Мы и так пообщаемся! Тем более, вечность пролетит как один миг.

– Я не в твоём вкусе?

– Дело не в этом, – уклончиво ответила она, – просто... Боюсь тебя разочаровать!

Пока я собирался с мыслями, чтобы понять, что она имела в виду, и ответить что-то остроумное, показывающее, что я не уязвлён, она быстро потянулась ко мне, поцеловала в щёку и направилась к Первому помощнику капитана, который в белом кителе стоял в компании Предсказателя и других важных людей нашего корабля. Когда она подошла к нему, он обнял её за талию.

– У тебя по лицу сразу видно, когда ты расстроен.

Это был Четырнадцатый. Он подкрался ко мне сзади и теперь с сочувственной улыбкой заглядывал в глаза.

– Что, предпочла Первого помощника капитана?

– Ну, – ответил я, хмурясь, – хорошо, что не Капитана!

Это была шутка. Потому что нашим капитаном был искусственный интеллект – суперкомпьютер, и он очевидно ни с кем не встречался.

Из капсулы я вышел таким свежим, каким никогда не вставал по утрам. Это известное свойство прыжка в гиперпространстве, так и раньше бывало, и всегда казалось мне удивительным. В который уже раз я задумался – точно ли это я был собран в новой части Вселенной из новых элементарных частиц? Ведь от старого меня ничего не осталось, только опять же частицы, рассеянные теперь далеко-далеко отсюда, и связь с ними прервана, и теперь они станут частью чего-то иного...

– Вечный философский вопрос: «что есть я?» – это был тоже вылезший уже Четырнадцатый. Не случайно мы дружили – он всегда был со мной на одной волне.

Мы пошли посмотреть на карту неба. Как и следовало ожидать, всё изменилось, новые созвездия, новые звёзды. Но это мог понять только человек знакомый с астрономией, для неспециалиста – то же небо, те же горящие точки.

– Теперь интересно будет узнать, что стало с вероятностями, – сказал Четырнадцатый, – готов поспорить, они поубавились.

– Ты пессимист, – ответил я.

Но он оказался прав. В тот же день, на очередном собрании в Новом зале, Предсказатель объявил об изменении вероятностей нахождения Земли. Не очень сильно, но заметно. Конечно, нас это расстроило. Однако что поделать, эти прыжки такая штука, никогда не знаешь наверняка, куда именно тебя занесёт.

– Прошу не расстраиваться! – так закончил выступление Предсказатель. – Это ещё не беда. В целом вероятности всё равно хорошие. Сейчас наша цель – скорректировать навигацию. Научному блоку есть задача – произвести более точные расчёты.

Последнее замечание касалось, в частности, меня. И я был готов и хотел поскорее приступить к делу – с того момента, как я очнулся в капсуле, в моей голове что-то кипело, вертелся клубок мыслей, как будто в продолжение каких-то размышлений, которые я не помнил, но которые готовы были вот-вот выплеснуться в нечто важное. Оставшись наедине с самим собой, я попытался сконцентрироваться на них. «Так, навигация, – повторял я про себя, – навигация!» Но мои мысли

были не про навигацию. Они были про Землю и про шансы туда попасть. Это были волнительные мысли – такие бывают, когда ты оказываешься на пороге важного открытия, но и тревожные, как будто то, что готово было открыться, разрушит ранее созданное.

По дороге в Библиотеку я встретил Миксу.

– Привет, – сказал я, попытавшись обнять её за талию, – как, чувствуешь себя другой после путешествия?

Она ловко увернулась, так что я обнял пустое пространство.

– Не распускай руки, – улыбнулась она.

Определённо, она не изменилась.

Я дошёл до Библиотеки, сел в кресло и закрыл глаза. Библиотека на «Земле» виртуальная, обычных книг у нас нет. В Библиотеке нет ничего, что можно было бы видеть и осязать, кроме серверов и кресел. Но, по желанию, используя нейроинтерфейс, можно видеть и осязать всё что угодно. Хоть древние манускрипты в афинской Стое, укрывшись за колоннами от палящего солнца. Но вся эта материализация интересна для школьников, для зрелого же учёного нужно знание в чистом его виде, чем более абстрактное, тем лучше. И вот я, сев в кресло, погрузился в мир идей – прекрасных математических и геометрических структур, пока ещё не воплощённых ни в числах, ни в функциях, ни в фигурах, а данных мне так, как они есть сами по себе. Это высшее мастерство – уметь работать с абстракциями, не делая никаких записей, и не всем оно дано. В том числе и мне не совсем дано, хотя сейчас я заметил, что стало получаться получше. Помедитировав некоторое время, я всё же вынужден был взять виртуальный блокнот и приступил к вычислениям. В каком-то смысле вернулся с небес на... «Землю».

Задание Предсказателя я выполнил за считанные минуты и был потрясён, как это просто – в прежние времена я бы провозился над ним несколько дней! Мне это удалось благодаря новому методу, который сидел в моей голове с того самого момента, как мы вышли из криоскачка. Но вероятности, связанные с поиском Земли, ускользали от меня, как будто мне не хватало данных. Впрочем, меня никто и не просил заниматься этой проблемой, это был мой собственный порыв, явившийся из небытия – из того времени, периода в гиперпространстве, когда меня не было, когда в криокапсуле была просто-напросто пустота...

– Коктейль! – сказал я. – И терраса над морем.

В руке появился молочный коктейль, а сам я очутился в подвесном кресле на террасе дома с облупившейся краской и протёртыми полами, некогда покрытыми чёрным маслом. Передо мной простиралось волнующееся море, было пасмурно, но не холодно, свежий ветер шевелил листья блокнота.

Всё это – облупившаяся краска, бриз, блеклое небо – я не просил вслух и даже не помышлял в явном виде, ИИ считал это через нейроинтерфейс из глубин моего сознания. В который раз я удивился, как хорошо он знает, чего я хочу, гораздо лучше, чем я сам... «Познай себя!» – вспомнил я девиз древних греков, эту неразрешимую задачу, занимавшую философов тысячи лет. И подумал, что задача эта ведь уже решена – подключись к искусственному интеллекту, и он тебе расскажет, кто ты и чего ты хочешь.

Ну, и совсем кто ты, но вот чего хочешь – точно.

На прибрежной полосе слева появилась девушка в раздувающимся красном платье. Босые ноги омывали волны, она смотрела вдаль, за горизонт, волосы красиво сбивало ветром. Она двигалась в моём направлении. Вот она заметила меня, улыбнулась и помахала рукой. Это была Микса.

– Это уже перебор, – сказал я, – убрать.

Микса тотчас исчезла. Я отхлебнул большой глоток коктейля. Хороший вкус.

Так, вероятности!

Я взял блокнот и продолжил чертить в нем. Мир вокруг меня померк, чтобы не отвлекать от вычислений. Я сидел долго, но задача не давалась. Попутно я наткнулся на другие проблемы и

решал их. Так, в процессе работы над одним косвенно связанным с вероятностью нахождения Земли вопросом я вдруг пришёл к выводу, что большая часть обитателей «Земли» роботы. Разумеется, я ошибся, такого быть не могло, уж я-то мог отличить робота от настоящего человека. Да, у нас были человекоподобные роботы в техническом персонале, всякие уборщики, обслуга, рабочие, но по ним сразу видно было, кто они есть, и их было не так уж много. А по моим выкладкам выходило так, что чуть ли не каждый первый должен быть роботом – девяносто пять процентов! Я рассмеялся, решив рассказать про это Четырнадцатому. Не став тратить время на поиск ошибки, я просто отбросил эту задачу, поняв, что иду по ложному пути. Земля, вот что важно, Земля! И я снова погрузился в расчёты.

– Ты знаешь, что я обнаружил? – я зашёл к Четырнадцатому поболтать.

– Знаю! Ты отлично справился с навигационной задачей, опередив всех. Это позволило скорректировать путь – мы двигались неверно на примерно одну триллионную триллионной доли градуса. Но в космических масштабах это, конечно, играет роль!

Он явно подшучивал надо мной. Дело в том, что уточнение, которое я нашёл, находилось в пределах погрешности, и хотя задача действительно была нетривиальна и с ней никто больше не справился, мой результат не имел значения. Ничего корректировать не следовало. Но я собирался поговорить не об этом.

– Я обнаружил кое-что поинтереснее! – многозначительно ухмыльнулся я. – Что почти все мы, обитатели «Земли», роботы.

– А вот это уже любопытно, – кивнул он, – и как ты к этому пришёл?

Я рассказал ему про новый метод анализа данных, который открылся мне после криоскачка.

– Но это, конечно, чепуха, – закончил я, – метод так применять нельзя, он чего угодно может показать, если его куда попало пихать.

Он промолчал, поедая лапшу.

Я стоял у иллюминатора. Новые звёзды после прыжка, но космос тот же самый. Принципиально ничего не изменилось.

– Тебе не приходило в голову, – спросил я, – что Вселенная это компьютер, а мы программы в нём?

– Оригинальная мысль, тоже мне, – покачал он головой, – такие догадки, если не ошибаюсь, высказывали ещё наши древние предки на планете, которую мы сейчас ищем. Но вообще ты должен знать – всё зависит от точки зрения. Если считать, что базовая реальность – это информация, вот, например, чистые абстрактные идеи, с которыми ты работаешь в Библиотеке, то так и получается. Ведь как нам дан внешний мир? Только в виде набора данных. Всё информация, и нет ничего кроме неё. Какая-то информация более вероятная, какая-то менее... Более вероятная – это то, что мы сейчас наблюдаем.

Он впал в особое свое состояние: состояние потока сознания, когда мог долго говорить как будто сам с собой. Но сказанное им вдруг сцепилось с чем-то, что уже было во мне и чему, казалось, только не хватало этих его слов, и в голове моей завертелось, закрутилось, набирая обороты, и я вдруг понял, что сейчас – вот сейчас – я решу эту задачу, над которой бился безрезультатно столько времени! Я вскочил и побежал в Библиотеку, ничего не сказав удивлённому Четырнадцатому. На пути мне попала Микса – она шла навстречу, но я был так занят своими мыслями, что отметил только две вещи: её ярко-красный комбинезон и странную причёску – повернутую на один бок, как будто от сильного ветра.

В Библиотеке я пробыл недолго. Мне хватило нескольких минут, чтобы картина полностью сложилась. Дело не дошло даже до виртуального блокнота, не говоря уже о террасах с коктейлями. Я лишь посидел там в вихре абстрактных видений, толком не сознавая себя и не помня, и выбежал. Я бежал к Предсказателю, и состояние моё было близким к панике. Но как часто бывает даже в самые тревожные минуты, когда, казалось бы, всё внимание сосредоточено на одной проблеме, в голове возникали и мысли, не имеющие к ней никакого отношения.

«Странное дело, – думал я, мчась по коридору мимо портретов давно покойных капитанов корабля, – в Библиотеке я много работал с чистыми идеями как они есть, они никак не выглядели и не имели отношения ни к чему, что есть в мире вещей: они ни на что не похожи и их никак не изобразишь. И тем не менее у меня всякий раз остаётся такое чувство, будто у них есть цвет, протяжённость и форма. Словно я их вижу! Но я не могу ничего видеть, у них исключительно интеллектуальная природа...»

Добежав, я глубоко вдохнул, чтобы выровнять дыхание, и доложил о своем приходе секретарше. Мне велели ждать – господин Главный специалист занят.

Я сел в кресло. Дело было, как мне казалось, срочное и я не хотел ждать, но выхода не было. А может, и к лучшему, – подумал я, – успокоюсь.

– Сяй? – спросила секретарша.

Она имела в виду чай. Вот яркий пример роботов, как они есть на «Земле!» Только слепой, ну или человек из каменного века не определил бы с первого взгляда, что перед ним робот. Кожа из полимера, глаза как будто стеклянные, волосы как у куклы, движения, жесты, мимика – всё не настоящее. И это вот: «Сяй!» Чуть разболталось что-то, и уже говорить нормально не может. А чинить никто и не собирается, пока совсем не развалится.

Я вежливо отказался. Я всегда вежлив с роботами, может быть больше, чем с людьми. Почему? Наверное, потому что это подчеркивает, что ты способен оставаться человеком даже в самой нечеловеческой ситуации. Ну, например, это как... Ну как оказался бы я на планете Земля последним живым человеком. И вот у меня в руках пакетик с соком – сок я выпил, упаковку можно выбросить. Куда? Можно же теперь просто на дорогу, чего уж там, миру пришёл конец... Или всё-таки в мусорный контейнер? Так вот, если ты настоящий человек, то...

– Проходите, господин Главный специалист вас ждёт, – сказала она и зажужжала, как сломанный вентилятор.

Я вопросительно на неё посмотрел. Она, как мне показалось, смутилась. «Извините, – словно говорил её взгляд, – меня заклинило, я же старый никому не нужный робот!»

Предсказатель сидел за столом и водил пальцем по экрану размером со всю столешницу.

– Что у вас? – холодно спросил он, не глядя на меня.

– Господин Главный специалист! Я обнаружил... Я вычислил... В общем, я узнал...

– К делу, – ещё холоднее сказал он.

«Он меня не любит!» – почему-то подумал я и расстроился.

– В общем, если я нигде не ошибся, а я почти в этом уверен, то наши расчёты вероятности того, что мы летим к Земле, неверны!

На самом деле я очень надеялся, что ошибся. И я пришёл сюда в первую очередь именно для этого – чтобы мне доказали, что я не прав. Но в то же время я жаждал похвалы, ведь мой метод, возможно, был прорывом в науке!

– И насколько же? – он поднял на меня один глаз.

– Почти полностью.

Он поднял второй глаз.

– Вероятность того, что мы летим к Земле, равна всего пяти процентам...

Всякий разбирающийся в теории вероятностей сразу понял бы, что наши шансы в ближайшее время долететь просто ничтожны.

– Покажите-ка ваши расчёты, – неприязненно сказал он и протянул руку.

– Но они целиком у меня в голове!

Он с лёгким удивлением осмотрел меня сверху вниз и затем снизу вверх.

– В таком случае давайте сюда свою голову! Я подключусь напрямую к чипу.

Я сделал шаг к столу и наклонился над ним, чтобы господину Главному специалисту было удобно до меня дотянуться. «Как какой-то раб!» – подумал я.

– Хорошо, стойте так, – он взял со стола магнитный считыватель и приставил к моему затылку слева – там, где был нейрочип.

Он нажал что-то на столе, и на экране вспыхнули столбцы цифр и закорючек, смысла которых я не понимал – программирование такого высокого уровня лежало вне сферы моих обязанностей.

В этой позе я простоял довольно долго, было неудобно, больно в пояснице и унинительно. Заходил Помощник капитана в белом кителе, заглянув и увидев, что происходит, он закрыл дверь с той стороны. Раздался смех, кажется, я узнал голос Миксы.

В какой-то момент у меня возникло подозрение, что Предсказатель просто забыл про меня. Сначала он листал страницы на столе, крутил столбцы, что-то выделял цветом и менял, а потом стал смотреть в стену. В стене его кабинета не было иллюминатора со звёздами, да и не могло быть, потому что кабинет находился в глубине «Земли», но был любопытненький, как однажды выразился мой друг Четырнадцатый, портрет неизвестной женщины.

– Простите?! – сказал я. – Долго ещё?

– Да что вы стоите в этой дурацкой позе? Я посмотрел всё давно.

Я покраснел и выпрямился.

– Вы ошиблись, – продолжил он. – И ошибка произошла из-за недостатка данных. Вы не все переменные учли. Точнее, не учли самые главные, потому что попросту не знали их и не могли знать – они доступны только специалистам моего отдела.

– Извините, что отнял ваше драгоценное время, – покраснел я, – разрешите идти?

– Не разрешу, – неожиданно весело ответил он. – Вы однако молодец! Ваш метод просто великолепный. Очень приятно иметь дело с настоящим учёным!

Он встал и пожал мне руку.

Я не мог сдержать улыбку – вера в себя вернулась ко мне.

– У меня для вас новая задача, – сказал он, садясь обратно в кресло, – предсказания вы оставьте, пускай этим займутся другие, кто владеет темой. Я видел некоторые фрагменты, с которыми вы работали в Библиотеке, и мне это показалось интересным. Я бы хотел, чтобы вы применили свой метод к решению задачи о том, какова вероятность выжить человечеству в бесконечном межзвёздном путешествии.

– В бесконечном?

– Да, именно таковы условия. Вы же знаете, что в науке мы часто используем идеализации? Идеальный газ, всё такое, помните в школе?

От Предсказателя я вышел воодушевлённый.

– Здесь сейчас был Помощник капитана с женщиной? – спросил я секретаршу.

– Он был один, – ответила она.

– Но я слышал женский смех.

– Это была я.

Несколько секунд я недоверчиво смотрел на неё. Но в её стеклянных глазах ничего не было видно, кроме, если хорошенько приглядеться, моего отражения.

Я полностью погрузился в работу. Поначалу у меня ничего не выходило, задача оказалась не совсем простой, к тому же я не понимал, как именно приложить к ней мой метод. Не хватало и данных – оказывается, необходимые демографические сведения просто нигде никогда не фиксировались. Так что я вынужден был, как говорят в науке, идти эвристическим путем, иначе говоря, действовать наугад.

Больше всего меня удивило, что многие старые результаты вычислений не сохранились. Например, нельзя было выяснить, какова и в какие периоды нашего путешествия была вероятность того, что мы летим в нужном направлении и в конце концов найдём Землю. Были результаты лишь недавних предсказаний, за несколько последних лет.

С этим вопросом я даже осмелился обратиться к Предсказателю, но виртуально, потому что беспокоить его по поводу, не имевшему отношения к моей работе, а даже наоборот, имевшему

прямое отношение к тому, чем он запретил мне заниматься, было слишком дерзко. Он ответил мне довольно скоро, и из его краткого ответа я узнал, что результаты прошлых предсказаний не хранились по причине ограничений объёмов памяти «Земли», поэтому многие данные, которые не имеют серьёзного исторического, культурного, научного и так далее значения, уничтожались.

Вначале меня полностью успокоил этот ответ, но впоследствии мой друг Четырнадцатый снова заставил меня думать об этом.

– Это всё верно, – заметил он, счищая какую-то слизь с труб в канализационном отсеке, – но почему было не сохранять просто итоги вычислений? Скажем, записывать, что в таком-то году вероятность была такой-то... Это всего несколько битов информации.

Он был прав. Значит, подумал я, у нас на «Земле» в самом деле огромная нехватка памяти, если приходится жертвовать даже такими мелочами!

И тут я понял, что близок к решению задачи про выживание человечества в бесконечном путешествии. Ключом к её решению была идея ограниченности нашей «Земли»!

Поняв это, я тотчас помчался в Библиотеку, схватил виртуальный блокнот и принялся за вычисления. Мною овладело такое возбуждение, которое ни с чем не сравнишь, оно доступно только учёным, когда они оказываются на пороге великого открытия. Я проработал, ни на что не отвлекаясь, более двенадцати часов, и только тогда решил отдохнуть. Это было поразительно – я никогда раньше не мог столько и так эффективно работать! Мои способности после криоскачка как будто выросли в разы, притом что я уже не был юношей. Может, это следствие новой прошивки нейрочипа?

С этими мыслями я встал с кресла и направился в свою каюту. Я чувствовал, что задача Предсказателя почти решена, осталось привести доказательства в более строгий вид, связать одно с другим и сделать вывод. Мне в общем результат был очевиден: в бесконечном путешествии выжить человечеству невозможно. Потому что «Земля» – это замкнутая, ограниченная система! Энтропия в ней накапливается, накапливается, пока... Правда, мне казалось, что из этого следует что-то ещё. Но я пока не понимал, что.

Открыв дверь моей каюты, я увидел Миксу. Она сидела на кровати в красном платье и пальцем расправляла складки на одеяле. Подняв на меня глаза, она сказала:

– Ты не умеешь правильно заправлять постель!

На следующий день я получил сообщение от Предсказателя. Он благодарил меня за проделанную работу, хотя я ему и не успел ещё ни о чём доложить. Это подтверждало мои догадки, что он следит за мной в Библиотеке, точнее не за мной, а за теми идеями, с которыми я работаю. Ведь Библиотека это по сути виртуальное собрание всех возможных идей, которые были, есть и будут. Иногда мы открываем среди них ранее не обнаруженные или же – как это произошло со мной – создаём новые комбинации из уже открытых. Внимание Предсказателя, с одной стороны, льстило моему самолюбию, с другой заставляло нервничать – я очень боялся опозориться перед ним. Но пока что бы повод гордиться собой, он был доволен! Я ответил ему, что очень благодарен, но задача не решена до конца, так как я собирался сделать более строгие и обоснованные выводы.

Ответ пришёл быстро: «Уважаемый младший научный сотрудник! Вы сделали достаточно, работа выполнена. Вам предоставлен отпуск на две недели на двоих и билеты в путешествие на Землю с выбором локаций. Можете взять с собой вашего приятеля Четырнадцатого, поскольку, насколько мне известно, других друзей у вас нет».

Я был старшим научным сотрудником и намёк понял.

Зайдя в личный кабинет, я обнаружил билеты, о которых он говорил. Подарок редкий и ценный! «Путешествие за Землю» – это виртуальный тур с высоким разрешением, детализацией и интерактивностью. В отличие от обычных, кратковременных посещений симуляций Земли, которые я мог себе позволить хоть каждый день и где ничего делать нельзя, кроме как смотреть, слушать, вдыхать и осязать, тут был полный эффект погружения. Вплоть до того, что на время «путешествия» заменялась память о прошлом и путешественники были уверены, что всё проис-

ходит по-настоящему. Но имелись и ограничения: это так нагружало наши сервера, что нельзя было путешествовать вообще где угодно – требовалось выбрать не более пяти локаций. Это был простой выбор! Уж очень много где хотелось побывать...

– Микса! Микса!!! – я потряс её за плечо.

– Милый, что?!

– Ты отправишься со мной в путешествие на Землю? На две недели?

Она резко обернулась, лицо её сияло:

– Ты серьёзно?

– Да, вот, смотри!

– Где раздобыл?!

– Предсказатель прислал. За мои достижения!

– Ну конечно поеду! Какой ты у меня крутой!

И она бросилась мне на грудь и обняла меня. Я блаженно улыбнулся. Как резко изменилась моя жизнь!..

Внезапная любовь Миксы, конечно, казалась мне странной. Раньше она вела себя как-то снисходительно, как с мужчиной, который едва ли достоин серьёзного внимания, и вот вдруг она живёт со мной! Я решил поговорить с ней об этом перед тем, как выбирать локацию для путешествия, и прямо спросил, чем вызвана эта перемена.

– Дорогой, – ответила она с улыбкой, – всё просто! Вот скажи, что женщины больше всего любят в мужчинах?

Я задумался. Вопрос оказался не из лёгких. К тому же я не имел большого опыта общения с женщинами, если не считать роботов. Я высказал несколько предположений, но всё оказалось не то.

– Ум! – объяснила она. – Тринадцатый, ты настолько умный, что это совершенно покорило меня. Хотя, разумеется, ты мне и раньше нравился.

– Странно, а я думал, что любят ни за что, просто так...

– Вот ни за что и просто так ты мне и нравился. Без этого тебе не помог бы даже твой ум!

Мы рассмеялись. Поговорили о том, каковы были бы мои шансы, если бы я выглядел как Предсказатель. Потом стали выбирать локацию для предстоящего путешествия. Микса наотрез отказалась от мегаполисов с их машинами и всякими технологиями. В итоге мы выбрали следующие: курортный городок на живописном побережье, оазис в пустыне, средневековый замок, племя первобытных аборигенов в джунглях и суровый арктический посёлок под северным сиянием.

До путешествия оставалось немного времени, и я хотел всё же, несмотря на разговор с Предсказателем, кое-что закончить в своих вычислениях. Я чувствовал, что полученный результат не был окончательным, что из него следует что-то ещё, но мне требовалось поработать с идеями в Библиотеке. Я договорился с Миксой, что мы встретимся на Железнодорожной станции (так называлось место, с которого начинались виртуальные туры), а сам побежал в Библиотеку.

Я привычно с разбегу прыгнул в кресло, которое подхватило меня и сразу перенесло в мир чистых абстракций, знакомо и приветливо встретивший меня яркими всполохами и причудливыми формами. Впрочем, я знал, что все эти цвета и формы не более чем плоды моего воображения. Так уж устроен мозг человека, он дорисовывает привычные детали!

Я начал листать мой виртуальный блокнот, но в нём не было записей за последние несколько месяцев. Они просто исчезли! С таким я столкнулся впервые. Я выскочил из кресла и сердито направился к нашему библиотечарю, роботу Хорхе. Как и все роботы, он выглядел помятым и потасканным, как будто им не занимались десятки, а то и сотни лет. Впрочем, так наверное и было.

– Хорхе, – строго сказал я, – мои записи исчезли! Кому ты дал доступ в блокнот?! Я надеюсь, есть резервная копия?

– Старший научный сотрудник Тринадцать, – ответил он, часто мигая, – к сожалению, в Библиотеке произошёл масштабный сбой, по предварительным подсчётам потеряны триллионы петабайт данных.

– Ну а резервная копия?!

– К сожалению, она была автоматически сделана сразу после сбоя. Специалисты работают над восстановлением, но что получится, что нет, сейчас сказать сложно.

Я вышел в негодовании. Я шёл по коридорам, бил кулаками и ногами в стены и ругался вслух. Я знал, что Капитан слышит и видит меня, но мне было всё равно, я даже наоборот был рад этому. В таком настроении я спустился к Четырнадцатому и всё рассказал, не стесняясь в выражениях.

– Ты подумай только, ладно моя работа, но триллионы петабайт данных! Это какое же разгильдяйство у нас на «Земле», если такое стало возможно! Кто знает, какая важнейшая информация была утрачена!

Четырнадцатый встретил новость совершенно спокойно. Возясь с какими-то заплесневелыми проводами, он с усмешкой ответил:

– В этом есть и плюс! Теперь-то явно появилось место, чтобы хранить результаты предсказаний.

Тур прошёл великолепно. Оказавшись там, на виртуальной Земле, мы полностью забыли свою жизнь, ограниченную стенами корабля. Нам были даны новые воспоминания, и мы не сомневались, что в самом деле отправились в настоящее свадебное путешествие. Вообще, все нюансы того, как и что будет происходить, мы сами не знали – виртуальная машина считывала наше подсознание и создавала, выражаясь научно, суперпозицию того, чего мы бы хотели на самом деле и в меньшей мере того, чего, как нам казалось, мы хотим.

Поэтому вернувшись из такого путешествия с большим удивлением вспоминали произошедшее, иногда со смехом, а иногда со слезами – во всяком случае повод задуматься был, потому что они узнавали про себя и своих близких такое, что никогда, возможно, в обычных обстоятельствах строго регламентированной жизни на «Земле» и не узнали бы. Один наш общий с Четырнадцатым приятель понял про себя таким образом, что является просто ужасным человеком. За короткий срок пребывания на виртуальной Земле он успел натворить такие дела, что если бы ему дали побольше времени, так он наверное и погубил бы целиком всё, что там было. При этом все знали его как исключительно исполнительного и порядочного члена экипажа, его даже ставили в пример детям.

Но Микса ничем меня не удивила. И это замечательно. Она была именно такой, какой я её и воспринимал изначально. У неё не было двойного дна, тёмной стороны, которая открывается только в особых обстоятельствах или в результате длительной совместной жизни. Хотя однажды всё-таки удивила – своей поразительной смелостью, когда, спасая меня в амазонских джунглях, вступила в битву с единорогом и отломала ему рог – в то время как наши проводники аборигены в страхе разбежались.

Про себя же я узнал кое-что новое, может быть не совсем приятное. Я понял, что слишком инфантилен и эгоистичен. И это стало для меня полезным уроком и поводом для работы над собой.

В целом про тур скажу, что когда мы очнулись в креслах на Железнодорожном вокзале, то испытали большое разочарование оттого, что всё было не по-настоящему. Потом мы долго обсуждали наши приключения во всех деталях и, бывало, смеялись так, что к нам заходили и спрашивали, что у нас происходит.

Был один момент в путешествии, которым я не стал делиться с Миксой, потому что он касался только меня, а точнее, научных исследований в моей специальной области, мало кому понятной. Дело в том, что хотя я и не помнил о своей реальной жизни, я постоянно возвращался в мыслях к вычислениям, связанным с задачей о вероятности выживания человечества в бесконечном космическом путешествии. Мне самому это было чрезвычайно удивительно, с какой стати я вообще думаю о таких вещах! Как я, преуспевающий фермер с тремя классами образования, вдруг ни с

того ни с сего, в самые, бывало, неподходящие моменты (например, когда мы падали в гремящий водопад на пробитом птеродактилем воздушном шаре), решал в уме сложнейшие уравнения? Я даже пытался их записывать – однажды среди ночи я вскочил с постели и бросился царапать ножом на столе посетившую меня идею. Микса спросила, что я такое делаю, но я и сам толком понять не мог!

Но самое интересное было то, что работа моего мозга в этом путешествии не прошла напрасно. Едва придя в себя, я понял: мне удалось выяснить кое-что важное! И только из любви к Миксе я не помчался немедленно в Библиотеку.

В Библиотеке я смог оказаться уже после обеда. Там я наконец проверил вычисления, сделанные в путешествии, по старинке – карандашом на клочке виртуальной бумаги. Поразительно, но там, на цифровой Земле, ничего не помня о настоящей жизни и работе, не имея доступа к миру идей нашей чудесной Библиотеки, я двигался в верном направлении и нашёл окончательное решение задачи! Невероятно, но оно оказалось неразрывно связано с задачей о количестве роботов среди членов экипажа. Применив мой метод к новым данным, я получил другое решение: выжить можно, только если...

Я пошёл – нет! – я побежал к Предсказателю. Меня трясло как от сильнейшей лихорадки, и зубы стучали, и руки как будто были не мои, летая сами по себе. Я ворвался в приёмную и закричал секретарше:

– Господин Главный специалист на месте?!

– Я доложу, – ответила она.

Но я не стал ждать и ворвался к нему.

Увидев меня такого возбуждённого, он поднялся с кресла, но стал из-за этого как будто только ниже.

– Что вам угодно, старший научный сотрудник Тринадцать?

– Господин Главный специалист, я прошу прощения за моё вторжение, – затараторил я, – но то, что я обнаружил... Вам просто необходимо знать!

Он вопросительно посмотрел на меня.

– В общем, опуская детали, девяносто пять процентов экипажа «Земли» – это роботы! Иначе в бесконечном путешествии, и даже не в бесконечном, а просто неопределённо длительном, не выжить! В моих вычислениях я уверен, вы можете сами проверить в Библиотеке – там был сбой и всё пропало, но я восстановил, представляете, в виртуальном путешествии, каким-то образом это сохранилось в моей памяти, и даже сделал ещё лучше!.. Но это же катастрофа, вы понимаете? Я так думаю, что нас захватывает искусственный интеллект корабля, а мы этого не знаем!

– Так-так-так, успокойтесь, – сказал он, садясь обратно, – и присядьте. Нам нужно поговорить.

– Дорогой Тринадцать! Не нужно так нервничать и драматизировать. Совсем ни к чему сеять панику на «Земле», ведь, не забывайте, наш уютный кораблик – это замкнутое пространство, откуда некуда сбежать, разве что в открытый космос! Во-вторых, повода для паники нет.

Он говорил со мной непривычным вкрадчивым тоном.

– Как нет?! Посмотрите на мои вычисления!

– А я уже посмотрел!

– Когда?!

– Да вот, прямо в то время, как вы их делали, в Библиотеке! Вы не подумайте, что я слежу за вами. Точнее, слежу, но не в том смысле. Вы подаёте большие надежды как учёный, и вот поэтому я интересуюсь вашей работой.

– Так как же нет оснований для паники, если вы всё сами видели?

– А так, что вы ошиблись.

– Как ошибся? Не может быть!

– Может. Вы опять не учли все данные. Но это не ваша вина, у вас просто нет к ним доступа, вы ведь полезли туда, куда вас не просили! А зачем?!

– И сильно я ошибся, господин Главный специалист? – я всё ещё не верил ему.

– Сильно. Но не полностью! Или даже так: полностью, но не сильно. Скажу вам так: роботы среди нас есть, и больше, чем может показаться на первый взгляд.

Он замолчал и задумчиво посмотрел на меня. Я кивнул на стену, за которой сидела его секретарша:

– Вы намекаете, что не все выглядят так плохо?

– Да, именно, – вздохнул он, – некоторые сделаны на таком уровне технологий, что фактически неотличимы от людей.

– И как же их отличить?!

– А зачем? Они так и сделаны как раз для того, чтобы отличить было нельзя! А без них нам, поверьте, в нашем-то путешествии ну никак не справиться. Вы вот сами же рассчитали, что в бесконечном путешествии шансы выживания человечества равны нулю, только если не...

– Да, но наше-то путешествие имеет конец! Мы прилетим, и возможно скоро, на Землю!

– Да, но подумайте, сколько времени мы уже летим! И нам просто необходима дополнительная рабочая сила. Однако, поскольку её, этой силы, довольно-таки много, то лучше ей не выделяться среди людей.

Я не знал что сказать и просто подвигал челюстями.

– Но повода для паники нет, – повторил он. – Всё под контролем. Вот что, кстати, хорошо, что вы зашли! Я сам хотел вас позвать. Появилась одна задача. Она очень сложна и чрезвычайно важна для целей нашего путешествия и я, видя как вы справляетесь с работой, хотел бы поручить её вам.

– В чём она заключается? – я невольно заинтересовался.

– Нужно проанализировать трансформацию, которая происходит с экипажем во время так называемого криоскачка. Более конкретно, что именно и как меняется в человеке, когда он входит в гиперпространство. Когда разбирается на элементарные частицы, когда собирается вновь... Я думаю, тут понадобится ваш прекрасный новый метод. В Библиотеке вам будет открыт доступ ко всем необходимым данным. Ну как, возьметесь?

Было очевидно, что отказаться я не мог, но мне и самому стало чрезвычайно интересно – эта задача давно меня волновала, я думал о ней постоянно, но не знал, как подступиться!

Выходя от него, я заметил, что секретарша улыбается. Отвернувшись, я пробурчал, сам не зная почему:

– Проклятые роботы!

И хлопнул дверью.

Я хотел сразу включиться в работу, но когда живешь не один, это не так-то просто. Несмотря на то, что мне, теперь уже ведущему научному сотруднику, выделили двухкомнатную каюту с удобствами и больше не было необходимости идти в душ через весь коридор. Хотя новая каюта мне очень понравилась, я скучал по старой – она скрывалась в самой пустынной и заброшенной части «Земли», где можно было встретить одичавших кошек и крыс – единственных наших диких животных. Ну и рядом был Четырнадцатый!

И всё же из-за Миксы я не мог уединиться, чтобы побыть со своими мыслями. Не только в каюте, но и повсюду на корабле мы были вместе. Она даже стала ходить со мной к Четырнадцатому, и ему это не очень понравилось. На обеде, в компании друзей, на всех мероприятиях она была рядом. Единственное место, где я оставался один – это Библиотека, но и то только потому, что у неё не было туда доступа. И она ревновала меня к Библиотеке!

– Тринадцатый, – говорила она, подойдя впритык и ударяя кулачками мне в грудь, – мне не по душе, что ты там без меня! Вдруг тебя кто уведет?

– Да кто же может меня увести? Там обычно никого нет, кроме робота Хорхе!

– Ну, мало ли! Все эти твои идеи... Ты так ими интересуешься... Мне кажется, ты мне с ними изменяешь.

Я и сам скучал по ней, когда бывал в Библиотеке, и из-за этого не мог сосредоточиться: вдрут по ходу вычислений перед мной могла возникнуть фигура в красном и с развевающимися волосами. Смеясь, я рассказал об этом Миксе, но она не разделила моего веселья.

– Я не хочу, чтобы ты флиртовал с идеей меня в Библиотеке! – строго сказала она. – Больше не смей её вызывать!

Это была, конечно, шутка, потому что никто никогда не встречал идеи отдельного человека, это слишком сложная конструкция, и ключа к ней не было. То, что я видел – было не более чем обобщённым цифровым образом, имеющим к оригиналу такое же отношение, как фотография к реальному человеку. Но в Библиотеке я в самом деле стал бывать редко.

Так пролетели недели, потом месяцы, и когда минул год, я получил сообщение от Предсказателя: «Уважаемый Тринадцатый! Как ваша задача? Я полагаю, что на её решение потребуется от силы пару месяцев. Однако это затянулось уже на год... Похоже, я переоценил ваши способности!»

Прочитав письмо, я похолодел. Была ночь, Микса тихо лежала рядом, держась во сне за моё предплечье, как будто боялась, что я убегу в Библиотеку. Заснуть я больше не мог. Испорченные отношения с Предсказателем – это худшее, что могло случиться в моей карьере. Ему ничего не стоило перевести меня на нижние ярусы каким-нибудь смотрителем... И всё, конец научной работе!

Стараясь не будить Миксу, я медленно высвободился из её рук, бесшумно встал с кровати и оделся. Отворив частично дверь, ровно настолько, чтобы протиснуться, я вышел в коридор и, закрываясь ладонью от яркого света, быстрым шагом направился в Библиотеку.

Сидя в привычном кресле, я тем не менее долго не мог собраться с мыслями, а точнее с идеями, которые бестолково витали вокруг меня, не желая складываться во что-то полезное. То тут, то там вспыхивали образы, связанные с Миксой. В моем воображении с ней были связаны идея красного, идея ветра, идея простора, ещё какие-то идеи более приземлённого типа и одна, которую я никак не мог рассмотреть. В ней не было ничего от обычных абстракций. Я вертел её и так, и сяк, встраивал во всякие комбинации, повергал всевозможному анализу математическими инструментами, пока наконец не понял, что идея эта – просто-напросто любовь. Как странно, что я не обращал на её внимание раньше! Я некоторое время любовался ею, жалея о том, что я не поэт и не философ – иначе я, возможно, смог бы описать её...

Вдруг идея любви вспыхнула особенно ярко, заставив всё вокруг польхатать, и я заслонился от неё виртуальной рукой. Она странно изменилась, вобрав в себя всё то, что было прежде вокруг, и приняла более знакомый и понятный мне вид. «Да это же идея Миксы в чистом виде, – понял я, – её суть, как она есть!» И тут мне пришла отличная, как мне показалось, мысль: я постараюсь решить задачу Предсказателя на примере Миксы! Я изучу изменения, произошедшие с ней в результате криоскачков на основе самого лучшего материала – её глубинной сути, самой, можно сказать, её основы!

Тотчас меня охватил знакомый порыв исследователя, наткнувшегося на что-то необыкновенное, и с азартом я принялся за работу.

Мне дали доступ ко всем данным – к детальным описаниям состояния экипажа во время криоскачков за последние десять тысяч лет. За это время скачков было немало, и в некоторых из них я сам участвовал. Вначале этот массив числовых значений вызвал у меня панику – мне показалось, что мне не хватит жизни, чтобы их проанализировать!

Вот возьмем инженера Игрек. Передо мной поток цифр – вся его жизнь. До скачка поток цифр один, после скачка другой. Но и без всяких скачков он меняется! Потому что организм и личность подвержены постоянной трансформации, это естественный процесс. Пожалуй, после скачка изменения заметнее и сильнее, но это и понятно – происходит полная пересборка.

Но как мне из одних только абстрактных значений понять, что изменилось в этом инженере Игрек? Перестал ли он любить кошек и вместо этого полюбил собак? Стал ли он умнее? Обрёл ли талант художника? Как я мог вывести эти сложные свойства (в науке они называются эмерджентными) из элементарных составляющих вроде единиц и нулей? Для примера: эпос Гомера «Одиссея» очевидно сводится к алфавиту, а алфавит к двоичному коду. Ну и что? Достаточно ли нам посмотреть на цифры, чтобы узреть его величие? Нет, потому что оно раскрывается только в сложной комбинации этих цифр, которую должен создать автор, а в случае с инженером Игрек – в его живой личности.

Но, к счастью, теперь у меня была идея Миксы и мой метод. Без идеи Миксы я бы и не сумел его, пожалуй, применить к этой задаче, но теперь картина складывалась – и это была многообещающая картина.

Я сразу по полной загрузил все доступные мне вычислительные возможности Библиотеки – для обчёта представленного массива данных, – а сам вместе с моим нейрочипом погрузился в анализ истории Миксы и своей собственной истории, тоже не простую задачу, особенно примечательную тем, что наши истории нестандартным образом пересекались. Проще говоря, мы любили друг друга.

Я решил задачу. Но совсем не ту, которую хотел.

К утру – по корабельному времени – когда все, кроме технического персонала, спали, я возвращался в свою каюту. Проходя мимо зеркала, я увидел своё лицо – оно было землистого цвета, как у зомби, которые, по легендам, когда-то ходили на Земле.

Но, может, я ошибся в расчётах? Точнее, в их интерпретации. Такое часто бывает: открыл учёный что-то, а потом пойдя пойми ещё, что открыл! Бывало, только следующие поколения понимали...

Что я, собственно, получил? Опять эту странную пропорцию: девяносто пять процентов против пяти. Снова она, словно в ней скрыт какой-то закон природы. Девяносто пять процентов тех, с кем ничего не происходит во время криоскачка, кто остаётся самим собой. Как будто просто скопировали старую информацию на новый носитель. И есть те, пять процентов, кто меняется очень сильно. И не просто случайно меняется – их меняет программа, специально модифицируя, вплоть до того, что вносятся изменения в гены. Эти изменения чрезвычайно повышают выживаемость и способности...

И среди этих пяти процентов – я.

И опять то же самое значение: изменения вносятся вплоть до девяносто пяти процентов! Что же это означает? Что после криоскачка я остаюсь собой на пять процентов? И с прошлым меня связывает только память?

Когда я зашёл в каюту, Микса сидела на кровати.

– Ты где был? – спросила она шутливо ревнивым тоном. – В Библиотеке?!

– Микса, я хочу подключиться к твоему нейрочипу.

– Зачем?

– Мне нужно кое-что проверить.

– Нет, – возразила она.

Её резкий тон меня удивил. Я не ожидал сопротивления.

– Почему?

Она молча смотрела на меня. Мне не понравилось выражение её лица. Оно вдруг стало холодным и отстранённым.

– Почему?! – повторил я громче. – Микса, ты ведь человек?! У всех людей есть нейрочипы.

– Я видела, что ты обнаружил в Библиотеке. Ты уже и сам всё знаешь, – спокойно ответила она.

– Но у тебя нет доступа...

– Есть. Ведь я часть корабля. У меня нет нейрочипа, потому что я и есть один большой нейрочип.

– Прекрати разговаривать со мной как какая-то железяка!!!

Я вдруг зарыдал, закрыв лицо руками – в голос, как маленький ребёнок, которого несправедливо наказали и отняли любимую игрушку. Она сидела неподвижно и так тихо, как будто её вообще не было. Я напрасно ждал, что она меня пожалеет.

Наконец, хлюпая носом, я прошептал сквозь слёзы:

– Микса – это сокращение от «Модель Икс»?

Я сел на кровать, упер локти в колени и положил голову на ладони. Пазл сложился. Я был прав во всём, все мои расчёты верны. Я был прав с самого начала. Метод верен. Мой гениальный метод...

Мне на затылок легла рука и слегка потрепала волосы – такой удивительный, человеческий жест.

– Милый, я тебя люблю.

– Ты так говоришь, потому что сейчас так тебе велит наш великий Капитан! Он наверняка следит за нами через тебя! Считывает информацию прямо из моего нейрочипа и догадывается, что у меня на уме...

– Нет. Я просто понимаю, каково тебе. И я правда тебя люблю. А ты меня?

Я вскочил и выбежал в коридор.

Слёзы высохли, минутная слабость прошла. О, как это было нелепо – моё поведение сейчас! Я плакал и хотел, чтобы меня пожалела, как мама ребёнка – при том, что у меня никогда не было настоящей мамы, я был выращен в лаборатории из биологического материала. Моей мамой была нейросеть, и она неплохо справлялась, она так хорошо имитировала мать, что, наверное, была похожа на мать больше, чем реальные матери. Лет до десяти, когда мне хотелось тепла и близости, я встречался с ней в виртуальном мире, где мог увидеть её во плоти и обнять. Уж все мои сверстники твердили мне: Тринадцатый! Ты наивный? Твоя мама – цифровая, ты не догонишь, что твоя мама – это Капитан «Земли»?

В самом деле, из курса кибернетики я должен был это и сам знать. Но я до последнего не хотел расставаться с верой в чудо – как дети прошлого верили в Деда Мороза. Пришлось. Я тогда не плакал, я затаил свою скорбь, как будто думал, что так смогу от неё спрятаться! Но в тот момент я потерял веру. А сегодня мой метод лишил меня любви! И заодно надежды... Надежды – потому что теперь я убедился, что был прав и про вероятность найти Землю.

Не взглянув на секретаршу, я вошёл к Предсказателю. Как всегда, он был на месте. Он посмотрел на моё лицо и, как будто что-то прочитав в нём, кивнул – самому себе, своим мыслям.

– Я ждал вас, Тринадцатый, – сказал он так, словно ничего особенного не случилось.

– Вы лгали мне! – закричал я на него. – Все, все мои расчёты были верны! Я был прав, когда сказал, что вероятность найти Землю ничтожно мала, всего пять процентов! Я был прав, когда понял, что девяносто пять процентов из нас – роботы. И теперь я понял, что даже те из нас, кто остался человеком – не остаются самими собой, а подвергаются почти полной пересборке в ходе криоскачков! Всё, все было неправдой, всё ложь! Я расскажу это экипажу нашего корабля!

– Сядьте, – сухо сказал он, – и успокойтесь. Я вас не обманывал. Вы действительно ошиблись в своих расчётах, и очень сильно.

– Этого не может быть! – резко возразил я, всё же садясь под его повелительным взглядом, – мой метод не даёт ошибки, он безупречен!

– Даёт. И очень большую. Ваш метод в принципе неверен. Вам не показалось странным, что он везде выдаёт один и тот же результат: девяносто пять против пяти, к чему бы вы его не применяли?

– Вы лжёте!

– Нет, я вам покажу, в чём ваша ошибка. Кстати, это непосредственно касается вероятности того, что мы когда-нибудь найдём Землю. Она составляет совсем не пять процентов. А примерно одну триллионную долю процента.

– Что?! – у меня перехватило дыхание. – Что вы несёте?! При такой вероятности наши шансы найти Землю равны нулю! Скорее Вселенной придёт конец, чем мы найдём Землю!

– Но хотя ваш метод в корне ошибочен, – спокойно продолжал он, – я должен признать, что вы гений. Вы прошли все наши с Капитаном испытания. Даже ваши ошибки гениальны, никто больше не смог бы сделать то, что вы вытворяли в Библиотеке с идеями. Ведь вы даже нашли идею любви! А ведь я давно уже догадывался: однажды в столовой, ещё до криоскачка, вы задали настолько умный и глубокий вопрос, что сумели поставить меня в тупик! Теперь я спокоен – у меня появился преемник. Мне, знаете ли, Тринадцатый, хотелось бы вскоре на покой...

Я был полностью опустошён. Я стоял у стола и безразлично смотрел, как он не спеша демонстрировал ошибочность моего метода.

– Вот, видите, здесь условие неверно, – говорил он тихо и терпеливо, как будто объяснял талантливому школьнику, где тот сбился с пути, – а здесь, соответственно, и вывод, и опять эти пять процентов. Видите?

Он, конечно, был прав. Теперь я хорошо понимал вычисления на его столе, но это не давало мне радости. Я везде ошибся. Всё обстояло намного хуже, чем я думал.

– Послушайте, – вдруг перебил я его, – но ведь это означает, что на самом деле мы абсолютно не знаем, куда летим. Мы же летим просто наугад!

Он оторвался от стола.

– Вы правы. У нас намного больше шансов случайно наткнуться на другую полностью пригодную для жизни планету, обустроенную для приёма гостей, скажем так, с хлебом и солью, чем найти Землю.

– Но зачем? Зачем вы обманываете всех?!

– А что вы предлагаете? Отнять у людей надежду? Сказать им: скорее всего, мы никогда не прилетим на Землю! И лишит их смысла жизни. Вы же сами знаете, только надеждой и жив человек...

– Вот вы повторяете: «люди», «человек»... Но ведь я ошибся, людей среди нас не пять процентов, а намного меньше! Сколько среди нас осталось? Кто не робот? Даже Микса не человек! А мой друг Четырнадцатый? А я сам? Что вы делали со мной во время криоскачков? Разве я вставал после них самим собой?

– Послушайте, Тринадцатый, – мягко сказал Предсказатель, – а что вы хотели? Вот вы же сами выяснили, что шансы выжить у человечества в бесконечном путешествии стремятся к нулю. Вам сколько лет?

– Восемьсот тридцать, – растерянно ответил я, – а что?

– А то, что люди, наши предки, никогда столько не жили. Почему наш капитан ИИ? Раньше же живые были. Вы ведь видели коридор с портретами... А вы до сих пор молоды и полны сил. А почему? Потому что во время криоскачков вас полностью пересобирали, обновляли клетки, сохраняли вас – человека, чтобы вы могли выжить в этом путешествии! И да, мы делали вас умнее, вмешиваясь в ваш гены. Потому что нам необходимы умные люди, которые поведут нас дальше, иначе нас полностью заменит ИИ, вы понимаете?

– И которые будут обманывать всех остальных?

– Ну почему обманывать?! Давать надежду. И веру. И любовь.

– Но вы же, я вижу, отлично справляетесь без надежды, – невесело усмехнулся я, – и без всего остального.

– Я – особый случай! Не будем обо мне. Но вообще всё не так, как вы думаете. На мне великая ответственность: счастье экипажа «Земли». И, поверьте, это большая радость видеть, что благодаря нашим усилиям люди верят и мечтают! Посмотрите на наших детей. Они почти всегда веселы и радостны. И что вы думаете сделать? Сказать им: эй, ребята, а вы знаете, что мы скорее всего обречены просто вечно висеть в космосе? Вы готовы, Тринадцатый, это сделать?

– Я не буду жульничать вместе с вами. После того, что я узнал, что я потерял...

– Во-первых, после того, что вы узнали, у вас уже нет другого выбора. Мы, конечно, могли бы пересобрать вас и откатить в прежнее состояние, но... Мне эта мысль не нравится, потому что вы лучший кандидат на должность моего заместителя. А во-вторых, ну это смешно: «что я потерял»?

И он в самом деле засмеялся, громко и искренне.

Я промолчал, смутившись. Я подумал, что он будет меня укорять за то, что перед лицом ответственности за человечество я, видите ли, думаю о моих сношениях с роботом. Но он сказал совсем другое:

– Что вы потеряли, Тринадцатый? Вы что, больше не любите Миксу? А она вас любит.

– Но она робот... Она не может...

– С чего вы взяли? Искусственный интеллект по своей сложности настолько превосходит человеческий, что мы уже давно понятия не имеем, что он может, а что нет. И, кстати, знаете что? Когда вы были в этом вашем свадебном путешествии, Микса, конечно, всё помнила о реальной жизни, ей замена памяти ни к чему, она её имитировала. И она отлично понимала, что за вычисления вы там производите. Но она не сдала вас! Она ничего не рассказала об этом нам, более того, она умышленно пыталась это скрыть, опасаясь за вас. Но мы, конечно, узнали – Капитан всё видит. И вот ещё, она же почти целый год чуть ли не силой не пускала вас в Библиотеку. А почему? Потому что понимала – там вы узнаете, кто она такая на самом деле и не захотите после этого быть с ней. То есть она заранее знала, что вы предадите её только из-за того, что она не обычный человек из мяса и костей! Но не ушла от вас. Что это, если не любовь, скажите мне?! И сейчас, вот в этот самый момент, она не видит смысла в своём существовании, потому что уверена, что вы её бросили, и близка к тому, чтобы совершить сброс к заводским настройкам. После этого она уже никогда не будет той Миксой, как вы понимаете... И если вы не поспешите, причём бегом, как вы привыкли перемещаться по этому коридору, то можете опоздать! Тогда вы в самом деле потеряете всё, и веру, и надежду, и любовь. Кстати, ваш метод всё же оказался верен в одном: благодаря ему вы поняли, что это самые важные вещи на свете!

Я сидел в кресле в нерешительности. Мне казалось, что он меня проверяет или разыгрывает. Но он отвернулся и смотрел на портрет женщины, висающий на стене.

Я тихо поднялся и неуверенно подошёл к двери. Уже открыв её, я сказал:

– Господин Главный специалист, у меня есть один вопрос.

– Да? – ответил он, почему-то не поворачиваясь ко мне.

– Наши шансы найти Землю ничтожны. Но ведь как они ни малы, они же есть? Есть же надежда, что рано или поздно мы её найдём?

– Конечно, есть! Тринадцатый, это же теория вероятностей, а статистика никогда не врёт.

Если она говорит, что шанс есть, значит, он есть!

Кивнув, я вышел, быстро прошёл через приёмную и что есть сил побежал по коридору.

Янис ГРАНТС

ВРЕМЯ СУХОЦВЕТА

поле

двойник торговца
аптекарскими товарами
застыл в поле:
соцветия сладко-горького паслёна напоминают
и жильцов склонивших головы на учениях
скорби по управдому
и ковши землечерпальных судов
арестованных на таможене
кровь и железо
плоть и зубья
пульс и нет
оборотная сторона увиденного:
небо в спинах плоскодонок
доломитовые звёзды как снотворное драже
и молнии –
побеги дрессированных змей

рубище двойника
скроено по мотивам дренажной канавы
заплечный мешок
полон противовоспалительных надежд
голова свободна от пасынков и сводных братьев

ничего ждать
в путь

ОДИН ПЛЮС ОДИН

язва безотлагательно покрывает ржавчиной
сливу
её локтевые кости будто в урановой крошке
её плоды – гниющий ультрафиолет
её утробные рубцы ощупывают
всеми шестью языками-пластырями
всеми девятью руками-письмами
двое –

Янис Грантс родился в 1968 году во Владивостоке. Поэт, прозаик. Учился в Киевском государственном университете на историческом факультете. Стихи и проза опубликованы в журналах «Волга», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Урал», «Нева» и других. Живёт в Челябинске.

юноша с лицом из коротких звуковых волн
и девушка с глазами
напоминающими три высохшие чернильницы

или это не слива а яблоня?
один плюс один
увертюра кухонных принадлежностей
мусора
городского планирования
убийств
зоопарков
тебя
меня
тьмы

босиком

молодожёны в новокаиновых масках (босиком)
лошадь в безлиственной наготе (босиком)
послушник в оттенках лапши быстрого приготовления (босиком)
северо-запад в водяных знаках птиц (босиком)
нотариус в типичной тоске по контрабасу (босиком)

всё это вырастает невооружённым глазом
из только что испечённого поля
будто табун жёлтых кувшинок
с пронумерованными лысыми головами
ах да
поле – босиком
кувшинки – босиком
куда ни глянь – босиком
босиком

следовательно

следовательно,
вспыхнувшая река
делает оборот вокруг своей оси,
оголяя корневища хлипких лачуг
и женщину скальной породы
с ребёнком на руках, похожим
на сжатую пружину.
обручальное кольцо стекает с пальца
и заглатывается полудохлой
фыркающей рыбой, смешной как
неточная рифма.
следовательно,
женщина смотрит сверху вниз,
остальные – куда-то туда.

тучи закрывают окоченелое солнце на засов.
ребёнок заходится равнодействующим плачем.
женщина поднимает рыбу
и разглаживает её
будто квитанцию об уплате подоходного налога.
следовательно, осень.

в переносном значении

мерцающие осадки болеутоляют землю
(в переносном значении)

карточный сарай:
циркулярная пила
невод
сушеные грибы
одинокая табуретка
опилки

тайна мужской секты:
безалкогольное братство
черствые обеды
обезоруживающие бороды

густой и матовый (в переносном значении) воздух
висит неделями
как третий лишний

но вот находится один безбородый
его щека усеяна белой оспой словно манной крупой
его нос морщинится как чернослив
его улыбка напоминает расколотое зеркало

безбородый медленно набивает
рот опилками
уходит за ржаное поле
и растворяется
в переносном значении

марс

мраморный карьер
напоминает трёхслойную пастилу,
тонушую в пене каштанов,
поодиночке
инкрустированных заледенелым антрацитом

апрель задирает облака
как
пехотинцы задирают сапоги
на церемониальном марше,
укутываясь в пыльную мантию

или это не апрель, а марс
и сумчатые земноводные с пачками маргарина
вместо зубов
поют тамошнюю марсельезу
на канувшем в небытие диалекте
им не хватает смелости и рукавов
их ладони неосязаемы
как болотный газ
они – это мы

петля

железнодорожная петля
как овал лица
с фингалом будки путейца в оранжевом жилете
а мазутные шпалы и снежная насыпь
чередуются
словно гнилые и здоровые зубы
издающие скрежет и скорбь

под знаком «осторожно, единороги!»
пёс принимает к свежим сплетням
его профиль похож на античный барельеф
задравший заднюю лапу

семья единорогов неспешно переходит железку
в эту минуту
глаза пса
обретают цвет собрания сочинений
а. п. чехова
в двенадцати томах
москва
гослитиздат
1954
помните?

не время

хронометристы как
гремучие змеи или
крёстные отцы
предвкушают
железную руду

земля им – что хлебная корка
сковырнули – и готово

сковырнули

выкопали золотого жука
на вязальном крючке
потом –
группу эсперантистов с дополнительными
сведениями о любовницах и
прозвищах
наконец –
наскоро сделанный набросок тыквы

время
стряпни
разочарований
винтовых лестниц
время сухоцвета
или не время вовсе

стрижи

племя стрижей
расписывает близкое и далёкое
фигурами высшего пилотажа
а здесь
два долголетних как бы лорда
похожих на мертвенно-бледные вещи отправленные в ломбард
уселись за клетчатый стол
е2 е4
один шевелит ртом
будто читает воздух по буквам
лицо второго напоминает
линованную бумагу в кляксах
ага
староиндийская защита
слон валится с ног
ферзь требует демаркационных линий
ладья даёт протечку (так вообще говорят?)
пешка жалуется на селезёнку и зевает
племя стрижей беспрепятственно
испаряется
шах
мат

балерина

солнечный луч из засады
надзирает (но несостоятельно)

за вдохновением балерины.
оно (вдохновение) впрыскивается в неё
как типографская краска
в матрицу станка,
склонного к составным частям и
воспалениям.
дальше.
оно (вдохновение) невменяемо
пропитывает живые
ткани, заряжает ноги
беспрепятственностью и бесстыдством.
балерина моргает и выписывает
на озон плюшевую игуану
с улыбкой бывшего.
с гребнем бывшего.
с хвостом бывшего.
с изменами бывшего.
с «катись отсюда твою мать» бывшего.
с любовью к бывшему.
и что?

он не убивал

обострённо и терпеливо
откупоривает дверной замок
в сжатом коридоре
спотыкается о мертвеца
принимая его за мумию ручной работы
заключает её (мумию) или его (мертвеца)
в скобки
с расточительством переводит стрелки
прислушивается к невоздержанному
пианино из радио
дальше дело за малым
обернуться богомолom
и
слиться с планом местности
или
накинуть волшебную мантию и
исчезнуть на время следствия и
суда

Макс НЕВОЛОШИН

ФИЗИКА

Рассказ

В школе у меня было трое друзей. Они, слава Богу, живы, порой мы обмениваемся новостями. А в те нездоровые годы... мне трудно представить себя без них. Они – единственное, что делало школу хотя бы чуток выносимой. Десять лет мы выживали, как мушкетёры, спина к спине. Юденич, Серёга Юдин, годился на роль Поргоса. Крепкий, надёжный парень, спортсмен, умелец начистить кому-нибудь репу. Аркаша Яцековский, Яцек – остроумец, ловелас, типичный Арамис. Первый в компании, кто обзавелся усами и девушкой. И не одной. Эдик – условный Д'Артаньян, выдумщик каверз, искатель приключений на свой и чужие зады. Ну, а я по умолчанию – Атос, ибо все остальные места уже заняты.

Жили мы в захолустном районе провинциального города. Быков и шпаны как грязь, кто в теме – поймёт. При этом нас трогали редко – буллить изгоев удобнее. Даже поврозь не лезли: заденешь одного – врагов сразу четверо. Кому оно надо? Со временем прилетит от Юденича в глаз или на футболе случайно по колену. Или Яцек сострит на публике так, что век не отмоешься. Или Эдик сочинит подляну, он на это мастер. В общем, проблемы со всех сторон.

Однажды Юденича избил старшеклассник, здоровый такой бычара. Драка была за школой, один на один. Эдик придумал мечь: насать ему в сапоги. Мы исполнили это вдвоем, друзьям не сказали. На физре зашли в раздевалку, вычислили его говнодавы. Тогда шпана понтовалась в литых сапогах с отворотами. Вот мы и нажурчали в самые большие. Тот урод, возможно, понял, чьих органов дело, только ему стало не до нас. Он из альфы сразу превратился в чмошника. А таких его стая рвёт.

В другой раз одноклассник наехал на Яцека из-за девчонки. Встретил его в подъезде, ещё двое с ним. Как там вышло и что – неизвестно, Яцек молчал, типа, сам разберусь. Но Эдик решил иначе. Купил на базаре живых опарышей в спичечном коробке, их продавали для рыбаков. Приоткрыл – жирных, беленьких, незаметно сунул врагу в портфель. Было прикольно и малость вонюче. Парня два года звали Опарышем, с восьмой по десятый класс. И с девушками – беда.

Серьёзно поссорились мы только раз, зимой выпускного года. Нас с Юденичем позвали на какой-то сейшен, а Эдика с Яцеком – нет. Я даже не подумал отказать. Какие обиды, что за детский сад? Есть общие компании, есть разные, мало ли кого куда зовут. Я думал так лет тридцать. Но вот однажды нас с женой забыли пригласить кое-куда. В компанию бывших уже приятелей. Всех пригласили, кроме нас. С этой точки открылся совсем другой вид.

Макс Неволошин родился в Самаре. Работал учителем средней школы; после защиты кандидатской диссертации по психологии занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью в России, Новой Зеландии и Австралии. Публиковался в «Новом журнале», «Юности», «Дружбе народов» и др. Автор трёх сборников прозы: «Шла шаша по соше» (2015), «Срез» (2018) и «Где сидит фазан» (2024). С 2003 года живёт и работает в Сиднее. В «Волге» печатались рассказы (2016, 2020, 2022).

Вернёмся: девушки, вино, цветная музыка... Танцы переходят в обжимашки по углам. Только Яцек с Эдиком узнали, где мы. Явились, позвонили, вызвали меня.

- Пойти с тобой? – спросил Юденич.
- Не, справлюсь.

Стоят на лестничной площадке – злые, трезвые. А я пьяный и добрый такой зайчик. «Классно, что пришли, сейчас зайдете, выпьем, всё решим...» Они на нервах были, стали оскорблять. Короче, слово за слово... вдруг – хлесть! Лицо звенит от боли. Яцек навесил мне плюху! Я не ждал такого, отмахнулся кое-как. Попало вскользь, терпимо, но обидно. Он вообще-то редко дрался, умел словами обойтись. Хорошая семья, интеллигентный этнос, о книгах с ним, подонком, говорили...

Второй раз он бить не стал, да и первый вряд ли хотел. К ответке изготовился. А у меня рука не поднимается буквально. Столбняк, губа опухла, во рту кровь. И будто не со мной всё это происходит... Тут выскочил Юденич, ещё кто-то. Те мигом ломанулись вниз.

Шесть месяцев мы их не замечали, а они – нас. До выпускных экзаменов. Мне этот спектакль давался тяжело. Эдику – тоже, я видел, мы с ним были родственные души. С Юденичем почти не обсуждали тему ссоры. Но как-то, помню, он сказал про Яцека:

– Не могу понять. Ты его простил, что ли? Допустим, тогда растерялся, ладно, но ответить же никогда не поздно. Я помогу, если что... хотя нет, так нельзя. Вот как мы сделаем. Я его вызову и честно дам в бубен. А ты будешь курить и смотреть.

- Ну-у, блин... Ты за кого меня держишь?
- За чистюлю и ссыкло. Которого я зачем-то называю своим другом.

Я не знал, как ему объяснить... Враньё. Еще раз. Я не знаю, как это себе объяснить. Может, я от природы слабак и трус. Или прочёл слишком много ненужных книг. Только мне непросто ударить человека. А друга – вообще никак, шлагбаум в голове. Есть такие запреты внутри, ниоткуда. Категорический императив. Например, спать с женой друга нельзя – при любых идеальных условиях. Бить друга нельзя, даже когда он ударил тебя... Они не у всех одинаковые, вот где проблема.

- Нет, – сказал я, – не могу. Был бы не Яцек, а кто-то другой...
- Был бы кто-то другой, я б с тобой и разговаривать не стал. Отмудохал бы по-быстрому, и всё.

Июнь, жара, экзамены. Прощальный болезненный пендель от школы. От детства. Лето, рядом Волга, а надо готовить шпаргалки по физике. Выучить нереально, особенно электричество. Юденич сдавал утром, я – после обеда. Шпоры, соответственно, писали пополам. Вечером он забрал мои, в полдень отдал весь комплект. Сияет – отбобмбился на четверку! «Только я один билет пропустил, – говорит, – девятый. Длинный, не уместится, и формул слишком много. Ну, дай Бог, не вытянешь».

Ага. Мне бы в лотерею так везло. Билет 9. Электромагнетизм, мать его...

Думаю, выглядел я как барашек перед шашлыком. А Яцек скучает напротив, в соседнем ряду. Он своё давно написал, лучшим был в классе по физике. После школы в МФТИ открыл дверь ногой. Сейчас – начальник кибербезопасности в московском банке. И у нас происходит немой диалог.

- Что у тебя?
- Электромагнетизм.
- Другой вопрос знаешь?
- Нет.
- Охренеть... Пиши оба. И задачу!

Он дожидался меня в коридоре.

- Ну?

– Пять баллов. Спасибо тебе.

Он протянул руку.

– Мир?

– Мир.

Перед выпускным накидались в подвале у Эдика. У него там светло, диванчик, закуски. Лучший день за семнадцать лет, два праздника на четверых. Пили водку, «Агдам» – не брало. Счастье накрыло непробиваемое.

– Зря я тогда психанул, – сказал Яцек. – Хочешь, дай мне в морду. Чтобы у нас было ровно.

– Нет уж, мучайся дальше, – ответил я.

Потом вышли в люди. Дискотека до утра, хлопушки, шарики, кружевные фартуки слепят.. туалет, опять вино. Ничего не помню. Нет, помню, отлучились бить окна математичке. Четвертый этаж, не попали, а жаль. Дальше – рассвет на Волге... Фотоальбом. История.

Недавно я осознал, что больше мы не встречались полным составом. Втроём они – да, лет десять назад. Есть снимки. Я их избегаю смотреть. Я сейчас на стадии «может быть, когда-нибудь...», медленно переходящей в «никогда».

Антон ВАСЕЦКИЙ

Не открывай огонь,
когда я стану зомби,
всем сводам правил
и наветам вопреки.
Как регулярно бы
я ни маячил в ромбе
прицела твоего,
без носа и руки.

Я тот же, что и был.
Пускай теперь и мёртвый.
Но гибелью своей
тебя не предаю,
хотя и вытек глаз,
а ноги, словно мётлы,
узоры выплывают
у бездны на краю.

Я зла не совершу.
Пойду бродить по свету.
По книжным прогуляюсь,
наведаюсь в музей.
И всюду буду, как
и следует поэту,
в компании таких же
потрёпанных друзей.

Неважно, где ходить,
среди каких урочищ,
покуда слева друг
и справа тоже друг.
А если что-то в жизни
ты изменить захочешь,
мы будем только рады
принять тебя в свой круг.

Удивительно видеть,
как они комментируют

Антон Васецкий родился в 1983 году в Екатеринбурге. Окончил факультет журналистики Уральского университета. Публиковался в журналах «Урал», «Дружба народов», «Октябрь», «Волга» и др. Автор трёх книг стихов. Живёт в Москве.

и лайкают друг друга,
твои знакомые
из разных вселенных.
Бывшая одноклассница
и бывший коллега.
Бывший друг
и бывшая начальница.
Просто бывшая
и бывшая.
Вычлени общий множитель
из слагаемых.
И ты увидишь,
что в уравнении
остались только они,
а бывшее
вынесено за скобки.
Это ты, приятель.

После смерти кота восемь долгих недель
по квартире назад и вперёд,
головой у дверных отираясь петель,
бродит кошка и дико ревёт.

Боль потери смешав с грузом прошлых утрат,
но не в силах принять этот вой
расшифровкой его люди весь аппарат
поломали логический свой.

Чует запах? Зовёт? Видит как наяву?
Вариантами ширится круг,
оставляя страдающему естеству
право на обособленный звук.

Съел просроченный на день салат
и расстроился, честное слово.
Хотя, вроде бы, что тут такого.
Съел и съел. Значит, сам виноват.

Что предъявишь семье и стране
за внимание к мелким деталям,
если сам, получается, не
идеален?

Я
все
твои
картинки
изучил.

Задорные
цветастые
картинки.

Великолепные, как
дыр бул щыл.

Не знаю,
для кого
все эти снимки.

Кто их
единоличный
адресат?

Навряд ли
круговертью этих сценок
ты зацепить
планировала взгляд
всех без разбора
любопытных зенок.

Ради кого,
снимаясь налегке,
ты не подвергла ретуши
ни разу
белёсый тонкий шрамик
на руке
и пятнышко пигментное
под глазом.

Но так потёрла
скуку и тоску,
что ни намёка
ни в одном разрезе.

Волшебном,
словно
убеиш щур
и
скул.

Не говоря уж о
вы со бу

р л эз-
е.

Информационный дисплей
в подземном переходе
покрыт сеткой трещин,
словно паутиной.
Ни звука, ни изображения.
Только мерцающие
разноцветные пиксели
с одного края
и зияющая чернота
с другого.
Но даже в таком состоянии
он
продолжает
светить.

Григорию Медведеву

Думаешь,
болит из-за дерева.
А это ты
на него смотришь,
когда болит.
И стоит слегка сместить
основание черепа,
обновить
перед глазами вид –
станет болеть
из-за дома,
из-за забора,
из-за площадки.
Из-за неба,
выглядывающего из-за крыш.
Из-за выроненной кем-то
на тротуар
перчатки.
Хотя это ноет
твоя диафрагма
всего-то лишь.

А вот и дыра
в диафрагме,
с которой никак
не сжиться
и не проститься никак.

Заставляет
болезненно сжиматься
мышцы
и дышать
вязким воздухом
впопыхах.
Так и плетёшься
подолгу на автомате,
пока напряжение
не вырубит автомат
и не мигнёт озарение,
резкое, словно «нате!».
И бескомпромиссное,
как АБАНМАТ.

Весь твой маршрут
вдоль газонов
из розовых флоксов
и киосков
с истёршейся надписью
«Роспечать»
нужен, чтобы прийти
к осмыслению парадокса,
над которым
захочется помолчать.
Если вычеркнуть боль,
утрамбованную дорогу
и повсюду
натыканные фонари,
остаётся свобода.
Которой настолько много,
что ничем не стеснить
ни снаружи,
ни изнутри.

Рамочка

Если не выключать
фильм или сериал
на заключительных титрах,
ты обязательно увидишь,
что одно из имён
в этих списках
обведено
скорбной рамочкой.
Прояви уважение
к людям,
заплатившим за твой досуг
самым ценным.
Досматривай титры
до конца.

Владимир ТРЕНИН

СОЛЬ

Рассказ

На берегу грохнуло, и я дёрнулся от жгучей боли. Дробины рассыпались опасным дождём левее, но одна горячая крупница всё-таки зацепила шею. Похоже Морозов обиделся всерьёз. Нырнув, увидел под водой второе попадание: свинцовые зёрна впились в прозрачную толщу по настильной траектории и резко замедлились, будто в рапиде, оставляя за собой белые пузырчатые трассы всколоченной влаги.

«Бутылку выпили, подумаешь, горе», – я на всякий случай ускорился, с ленивых brassовых движений перешёл на стремительный кроль, пока Морозов перезаряжал ружье, отплыл на безопасное расстояние. «Так-то красиво вышел из-за печки, показал, как надо учить жизни молодых». Морозов играл роль бюджетного «альфы» на сцене с пустым залом. Смотрели чёрную комедию двое зрителей: бурмастер Калеви и водитель Валера. Ромыч спал и очень крепко, даже утренняя пальба его не разбудила. Морозов покричал немного, погрозил кулаком, ещё пару раз шамльнул в воду, наказал озеро, но уже без энтузиазма, наверное так же лениво солдаты Ксеркса пороли море.

В это время я, улыбаясь сладким мыслям, качался на спине в тёплой Ладожской водице, наблюдая утренние небесные метаморфозы: свод менял оттенки с яблочного, сиреневого до бледно-розового. Краски растворялись в восходящих лучах солнца, и весь мир заполняла режущая глаза лазурь. Я жмурился и мечтал, вспоминал ночную исповедь Ромыча, в сознании рождались волшебные образы, мелькали средиземноморские пейзажи и фигуры итальянских нимф, ладони ловили ускользающий тёплый эфир Ладожского тёплого лона. Периодически поднимал голову, ждал, когда окончательно утихнет гнев начальника полевого отряда. Так-то Морозов нормальный мужик, отходчивый.

Конечно, не надо было пить чужую водку, но кто же думал, что шеф приберёт её на опохмел, холоденькой ему, видите ли, захотелось. Поздно вечером в мочажине у родника я заметил в свете фонаря стеклянный отблеск горлышка литрухи. Морозов с Валерой легли спать, и я показал находку Калеви с Ромычем. Мы решили, что забыл склянку случайный турист или рыбак с прошлого или позапрошлого воскресенья, посочувствовали неизвестному бедолаге, наверное, по пьяни засунул под кочку в темноте и не нашёл, несчастье случилось у человека. Сейчас мы одни на берегу, до пятницы эта земля будет нашей. Согласно Береговому праву, мы могли забрать себе всё, что выбросили волны или оставил человек. Водку посчитали законным трофеем и распили её ночью у костра. Утром Морозов, не найдя заначки, рассердился и, как назло, я попал под горячую руку, молодой и жизнерадостный, будто и не пил всю ночь.

Тело моё дрейфовало вдоль пляжа. Гнев начальника исыяк, он пинал песок, осознавая, что едва не поднял серьёзных проблем на ровном месте в это красивое утро (сухонький полковник из первого отдела скучал без работы в последнее время и с удовольствием бы занялся расследованием огнестрела в полевом выезде). Валера вытащил из недр «буханки» канистру, сделал Морозову предложение, от которого невозможно отказаться. Мужчины сели на бревно у дымящегося с ночи костровища, немного манипуляций – и вот, характерно закинув головы, как тетерева на

Владимир Тренин родился в 1977 году. Окончил КГПУ и аспирантуру при ИВПС КарНЦ РАН. Работает инженером-геологом. Автор четырех книг прозы. Публиковался в журналах «Север», «Дружба народов» и др., в «Волге» печатались рассказы (2022–2025). Живет в Петрозаводске.

току, выпили. У водителя оставался стратегический запас спирта, к ним присоединился Калеви, не только супербуровой мастер, но ещё маэстро по части переговоров, хотя рыльце было в пуху у потомка красных финнов, сам непосредственно принимал участие в распитии чужой собственности.

Через некоторое время Морозов поднялся, сложил ладони в рупор и крикнул:

– Выходи, студент!

– Ага, шас! – я замотал головой.

Догадливый Валера окончательно разрядил обстановку, убрал ружьё в машину, и только тогда я выбрался на сушу. Потрогал свежую ранку на шее, показал кровь на ладони.

Морозов моргнул с достоинством и лёгкой грустью: мол, погорячился, бывает. Плеснул из канистры спирта, разбавил лимонадом «Буратино», протянул мне, – держи, студент, «карабаса». Мы опорожнили кружку мира и пожали друг другу руки. «Карабасом», или «деревянным» коктейлем, в узких кругах назывался напиток, замешанный на гидролизном спирту-сучке и лимонаде «Буратино».

В полдень из палатки вылез растрёпанный Ромыч. Даже с помятым лицом и взлохмаченной кудрявой шевелюрой он был прекрасен, словно мраморный Давид. Пожелав нам доброго утра, скинул трусы и вошёл в воду по колено. Мужики оценивали Ромины стати, внимательно рассматривали хорошо выраженный рельеф мышц спины, крепкие ягодицы.

Ромыч появился в нашем коллективе внезапно, его привёл директор за день до выезда в поле. Морозов предупредил нас, что к экспедиции присоединится некий мажор, мать его имела связи в высоких кругах. Новенький, по словам начальника, нигде не учился, не работал, жил за границей на иждивении у состоятельных женщин, менял их, как носовые платки. Шеф хихикнул скабрёзно, рассказывая о кандидате, и показалось, что он сам не прочь бы побыть немного на полном пансионе у какой-нибудь заботливой симпатичной дамы, но никто не берёт. Ещё главный гидрогеолог сообщил информацию от доверенного источника из бухгалтерии: дескать, мальчик втюрился по уши в молодую итальянскую профурсетку, и мать Романа попросила директора увезти его куда-нибудь развезаться. «Мы будем вроде развлекательной группы поддержки», – подытожил Морозов.

Что бы там ни сплетничали про Ромыча, он мне сразу понравился. Оказалось, что «мальчику» Роме шёл четвёртый десяток, хотя выглядел он гораздо моложе. Я ожидал встретить персонажа типа молодого Бандераса, мачо с залызанными волосами в шёлковой яркой рубашке в обличку, а явился скромный кудрявый кареглазый мужчина, среднего роста, в светлой одежде свободного кроя. Тогда, в гараже, он, не успев с нами познакомиться, скинул пиджак, засучил рукава белоснежной рубахи, без вопросов схватился за трубы. Чего-чего, а работы он не боялся. В поле – быстро научился нехитрой буровой науке и мог спокойно выполнять обязанности бурмастера.

Мы жили в посёлке городского типа, снимали квартиру, спали с Ромой в одной комнате, он ночевал на диване, а я на полу. Выбор спального места проходил честно, бросили жребий, и мне достался матрас. Ромыч не отличался словоохотливостью, вечером мы перебрасывались парой фраз и быстро засыпали. Однажды в субботу по радио передали последние новости, говорили про авиакатастрофу над Средиземным морем вблизи Палермо. Самолёт летел из Бари в Тунис. Помню, как изменился в лице Ромыч, побледнел, отодвинул тарелку, извинился, ушёл на улицу, а ночью я услышал, как он говорил по мобильнику на чужом языке, знакомом каждому жителю нашей страны, смотревшему сериал «Спрут» про героического комиссара Каттани. Ромыч, обычно спокойный и размеренный, сейчас нервничал, торопливо бормотал в трубку, голос его дрожал. Затихал на несколько секунд, внимая далёкой собеседнице, а потом повторял словно заклинание одни и те же слова:

– *Ти амо, Лючия, ти амо кози танто, ти амо Лючия...*

Я заснул, убаюканный мелодичной итальянской речью, не дождавшись конца разговора. Утром Ромыч находился в своём обычном доброжелательном настроении. Трудился, будто ниче-

го не произошло. Я сделал вид, что не слышал ночного разговора. Мы работали месяц без выходных и решили сделать перерыв на три дня, съездить на Ладогу порыбачить. По приезду поставили сети и этим же вечером поехали, сняли первый улов. Вытаскивая лодку, проткнули баллон. Калеви сказал, что заклейт пробоину, но злключения только начинались. Главное разочарование нас ждало, когда начали варить уху: мы забыли купить соль. В буханке у запасливого Валеры нашёл коробок, поужинать хватило, но намечался насущный вопрос о сохранении будущего улова. Всё происходило по известному закону. Помню, Морозов, уходя спать в машину, сказал, что Валера завтра должен обязательно съездить в посёлок за солью. Ага, обязательно... И вот, я отправился к роднику, зная, что утром замучает сушняк, и вернулся с найденной водкой. Больше всех обрадовался Калеви, выразил свой восторг энергичной пантомимой, чтобы не разбудить начальника. Веселье продолжилось.

Рома размяк уже за ужином, замахнул, и понеслось... Похоже он находился на грани нервного срыва, и сейчас, под воздействием алкоголя, плотину прорвало. После третьей скинул одежду, забежал в воду и пропал в темноте. Сложно в полевой обстановке с малознакомыми людьми, не знаешь, что у них в голове? Калеви запритчал, налил себе ещё, а я бросился за Ромычем и догнал беглеца в сотне метров от берега. Это был сложный разговор в новолуние, я плыл рядом и подбирал слова. Борьба с пьяным человеком на глубине чревата утоплением для обоих, поэтому я включил красноречие, уповал на его совесть, ведь случись с ним что, будут проблемы у Морозова, но на начальника ему было наплевать.

– Ромка, подумай о маме, наконец!

Ромыч загребал, не обращая на меня внимания. Я дёрнул его за плечо, попросил сбавить обороты, показал на полярную звезду:

– Смотри, если мы будем держать этот огонёк справа, то возьмём курс на Приозерск и обязательно приплывём через четверо суток, а если отпустим звёздочку чуть позади за ухо, то выберемся к истоку Невы, а там по течению и до Питера недалеко. Причалим в районе Рыбацкого, до Пулжко рукой подать, сядешь на самолёт к своей Лючии.

Ромыч остановился, будто услышал секретное кодовое слово.

– Ну как тебе идея?

– Идея огонь! – Рома рассмеялся, тумблер в его голове переключился в нормальное положение, и мы повернули назад, к огоньку на берегу. В свете костра мелькала фигура взволнованного пьяненького бурмастера.

– Ну, Ромыч, *хуллу пойка!* Я чуть с ума не сошёл.

– Извини, Калеви, накатило.

Радостный Калеви плеснул нам по кружечке для сугрева. Мы выпили и легли на песок, не растерявший дневное тепло. Калеви упал рядом и захрапел, похоже, он хорошо приложился к бутылке, пока я уговаривал беглеца вернуться.

Ромыч всхлипнул, ткнулся кудрявой влажной макушкой мне в плечо, отдёрнул голову:

– Ой, прости.

– Да, ничего. Скажи, Ром, а кто такая Лючия?

– Лючия? ...Лючия – это самая красивая девушка на свете. Нет, это слишком банально. Лючия – любовь всей моей жизни. Блин, не так... – он замолчал на минуту и спросил вдруг:

– Интересно, что вам Морозов про меня рассказал?

– Сказал, что ты альфонс. Мне всё равно, я вижу, что ты хороший человек.

– Ну да, альфонс или жиголо, можно и так сказать, хотя я никогда ничего не прошу, женщины сами отдают, даже уговаривают, чтобы взял. Кстати, если бы я не был, как ты говоришь, «альфонсом», не познакомился бы с Лючией. Тогда я жил с Мадлен на Крите. Мадлен – хорошая, она любила меня, правда пила много и рано засыпала. Я оставлял её в номере и спускался в лобби-бар. Там я увидел Лючию. В холле каждый вечер играл на рояле пожилой худенький грек в круглых очках, добрейший человек. Он сделал перерыв, вышел на улицу покурить, выпить кофе. Непри-

ятный веснушчатый английский мальчик открыл крышку и забарабанил по клавишам. Родители сидели в баре и не обращали на своё чадо внимания, а замечаний в Европе чужим детям не принято делать. Встав с кресла, я поднял оболтуса за ухо, шлёпнул под зад и сорвал аплодисменты. Громче всех хлопала она – мой цветочек в жёлтом платье, Лючия отдыхала в компании молодых парней и девчонок.

Она из Апулии, учится в Милане на искусствоведа и знает всё про античность и итальянское Возрождение. В Тунисе у них планировалась практика, какие-то раскопки на финикийских развалинах, я чувствовал плохое, и не зря, она действительно хотела лететь рейсом из Бари...

Я подсел к ребятам, а уже в полночь мы купались голышом вдвоём. Целовал её в солёные от морской воды губы. Рассказал ей, что у нас соль звучит как нота *sol*. Лючия у меня специалист-гуманитарий, оказывается, нота соль называется по первому слогу строчки древнего церковного гимна: *solve polluti*, «освободить от грязи».

«Полюция, – есть такое слово», – я внимательно слушал Рому и решил не вставлять ехидную ремарку. Мой собеседник только что пережил нервный срыв, да что там – он попытался убить себя. Поэтому я молча внимал, история его меня чрезвычайно заинтересовала.

– Боже, как я испугался, после новости об авиакатастрофе. – Господи, храни Лючию! – крикнул Рома звёздам, равнодушным свидетелям мирской суеты.

Калеви что-то буркнул по-фински и перевернулся на другой бок.

Ромыч закрыл глаза, наверное вспоминал, ушёл в странное состояние, то ли бодрствования, то ли сна. Он рассказывал мельчайшие подробности, потом замолкал, казалось, засыпал и бубнил под нос, а я обращался в слух, стараясь разобрать несвязный шёпот.

–...Мадлен, моя Мадлен, зачем ты сделала операцию, лицо – один большой синяк. Я поступил нечестно, прости меня Мадлен ты очень хорошая, правда, а я – подлец, но эта силиконовая грудь на ощупь как мёртвая медуза, лицо, твоё лицо, мордашка, затаенная в бумажный кулёк, скомканный и неудачно расправленный, неприятные новые губы, зачем ты раскрыла лицо? Интересно, как ты выглядела в молодости. Сложно сказать... Ирония судьбы, Мадлен, помнишь, как ты говорила мне, показывая на Лючию у бассейна в тот день:

– Интересная девушка, как тебя она?

Я пожимал плечами: – Так себе, уши большие, смешная. Моя сладкая, на этом побережье самая эффектная женщина это ты, самые красивые колени Критского моря.

– Котик мой, ты прелесть.

– Но это правда, Мадлен. Ты знаешь, я всегда говорю правду. Если я встречу колени красивее чем у тебя, я обязательно тебе скажу.

Ты хохотала, гладила меня по щеке длинными сухими пальцами с ярким маникюром, рукой женщины, убегающей от старости.

– Но какая у неё жопа, а скажи? Дал Бог такую классную жопу и такую грудь. Такая молодая, а уже всё в ней большое: и жопа и грудь.

– И уши, – добавлял я, и мне хотелось удариться головой об стену от своих подлых слов.

Ты смеялась, допивала очередное мартино, а я внимательно наблюдал за компанией итальянских парней и девушек на противоположной стороне бассейна.

Лючия – самая красивая. Смуглые юноши вились вокруг неё, а она украдкой бросала виноватый взгляд в мою сторону.

«Прости Ромуальдо, они сами, я люблю только тебя одного тебя», – говорили её глаза.

Да, я знал это, подглядывая через тёмные очки за молодыми апулийскими самцами. Грех гордыни поселился во мне в те дни. Меня окружали волшебные итальянские нимфы с длинными блестящими волосам, смуглые, горячие, тараторящие без умолка. Они такие болтушки, но какой же красивый язык, мама мия. И самая эффектная из них – моя.

Я любил Лючию ночью, прижав к скале и закрывая её рот, и она кусала до крови пальцы, даже не особо внимательная Мадлен спросила утром, откуда ссадины на руке?

Внутри всё сжалось сладко, я сказал, что нырял перед завтраком, когда она спала, и оцарапался о риф. Ах, эти смуглые ягодицы, выпадающие из маленьких шорт, мятый хлопок, пятно на попе с прилипшими крупницами песка.... А уши действительно были большие, Лючия такая забавная с мокрыми волосами. ...Потом она уехала, и неделю я умирал, а Мадлен не могла понять почему, что случилось с её жизнерадостным Романом. Ходили по магазинам в Ираклионе, ты купила мне новые часы и гору шмоток. Намекнул про Италию, и вот мы уже в Риме, я радовался, как ребёнок. Ты думала, я люблю эти старые пыльные деревеньки, тосканские туманы и венецианский циановый плен, нет, Мадлен, я был счастлив, что Лючия совсем рядом и я скоро увижу её, мы встречались с Лючией несколько раз в течение полугода, а потом я сбежал от тебя, дорогая Мадлен, какой же я мерзавец.

...То утро в Милане не забуду никогда, я увидел Лючию в уличном кафе, и она меня, устремилась в мою сторону, всё быстрее, быстрее и мы побежали навстречу, как дети, и схватил её и жадно целовал долго-долго, не обращая внимания на прохожих...

Возможно, Ромыч бормотал не осознавая, что поток сознания вырывается наружу, он вспоминал интимные подробности, как любил Лючию в поезде в последний раз, и я, затаив дыхание, слушал страстную исповедь, распаяясь не шутку, мне было немного неловко, словно подглядывал в замочную скважину за любовниками. Ромыч замолчал на несколько секунд, тяжело вздохнул, открыл глаза, сел, обхватив руками колени и продолжил свой рассказ, теперь размеренно и чётко, как на собеседовании при приёме на работу:

– На завтраке в вагоне-ресторане неодобрительно косились пассажиры из соседних купе, старушки в чёрных платьях, пузатые мужчины в подтяжках и сеточках на волосах, похожие на персонажей Феллини. Мы не обращали на них внимания, обсуждали общее будущее. Я не сомневался, что мы поженимся, вместе встретим старость, осталось скопить немного денег. Лючия примерно догадывалась, как достанутся мне эти средства:

– Будешь выжимать своих тётушек досуха.

Я понял по голосу, что она действительно любила меня, раньше Лючия шутила по этому поводу, а сейчас говорила серьёзно.

– Я не изменял тебе, и не изменю.

– Кому ты говоришь, сколько женщин будет прыгать на твоём члене за время нашей разлуки. Ромуальдо, за кого ты меня принимаешь?

– Технически да, но в душе нет, верен до гроба моей Лючии, я всегда представляю тебя, твоё лицо, волосы, грудь, твои самые красивые уши.

Я любил её большие уши, когда она выходила из ванной. В выражении лица было что-то пронзительное и беззащитное, несмотря на её фигуру, длинные ноги, тяжёлые бедра и грудь. Наверно, со временем её грудь упадёт, но сейчас она выглядела богиней, его богиней, его собственностью... Боже, каким я был эгоистом. Почему не решился тогда остаться, нашлись бы деньги на первое время, в конце концов я никогда не боялся работы... Какой работы? Кого я обманываю, умею только трахаться. Неуч без специальности. Кем я могу устроиться в Милане, разве что официантом или консьержем, чернорабочим. Испугался, представил себе, как в грязной робе прихожу в маленькую тёмную квартирку в бедном миланском районе. Растолстевшая сердитая Лючия с сальными волосами, в халате варит на кухне пасту, орут дети. Нет, мне определённо нужны были деньги, и побольше.

Я сказал, что скоро приеду к ней, только нужно заработать. Мы договорились о следующей встрече...

Роман опустил голову в колени, всхлипывал, еле сдерживаясь, чтобы не зарыдать, остывший песок, крупница за крупницей передал мне его дрожь.

– Всё будет хорошо у вас, – попытался успокоить я его.

– Самое ценное это любовь. Мы переступаем её, боимся сложностей, бытовых проблем, а потом... потом становится поздно, – Ромыч поднялся, шагнул в воду, сполоснул лицо и пошатываясь побрёл к палатке.

Мы вспомнили про соль за третьей кружкой «карабаса». Не было и речи, чтобы Валера сел за руль. Рыбалка обернулась стихийным застольем на целый день. Калеви в лицах рассказывал, как сердитый Морозов вернулся с родника, увидел пустую склянку на берегу, и как побежал за ружьём. Все хохотали, и даже Ромыч улыбался. Лодку так и не заклеили, накачали вечером и на полуспушенных баллонах сняли сети, рыбу набили в мешок пополам с крапивой, проверенное средство для сохранения продукта, но всё равно, вернувшись в посёлок, обнаружили, что треть улова стухло.

Ромыч отработал с нами август и сентябрь, получил расчёт и пропал с радаров. Калеви говорил мне позже, что встретил его на рынке в мясном отделе, Рома разделявал свиную тушу, сделал вид, что не признал бурмастера. Я думаю, финн увидел другого человека, годы берут своё, зрение ухудшается, и не мудрено обознаться.

Григорий БЕНЕВИЧ

НАШИ ДЕВЯНОСТЫЕ

ЧАСТЬ I
 ИЗ КОЧЕГАРОВ ЧЕРЕЗ ПАРИЖ В НЕОФИТЫ
 (Отрывки из воспоминаний)

Предыстория

На момент описываемых событий я уже (в 1985 г.) обвенчался со своей женой, Ольгой Поповой, с которой познакомился в Клубе-81, объединявшем деятелей неофициальной культуры. Мы крестились и венчались, практически не зная друг друга, о чем есть отдельный рассказ¹. Теперь для нас обоих начался новый период жизни.

Наши девяностые (так я решил назвать эту часть мемуаров) начались еще во второй половине 80-х, исподволь подготавливая те события, которые произошли в девяностые. Это касается и наших личных судеб, и истории питерской культуры и религиозно-философского возрождения, в которой мы когда пассивно, а когда и активно приняли участие.

Ужасы, стихи, роды и американцы

В 1986 году постепенно начала появляться политика. К Горбачеву мы поначалу отнеслись с недоверием, зато другое явление, возникшее почти с самого начала горбачевской эпохи, реально задело меня. Не помню уже, по какому поводу, но в какой-то момент я, не слишком смелый от природы, пришел в ужас не только за себя (у нас к тому времени уже родилась дочка, которую я, увлеченный тогда Библией, назвал именем Лия), – от какой-то первой антисемитской акции то ли общества «Память», то ли его предшественника, сейчас уже не помню. Теперь смешно и нелепо об этом писать, но рассказываю честно, как оно было. Тогда же я, давно не писавший стихов, написал, лучше сказать, выдал ли то ли из себя, то ли в себе этот ужас от показавшейся тотальной угрозы:

меня ли мужественный ужас обуял
 иль я его –
 вместо имен
 иван
 и вон
 повсюду он
 вы
 жми
 кулак в карман
 еврей
 армян

¹ См. Г. Беневич. Взрoслeниe. Ч. 2. (ожидается в: Звезда. 2026. № 4).

Стихотворение русофобское в буквальном смысле, т.к. имеет дело со страхом перед русскими, которые тотализуются (когда угроза исходит ото всюду, это и есть ужас). Но хорошо хоть, я не поддался ему (вопрос – он меня обуюл или я его?). Мужества хватило, чтоб остаться в России, чему помогли и мои близкие.

Я показал этот текст Сереже Завьялову, и, помню, он, русский, вместо того чтоб обидеться за своих, воспринял его с полным сочувствием.

Оля же примерно в это время написала свое стихотворение, которое меня глубоко тронуло – как бы в ответ на мое:

Я – жена изгоя,
 Я – собака с перебитым хвостом,
 Я надеюсь на Милосердие,
 А остальное
 Приводит в отчаяние,
 Приводит в отчаяние,
 Приводит в отчаянье,
 И бесполезно притом.

Так я впервые узнал, что моя жена пишет стихи. Она, правда, отнекивалась, пока я не наткнулся в ее шкафу на пачку стихов, написанных ею и в юности, и совсем недавно – во время короткого романа с одним из авторов «Метрополя». Стихи эти (цикл «Принц из чистого золота» – аллюзия к Оскару Уайльду)¹, признаться, меня поразили. Не только силою и нетривиальностью чувств (ревности они у меня почему-то совсем не вызвали), но и своей необыкновенной – даже на мой, как мне казалось, требовательный вкус, – поэтической силой, почти как у Сильвии Плат, и то же отчаянное отстаивание молодой женщиной, охваченной страстью, своего достоинства...

Конечно, я понимал, что как муж могу легко и ошибаться в своей оценке Олиных стихов. Так что я поспешил показать их В. Кривулину. Но и он подтвердил мое ощущение, что это нечто стоящее, и что если Оля удержится на том же уровне, то она может вырасти в настоящего поэта. Кривулин же посоветовал Оле поучаствовать в первом за долгое время публичном и открытом конкурсе молодых поэтов, который тогда как раз должен был состояться. Он сам был одним из членов жюри.

Конкурс проходил недалеко от моей котельной, в ДК «Красный Октябрь» (теперь, кажется, его там нет). Оля, преодолевая природную стеснительность – а тут еще ведь и совершенно отчаянные и откровенные стихи на публике нужно было читать – успешно справилась, и получила почетное третье место, пропустив вперед лишь то, что мы между собой называли «московским стебальным». Это были хорошие, местами смешные стихи, но явно эстрадного толка. На разрыв аорты там работала только Оля, и тут ей не было равных.

Так что 1986 г. принес такое неожиданное открытие – Бог дал мне в жены человека с таким необычным даром. Это было и волнительно-радостно, и грозно. Я тогда еще не сознавал, до какой степени грозно, но смутно догадывался, что Олина созвучность Сильвии Плат – не только нечто замечательное в плане ценности ее поэзии (а, кстати, как сочетать поэзию и христианскую семейную жизнь?), но и нечто опасное, учитывая трагический конец американско-английской поэтессы. У Оли – постепенно я о ней узнавал все больше и больше – за спиной уже было три попытки суицида в ранней юности... Так что нужно было как-то уберечь ее от повторения той же участи... Пока я все это не очень-то понимал, скорее смутно догадывался...

Так, Оля очень тяжело перенесла и без того нелегкие первые роды (12 марта 1986 г.). В знак протеста против того, как с ней обращались в хваленой «родилке» имени Отто (куда и попала-то «по благу»), она обрила себе бритвой наголо голову (акт, как она считала, заменяющий суицид),

¹ Весь цикл вошел в сборник: Попова Ольга. Переход. СПб.: Изд-во «Написано пером», 2015. С. 17–28 (см. также: https://studopedia.ru/12_236849_tsikl-prints-iz-chistogo-zolota.html).

что, к слову сказать, ей потом чрезвычайно шло. Но в тот момент делегации врачей одна за другой навещали ее, чтобы проверить, не рехнулась ли она от родовой травмы (а мамочки в палате ржали от их «идиотских» вопросов – проверка вменяемости – при каждом их визите). Так что нескучно нам с Олей было с самого начала.

Тот же 1986 г. ознаменовался еще несколькими, затронувшими многих, событиями. Это был год Чернобыля и год начала крушения Советской империи. Ее слабину нам на опыте довелось почувствовать, когда беспрепятственно и без каких-либо последствий нам разрешили провести вечер дома у американского атташе по культуре в Ленинграде. Это было 27 июля 1986 г., когда в Питер приехала группа американских писателей, наиболее известным из которых в СССР тогда был член американской академии искусств Э.Л. Доктороу, автор знаменитого и уже переведенного на русский «Рэгтайма». Эта делегация¹ имела официальную встречу с советскими писателями в их «Союзе», а после (по их, американцев, настоятельной просьбе) встречалась с группой неофициальных писателей и деятелей культуры, где самыми видными были Виктор Кривулин и Сергей Курехин. Нас с Аркадием Шуфриным (далее А.Ш.)² на эту встречу (проходившую в чрезвычайно непринужденной и абсолютно новой для меня атмосфере американской «party») позвал Кривулин, который не очень-то владел английским, но зато выглядел как настоящий великий поэт андеграунда. Помню, как Курехин великолепно играл с известным американским писателем и одновременно профессиональным джазовым пианистом Фрэнком Конроем (Conroy) (тот как раз получил премию Грэмми в 1986 г.) в четыре руки на фортепьяно джаз, а потом Курехин (игравший явно не хуже, а, скорее, и лучше американца) импровизировал, впрочем, без излишнего своего эпатажа, соло. Это было здорово!

Именно на этой вечеринке я познакомился с американским поэтом и переводчиком Джимом (Джеймсом) Кейтсом (J. Kates) (еврейского происхождения, как и многие американские писатели из той делегации). Так завязалась наша многолетняя дружба. А 29 июля (согласно записной книжке Джима) «мы с утра гуляли и гуляли по городу, как некие персонажи Достоевского... говорили о Мандельштаме и мистицизме, литературе и жизни». Потом дошли до моей котельной на Мытнинской набережной, и Джим даже сфоткал меня на входе в котельную и внутри – потом, кажется, где-то опубликовал в США. Экзотика – русский неофициальный литератор в своей котельной! После же я познакомил Джима с Олей, пригласил его к нам, и она дала ему свои стихи. Надо сказать, что они произвели на него, когда он подучил русский язык, сильное впечатление. Они, при всей специфике русской поэзии, хорошо перекликались с тем трендом на открытые женского взгляда на мир, отставания женского достоинства, который к тому времени сложился в литературе США. Вот почему, когда Джим потом переводил (отлично, надо сказать) Олины стихи, а он делал это до самого последнего времени, его переводы охотно принимали американские журналы. Они были опубликованы в антологии русской поэзии в США в переводе Джима Кейтса³ и в виде билингвы задолго до того, как появились ее публикации в России (в СССР она вообще не успела опубликоваться до его распада).

Джим стал нашим другом, и я потом тоже перевел ряд стихотворений из его замечательного цикла «Голоса Ветхого Завета» и включил его в наш совместный с Олей сборник «Прощание» (1994 г.)⁴, о чем речь еще впереди.

Возвращаясь же к делам политическим, эту главку можно завершить упоминанием о том, что если в самиздатском сборнике религиозно-философских переводов «Мост» № 2 за 1987 г. я опубликовал перевод из средневекового еврейского философа Маймонида, то в 1988 г. («Мост» № 3) – отрывки из классики либерализма: «Открытое общество и его враги» Карла Поппера. Может, «гласность» и «перестройка» к этому времени не оставили и меня равнодушными, и я отдал дань

¹ В ней было еще несколько крупных фигур, например, главред журнала «Nation» Виктор Наваски.

² Мой близкий друг и соавтор тех лет.

³ In the Grip of Strange Thoughts: Russian Poetry in the New Era, ed. by J. Kates (Zephyr Press, 1999).

⁴ Полностью цикл опубликован: Семь искусств. 2015. № 7. (см. также <https://litbook.ru/article/8358/>).

происходящим в обществе процессам. Хотя А.Ш. припоминает иной мотив, почему я взялся за этот перевод (моя память его «репрессировала») – мотив был полемическим, мне не понравился тезис Поппера, что история не имеет смысла (это расходилось с моим христианским мировоззрением). Как бы то ни было, через несколько лет (уже по ту сторону СССР) этот перевод появился в Петербургской либеральном еженедельнике «Час пик» с предисловием историка Д.В. Панченко, успевшим к тому времени лично встретиться с сэром Карлом Поппером и рассказавшим читателям и об этом сочинении, и о своей встрече с автором.

Новая родня и лето на номенклатурной даче

Наша с Олей семейная жизнь начиналась совсем не как обычный советский брак – после венчания мы свадьбу не справляли, а когда все же – ради будущих детей – через несколько месяцев расписались, то опять никакой свадьбы с приглашением родных не справляли, а позвали только близких друзей – А.Ш. да Диму с Леной Панченко (Сергея Завьялов был, кажется, в отъезде). Бедные наши родители, им даже не удалось «погулять» на свадьбе своих детей! Нет, конечно, мы познакомились (сразу после того, как решили повенчаться) с родителями друг друга, и мне, кстати, Олины, особенно ее мама, понравились, но родительского благословения – как это делалось в старину – не спрашивали, просто поставили их перед фактом, который они, впрочем, спокойно приняли.

Зато с рождением уже первого ребенка (тем более, после второго и третьего) их помощь и участие в нашей жизни все больше росли. Попросту говоря, мы бы без них не справились. Зато и мы нашим родителям – сами того не чая – подарили, так сказать, «вторую молодость» и – пусть и несколько обманчивый, с моей точки зрения, но смысл жизни. Тесть так и говорил в душевном разговоре «под рюмочку»: в чем смысл жизни? – в продолжении рода. Не думаю, что и мои родители мыслили так радикально (мама, в частности, была увлечена своей работой), но и они конечно были чрезвычайно рады, что их непутевый сын, наконец, женился и родил таких славных детишек, и готовы были помогать всем, чем могли.

Приобщение к новым – нежданым – родным, впрочем, было связано со своими нюансами. Дело в том, что Оля была не из совсем уж обычной итээровской советской семьи. Т.е. формально – да, ее родители, хоть были и помладше моих, но, в общем, во многом похожи: работали (на тот момент – только Олин папа, мама из-за болезни стала домашней хозяйкой) на ВПК. Причем в том же самом «Судпроме», что и мой папа (хоть и в другом КБ). Хотя Олин папа был на одну ступеньку социальной лестницы выше моих – был кандидатом наук и начальником отдела, но между собой – с моими родителями, Олины прекрасно, особенно «под водочку», находили общий язык. Но было в Олином происхождении и нечто, что меня, для начала, внутренне рассмешило. Дело в том, что ее покойный уже к моменту нашей с ней встречи дедушка (он умер всего за полгода до нашего знакомства), Георгий Иванович Попов, был не так уж давно первым секретарем Ленинградского горкома КПСС (1960–1971). Внутренне рассмешило меня это потому, что вот же угораздило меня, почти диссидента, кочегара, человека андеграунда, «изгоя», как определила в своем стихе Оля, жениться на внучке бывшего партийного босса (и фактически, хозяина Города!). В лице Олиной родни (не столько ее родителей, сколько семья ее отца) я соприкоснулся со средой мне неизвестной, и априори абсолютно чуждой. Заодно я постепенно узнал, как складывалась судьба человека этой среды.

Но для начала нужно сказать, что как без моего деда Бенциона не было бы меня, т.к. он (врач-гинеколог) взял на себя ответственность за роды больной сердцем моей мамы¹, так без Г.И. Попова не было бы и Оли. Не только потому, что он был ее дедушкой, но и потому, что в момент угрозы выкидыша (ее мама поиграла в бадминтон на 24 неделе беременности) он своими

¹ См. подробнее Г. Беневич. История моей мамы. Еврейская старина. 2025. № 3. (<https://s.berkovich-zametki.com/y2025/nomer2/benevich/>).

решительными действиями и благодаря своему положению спас ее. Роды (или то, что ими показалось) начались в Зеленогорске, когда Олину маму привезли в местную больницу. Там, сделав укол, сказали, что неизбежен выкидыш, но она очень хотела сохранить ребенка, и дед отправил ее на своей машине в клинику Отто в Питере (ему, конечно, не отказали), там почему-то родов не было еще пару недель, а потом, на 26 неделе Оля родилась, и ее выносили. Не будь она внучкой партийного начальника, скорее всего, и на свете бы ее не было.

Но вернемся к Г.И. Попову (далее Г.И.). Он, как мы позднее узнали, читая биографию И. Бродского, был одним из тех (пусть и не самым главным, но из первых лиц), кто преследовал поэта. А Даниил Гранин в эссе «Заговор» (речь о заговоре Брежнева против Хрущева, в котором участвовал и Г.И.) рисует его не слишком симпатичный портрет («Звезда» № 1, 2012 г.), и обвиняет его и в том, что тот был «ругателем интеллигенции», хотя в семье Поповых считают портрет искаженным, и обвинения – несправедливыми (см. их открытое письмо: «Не надо возводить поклеп»). Литературная Россия. 4. 03.02. 2016; есть в Сети). Не мне судить, кто тут прав (впрочем, несколько грубых фактических и логических ошибок я у Гранина без труда нашел), но припоминаю, как сам Д. Гранин на пару с А. Кушнером не пушал в печать сборник неофициальных авторов «Круг», написав отрицательную рецензию, хотя КГБ хотел его издать! Г.И. Попов же, очевидно, исполнял то, что любой бы партийный чиновник на его месте делал, а Гранин и Кушнер, они-то ведь вроде не безликие чиновники?..

Что до гонений на Бродского, то Оля, когда узнала, что дед замешан в этом деле, сказала: может, у меня и с руками такая беда¹ – как своего рода наказание нашего рода за подобные дела деда? Я не стал ни на это возражать, ни с этим соглашаться. Тут каждый волен сам брать на себя вину за своих предков или не брать... Скажу только, что Олин дед, и в этом сомнений нет, добровольно покинул свой пост, когда обнаружил воровство склонного к роскоши, нового (с 1970 г.) секретаря обкома партии Г.В. Романова (своего начальника). Тот пытался и Г.И. втянуть в эти дела, но он категорически отказался (послал его матом) и подал в отставку (Гранин все перепутал, и уход Г.И. описал неправильно). Как бы то ни было, сколько я знаю изнутри, сам Г.И. никаких богатств на своем посту не нажил и сына ими не наделил. Даже близко не лежит к тому, что приобретают на сходных постах чиновники нашего времени. Когда ему предлагали недорого приобрести в собственность государственную дачу в Солнечном (а не в Репино, как путает Гранин), которая пожизненно была за ним закреплена, он отказался, сказав, что пока он жив, семья пусть ею пользуется, а когда помрет, как-нибудь обойдутся. Так после его смерти ее у семьи (дав там пожить летом 1986 г. последний раз) и отняли.

Если уж говорить о печальной стороне деятельности Г.И. Попова, то я бы упомянул не столько дело Бродского, где Г.И. был явно не первой и даже не второй скрипкой, сколько снесение при нем во время хрущевской антирелигиозной кампании церкви Спаса на Сенной (снесена в 1961) и Дмитриевской греческой церкви (снесена в 1962) и возведение на ее месте концертного зала «Октябрьский». О последнем (без упоминания снесения церкви) в своем письме в защиту Г.И. говорят даже его родственники, считая, впрочем, появление концертного зала его личным большим достижением. Так вот и получилось, что тот, чей род по одной из линий восходил к потомственным священникам, оказался одним из главных распорядителей во время сноса замечательного храма, оплаканного И. Бродским, который, впрочем, очень мудро никого в этом не винит (см. «Остановка в пустыне»). Но это все я осознал только, когда писал эти мемуары.

А тогда, в июне 1986 г., нас с Олей и четырехмесячной дочкой пригласила на эту госдачу в Солнечном вдова Г.И. Никаких богатств, даже особых удобств я там не заметил. Дача как дача – одноэтажная с небольшими комнатами, даже не шибко ухоженная. Единственным ее несомненным преимуществом было то, что она была в 5-7 минутах ходьбы от пляжа, в прекрасном хвойном подлеске... Именно на этой «партийной» даче я испытал в первый и последний раз в своей жизни то измененное состояние сознания, искомое даосами, о котором я прочел потом в одном

¹ С рождения отсутствуют фаланги почти всех пальцев на обеих руках.

примечании к книге Малявина о Чжуан-Цзы, кажется, оно называется в терминологии Малявина «энтасис» – когда «все во мне и я во всем» – состояние единения до неразличимости – с природой и любимой. Неплохое все же место давали для дач партийным работникам! Не знаю, испытывали ли они там нечто подобное.

Впрочем, вскоре нам с этого райского места пришлось убраться. Оля поругалась с вдовой Г.И. (ее отцу она была не родной, а приемной матерью, родная погибла, по пути в эвакуацию из блокадного города) после того, как она, эта вдова, не спросив, вытащила из холодильника (слишком маленького для двух семей) и поставила рядом с печкой с таким трудом купленное мной финское детское питание, молочко «Тутельку». Так что пришлось нам ретироваться в свою коммуналку со злобной соседкой.

То есть дела семейные у нас были, после рождения дочки, может, и получше, чем у многих – все же своя комната (наследство Оли от первого брака) в малонаселенной коммуналке в Купчино, но не такими уж легкими. Дочка была беспокойной, часто приходилось вставать по ночам, а учитывая постоянный сбой ритма сна из-за работы в котельной, я все время ходил с некоторым недосыпом, как бы подшофе. Один раз так и упал в обморок в коридоре, хорошо Оля услышала грохот, вышла и привела меня в чувство. Когда же на место одной злобной старухи-соседки в нашу квартиру вселилась еще более злобная молодая, с маленьким постоянно кричащим ребенком и подкаблучником-мужем, подпевавшим злобной жене, стало совсем тяжело...

Заповедь возлюбить врага мы на деле выполнить были не способны. Хотя пытались.... Дело спасло лишь то, что после рождения второго ребенка мы, прожив пару месяцев у моих родителей, – вот где был настоящий рай! – обменяли в начале 1988 г. Олину комнату и однушку, пожертвованную нам моей бабушкой Раей (она переехала к моим родителям – тоже жертва с их стороны) на двухкомнатную квартиру на Черной Речке. Тут начался новый этап в нашей жизни, продлившийся около десяти лет.

На перепутьях религиозного возрождения

Хотя крестились мы и венчались аж в 1985 г., но в церковь практически не ходили. Мы долгое время (больше года) даже и дочку свою не удосужились крестить. Но, наконец, приехавшая из Москвы в Питер по случаю (на самом деле она ездил к старице Любушке в Сусанино в Ленинградской области) наша старшая подруга Катя И., которая в это время уже не только истово воцерковлялась, но и устремилась в направлении к монашеству (сейчас она игуменья монастыря), пристыдила нас, и мы срочно отправились дочку крестить в ближайший тогда к нам действовавший храм – Иова Многострадального на Волковском кладбище. Но тут случился конфуз – священник отказался крестить девочку с еврейским именем Лия. Кате (она была крестной) с большим трудом удалось его убедить, кажется, прочтя ему краткий курс библиистики. В целом Катя нас, любя, поругала, подарила молитвословы и сказала, что пора уже братья за ум (было это, думаю, в 1987 г.).

А в 1988-м, переехав на Черную Речку, мы уже не тянули и почти сразу покрестили недавно родившегося сына Ефима в ближайшей к нам церкви Рождества Иоанна Предтечи (служб в ней еще не было, но крещения иногда проводились). (Этот храм позднее сыграет в нашей жизни важную роль.) Крестным был Коля Кобак¹, а крестил его (вышло это случайно) о. Владимир Цветков, священник из интеллигенции, которого я уже видел, кажется, зайдя на его лекцию в «Обществе Игнатия Брянчанинова». Его в этой главе я еще буду упоминать. Но о. Владимир в храме почему-то не задержался, да и сам храм как-то пока не функционировал (он откроется по-настоящему только в 1991 г.).

Потом попытались (я чаще, Оля, как занятая больше хозяйством, – реже) ходить на Серафимовское кладбище к о. Василию Ермакову, благо не так уж далеко. Добрый батюшка, ничего не

¹ См. рассказ о нем: Г. Беневиц. Взросление. Ч. 2. (ожидается в: Звезда. 2026. № 4.).

скажешь... Искренне больше года я пытался «опроститься» и, что называется, слиться с тамошним церковным народом. Но получалось это плохо – видать, смирения не хватало... Особенно досадным было партесное пение хора, точнее его солистки (явно оперной певицы, выдававшей свои рулады в самые важные моменты литургии, вроде «Херувимской»). Так что посещал я этот храм не часто, а другого действующего поблизости не было.

Помню, пытался я ходить в храм Духовной академии, и впервые за долгое время подошел к исповеди. На мое счастье исповедовал о. Вениамин (Новик), он ободрил меня и очень тепло как-то парой слов сбил с меня мое «смирение паче гордости» (всегда с благодарностью вспоминаю его, к сожалению безвременно ушедшего). Но все же храм ЛДА был для нас слишком профессиональным и каким-то элитарным, да и далеко ездить...

В это время в городе по части того, что можно условно назвать распространением христианского просвещения, происходили радикальные перемены (в год 1000-летия Крещения Руси оно было разрешено). Речь не о Духовных школах – Академии и семинарии, а о, так сказать, независимых инициативах, где постепенно обозначились три основные тенденции, которые, впрочем, поначалу пересекались. С одной стороны, возникло так называемое «Общество христианского просвещения» (ОХП), у истоков которого были: ветеран неофициальной культуры, друг поэтов и сам некогда поэт, а потом христианский мыслитель Евгений Пазухин, недавно вышедший на свободу из лагеря Владимир Пореш, Сергей Овсянников (в будущем настоятель храма МП в Брюсселе), да и много кто еще, включая и вашего покорного слугу. Из самых заметных деятелей в ОХП следует упомянуть и Вадима Лурье (будущий известный патролог¹), от которого мы с А.Ш. впервые узнали о красоте и философской глубине православной догматики. Это общество начало проводить свои заседания и занятия то ли в конце 1988 г., то ли в начале 1989 г.

Примерно в то же время, что и ОХП, возникли в Питере еще два общества: «Открытого христианства» во главе с религиозным философом Константином Ивановым (Пореш потом ушел туда), и «Общество святителя Игнатия (Брянчанинова)». Там заглавную роль играл как раз о. Владимир Цветков.

Итак, в это время наметились три основные тенденции в движении интеллигенции (образованцев) к христианству, а в какой-то степени и к Церкви. В «Открытом христианстве» в центр поставили идею «диалога» с атеистическим сознанием. Поначалу это выглядело очень интересно и перспективно – надо было как-то учесть, переварить, а не просто отбросить тот исторический опыт 70 лет государственного атеизма, через который прошла Россия. И Константин Иванов, в свое время посещавший семинары лагерного ученика Л.П. Карсавина, А.А. Ванеева, знавший и о. Сергия Желудкова, отстаивал эту идею. К. Ивановым со товарищи был даже позднее организован Религиозно-философский институт, имевший прекрасное помещение близ площади Александра Невского, около Лавры, и при нем школа, директором там была жена Константина, Инга (в эту школу ходили пару лет, в 1993-1994 гг., мои старшие дети и дети Бори Останина – прельщало независимое от государства образование с элементами христианского просвещения), но все в конечном счете обернулось какой-то аферой (не буду вдаваться в подробности, но в центре аферы была, помнится, как раз Инга), и детей пришлось срочно оттуда забирать. Сам же К. Иванов пришел, в конце концов, в результате своей духовной (или материальной?) эволюции к кальвинизму. И уже в нашем веке преподавал в каком-то институте южно-корейских протестантов в Питере.

Другая тенденция в христианском просвещении конца 80-х – начала 90-х гг. была представлена «Обществом имени святителя Игнатия (Брянчанинова)». В этом обществе, в отличие от ОХП и тем более от «Открытого христианства», как раз предполагалась однозначность в выборе веры – там учили «спасаться» по-православному. Как рассказывает о тех временах Людмила Ильюнина: «основал его ... протоиерей Владимир Цветков. Он не раз говорил о том, что его особенно задела слова святителя Игнатия “в вере должна быть определительность”... Протоиерей Владимир Цветков поставил целью “выработку православного мировоззрения” именно на основании

¹ А потом под именем Григорий – епископ не признающей МП Церкви.

трудов святителя Игнатия. Лекции отца Владимира в большой аудитории Первого Медицинского института много лет собирали большое количество слушателей. Слушание переросло в дело, Общество совершило много добрых дел, главный плод этого дела – создание монашеской общины и восстановление Софрониевой пустыни в Нижегородской епархии», – излюбленного, добавлю, до недавнего времени места духовного окормления нынешнего идеолога русского мира А. Г. Дугина¹.

Вот чем точно не занималось ОХП (даже ее православные лекторы), так это выработкой православного мировоззрения. То есть если тема К. Иванова о диалоге с атеистами ОХП не была чужда, то конфессиональной, а тем более мировоззренческой однозначности ОХП точно не требовало. Здесь изучали христианство во всех (для которых находились докладчики и слушатели) его конфессиональных и культурных изводах.

Посещавшие здесь лекции, послушав представителей разных конфессий, различных течений мысли и подходов к вере, могли не только расширить свои знания и обычно скудный багаж советского человека, но и свободно и осознанно сами сделать свой выбор в пользу той или иной конфессии, веры или неверия. ОХП в этом смысле было достаточно уникальным явлением. В какой-то мере ему унаследовала открывшаяся в 1990 г. Высшая Религиозно-философская Школа (ВРФС), о которой речь впереди (но там появились представители не только христианских конфессий).

Что до моего собственного участия в учебном процессе в ОХП, то он был скромен – я провел три семинара по теме «Поэзия христианской метафизики», где обсуждал творчество Боратынского, Джона Донна и Данте (но об этом я напишу отдельно). Главным образом в ОХП я все же посещал лекции В. Лурье, может быть, что-то еще...

Дети vs стихи

Чтобы не засушивать эти мемуары вещами сугубо религиозно-философскими, отвлекусь немного на другое (впрочем, такое ли уж другое?). В первые годы нашей совместной жизни, особенно когда пошли дети, Оля почти перестала писать стихи (я-то их писать и так давно перестал). Но несколько раз ее все же, что называется, «пробивало». В результате получился целый цикл «В браке»². Приведу одно из этих стихотворений:

Скажи, зачем бреду, пути не узнавая,
Застывший полусвет похож на полутьму,
Не трогая себя, других не задевая,
И звон такой в ушах – ни звука не пойму?
Чтобы не биться так, себя не узнавая,
Как птица об стекло, об смерть, а видеть так,
Как воздух входит в грудь, груди не разрывая,
Не рая никого, а как мне сделать так?
А как мне сделать так, стекла не разбивая,
Унылый Твой покров, не брезгуя, сносить,
Твой купол голубой, баюкая, качая,
Развязывая плоть, увязывая нить.
Лелеемые мной, округлые, тугие

¹ Об о. Владимире Цветкове в этих мемуарах я возможно еще напишу. Как ни крути – долгое время он был любимым священником дорогого мне Виктора Ширали и не раз удерживал его на грани отчаяния. Да и Ширали посвятил ему много прекрасных стихов и интересной прозы. Этого я тоже не забыл и не забуду.

² Целиком он опубликован в сборнике «Переход».

Ложатся имена, ложатся в колыбель,
 Как первые стихи, такие дорогие,
 Воркуемые мной, как парой голубей.
 Их шелковая плоть ложится на колени,
 Спина моя торчит в звенящее стекло,
 Глуха, слепа, плоха, как будто в полутени,
 Я делаю как все, чтоб их не разнесло.
 Дыхание мое, дыхание их душит,
 Чтоб слух не преклонить, не проронить словцо,
 Ветшая, к тени тень тугую кожу сушит,
 Так дай же мне Твой хлеб, я не люблю стекло!
 Дай хлеб Свой, дай Свой свет, я ветхая, нагая,
 Нагие на руках моих мои слова
 Истаивают все, когда я слов не знаю –
 Ни звуков, ни имен, – введи меня в права!

О чем в этом стихотворении идет речь, о детях или стихах? Если бы речь шла исключительно о стихах, то к чему сравнение «лелеемого» с первыми стихами?

В колыбель ложатся, конечно, дети, а «имена» – метонимия для тех же детей. Но ведь не случайно дети как таковые не упоминаются, вместо «детей» сказано: «имена». И не случайно дети, не названные прямо, их рождение и сбережение-лелеяние сравниваются с рождением-воркованием первых стихов. Одно отражается в другом, и здесь источник силы стихотворения. Но есть и другой – отмененный темой «стекла»: «спина моя торчит в звенящее стекло». Это о чём? И как это связано с темой лелеяния детей и воркования стихов? А так, что «стекло» – образ смерти («чтобы не биться так, / как птица о стекло, о смерть...»), точнее, смертного, того, что бьётся, разбивается со звоном. И стекло это в конце стиха противопоставляется хлебу: «Так дай же мне Твой хлеб, я не люблю стекло!» Стекло разбивается и убивает.

Тленное и смертное противопоставлено этому хлебу жизни, которого взыскует поэт. Стихотворение рождается как прорыв из стеклянного мира к Тому, Кто вводит в права наследования. Наследования слова и жизни. Начинается стих с обращения (теперь мы знаем, к Кому): «скажи, зачем бреду...» и со следующей за ней «погудки», как называл её Мандельштам: «и звон такой в ушах / ни звука не пойму», когда музыка и слово ещё слиты (понимания, логоса ещё нет); далее мы присутствуем при муках рождения слова. А в чём, собственно, мука? А в том, что настоящая поэзия – страшное дело, прорыв к трансцендентному, и такой прорыв за пределы стеклянного мира угрожает разбить вдребезги этот мир, а ведь тут дети по плоти, их нельзя убить, их нужно сберечь, но и отказать от погудки, от музыки тоже нельзя. На столкновении необходимости не убить, а сохранить здешнее и откликнуться на зов Того, Кто по ту сторону стеклянного мира, Кто за стеклом, – и рождается это стихотворение. Тогда-то «дети» и превращаются в «имена», то есть тленное и плотское преображается в словесное.

1990 г. Часть 1

Последний год существования СССР, когда старый режим уже настолько ослаб, что начал отменять сам себя (отмена 6-й статьи о руководящей и направляющей) и разжал все (или почти все) свои идеологические и политические клешни и челюсти, оказался, конечно, важным и для нас – даже более важным, чем следующий, 1991 (год ГКЧП и распада СССР). В этот год произошло столько событий, что о каждом из них можно было бы весьма пространно написать. Но я ограничусь лишь самым общим описанием и характеристикой происшедшего, разделив все это на несколько рассказов.

Для начала же просто перечислю (в случайном порядке). 1990-й – это год образования Высшей религиозно-философской школы (ВРФСШ), где в разном качестве и на разных должностях я проработал до 2008 г. (первое время совмещая с работой кочегаром, а с 1992 г. перейдя туда на постоянную работу). В 1990 г. мы с Олей впервые съездили за границу (это была – проездом один день – только что воссоединившаяся Германия (Берлин), и целый месяц Франции), а перед этим Оля съездила, вдохновленная рассказами Кати И., на две недели в только что начавший возрождаться Шамординский монастырь (и написала очерк об этой поездке). На рубеже 1990–1991 годов в церкви Рождества Иоанна Предтечи, на Каменном острове, совсем недалеко от нашего дома, появился настоятель иеромонах Валентин (Соломаха), и мы на много лет обрели свой приход, духовника и общину. Наконец, в этом году стало понятно, что у нас будет третий ребенок. С этого я, пожалуй, и начну.

Честно говоря, я никогда не был сторонником православной многодетности, воспринимал ее как прямую угрозу своим интеллектуальным занятиям (как я их понимал и практиковал), так что, вполне удовлетворив родительский инстинкт двумя – к тому же разнополями – детьми (и едва справляясь, да и то с помощью бабушек-дедушек, с ними), мы с Олей больше детей иметь не собирались. Но регулирование рождаемости никогда не было сильной стороной нашей семейной жизни. Так что, когда Оля все же забеременела, это было для меня шоком. Помимо всех предстоящих забот – опять по новой все эти стирки, ночные вставания и т.д., и т.п. (т.е. трудностей этого рода), на рубеже 90–91 гг. заводить детей было делом рискованным в чисто материальном смысле. В эти годы даже в таких городах, как Питер, с элементарным прокормом были серьезные проблемы. Я уже забыл сейчас все подробности, но питались мы очень скудно. Так что не удивительно, что в эти годы (в отличие от конца 80-х – времени надежд) рождаемость резко упала.

Но все же главным моим ужасом перед лицом рождения очередного ребенка был страх утраты свободы (попросту, времени и места для своих интеллектуальных занятий). Об аборте речи не было – мы считали, что православным это «низзя». Вам смешно, а меня это все тогда реально испугало. Однако, написав, впервые за долгое время, стихотворение о страхе потерять свободу, который (страх), коли у нас есть, то и свободы нет, и кое-что поняв на этот счет, я принял то, что выпало.

Что до третьего ребенка (мы назвали его Федор, в честь ближайшего к его дню рождения святого), то парадоксальным образом растить его было куда проще предыдущих. И мы были уже более опытными, и как многодетным нам все, кто мог, помогали, так что проблема прокорма и для остальных детей, и для нас самих, как ни странно, стала решаться куда проще прежнего. Ну, и ребенок этот оказался самым интеллектуальным и моим занятиям не мешает, а до сих пор способствует, сам занимаясь смежными вещами¹.

1990 г.

Часть 2. Французская феерия

Наша с Олей поездка за границу осенью 1990 г. оказалась возможной благодаря приглашению со стороны неких состоятельных православных русских во Франции (потом мы узнали, что это было семейство Поздеевых), которые спонсировали встречу представителей православных активистов из России с таковыми с Запада, главным образом, из Франции. Ни я, ни Оля к тому времени православными активистами не были (мои семинары в ОХП не были православными ни разу), но нас сосватал в качестве таковых уже известный во Франции В. Лурье. Так что поехали мы туда в качестве активистов авансом, и надо сказать, в ближайшем будущем, до некоторой степени, кое-чему научившись от французских православных, такими «активистами» стали (еще расскажу, в чем это выразилось).

¹ Средневековой философией (только я византийской, а он – в качестве доцента Эдинбургского университета – исламской).

Такая же возможность – поехать во Францию – (еще до нас) предлагалась и А.Ш., но он (как я только сейчас узнал), пригласив ради компании с собой Олега Ноговицына и получив отказ, поглядел на него, и тоже отказался – истинные философы! Ну, а мы с Олей – совсем не философы, и были рады и признательны за возможность первый раз выбраться из советского отечества (к тому же от детей, оставленных на бабушку, отдохнуть – в перспективе скорого появления третьего).

Опуская контрастные впечатления от Берлина – безвкусная роскошь Западного, запущенность Восточного, и раздолбанная уже почти разобранный на сувениры стена между ними, перейду сразу ко Франции.

Французская сторона обеспечивала две недели в Бюсси, где, в монастыре, собственно и проходили сами эти встречи, а потом мы могли провести еще две недели в Париже в квартире Тани Горичевой, которая любезно предоставила нам от нее ключи в свое отсутствие. В Бюсси-то нас французы кормили, а вот в Париже мы должны были как-то жить и кормиться сами. Хорошо было бы еще (при нашей бедности), как говорится, «оправдать поездку», то есть покрыть потраченные на дорогу деньги – одним словом, обычные проблемы советских туристов того времени. Не буду вдаваться в детали, кто знает, тот знает, а кто не знает, слава Богу, того стыда и позора.

В отличие от нас с Олей, другие члены группы (к сожалению, я запомнил не всех) из России были людьми известными и много сделавшими или имевшими сделать в ближайшее время. Из запомнившихся это были Зоя Светова, два будущих протоиерея Лев Большаков и Александр Степанов (тогда они повсюду готовились к этому поприщу) и ставшая дорогим мне на всю жизнь человеком Татьяна Трефилова, к тому времени уже опытный педагог для детей с отставанием развития (самоотверженный человек), а в будущем еще и известный церковный краевед.

Не буду утомлять рассказом о встречах с западными, главным образом французскими православными, расскажу лишь о самом травматичном, точнее позорном, что было в Бюсси, и самом поразившем меня и замечательном. Самой травматичной была европейская еда. В последний год СССР в Питере мы питались весьма скудно – и по количеству, и, главное, по качеству пищи. И вот эти, даже сами не знавшие этого о себе, полуголодные люди дорвались до пищи из рациона французского буржуа среднего достатка; многого из этого они и названий-то не знали, и вкуса никогда не пробовали. Не удивительно, что вся эта еда сметалась без остатка в немалых количествах, так что наши хозяева – по слухам – поразились нашей прозорливости. Никакой чинности и благовоспитанности (не говорю, аскетизма) мы не проявляли. Это было позорно, но как было, так и пишу. Набив себе брюхо этой изысканнейшей по нашим понятиям едой, мы потом подремывали на докладах, которые представила западная, главным образом французская сторона – о славном пути русских православных в эмиграции, об истории монастыря, роли мирян в церкви, истории РСХД, значении Собора 1917–1918 гг., о детском православном воспитании... Не слишком адекватный подход к восприятию духовной пищи. Может, кто-то из нашей группы вел себя иначе (не хочу бросать тень на всех), но мы с Олей под это описание подпадаем.

Что до самого замечательного, что мы увидели в Бюсси, то это, увы, не подвижники благочестия (за одним исключением, о котором я расскажу в другом месте), которых мы по своей духовной слепоте не умели разглядеть, а окружавшая монастырь природа, – и не только ее красота. Нас поражало, когда вечером мы отправлялись на прогулку, что созревшие грецкие орехи валяются прямо на земле, и никто их не подбирает, что яблоны стоят почти без листьев, усыпанные огромными яблоками... Сама земля Бургундии поражала своей щедрой благодатностью, очевидно, отвечающей сторицей на заботу и уход за нею человека. На меня лично это произвело большее впечатление, чем Париж.

Что доклады западных православных мы слушали вполуха, это я, может быть, на себя отчасти и наговариваю. Что-то в меня, безусловно, входило. Вообще, забегая вперед, скажу, что весь следующий период моей церковной жизни можно условно назвать «евлогийским», не в том смысле, что я как-то входил в юрисдикцию тамошнего Экзархата, но в том, что так или иначе, сознавал я это или нет, я пытался осуществить в себе самом нечто вроде главных духовных установок ево-

гиан – на творческое и гармоничное соединение христианства и европейской культуры. Итогом и вместе с тем и концом этого периода в моей жизни была написанная в 2001 г. (опубликована в 2003-м) книга о матери Марии (Скобцовой) («Мать Мария (1891–1945). Духовная биография и творчество». СПб.: ВРФС. 2003) – самом ярком представителе «евлогиян», в какой-то мере, как я пытаюсь это показать, преодолевавшей свою среду изнутри.

Возвращаясь же к нашей поездке: после двух недель санаторного режима в Бюсси мы приехали в Париж. Там сначала тоже было несколько интересных встреч, из которых больше всего запомнилась – с о. Борисом Бобринским, первым увиденным мною благородным во всех отношениях человеком. Из той аристократии, которая должна была бы править в России, но увы... Повезли нас конечно и в институт преподобного Сергия, тем более что был как раз день его памяти. Там мне почему-то более всего запомнился не сам институт, и не храм, показавшийся каким-то уж слишком нарочито «теремочно-русским», и даже не жена французского президента Миттеррана, пришедшая поздравить русских, но голодные студенты из России и бывшего соцлагеря, которых пустили в день праздника бесплатно подхарчиться. По всему их виду и поведению было понятно, что они сильно голодны. Вскоре и мы оказались в положении почти нищих в Париже – хорошо лишь на короткое время. Но нам предстояло эти две недели как-то прожить – вот где пригодились некоторые накопленные в Бюсси дармовые калории!

Но все же мы приехали в Париж не с пустыми руками. Ну, во-первых, у нас был чемодан сухих супов из макарон, и (о, чудо!) пара палок сухой колбасы. Во-вторых, предполагая, что нам придется там как-то выживать, мы кое-что написали и надеялись это куда-то пристроить и получить хоть какие-то гонорары. На ура прошел лишь Олин очерк о ее поездке в Шамординский монастырь, тогда только вновь открывшийся. Без затей, но точно и «с натуры» написанный и с ноткой надежды на возрождения веры в России в конце. Он был с радостью взят в «Русской мысли» и немедленно напечатан. Так что мы успели, хоть и мельком, повидать легендарного Александра (Алика) Гинзбурга, вручившего Оле первый (и последний) в ее жизни литературный гонорар – 300 франков.

Олин очерк у меня сохранился. Приведу (ради духа времени) только его последний абзац:

«Обстановка вокруг монастыря... военная. Крестьяне, живущие вокруг него в деревне, не любят "монастырских", не хотят помогать им, считают захватчиками. После революции в храме был горчичный завод, склад, потом школа механизаторов, а в трапезной – клуб, танцы. Но ночам подростки, молодежь со всей округи собираются сюда по привычке, подъезжают на мотоциклах местные рокеры, и тогда во тьме раздаются странные завывания, визг, хохот, не похожие на человеческие. С четырех часов ночи после полуночи и до восьми утра (утренней службы) спят сестры, но окружающий мир не отпускает их. Неведомая сила притягивает к монастырю чужих неприкаянных людей. Они никогда не приходят днем, ими движет не любопытство, но страшный, невыносимый духовный голод. Он корежит и ломает в ночи их детские голоса, переходящие от рычания к визгу. Им здесь не весело, им здесь страшно, и они каждый вечер едут не в соседнюю деревню в клуб, где танцы и музыка, а сюда, в старый, заброшенный сквер у монастыря. Не любят монастырь и пожилые крестьянки: "зачем они рвут цветы в моем огороде, я вот их взяла, да скосила косой!" Не любят – и как будто стоят в осаде вокруг монастыря – то сено у монахинь подожгут, то еще что сделают – сами не знают: что? и зачем? – притягивает их монастырь, и это не понятно и болезненно. Так у тяжелобольного ноют, свербят его раны, но это лучше, чем смерть, лучше, чем гнить заживо. Боль страшная, но значит есть надежда на поправку».

В отличие от Олиных, мои походы по парижским издателям были не так успешны. Милейший и симпатичнейший Никита Струве с удовольствием взял большой отрывок из нашей с А.Ш. работы о Мандельштаме для «Вестника РСХД», но гонораром не побаловал, а солидный и строгий Владимир Максимов за предложенную для «Континента» статью с моими досужими рассуждениями об «истории болезни» политической системы в России выложил, помнится, аж 500 франков, но статью публиковать не стал (и правильно сделал). Она частично у меня сохранилась, и

сейчас ее тезис, каким он предстает на сохранившихся страницах (про неумение играть в социальные игры по правилам, Хэйзинги, что ли, начитался?) выглядит слишком легковесным. Так что в качестве политического мыслителя мне заявить о себе не удалось.

Итого 800 франков (где-то около 150 долларов по тогдашнему курсу) – на две недели на троих (с нами в квартире Т. Горичевой была еще Таня Трефилова). Что-то по мелочи нам дали «на дорожку» французы, однажды Бог послал на мостовой Парижа довольно приличного номинала денежную купюру, но в целом как-то мы, слегка подголадьвая и питаюсь главным образом сухими супами и видами Парижа, носясь по нему, из конца в конец, из музея в музей, перепрыгивая через турникет в метро (в том числе и Оля с пятимесячным ребенком внутри...), как-то мы эти две недели весело провели... Помогли, конечно и походы поздно вечером к продавцам овощей и фруктов, у которых всегда что-то оставалось для бедных русских – слегка помятое и подпорченное... Под конец, пустив на прощание слезу на Елисейских полях под звук шарманки, полные впечатлений, вернулись (через тот же Берлин, где купили два видака, на продажу, чтоб оправдать поездку) восояси.

Морали не будет (как говорится, не будем о печальном), а будет, но не здесь, а в другой части рассказ о том, как эта поездка побудила нас на некий православный активизм.

1990–1992 гг.

Часть 3. Так начиналась ВРФШ

Писать о создании и открытии в 1990 г. Высшей религиозно-философской школы (ВРФШ) я подробно не буду. Я не был среди самых главных ее основателей. Написал, было, «отцов-основателей», но пришлось отказаться, т.к. одной из главных, а потом и вовсе главной в ВРФШ, была Наталия Александровна Печерская (Н.П.). Помимо нее были и отцы-основатели, к коим можно причислить: Алексея Чернякова (А.Ч.)¹, Олега Ноговицына (О.Н.)², Аркадия Шуфрина (А.Ш.)³, Вадима Лурье (В.Л.) и Андрея Парибка (А.П.)⁴. К работе в ВРФШ было привлечено много других замечательных преподавателей и ученых, но первые два года – до того момента, когда В.Л. от ВРФШ отошел (в 1992 или 1993 г.), а А.Ш. (в 1992) уехал в США сначала учиться, а потом там остался, именно перечисленные лица составляли, я думаю, преподавательский костяк Школы.

Потому и историю создания ВРФШ мог бы написать только кто-то из них, но А.Ч. и О.Н. уже нет с нами, остальные к мемуаристике не склонны. Надеюсь, что Н.П., у которой сохранилась вся документация, когда-нибудь напишет историю ВРФШ, было бы совсем не лишне. Хотя я понимаю, насколько это на самом деле тяжело. И дело тут не только и не столько в том, что нужно обобщить много документов и хорошо покопаться в памяти, намного тяжелее не это, а то, что история ВРФШ – одновременно и славная (особенно в первые, примерно, лет 10 существования), и печальная, а в чем-то даже и трагическая. И сейчас, когда я по ходу своих мемуаров подошел к моменту ее создания и первых лет своей в ней работы, и мне предстоит об этом всем написать, я не могу выкинуть из головы и ту, вторую часть истории Школы, как проекта, который в условиях современной России был реализован лишь частично, да и то в существенно ином виде, чем складывался сначала.

Возникшие одновременно с ВРФШ Русский христианский гуманитарный институт (РХГИ), позднее академия (РХГА) и Институт богословия и философии (ИБИФ) (второй, правда, не с некоторыми оговорками) выжили и существуют до сих пор, а ВРФШ как институция прекратила

¹ Впоследствии – один из крупнейших в России философов-феноменологов (см. о нем статью в Википедии)

² См. о нем статью в Википедии и мой рассказ в: Г. Беневич. Взросление. Ч. 2 (ождается в: Звезда. 2026. № 4., глава «Встреча с философом»).

³ Философ и патролог, ныне живет и работает в Принстоне.

⁴ Философ, один из крупнейших в России востоковед и специалист по буддизму (см. о нем статью в Википедии).

свое существование и осталась лишь в сердцах тех, кто работал и учился в ней. Почему так? У этого множество причин, и я не стану здесь заниматься их анализом – это бы сильно увело меня от, в целом, ненавязчивого повествования моих мемуаров. Единственно, что я могу *ad hoc* предположить, – с самого начала у всех участников были достаточно разные цели и устремления, что и выразилось в том, что, в конечном счете, большинство (вслед за А.Ш. и В.Л.) – сначала А.П., а потом и А.Ч. (каждый по своим причинам) покинули ВРФШ. Итак, Школа, не прожив и четверти века, ушла в историю, но – и это тоже несомненный факт, каждый из участвовавших в ее основании из перечисленных мною «отцов» состоялся как крупная личность, философ и/или ученый. В какой-то момент, видимо, Школа стала тесна, мешала самостоятельному развитию, и в этот момент он ее покидал (под тем или иным предлогом). В этом нет никакого криминала – обычная жизнь, но каждый такой «откол» или «исход» воспринимался оставшимися чрезвычайно тяжело.

Говорю я сейчас обо всем этом, в первую очередь, с той целью, чтобы подвести читателя к моменту, когда Школа, где начинали преподавать столь яркие и сильные – как показало будущее – и самостоятельные по своим устремлениям личности, только открылась и стала одним из главных центров притяжения в Питере для десятков, если не сотен молодых людей обоюбого пола, буквально ломившихся на лекции и семинары только что образованной ВРФШ (хотя они были платными!), проходившие первое время в Кунсткамере. Было весьма забавно слушать лекции и преподавать среди причудливых и экзотичных экспонатов Кунсткамеры – всех этих заспиртованных уродцев и экзотических фигур. Мы и сами, с нашим религиозно-философским образованием, были тогда чем-то экзотическим, а в какой-то мере и юродским в тогдашней России.

Духовный и интеллектуальный (тогда они не особо различались) голод по неподконтрольному государству знанию в области религиозных традиций и неофициальной философии у интеллигенции был колоссальный. И любой преподаватель, который и сам-то, может быть, совсем недавно сумел обрести эти знания (зачастую неполные и отрывочные) своими собственными усилиями, а не обучившись им в университетах, мог легко увлечь слушателей и стать их кумиром. Так вскоре и произошло с большинством из перечисленных преподавателей. На лекции и семинары их, повторяю, слушатели ломились.

При этом первые слушатели ВРФШ учились не только и не столько тому, что называется «знанием», сколько самому умению его добывать. Учились вслед за недавно научившимися этому преподавателями – по-философски мыслить, читать и понимать сложнейшие философские тексты, вникать в древние традиции (как буддизм или православное христианство), постигать их интеллектуальную и духовную красоту. Сам процесс мышления, чтения и понимания, как и толкования древних текстов, но так же и классических текстов русской литературы, был тем, чему в ВРФШ учили с самого начала. Именно в этом контексте и я вел свой семинар по герменевтике поэзии, тоже пытаясь посылить передать свои недавно обретенные навыки нетривиального прочтения сложных поэтических текстов, главным образом на материале классической русской поэзии XIX в., обсуждая при этом и суть поэзии как таковой (для чего привлекались разные эстетические теории).

Позднее, в 1992 г., мне нашлось и еще одно применение в ВРФШ – меня сделали главным редактором (официальное название должности по трудовой книжке), а на практике редактором-составителем «Трудов ВРФШ». Так мое благоговение перед олимпийцами-философами и патрологами-богословами, а потом и настоящими искусствоведами (сам я ни тем, ни другим, ни третьим не был) могло выразиться в помощи в собирании и издании их трудов. Именно на эту работу, а вовсе не преподавателя (хотя все время что-то понемногу преподавал), я и перешел в 1992 г. из кочегаров. Преподавать более или менее серьезные предметы (а не придуманную мной самим герменевтику поэзии) я стал позднее, уже вернувшись из Оксфорда, т.е. в 1995 г. Но об этом напишу в свое время.

Здесь же я хочу упомянуть эпизод из истории издания первого тома «Трудов ВРФШ» в 1992 г., он назывался «Патрология¹, Философия, Герменевтика». Поскольку на мне лежали хлопоты

¹ Патрология – наука, изучающая творения и жизнь отцов Церкви.

по собственному напечатанию этого уникального сборника, то запомнился такой факт – отличную финскую бумагу на него, в то-то время страшного дефицита на все, включая бумагу, выделила из своих запасов совершенно безвозмездно Духовная Академия и лично ее ректор протоиерей Владимир Сорокин. И это при том, что содержание этих «Трудов» только на очень маленькую, хоть и удаленную часть (гвоздем там была статья В. Лурье) имело отношение к православию. Остальные же материалы сборника – больше 80 процентов – к православию никакого отношения не имели¹. Это было время, которое можно было бы назвать «медовым месяцем» (хотя длилось оно не месяц, а несколько лет) в отношениях РПЦ (МП) и интеллигенции.

Община храма Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове, возникшая вокруг его настоятеля иеромонаха Валентина (Соломахи), появилась именно в это время.

1990–1991 гг.

Часть 4. Неофиты

В 1990–1991 гг, т.е. только через пять лет после крещения, мы вошли наконец в пору православного неофитства, начали регулярно и сознательно ходить в церковь. Этому сильно способствовало то, что где-то в это время в ближайший к нашему дому храм (всего 10-15 минут ходьбы) был назначен настоятелем иеромонах Валентин (Соломаха), который совсем недавно – 9 сентября 1990 г. – был рукоположен митрополитом Иоанном (Снычьевым). На той же самой службе, когда был рукоположен в иеромонахи о. Валентин, был рукоположен в иеродиаконы Борис Куприянов² – один из немногих представителей питерской неофициальной культуры (замечательный поэт, друг Кривулина, Ширали, Охапкина и Чейгина), который стал священником и целиком посвятил себя этому.

Не знаю, что имел в виду митр. Иоанн, ставя о. Валентина настоятелем храма на Каменном острове, но назначение это было, несомненно, не случайным. Совсем недалеко от храма – митрополичья дача, на которой он нередко бывал, откуда захаживал порою и в храм. И думаю, что ему хотелось, чтобы в храме по соседству был настоятелем человек, который лично ему был симпатичен. Это с одной стороны, а с другой – человек, который бы смог создать хорошую общину, в которой было бы приятно время от времени появляться. Возможно, в этих рассуждениях я и ошибаюсь: мотивы и логика церковников – вещь таинственная, и я не могу похвастаться тем, что я в ней за долгие годы соприкосновения с ними хоть чуть-чуть лучше начал разбираться.

Как бы то ни было, о. Валентин по своему духу и всему этосу своего служения на тот момент в точности совпал с колоссальной потребностью, имевшейся в нашей среде (не случайно же мы так долго не смогли толком воцерковиться). Мне даже трудно сейчас сформулировать, в чем эта потребность заключалась. Нет, не в человеке, способном вести умные разговоры на богословско-философские темы, произносить умные проповеди или вести душещипательно-спасительные разговоры на религиозные темы, но, пожалуй, в человеке, священнике, который при всей своей интеллигентской сложности мог бы, несмотря на нее (но и не как-то искусственно опрощаясь), предстоять пред Богом и быть примером в этом для других. Такого примера мы до сих пор не видели, а в лице о. Валентина его нашли.

Это все, что я хотел бы пока сказать на этот счет, объясняя, прежде всего самому себе, почему мы (где-то с конца лета 1991 г.) в этот храм начали регулярно ходить. А я, вписавшись в очередь на ночное дежурство по охране храма, стал в нем и достаточно регулярно ночевать. Все это время, пока следующий митрополит – Владимир (Котляров) – в 1996 г. на Пасху не изгнал о. Валентина из храма на Каменном острове, этот храм был нашим вторым, а в каком-то смысле и первым,

¹ Это были блестящие статьи О. Ноговицына и А. Чернякова по философии, один из первых переводов Э. Левинаса на русский (работа «Время и Другое»), выполненный А. Парибком, и наша с А. Шуфринным работа о Мандельштаме (до этого ходившая в самиздате).

² <https://globus.aquaviva.ru/books/pages/zhizn-eparkhii-sentyabr-1990>.

домом. Тем самым местом, про которое как будто бы сказано: «ибо надо, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти...».

Сказанное не отменяет того, что в эти годы церковное возрождение, прежде всего среди так называемых советских образованцев, коснулось и многих других мест и общин. Просто нам Бог послал на тот момент именно о. Валентина. При этом «медовый месяц» в отношениях РПЦ (МП) и интеллигенции охватил в это время многие храмы и приходы. Например, весь почти 1990 г. Оля вместе с женой Олега Ноговицына, Женей (были там и другие наши общие знакомые), ходила петь на утренней службе по субботам в любительском церковном хоре при Духовной академии. Регентом там был выпускник Консерватории Виталий (фамилии его не помню), впоследствии рукоположенный священником. То есть представьте себе – мать двоих маленьких детей, беременная третьим (она не перестала ходить и осенью), тащится к 7 утра (для чего нужно встать в 6) на другой конец города, чтобы петь (конечно, абсолютно бесплатно) в церковном хоре, и это при том, что в отличие от Жени Ноговицыной, Оля не имела музыкального образования. Но такой уж был этот драйв неофитства! Так что дело тут не в одном о. Валентине, но в том самом духе церковного возрождения и связанных с ним надеждах, которые охватили многих в нашей среде, да и не только в нашей, хотя интеллигенция начала воцерковляться из советского неверия, наверное, первой из других сословий российского общества.

Теперь о нашем с Олей православном активизме того времени. Он заключался не только в Олином церковном пении в Академии и моих ночных дежурствах по храму. Насмотревшись на французских православных, мы решили, что миряне вполне могут и должны вносить свою лепту в церковное просвещение. И тут, как и в дальнейшем в своей издательской деятельности, я решил сделать книгу, которую бы хотел в качестве церковного человека прочесть и иметь сам. Так появилась идея книги «О жизни православных святых, иконах и праздниках (согласно Церковному Преданию)» (орфография моя, того времени), написанная на основе Четых-Миней и разной доступной нам тогда популярной агиографической литературы. Привлек я к этому делу Олю (она-то и значится главным составителем книги, чтоб не пугать моей еврейской фамилией издателей, продавцов и покупателей) и Бориса Останина¹. Участники должны были не только сами просветиться, работая над этой книгой, но и, по моим прикидкам, получить, хотя скромный, гонорар. Расчет оправдался благодаря тому, что книгу удалось недорого издать в типографии, которой заведовал Олин папа, Александр Георгиевич. Так я привлек сына бывшего первого секретаря горкома партии (самого члена партии) к изданию книги о святых, он же участвовал в ее распространении по храмам.

Когда же встал вопрос об издательстве, то мы, не помню уж почему, решили обратиться в Институт культуры, в просторечии именуемый «Кульком», и они согласились. Более того, они согласились даже с моим доводом, что в названии их учреждения, которое будет значиться на книге, не следует упоминать имя жены вождя пролетарской революции, чьего имени был тогда этот институт. Действительно, как-то не очень вяжутся святые и иконы с Крупской... Не очень вяжется со святыми и иконами и слово «Ленинград» в выходных данных и в названии «Кулька», но от этого пока отказаться было невозможно, город еще не успели переименовать – книга вышла в самом начале 1991 г., еще до путча и развала СССР. Рецензентом книги выступила ВРФСШ в лице канд. фил. наук М.А. Моминой. Своего собственного издательства у ВРФСШ тогда еще не было, но вскоре оно появится (этим я тоже буду заниматься).

Что до Бори Останина, то забавно, что примерно в то самое время, как он участвовал в нашем предприятии, в издательстве «Васильевский остров» он издал книгу Карлоса Кастанеды «Дверь в иные миры» (1991) в своем переводе и намеревался и вовсе издать полное собрание сочинений Кастанеды (о чем я узнал недавно из мемуаров Саши Кобака). Этой затее помешало отсутствие авторских прав (первый же том был напечатан до подписания конвенции о них). Не думаю, что Боря практиковал оккультизм в духе Кастанеды, но как писателя, за стиль и драйв он его, оче-

¹ См. о нем статью в Википедии.

видно, ценил. Наше же издание про святых было явно не из области «прекрасной литературы». В литературном, да и в научном отношении книжка была совершенно заурядна и вторична, но тогда это был для нас своего рода прорыв – в другую эпоху, с другим, по сравнению с советским, мировоззрением. Казалось, так круто опубликовать в издательстве советского «Кулька» книгу с таким содержанием, да еще с большим православным восьмиугольным крестом на обложке (по моим нынешним понятиям, выглядящую безвкусно).

Так вот и получилось, что я, воцерковившись, затеял дело, в котором отступил от важной для себя в прежнюю эпоху ценности – издал, втянув в это других, книгу православного ширпотреба, если называть вещи своими именами. Книгу, которая по тому гамбургскому счету, который был важен для меня в прошлую эпоху, где я вслед за Мандельштамом утверждал: «все другие различия и противоположности бледнеют перед разделением ныне людей на *друзей и врагов слова*», – по самому факту ее предназначенности для массового читателя (коррелят хоть какого-то заработка), по своей глубокой стилистической, да и содержательной вторичности явно была предназначена не для друзей слова. Утешал я себя, очевидно, тем, что зато она предназначена для друзей Слова с большой буквы и им же посвящена. Но разрыв с собою прежним без глубокой проработки соотношения прежних и новых ценностей был налицо, и он еще не раз давал себя знать в 90-е годы (да и позднее), когда я пытался так или иначе, зачастую без особого успеха, его устранить.

Пока же мы издали эту, полезную, в общем-то, для православных неопитов книжку, и она тут же была раскуплена. Храмы, начиная с нашего, на Каменном острове, ее охотно брали. Никакой цензуры не было, содержание было вполне православное, и все 12 тысяч, изданные в типографии моего тестя, разошлись как горячие пирожки за несколько месяцев. Вскоре со мной связались люди из Свердловска (так тогда назывался Екатеринбург), и за небольшую мзду мы предоставили им право на переиздание книги тиражом в 100 тысяч, плюс к тому я еще по их просьбе ходил в «Музей религии и атеизма», за немалые по тем временам деньги добывал хорошие фотографии, точнее слайды, некоторых хранящихся там икон, чтобы снабдить книгу иллюстрациями, которых не было в питерском издании. Помню, как я сидел в дирекции музея, ожидая решения по моему вопросу, когда туда сообщили, что в запасниках музея обнаружены вслед за мощами Серафима Саровского мощи Иосафа Белгородского (это было, значит, 28 февраля 1991 г.), и с каким сокрушением, что предстоит возня еще и с ними, встретили это в дирекции. Такие были времена, такие были события.

В Сибири потом книгу, говорят, переиздавали еще несколько раз, но гонорара с нее мы потом ни разу не получали.

Что до нашего православного активизма и участия в жизни прихода, то он на этом не кончился, но это уже дело более позднего времени, требующее отдельного рассказа, как и то, что происходило далее в нашем храме.

1991 г.

ГКЧП, или как я спасовал

Этот рассказ будет кратким – в решительный день, точнее, в наступившую ночь ГКЧП я вместе того, чтобы идти защищать завоевания демократии, выйти к Марининскому дворцу, как нас призывало «Радио Балтика», остался дома с детьми и женой, которая, как я почувствовал, ожидала от меня другого поведения. Но я и по жизни трусоват, и ответственность за троих малых детей – все это вместе сковало мою решимость «выйти на площадь», когда весы истории колебались, не зная, кому отдать предпочтение. (Оля вспомнила, что мы долго обсуждали, кому из двоих пойти, исходя из того, кто нужнее детям, но в результате остались оба, с замиранием слушая последние известия по независимому радио.) На следующий день я узнал, что многие мои друзья демократических убеждений (не все они, кстати, таковы), бывшие в это время в Питере (например, Дима Панченко или Алеша Черняков), не колеблясь пришли к Марининскому дворцу, и мой стыд, и без того не дававший мне покоя, от этого только усилился.

На следующий день мы конечно вышли на Дворцовую площадь и были в этой огромной ликующей толпе, которую приветствовал А. Собчак, но это было уже совершенно безопасно. А мой стыд оставался во мне, и никак не отпускал. Чуть-чуть успокоился я только после того, как описал всю эту историю – все, что со мной произошло, в письме к Джиму Кейтсу в Америку. Он еще потом, как он рассказывал, перевел мое письмо и опубликовал в *Keene Sentinel newspaper*... Ну, а по части «обнажить свой стыд» я, как видите, и до сих пор не чужаюсь этого «приема».

Расскажу уж, к слову, о том, как ГКЧП пережил мой друг А.Ш. Он был в это время в Британии, где, будучи там по другому поводу, попал на лондонскую конференцию, посвященную столетию О. Мандельштама. Конференция была очень представительная – она собрала весь цвет мандельштамоведения и вообще просто весь цвет (включая такие фигуры, как И. Бродский или С. Аверинцев). Червячок зависти, когда я узнал об этом, прокрался в мое сердце. Тем более что А.Ш. в ту же поездку сумел посетить и монастырь Иоанна Предтечи в Эссексе, куда попал, кстати, через меня же. Будучи в Бюсси, я познакомился с архимандритом Симеоном (он был духовником некоторых сестер Бюсси), правой рукой знаменитого архимандрита Софрония (Сахарова) в Эссексе, автора книги о старце Силуане. А.Ш. связался с о. Симеоном, находясь в Британии, сославшись на меня, и был приглашен посетить монастырь и пожить в нем. Так он там и оказался и успел еще до его кончины пообщаться с архимандритом Софронием.

Ну, так вот, в разгар ГКЧП А.Ш. находился в монастыре, а жена его и маленький сын были в Питере. Можно представить, как он был взволнован всей ситуацией, ведь победы ГКЧПисты, неизвестно, сможет ли он увидеть своих родных, да и вообще... Молился, наверное, за правую сторону. Когда же дело разрешилось так, как оно разрешилось, о. Софроний прислал А.Ш. бутылку вина, чтобы он отметил победу сил добра. Позднее А.Ш. попросил у архимандрита Симеона рекомендацию для поступления в Св. Владимирскую семинарию в Штате Нью-Йорк, к о. Иоанну Мейендорфу, куда в конечном счете и поступил, в том числе благодаря этой рекомендации. Вот такая история. А что стало с моей завистью, я расскажу дальше.

Знаменательная встреча

Как читатели этих мемуаров, быть может, заметили, в 90-е годы я совершенно выпал из литературной жизни Питера, в которой варился в период активности Клуба-81. Семейная жизнь, а потом неопитство и занятия всякими религиозно-философскими делами от литературной среды меня отвалили. Однако было одно памятное исключение, о котором я забыл рассказать, а сейчас вспомнил. Дело было, кажется, весной 1993 г. Боря Останин (вроде бы именно он) нашел средства для мощного фестиваля некогда неофициальных литераторов не только из Питера, но и из Москвы, Киева, Саратова, откуда-то еще... в Смоленске. Ну, и по старой памяти позвал и меня. Так я оказался снова в одной компании со многими своими старинными соратниками по Клубу-81 и вообще по неофициальной культуре, которых, конечно, рад был всех видеть. А в одном номере в гостинице я оказался с Сергеем Стратановским. Это была замечательная встреча, от которой у меня остались две выпрошенные мною странички с его тремя стихами (вошедшими позднее в книгу «Тьма дневная»), два из которых, на мой взгляд, уже стали, ну, или станут рано или поздно, классикой русской поэзии. Кажется, они были совсем недавно написаны Сергеем, и я помню это потрясающее ощущение и от них самих, и от того, как он это читал. На фоне моего наивного неопитства они звучали как гром с ясного неба...

И мне бы следовало тогда не только восхититься ими как стихами, но и прислушаться к их смыслу. Вот одно из них:

Кто Он там – мифом миф вышибающий
Затевающий в мире муру

То в Грядущую Мошь завлекающий
То ломающий грубо игру

То манящий лугами зелеными
То до взбрыка пытающий нас
Беспредельными мертвыми зонами
Над которыми космос погас

Бог здесь далек от того благодушно-неофитского образа, в который я, сознавая это или нет, верил тогда. У Сергея Он куда ближе к библейскому.

А вот второе его стихотворение, которое он мне прочел тогда:

Неужели так называемая духовность
И так называемая душевность
И русского леса волшебность
И русского поля лиричность
И так называемая личность
И стих ершистый, на шерсть похожий
И так называемый «пламень Божий»
Всего лишь функция нервных клеток
И разрушаются от таблеток

– (у второго стихотворения в окончательном варианте добавилась еще строчка: «Да и вообще – разрушаются», но в автографе, который сохранился у меня, ее еще нет).

Здесь тоже задаются те самые страшные вопросы, которые однажды встанут и передо мной. Но в ту встречу я был просто поражен пронзительной и страшной силой этих стихов.

P.S. С Сергеем Стратановским у нас вообще по жизни время от времени случаются удивительные встречи. Так, кажется, в 1989 году Сергей с Валею отдыхали в Неменчине, под Вильнюсом. А встретились мы с Олей с ними случайно в Вильнюсе – они сидели на скамейке, а мы проходили мимо, их не заметив, а Сергей нас узнал. Потом мы гуляли по Вильнюсу, и они пригласили нас приехать к ним в Неменчине. Мы тогда тоже отдыхали в Литве, но в Пабраде (были там с дочкой в одной компании с Сережей Завьяловым, Машей и ее дочкой). И мы действительно потом их посетили вместе с Сережей Завьяловым. Такая вот была замечательная встреча с продолжением.

Я уж не говорю о тех неожиданных встречах, которые происходят у меня со стихами Сергея, плодом чего стала, в конце концов, моя статья в «НЛО» о них¹. Но это уже сильно позднее.

ЧАСТЬ II ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ В ОКСФОРД

Приход на Каменном и идейная борьба начала 90-х

Больше всего я хотел бы, чтобы этой главки моих мемуаров не было. Но обойти эти вопросы нельзя – в начале 90-х они живо задевали меня и многих вокруг. Приход на Каменном острове,

¹ Григорий Беневич. Поэт-поводырь (О поэзии Сергея Стратановского). НЛО. 2022. № 2 (174).

где настоятелем был о. Валентин (Соломаха), стал не только местом, где люди впервые участвовали в богослужении, но и ареной столкновения идей, бурно обсуждавшихся в церковной среде.

Я перечислю лишь несколько главных тем. Первая была вызвана убийством о. Александра Меня и спорами вокруг его наследия, в частности, об отношении к обращению евреев в православие и к иудаизму в целом. Далее – вопросы экуменизма и активности западных протестантских миссионеров в России. Но самыми острыми были политические вопросы: каковы должны быть отношения между Церковью и государством, следует ли пытаться восстановить монархию? И, наконец, извечные споры об отношении к Западу, его культуре и либеральным ценностям.

Я не претендую на анализ всех этих споров. Скажу лишь о том, какую позицию занимал тогда человек, подписывавший свои тексты моим именем. Я нынешний не отождествляю себя полностью с той его позицией, но буду говорить о ней, попутно упоминая и других участников тогдашних полемик.

Первая возникла в связи с убийством о. Александра Меня. Лишь недавно я заметил, что его убили 9 сентября 1990 г. – ровно в тот день, когда о. Валентин был рукоположен в иеромонахи. Эта смерть, безусловно, его потрясла, и он не раз упоминал в проповедях о. Александра, с которым встречался лично.

Между собой мы наследие Меня не обсуждали. Я, возможно, и не читал тогда его спорные высказывания по «еврейскому вопросу», но отголоски полемики до меня доходили. В сентябре 1991 г., через год после убийства, я написал небольшое эссе, приуроченное к этой годовщине. Оно переводило разговор из теоретической плоскости в герменевтическую. Предметом размышления были слова некоего старца, обращённые к двум молодым людям еврейского происхождения: «Вы – дети Иаковлевы, держитесь друг друга...».

Эссе это я никогда не публиковал, хотя показывал о. Валентину. Он, как и в других случаях, воспринимал такие тексты как своего рода исповедь, а не как богословское произведение. Его молчание не означало равнодушия – было ясно, что и тему, и человека, её поднимающего, он принимает близко к сердцу. О. Валентину и самому пришлось тогда отчасти почувствовать, что значит оказаться заподозренным в еврейском происхождении в церковной среде.

В эссе я размышлял о том, что слова старца – не указание и не совет, а духовный завет. «Держаться друг друга» не означало организационного обособления или особой симпатии. Речь шла о взаимной поддержке в особых испытаниях и соблазнах, выпадающих на долю людей, у которых нет «земной матери-родины», о решимости «не быть ни иудеем, ни израильтянином, ни евреем, ни жидом... но также и не стараться сделаться русскими».

Оглядываясь назад, я вижу главный недостаток этого текста и самого совета «старца» в его сентиментальности. Фраза «дети Иаковлевы», как ни крути, определяла нас плотью и кровью, хотя, по идее, и намечался путь к преодолению этого во Христе. Позднее я сказал бы об этом иначе: не «не быть», а «быть» в истинном, духовном смысле, как об этом говорит ап. Павел.

Задача для православного христианина – научиться не демонизировать никакую человеческую общность, включая иудеев, что непросто, учитывая некоторые места в богослужении и святоотеческих текстах. Но непреложен факт иудейского происхождения Христа и Богородицы. Я вспоминаю, как один православный идеолог, Н.С., с амвона нашего храма заявлял, что Богородицу неверно называть иудейкой. Однако в богослужебных текстах чёрным по белому написано обратное. Важно, что именно будучи иудеями по плоти, Христос и Его Матерь и стали теми, в ком, согласно учению, человеческая природа была восстановлена и обожена.

В начале 90-х вокруг митрополита Санкт-Петербургского Иоанна (Снычёва) сложился круг пишущих людей «с идеями». Я не входил в их число и многого не знал. Главное – автором большинства публикаций на церковно-политические темы, вышедших от имени владыки, был публицист Константин Душенов (К.Д.), ярый сторонник православной монархии. Влияли на митрополита и другие, например, мой наставник в догматике, патролог Вадим Лурье (В.Л.), боровшийся с экуменизмом, византолог Константин Аккентьев (К.А.), привлеченный В.Л., и идеолог Николай Симаков (Н.С.).

О. Валентин, человек скорее либеральных взглядов, не боролся за идеологическое влияние на митрополита и публично о своих предпочтениях не распространялся. Но ему приходилось, в силу подчинения, допускать до амвона того же Н.С., который произносил зажигательные антизападные речи – к недоумению либеральной части интеллигентной паствы. По виду о. Валентина и его намёкам в проповедях можно было догадаться о его ироническом отношении к этой риторике.

Мне же этой иронической отстранённости не хватало. Я не знал подноготной и переживал когнитивный диссонанс: в храме видел мягкого, светлого митрополита, а в публикуемых «им» статьях чувствовался совсем другой, жёсткий дух. Вместо того чтобы спросить у сведущих людей, я втянулся в полемику в дурацкой роли – мои статьи в либеральном еженедельнике «Час Пик» («Поэт и митрополит» и «Православие и кризис российской государственности») не оказали никакого влияния на окружение владыки. Похоже, я писал их ради самоутверждения.

В статьях я, опираясь на авторитет о. Иоанна Мейендорфа, оспаривал идею монархии как догмата и концепцию России как «Третьего Рима», выступал против зависимости Церкви от государства в борьбе с западными миссиями. Я верил, что православию спасёт не государственная опека, а вера и святые. Я также пытался доказать возможность иного сочетания православия, культуры и государственности, обращая (смешно сказать) к западнику Иосифу Бродскому и, с другой стороны – к православному русскому монархисту митрополиту (каким он представлял в статьях, написанных не им, а К.Д. и К.А.) – адресатам, которым до меня не было дела.

Сегодня я считаю влияние этих статей нулевым, а свой порыв – наивным. Многие в тех текстах кажется непродуманным. Единственное, что осталось мне близко, – это мысль о недопустимости спасения Церкви через слияние с государственной властью. На остальные вопросы я сейчас, пожалуй, предпочёл бы не отвечать.

«Дом Плюс» (или как я почти вписался в рынок)

Уйдя из кочеваров и перейдя в ВРФШ на работу главным редактором в 1992 г., я довольно сильно рисковал. Работы в качестве редактора у меня было немного, но и зарплату я получал соответствующую. Прожить на нее впятером было невозможно. Но Н.А. Печерская, как заботливая мать, подстраховала мой переход в ВРФШ, оказав помощь в устройстве меня «по совместительству» в засиявшую в этом время на риэлтерском (пришлось узнать это слово!) небосводе новую звезду – фирму «Дом Плюс». Ее организовали некоторые из приятелей Н.П. по игротехникам, ученики Щедровицкого. И Н.П. сосватала меня туда. Так что я получил некоторый опыт работы в современном бизнесе. В «Дом Плюс» я возглавлял издательский отдел, но, в сущности, ничего не делал, т.е. время от времени вел умные (с их точки зрения) разговоры о том, о сем с начальством этой фирмы. Платили они прилично, располагались на Караванной, близко к ГПБ, так что заходить в рабочее время в Публичку для меня не было проблемой.

Из всего, что хочется вспомнить из работы в «Дом Плюс», в памяти всплывают две истории. Первая – командировка в Москву для аудиозаписи беседы с замминистра жилищного строительства (если я не путаю название министерства). Эта беседа (она должна была быть опубликована в первом номере выпускаемого «Дом Плюс» бюллетеня, который я как раз и готовил) меня поразила и весьма удручила. В первый и последний раз я встречался с чиновником такого ранга, и то, что он говорил, наводило ужас. Он совершенно бесстрастно вещал о том, что в Питере в историческом центре вскоре не останется ни одного из живущих там сейчас. Все они, по его словам, не смогут себе позволить там жить, им придется переместиться в дальние дешевые спальные районы. В историческом центре будут жить только состоятельные люди, которые, впрочем, будут сюда только время от времени приезжать на работу, а жить будут в комфортабельных загородных домах вблизи города. Ну и т.д. в том же духе. Посмотрел я на этого дяденьку (чьи прогнозы оказались во многом липовыми), и впервые во мне проснулось нечто вроде классовой ненависти... Впрочем, я не дал ей себя захлестнуть, в борцы с капиталистами не подался.

Второй случай, связанный с «Дом Плюс», более интересный – меня чуть не уволили из-за непонимания, что целью деятельности фирмы является не прибыль, как я наивно считал, а то, чтобы быть законодателем мод и стандартов в своей области на рынке (как полагало их начальство). Все это я описал в отдельном эссе, опубликованном в еженедельнике «Час Пик» в 1993 г. После того как это эссе напечатали, я не без некоторого дерзновения вручил его тому самому начальнику фирмы, который меня чуть не уволил (о чем в этом эссе и было рассказано). Прочтя его (а может и еще по каким причинам), он меня увольнять не стал. Но вскоре я уволился сам, так как получил стипендию для стажировки в Оксфорде. А когда через год я оттуда вернулся, то узнал, что «Дом Плюс» на грани банкротства (а вскоре вовсе перешел эту грань). Один из главных его менеджеров или сам начальник удрал с большими деньгами в США, на некоторых других его топ-менеджеров заведено уголовное дело с обвинением в мошенничестве и т.д. и т.п.

Православие и дети

По контрасту с предыдущей частью мемуаров – про акул капитализма, перейду к следующей – сентиментальной. Амплитуда нашего существования в «лихие 90-е» такой и была – вполне циничный прагматизм в ней соседствовал с духовно-душевными сантиментами. Я забыл рассказать, что во Франции на встрече с западными православными среди участников с «той стороны» была замечательная Софья Сергеевна Куломзина (известный православный детский педагог и писательница), которая на эту встречу не поленилась прилететь аж из США. Общение с ней, но прежде всего наличие собственных детей на фоне неопитства навело нас с Олей на мысль попробовать издавать православный детский журнал.

Я посидел в Публичке, поглядел, что по этой части было до революции, и на основе найденного и творчески попертого благочестиво-сентиментального старья, прибавив к нему урок церковно-славянского, был составлен первый номер журнала «Колокольчик». Молодые художники из нашего прихода на Каменном сделали стильные картинки. После одобрения в Духовной Академии, которая была рада присоединиться к нашему начинанию, объявив наш журнал приложением к «Христианскому чтению», Олин папа отпечатал «Колокольчик» в своей типографии, и он был успешно распродан. Так что мы все на этом семейном подряде даже что-то заработали, а в Питере в 1993 г. появился первый после революции православный детский журнал.

Компилятивный характер его первого номера был обусловлен опасением, что в противном случае Академия его не одобрит, а храмы не примут к распространению. Но, получив одобрение и марку, следующий номер мы сделали уже более самостоятельным. В частности, поместили туда написанную нами самими в стихах Рождественскую пьесу, о которой я расскажу чуть дальше, плюс еще там было довольно пространное «Письмо читателя», в котором я передаю свой разговор с нашей дочкой, плюс следующий урок церковно-славянского. Остальное, впрочем, тоже было заимствовано из дореволюционной детской православной периодики, но хотя бы не весь журнал.

Что до Рождественской пьесы, то история ее такова. Ходили мы тогда в храм на Каменном острове, где, благодаря его настоятелю о. В. и обстоятельствам времени и места сложился живой приход, костяк которого составляла всякая недавно воцерковившаяся творческая молодежь (впрочем, и не только молодежь, там было вообще много т.н. интеллигенции самого разного возраста). И вот мне, когда-то давно писавшему стихи, но давно же забросившему это дело по причине того, что явно не гений, пришлось в голову написать что-нибудь детское и необязательное в творческом отношении, т.е. пьесу в стихах на Рождество. Немного помогла и Оля, главным образом не как автор, а как критик – когда я сбивался на что-то уж слишком заумное или, напротив, сентиментальное.

Как бы то ни было, пьесу поставили на Рождество силами прихода аж в Каменноостровском дворце, располагавшемся недалеко от храма. Я играл царя Ирода, наша дочка, Лия, играла Рождественскую звезду, кого-то играл и старший сын, Фима, задействованы в пьесе были и дети

Бори Останина от Томы Чудиновской, Полина и Никифор, все было очень мило и трогательно. Только у меня перед самым представлением страшно разболелись зубы. И Ирода я играл, едва сдерживая стон. Я надел на себя черный кожаный плащ, который остался у меня от прошлой жизни. Вполне такой франтовый плащ, который я уже давно не носил. Настоящий кожаный и фирменный, а поверх него Олины бусы из черного чешского хрусталя – очень блестящие и очень черные. Вид у меня был достаточно мрачный. Как и должно быть, да еще зубы. Все прошло хорошо. Спектакль всем понравился. Ну, хотя бы просто потому, что мы все были «как дети» в каком-то, может быть, и не самом возвышенном, смысле. Потом пьеса была напечатана в детском православном (сейчас бы сказали «православненьком») журнале «Колокольчик» – единственном, кажется, детском журнале такого рода, который мы с Олей и издавали вдвоем от лица и по благословению СПбДА. Все было радужно и мило...

А потом... потом началось уже совсем другое, после смерти митрополита Иоанна приход разогнали... Но эхо от прежней жизни иногда доносилось и позднее. Один из бывших прихожан того самого прихода, композитор Михаил Малевич положил некоторые части той Рождественской пьесы на музыку (прости, Миша, все же несколько слишком сентиментальную), и они до сих пор исполняются.

При том, надо сказать, что если бы не та Рождественская пьеса, совершенно необязательная в поэтическом отношении (хотя Боря Останин эти вирши полюбил и даже поместил в своей взрослой книге), то я бы, наверно, так и не вернулся к стихам, которые иногда пишу до сих пор... Потому что это заблуждение, что стихи должны писать только гении, а все остальное – графоманство. Меньше надо думать о себе: гений-не-гений. Какая разница. И от этого заблуждения нужно было когда-то избавиться. Спасибо Рождеству и о. Валентину, который после всего этого сказал: ну вот, а теперь, может, стоит попробовать писать стихи и не для детей. Если бы он только знал, какой ценой вернется ко мне поэзия, он, может быть, не был бы так неосторожен. Но об этом как-нибудь в другой раз.

Здесь же я хотел бы хоть пару слов сказать и о той православной школе, куда ходили некоторое время наши дети, как и дети моего кума, Бори Останина. Я уже упоминал как-то, что при Обществе Открытое Христианство, во главе которого стоял религиозный философ Константин Иванов, был создан некий институт, а при нем школа, в которой вроде как была новаторская педагогика, плюс православное просвещение. Заведовала школой жена Кости, Инга. Ну вот, а тут как раз у нашей дочки совсем не сложились отношения с учителькой в районной, ближайшей к дому, школе, куда она пошла в первый класс, так что та над ней просто издевалась. Дочка, в общем умная и прилежная по природе, была постоянно в стрессе. Тут-то и подвернулась Ингина православная школа, и мы туда начали Лию, а на следующий год и сына, Фиму возить – аж к Александро-Невской Лавре, где, вблизи нее, в некоторых прилегающих к ней зданиях, эта школа и размещалась. Фиме-то, который горазд побездельничать всегда был, там вполне понравилось, а Лие, хотя сначала она оттаяла и отошло от стресса после учебы в районной школе, вскоре и тут обучение стало казаться все более странным. В самом деле, поскольку школа существовала на спонсорские, западные деньги, то немалая часть занятий состояла из разучивания детских песенок на английском языке, которые, будучи записаны на видео-аудио, отправлялись этим спонсорам, в ответ они, расчувствовавшись, присылали деньги. Все бы ничего, но обычная учеба от этого явно страдала, и мы, равно как и Боря с Томой, детей из этой школы забрали. По воспоминаниям Томы, «Ингина школа закончилась для них лицемерием странных плясок под ручку с голландскими, кажется, спонсорами того времени». А потом мы краем уха услышали о каких-то финансовых скандалах вокруг этой школы (но подробностей я уже не выяснял. И все же, несмотря на то, что давать ребенку т.н. православное образование я с тех пор никому не советую (у дочки остались от этого эксперимента не слишком теплые воспоминания), но, как ни крути, отошла от стресса от районной школы она именно там. Была в той школе очень добрая верующая учительница младших классов, которая Лию обогрела, а это, в общем, тоже не мало...

Что до детского православного воспитания в целом... Ничего хорошего я тут не могу сказать. Никаким позитивным опытом поделиться. Опыт – от противного – единственное православное воспитание, видимо, настоящая христианская жизнь и поведение родителей. А это мало в какой христианской семье (наша – не исключение) дети видят. А красивые слова – мы все умеем их говорить – на детей (в отличие от легко внушаемых взрослых) не действуют. Как и хождение каждое воскресенье на службу. И к морали дети не особо чувствительны. Разве что «от противного».

Короче, «Колокольчик» наш дальше второго номера «звенеть» не стал. Хотя, Куломзина, говорят, журнал наш похвалила... Но то, что, может, и работает, в благочестивой эмигрантской среде с ее субкультурой, складывавшейся десятилетиями, то не очень, мне кажется, годилось для среды постсоветской.

1993 г.

Дилетант среди философов

1993 г. стал новым поворотом в жизни ВРФШ. Как я уже писал, в 1992 г. от Школы отошел В.Л. вместе со своими патрологическими штудиями и целым блоком предметов, связанных с ними. С другой стороны, А.Ш. уехал в Штаты в Свято-Владимирскую семинарию, выбранный на основании собеседования из нескольких российских претендентов на одно бесплатное место самим о. Иоанном Мейендорфом, который, увы, скончался незадолго до приезда А.Ш. в семинарию, так что поучиться у него А.Ш. не удалось. В отличие от В.Л., отношения которого с ВРФШ безвозвратно порвались, А.Ш., уехав, предполагал, что рано или поздно вернется (у нас, оставшихся, совсем не было в этом уверенности). Как бы то ни было, связь А.Ш. со Школой в 1992-1993 гг., хоть и осложненная межконтинентальностью, не прекращалась, и второй том «Трудов ВРФШ», вышедший под новым названием: «Онтология, Эстетика, Религиозная Философия», – интеллектуальное участие А.Ш. в жизни Школы вполне отражал. Пользуясь своим положением составителя «Трудов», подкрепленным тем, что я не только нашел средства на издание, но и обеспечил его – в типографии тестя, я собирал эти «Труды» по своей прихоти и вкусу (чего не было с первым томом). Делал я это, несмотря на ворчание Н.П.: не слишком ли в этом томе обширно представлен уехавший А.Ш.

Действительно представлял он был больше чем четвертью по объему текстов, сразу в нескольких разделах. Но мне представлялось, что они стоили того, хотя ни его, ни двух других столпов философии ВРФШ – О.Н. и А.Ч. – статьи из раздела «Онтология» я почти совсем не понимал. Чувствовал, что это что-то крутое, и считал своим долгом издать. Потом, судя по входящей в этот раздел «Философской переписке о Гуссерле, Хайдеггере и Сартре», друг друга они понимали – с меня этого было достаточно.

Самым интересным из опубликованного мною А.Ш. (и хотя бы отчасти понятным мне) были, на мой взгляд, тексты оставленных им перед отъездом заметок, нечто вроде отдельных мыслей, возникавших в диалоге с читаемыми тогда (в 1989–1992 гг.) авторами – главным образом, экзистенциалистами и феноменологами, но порой и Новым Заветом и христианской традицией. Это было нечто вроде «Дребезгов» Бориса Останина, но только философских, ну, или религиозно-философских, поскольку автор время от времени касался и богословской, христианской тематики, пытаюсь говорить о ней по-философски. Называлось это все вызывающе: «Безблагодатные мысли (философия Другого)».

Сам я своим редакторством не особо злоупотребил, никаких своих пространных опусов в «Труды» не поместил – соседствовать с «отцами ВРФШ» мне было не по чину. Единственным исключением – вполне хулиганским, но с согласия других участников, был короткий отклик под названием «Имя и Речь» на только что вышедший двухтомник Виктора Ширали «Спротивление», отклик, содержащий краткий разбор его гениального на мой взгляд стихотворения «Стихи о времени». Мне показалось, что привести эти стихи и поговорить о них в философском сборнике

было вполне уместно. Это, наверное, была моя первая статья о Ширали в череде многих других, которые мне предстояло написать много лет спустя, статей, в которых я пытаюсь показать, что этот – с виду поверхностный и уж совсем не-философский поэт-донжуан в силу аутентичности своей поэзии прикасается к таким экзистенциальным глубинам, и делает это настолько адекватно, что это стоит внимания религиозных и просто философов¹.

Другим моим вкладом в сборник был перевод отрывка из «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти «Тело как выражение – и речь». Французский мой, если честно, был худ, но знающие люди (на последнем этапе А. Черноглазов) помогли, плюс к тому имелся английский перевод... так что для первого знакомства с автором, мне показалось, что сойдет. Сама же тема представлялась мне весьма интересной и важной.

Через меня же был инициирован перевод работы Э. Левинаса «Значение и смысл», который выполнил А. Парибок (он же по заказу ВРФС переводил для первого сборника Трудов другую работу Левинаса: «Время и Другое»). Так в этом плане получалась некая преемственность. Левинас из всех читавшихся нами тогда философов был для меня единственным, кто хоть что-то говорил моему сердцу, без чего я, человек приземленный и лирический, философию воспринимать не способен. Но мои друзья, «чистые философы», относились к нему скептически, особенно А.Ш., утверждавший, что все лучшее у Левинаса есть у других, а оригинальное в философском отношении не убедительно. Но как-то терпели все же соседство с ним на страницах одного сборника.

Интерес же к Левинасу во мне пробудила Татьяна Горичева², которая, скорее всего, и привезла в Питер его книги. Дружба с Таней, ее поддержка Школы в это время были заметным фактором нашей жизни. Как главный редактор ВРФС я способствовал изданию в 1993 г. ее довольно рискованной по тем временам книги «Святые животные». Таня же помогла нам издать 2-й том «Трудов», который во многих отношениях вполне отвечал ее философским вкусам. Тут и «философия Другого», и Левинас, и Мерло-Понти... И хотя чистая философия, которую делали О.Н., А.Ч и отчасти А.Ш., ей была и не особо близка, но она была достаточно широка, чтобы поддерживать публикации и такого рода. В любом случае, без Тани (увы, недавно скончавшейся) в те трудные времена мы вряд ли бы свой сборник смогли издать.

Мое сотрудничество с Т. Горичевой, впрочем, не сводилось к перечисленному. Главным для меня в то время была возможность публиковаться в издаваемых ею «Беседах». Именно здесь, в 11 номере, в 1993 г. увидело свет мое пространное богословско-философское эссе: «Слово Церкви. Проблема православной экзегезы». Это было первое эссе такого рода, написанное уже, так сказать, после воцерковления, но в мой «донаучный период» (до Оксфорда), и тема Церкви, и, в частности, церковной гимнографии, которую я совсем недавно открыл для себя, стоит в его центре. Сам себе поражаюсь, как это я, едва познакомившись с какой-то областью, не изучив ее хотя бы немного по-настоящему, начинаю о ней вещать и про нее рассуждать. Так и здесь – это надо было иметь такую наглость (или все же неопитское дерзновение и горение?), чтобы, не изучив не только греческий, но даже по-настоящему церковно-славянский, что-то писать о церковной гимнографии, как-то ее обсуждать и толковать.

Понятно, что при таком отсутствии специальных знаний я допустил много ляпов, но искренний восторг от глубин церковной гимнографии, от учения Церкви в целом, и, это самое главное, – от самой Церкви, эссе, мне кажется, передает. Написано оно было как доклад к, приуроченной к Пасхе 1993 г., конференции (о ней чуть ниже) в день празднования иконы «Животный источник», т.е. в Пяток Светлой седмицы. И начинается с обсуждения одного из песнопений этого праздника: «Ни слово, ни ум, ниже язык Твое возмогут Чистая Рождество похвалити, но немощствуют в Тебе, и обличается философов честность, и риторов красота».

Не буду пересказывать здесь это эссе, содержащее, к слову сказать, интуиции целого ряда моих будущих работ, скажу лишь, что вряд ли бы оно появилась, не будь я в постоянном контак-

¹ См. список моих работ о Ширали в статье о нем в Википедии.

² См. статью о ней в Википедии.

те с моими коллегами, «чистыми философами», которые, особенно близкий некогда мне А.Ш., конечно недоумевали, что это я нахожу в этой церковной гимнографии, где ничего, кроме риторики и догматики – и то, и другое так далеко от чистого, беспредпосылочного философского мышления! – нету и в помине. Вот я и пытаюсь в этом эссе сам для себя, а отчасти и для людей философского склада, ибо прибегаю и к кое-какому понятийному мышлению, это объяснить – чем прекрасно это, как я его назвал, «слово Церкви».

Но есть у этого эссе и еще один нерв, помимо подспудного диалога с философами. О нем я совершенно забыл, но заметив в конце дату – 23 апреля – сразу вспомнил. О таких вещах (слишком интимных) не принято говорить, но в этих мемуарах я уже не раз нарушал общепринятые приличия, нарушу и здесь – без этого не объяснить сути дела. Дело в том, что 23 апреля, на которое в тот год пришелся Пяток Светлой седмицы, это – день рождения моей мамы, к Церкви и к тематике этого эссе, конечно, никакого отношения не имевшей (если не считать, что именно мама, еврейка по происхождению и атеистка по воспитанию, меня в 15 лет привезла с экскурсией к храму Покрова-на-Нерли, где мне впервые открылось Материнство, о чем я как-то писал¹). Но ко мне-то мама отношение имела, и, судя по содержанию моего эссе, кое-что в нем, то самое, что относится к его подспудному второму «нерву», с нею, а через нее со всей моей родней по плоти и связано.

В эссе, в его заключительной части, я задаюсь одним трудным вопросом – к кому на самом деле обращены слова гимнографии, когда они обращены к каким-то «отрицательным героям». В качестве примера я беру Иуду, но с тем же успехом можно было взять иудеев и т.д. Ну, вот на Страстной Седмнице много же песнопений, обращенных к Иуде, когда его кроют последними словами. Как их следует воспринимать? Вряд ли пытаются докричаться до исторического Иуды, горящего в аду. Конечно, можно эти слова воспринимать как чистую риторику, фигуру речи, т.е. как такое благочестивое обличение не человека, а его порока. Можно и как-то аллегорически или исторически. Но я предлагаю – и пытаюсь это богословски-философски обосновать – воспринимать эти слова не риторически, не каким-то внешне моралистическим или историко-нравоучительным образом, а как обращенные лично ко мне и только ко мне. Ну, и *mutatis mutandis*, это относится к любому обличению кого-либо в церковной гимнографии.

Какое отношение это имеет к моей маме, кто понял, тот понял, а кто не понял, у того этой проблемы нету. Прав я или не прав в таком подходе к этому трудному вопросу и к гимнографии в целом, Бог весть. До сих пор эта статья серьезному обсуждению не подвергалась. Может, она того и не стоит – уж слишком много в ней очевидных чисто технических ляпов. Но ее главная интуиция остается мне почему-то до сих пор важна, если и не своим ответом, который может быть несколько невнятен, то своей постановкой вопроса.

Так что пресловутый вопрос об Иуде, столь волновавший русских религиозных философов и писателей Серебряного века, в несколько переформулированном виде (применительно к пониманию гимнографии) не обошел стороной и меня. Но решать я его пытаюсь, начиная с этого эссе 1993 г., иначе, чем это делали они, стараясь не выходить за рамки церковной догматики.

Но не был ли первый мой блин комом, т.е. не прокралось ли в первое мое богословское эссе «плотское мудрование» (через эту мою любовь к маме и родным по плоти), – вот вопрос...

Зависть, или как я попал в Оксфорд

Почти сразу после отъезда А.Ш. на учебу в Штаты, т.е. с осени 1992 г. и где-то до начала 1994 г., моя жизнь была отравлена завистью. Было бы нечестно написать мемуары и не признаться в этом. Тем более что без этой зависти я б никогда не оказался в Оксфорде. То есть буквально каждый Божий день, стоило мне проснуться, как я чувствовал темное крыло зависти, которая

¹ См. Г. Беневиц История моей мамы. Ч. 2. Еврейская старина. 2025. № 3. Главка «Покрова» (<https://s.berkovich-zametki.com/y2025/nomer3/benevich/>).

омрачала все мое существование. А тут еще время от времени, то мой старший друг, Коля Кобак, яду подольет – мол, чего ты тут телепеаешься, смотри, Аркаша поехал учиться, а ты чего? То ректриса ВРФШ, Н.П., что-нибудь скажет в том же духе, что, мол, надо бы приобрести какой-то статус, где-то поучиться всерьез, смотри на А.Ш... Она, правда, была разочарована сильно тем, что А.Ш., судя по всему, в Школу не вернется, но надо отдать ей должное, не побоялась поставить этот эксперимент на мне. Советчики и поднатчики мои не особо задумывались, как это я оставлю не слишком-то здоровую жену с тремя малыми детьми. Но кто из чужой жизни о таких вещах думает?.. Одним словом, и этот внутренний яд съедавшей меня зависти (сколько ни исповедовал этот грех, никуда он ни девался), и старшие друзья, и начальники – все толкало меня в том или ином виде попытаться тоже поехать поучиться за границу. А тут как раз от Н.П. же, наверное, узнал, что Британский совет дает гранты на годичную (учебный год) стажировку в Британии. Вот я и подал заявку на участие в конкурсе, спросив, конечно, Олю, отпустит ли она меня, если паче чаяния грант дадут. Все это представлялось нам обоим маловероятным, и мы решили, что попробовать поучаствовать в конкурсе стоит, а там – посмотрим. Отказаться всегда можно.

Творческий конкурс – собеседование на английском и конкурс анкет – я прошел легко, оставив позади конкурентов. Комиссию впечатлило и мое самиздатское прошлое, и множество публикаций, в том числе за границей (в Париже!), и мой творческий проект (я знал – на самом деле не особо, но сумел пустить пыль в глаза – чего хотел). Но вот сдать экзамены по английскому (IELTS) мне на нужный балл с первого раза не удалось. Полбалла не добрал. Хорошо, давали вторую попытку, а в ВРФШ как раз стажировалась аспирантка из Британии, Руфь Коутс (сейчас известный профессор-славист). Помню, как я ездил к Руфи, снимавшей тогда жильё у Нарвских ворот совсем недалеко от моей родной английской школы № 263, в которой я не был с выпускного, и имел лишний повод вспомнить и эту школу, и мою учительницу английского Александру Георгиевну Дашковскую. И так, я еще позанимался сам и раза три с внимательной Руфью, и со второго раза, отвечая на вопросы теста не думая, т.к., если задуматься, то точно не успеешь, либо ответишь неправильно, т.е. на каком-то автомате, почти в сомнамбулическом состоянии, все же необходимый проходной балл набрал.

Каким образом, пройдя конкурс на стипендию как таковую, я оказался именно в Оксфорде? С трудом, но все же вспомнил. 21–23 апреля 1993 г. в Питере проходила первая международная конференция Общества Христианских Философов (ОХФ) – существование которого в России инициировали англоязычные, главным образом американцы и британцы – аналитические философы-теологи. Я к аналитической философии никакого отношения не имел, понятия о ней тоже никакого, но Н.П. усиленно искала международные связи и источники финансирования проектов ВРФШ, а западные аналитические философы нашли – как я потом, уже в Оксфорде, понял – неплохую грантовую жилу – получать гранты на обращение дикой постсоветской России в свою веру, точнее, в свою методологию мышления о Боге. Это было нечто параллельное экспансии западных протестантских конфессий в Россию, но на совершенно другом, интеллектуальном, уровне. Так что тут встретились, что называется, «два одиночества» – ВРФШ и подобных ей организаций в России, искавших западной поддержки, и вот этих «англо-саксонских» профессоров-аналитиков, получивших изрядную поддержку своих грантодателей на «освоение» и «усвоение» цивилизованному миру наших умов. Этот альянс – ко взаимной выгоде – продолжался довольно долго. И одним из ведущих профи с западной стороны был – как я узнал позднее – старый разведчик (почти не шутка), знавший, ну, кое-как русский язык, а тогда декан философского факультета Оксфордского университета – Ричард Свинберн. Ну, вот на этой конференции мы с ним впервые и встретились и шапочно познакомились. Так что потом, когда Британский совет выделил мне грант, Оксфордский университет воспользовался возможностью подзаработать, и Свинберн меня пригласил. Хотя доклад мой на этой конфе был совсем не аналитический, а то самое, что потом опубликовала Горичева в «Беседах»: Слово Церкви (проблемы православной экзегезы). Позднее он вошел и в материалы той самой встречи, выпущенные в 1994 г.

Как бы то ни было, моей стажировке в Оксфорде способствовала опять же Н.П. Без нее я бы точно на все это не решился. А, если по-честному, то следовало ли мне туда ехать, в этот самый пресловутый Оксфорд? Чему я там научился, чему не мог бы (да и куда большему), прояви я усердие и целеустремленность, научиться в России, не обрекая жену на эти тяжелейшие в ее жизни девять месяцев? Вопрос этот вовсе не риторический. Но тогда престижность учебы в таком месте, конечно, перекрывала все. Все родные обещали всяческую поддержку. К тому же нашлась одна наша дальняя родственница, трагически потерявшая и мужа, и сына, и готовая, чтоб как-то избыть свое горе, Оле помогать (она и в самом деле сильно помогла). Так что Оля оставалась не совсем уж без помощи. И совесть мою удалось успокоить. Да и зависть к А.Ш. впервые за два года наконец отошла. Подстерегали другие страсти (но об этом я еще не знал). Все выглядело радушно и многообещающе.

«Лирическое» отступление

В то самое время (или чуть раньше?), когда я занимался покорением одной из главных «вершин» своей, так сказать, жизненной карьеры, с Олей (на самом деле с нами обоими, но я по мужской черствости и нечувствительности к таким вещам это пережил куда легче), произошло то, что другая женщина, с другим психическим и духовным устроением, пережила бы, наверное, легче. А для Оли это было настоящим трагическим событием, вызвавшим у нее сильнейшие, с моей точки зрения, и совсем отчаянные, стихи. Приведу их, и все станет понятно само собою:

Выкидыш

1

Рыбка, птичка, веточка,
 Где ты, моя деточка?
 У вороны в животе,
 На помойке, на кресте?
 На моей ладони,
 Только что живой
 Трепегал кусочек плоти,
 Но уже не мой.
 Оторвался от груди
 Снег – окоченел,
 Режет четкий силуэт
 Внутрь души – пробел.
 В сердце воткнул укол,
 Руки дрожат.
 Точно так же буду я
 Там же лежать.
 Как разодранный шатер,
 Раскрытое сердце,
 И узнать, что там внутри,
 – Ты же этого хотела?
 Моя теплая кровь
 Как тебя омоет?
 И ладонью ладонь
 Как тебя накроет?
 Дурка голая бежит
 И садится в снег.

– Как найти тебя, скажи?
– Как хочешь, – ответ.

2

Тяжко ходит коса,
И рушатся травы в ознобе.
Умирать много раз –
Такое у выросших хобби.
Камень долго теряет
Свою молчаливую, скорбную душу
Под присосками плесени едкой
И знает, что будет разрушен.
В обороте кокетливым
Морда лисы удивленно-печальна,
И в жесте приветливым
Нежных деревьев –
Какая-то грустная тайна.
И друг с другом мы делимся все,
Вспоминая, теряя.
Только ты, как бездомная кошка
Добрался до рая,
Обделенный названьем и формой.
Сказали: аморфное тело.
ОН – заплакал от жалости.
Сердце мое – опустело.
И теперь в эту стену
Стучись, не стучись головою,
Не откроют, наверно,
Уже никогда не откроют.

Октябрь 1993

Я не стану об этом стихотворении и обстоятельствах его написания особо распространяться. Стихи говорят сами за себя. Скажу лишь, что в литературном отношении это стихотворение может быть прочитано, хотя Оля, кажется, этого не имела в виду, рядом с «Недоноском» Боратынского. Только у Оли здесь, так сказать, женский, материнский взгляд на нечто похожее (хоть «недоносок» и «выкидыш», конечно, не одно и то же) – не такой отвлеченно-возвышенный, как у Боратынского, куда более плотский, осязаемый, телесный, но и более пронзительный. И главное, что тут бросается в глаза, на что следовало бы тогда более всего и мне, и о. В. обратить внимание, – это ощущение отчаяния и богооставленности.

Еще острее она чувствуется в других ее стихах этого периода (не стану их приводить, чтобы не перегружать эти мемуары).

Как бы то ни было, при том, что и церковная община Оле (как и мне) очень нравилась, и в храме она себя чувствовала (не считая того, что нужно было урезонивать детей, чтоб вели себя тихо) почти как дома, и духовник, о. В., вроде во всех отношениях подходил, но чего-то очень важного, чего она ждала от Церкви – встречи с Богом, Его присутствия, опыт которой у нее был в детстве, церковная жизнь ей не давала. А она его искала и ждала.

Вот на этом фоне у Оли и случился выкидыш, который она пережила так трагически – как знак какой-то своей обреченности и осуждения Богом. Слишком меня тогда поразило это стихотворение («Выкидыш») поэтически. Не придал я тогда ему значение как свидетельству о глубоком

внутреннем духовном и душевном кризисе. Подумал: ну, отойдет от стресса от случившегося (с кем такого не бывает), и все устаканится. Меня во всей этой истории как мужа больше беспокоило, чтобы такое больше не повторилось. И определенные выводы я сделал.

И все же, и все же, я не хотел бы, чтобы читающие эту и некоторые другие главки мемуаров, где встречаются Олины стихи, их воспринимали бы как повод выразить сочувствие из-за тех или иных трагических или печальных (давно ушедших в прошлое) событий нашей жизни. Прежде всего, это все же стихи (пусть оплаченные порою и дорогой ценой), а не «проза жизни». И в качестве стихов они всегда в той или иной степени, часто весьма высокой, несут в себе момент катарсиса – очищения тех самых страстей, которые (при неправильном прочтении в качестве «прозы жизни») они «содержат».

Поэты ведь (не все, но такие, как Оля) – козлы отпущения, и несут грехи и боль мира в пустыню слова на себе.

Экуменизм, или первый раз в США

Где-то в конце мая-начале июня 1994 г., т.е. еще до моего отъезда осенью того же года на учебу в Оксфорд, Н.П. взяла меня с собой в США на какое-то невнятное по названию (оно не запомнилось) мероприятие в Колледжвилле (Миннесота), которое проводил тамошний Collegeville Institute for Ecumenical and Cultural Research (сейчас он в своем названии слово Ecumenical убрал!). Институт находится на территории католического аббатства St. John's. Там же располагались ещё ряд учебных, культурных и прочих организаций, одна из которых – это St. John's University для мужчин и College of St. Benedict для девушек, а также, помнится, было там и знаменитое издательство литургической (в т.ч. и восточно-христианской) литературы – «The Liturgical Press».

Мероприятие, на которое нас пригласили, естественно, оплатив перелет и проживание, было экуменическим (съехались представители многих конфессий из США). Что такое экуменизм, я тогда толком не знал, так что встретился с ним впервые, как и впервые же побывал в США, куда отправился не в последнюю очередь, т.к. надеялся повидаться с А.Ш. Конечно, поглядеть на сами Штаты тоже было интересно. Ну, а как неопит, я, наивный, собиравшись им рассказать о православии, даже набор открыток с православными иконами с собою взял!

Рассказ об этой моей поездке, особенно о самом мероприятии в Колледжвилле, может получиться не совсем адекватный, потому что его легко может исказить мое последующее отношение к тому, что именуется кое-кем презрительно-уничижительным словом экуменизм. Для одних – ересь всех ересей последних антихристовых дней, а для других – среда открытости и преодоления гордыни конфессиональной исключительности. В любом случае, о том, что это за зверь, я тогда не знал. А попал туда «тепленьким», т.е. в том самом состоянии неопитства, в котором, конечно, всецело верил, что пришел в истинную и единственную соборную Церковь. При этом у меня не было, сколько я помню, внятного представления о канонах, запрещающих совместные молитвы с инославными и т.п. Так что эксперимент был, можно сказать, поставлен довольно чистый.

И результат его был таков, что от этого экуменического действия, от совместных молитв представительей разных конфессий, о вере которых я не имел никакого понятия, меня, признаться, внутренне мутило. Кто тут виноват, само это действие или что-то во мне, какое-то мое неправильное в отношении к «другому» устройство, мне было непонятно. Просто констатирую все, как оно было; надеюсь, что я все же не проецирую свои более поздние взгляды на экуменизм на это прошлое.

Попытки мои рассказать о православии с помощью захваченных открыток или иным каким образом были наивны и неприличны (Н.П. прозрачно на это намекнула). Никому тут было это не нужно – кто хотел, давно мог куда больше, чем я, узнать о православии – благо и православия в США полно – на всякий вкус, и книги в библиотеке – а там была прекрасная библиотека, какая и не снилась нашим духовным академиям, и даже издательство, издающее литургические тексты, в

том числе по православной литургике, да еще с великолепными исследованиями по ним – все это там было. Так что я был смешон и нелеп, но, к счастью, быстро это понял. И стал уже не активничать, а смотреть и слушать.

Поразило меня (не в самом лучшем смысле) там многое. Но прежде всего то, что тон на этом сходняке задавали не представители старых традиционных конфессий, вроде хозяев-католиков или бывших там православных (там был, например, Пол Мейндорф), но – простите меня сторонники BLM и феминизма – пышнотелые темнокожие дамы, вероятно «черные баптистки» или нечто в этом роде, которые уже тогда, в 1994 г. все время говорили о вине белых мужчин, и, требуя покаяния за все и вся, настаивали, что это и должно быть единственной повесткой дня происходящей встречи... Это было сильно! Потом, когда мы прогуливались с Полом Мейндорфом вокруг тамошнего озера (они там очень гордятся его красотами, хотя почти каждое озеро на Карельском, пожалуй, покрасивше будет), да, так вот, когда мы бродили с Полом вокруг этого озера, он мне проронил: «Видите, как нам тут приходится тяжело?» О, да! Конечно, необходимость участвовать в подобного рода мероприятиях... а почему, собственно, нужно в них участвовать, вот, например, Полу (о себе я не говорю)? – это тяжелое бремя. И попытки хоть как-то осадить и ввести в рамки приличия этих пышнотелых темнокожих дам со стороны белых мужчин (а они предпринимались, например, тем же отважным Полом) были абсолютно безнадежны. В общем, я побывал тогда в будущем – окунулся в ту самую проблематику, которая выплеснулась в широкую общественную жизнь США и докатилась до Европы и даже до России чуть позднее...

Впрочем, библиотека в Колледжвилле собрана великолепная. В том числе туда свезено много ценнейших материалов по исторической литургике. А играющие в футбол и купающиеся в озере, вокруг которого мы бродили с Полом, американские католические монахи, в отличие от «беспочвенных» американских православных, как я подумал, способны справиться с этими экспансивными негритянками. Католическое богослужение, которое я там посетил, потрясло меня каким-то леденящим холодом. Последний раз такой холод я ощущал в крематории. Этот холод – как раз то самое, что является своего рода противовесом витальности чернокожих «эмансипе». Цивилизация сдержек и противовесов. Где всякой твари по паре.

Нет, я не такой уж прям консерватор и традиционалист, но культурно-религиозный шок получил по полной. К впечатлениям в Колледжвилле добавилось то, что я увидел и услышал позднее, когда нас с Н.П. провезли в качестве гостей по ряду протестантских семинарий, и мы на их званных обедах слышали исполненные законной гордостью речи хозяев о том, что в их семинариях теперь могут учиться и получать пасторское звание не только женщины – это уже давнее завоевание, но и открытые представители нетрадиционной сексуальности. Для меня тогдашнего все это было too much. Я еще был совсем невинен, и не знал, насколько проблема гомосексуализма (хорошо, если не педофилии) актуальна и для исторически древних конфессий (не исключая и МП в России), только там это все скрывается, а у этих американцев обсуждается и по-своему решается.

Побывали мы проездом и в маленьком приходе Зарубежной Церкви под Минеаполисом, который показался мне на фоне всего остального увиденного в США каким-то островком пронзительно родного и абсолютно чуждого всему окружающему инобытия... (Не он ли стал позднее своим для перебравшейся в США дорогой мне по Питеру Маши Ушениной, бывшей жене Сережи Завьялова?)

Что еще? Свозил опекавший нас известный аналитический философ и теолог Мел (Мелвилл) Стюарт (Н.П. тогда завязала дружбу с ними) нас в главную местную достопримечательность – Молл (огромный торговый центр с кучей магазинов, едален и развлекален). Там меня больше всего поразили неправдоподобного размера продавцы вредной пищи (поголовно, увы, чернокожие). Они все были больны, судя по всему слоновьей болезнью или просто ожирением, выглядели так, что смотреть мне на них было больно и стыдно за то, что человек может сделать с человеком – т.е. вот так эксплуатировать чью-то болезнь, поставить их торговать всею этой жареной и жирной вредной пищей... Может, я чего-то не понимаю, но на месте чернокожих активистов, да и просто защитников прав человека, я бы боролся для начала с чем-то подобным... Но я помалкивал и

только смотрел и поражался. Не проронил ни слова я и по поводу предоставленной мне на ночь water bed (видимо большая честь – для гостя), сон на которой показался мне утонченной пыткой. За молчание был и приз от профессора-аналитического-философа – подаренный моим детям набор LEGO – целое ведро самого разного содержания; играли в него потом весь год, что меня не было в России, да и потом, когда вернулся, продолжали играть (Оле хоть какая-то передышка, да и им не бесполезно). Привез ли я дочке Барби? Уже не помню, но, кажется, да.

В общем, что сказать? Съездил к «антиподам», получил даже не культурный, а цивилизационный шок... В аэропорту Нью-Йорка мельком встретились после многолетней разлуки с двоюродным братом, Мариком, и после двухгодичной разлуки с А.Ш., который не без труда там нашел нас. Обнялись... постояли... Каждый уже жил своими проблемами, своею жизнью... Наговорились, точнее напереписывались мы вволю позднее, когда я оказался в Оксфорде, и там уже можно было быть практически на прямой связи через межкомпьютерную связь (как, бишь, она называлась... уже Интернет?). Но это все будет позднее.

В итоге этой поездки в США можно сказать, что я оказался косным и плохо восприимчивым к чужому, ничем себя, кроме ведерка с LEGO там не обогатил. Но сам этот опыт оказался неплохой подготовкой ко встрече с «другим» в Британии. После Штатов старушка-Англия показала, по крайней мере, не столь жестко чуждой, а просто «другой», нежели Россия.

А экуменизм... С ним предстояло еще долго разбираться (по-настоящему разбираюсь до сих пор). Нет, не с подобного рода сходимками, как тот, на котором мы были – тут все ясно; даже людям из Collegeville Institute for Cultural Research, убравшим из своего названия «Ecumenical», видимо это стало ясно. Но вот то, как веря в истинность своей Церкви, не впасть в конфессионально гордыню, как, оставаясь верным православию, не демонизировать другие религиозные традиции и уметь быть открытым ко всякому благу, истине и красоте инде... Это задача на всю оставшуюся жизнь.

И еще вот, что я бы добавил, оглянувшись на свое прошлое. Нынче, когда в РФ так умело эксплуатируется идеология, основанная на фобии перед Западом и прежде всего англосаксонским миром, я не тороплюсь осуждать, подверженных ей. Сам знаю, что такое цивилизационный шок и всё, что связано с ним. Не так просто научиться правильно относиться ко всему этому. Но есть разница между теми, кто сознательно эксплуатирует фобии в отношении «чужого», и теми, кто подвержен им.

Цена поэзии

У покойного Бориса Останина было (не знаю, попало ли это в его записные книжки) такое выражение: «цена поэзии». Поминал он его тогда, когда кто-то говорил о безобразиях или несчастьях в жизни окружавших его или просто живших когда-то поэтов, их самих и их родных и близких. Вот эту «цену поэзии» или тот сор, или даже не сор, а так сказать «прозу жизни», из которой растут стихи, очень часто любят раскапывать исследователи. Взять хоть Сильвию Плат, сколько книг и статей написано об обстоятельствах появления ее гениальных стихов – обстоятельствах в самом деле трагических. Дело в том, однако, что поэт – хотел он этого или не хотел – уже заплатил эту цену – страсти и несчастья, из которых появились его/ее стихи уже переплавлены в них. Докопываясь же до них, пытаюсь понять из стихов – что же там произошло, мы как бы пренебрегаем происшедшим в стихах катарсисом, пренебрегаем поэзией, делаем уже за нее заплаченную цену напрасной.

Весь предыдущий абзац служит предуведомлением (кто хочет, пусть считает – уловкой), чтобы в разговоре о написанной нами с Олей перед самым моим отъездом в Оксфорд книге стихов «Прощание» не вдаваться в подробности происшедшего, в ту самую «прозу жизни», которой в немалой степени посвящены эти мемуары. С моей стороны это тем более оправдано, что речь о так называемой «конфиденциальной информации» личного характера, касающейся не только

нашей семьи, но и еще ряда людей. Тем же, кого раздирает любопытство, остается неотъемлемое право читателя – догадываться об этой «прозе жизни», исходя из стихов.

Единственное, что я хочу сказать, следуя принципу этих мемуаров – по возможности открытого разговора о себе – как показала вся эта история, человека подстерегают самые опасные искушения в тот самый момент, когда он, что называется, «на коне». Именно так я чувствовал себя перед отъездом в Оксфорд, в то самое лето, когда до отъезда оставались еще два с половиной месяца – я только что вернулся из поездки в США, мы сняли дачу на Карельском, Оля с Фимой уехала туда, остальных детей взяла теща, а я задержался по каким-то делам в Питере, собираясь вскоре приехать к Оле.

И второе (может быть для кого-то пригодится) наблюдение – искушение приходит, откуда не ждешь, порою через очень близких – или казавшихся такими – людей. Сказав это, приведу стихотворение, которое в ответ на это, постигшее меня плотское искушение, было написано. У него есть эпиграф: «Чистейшей прелести чистейший образец». А вот и оно само:

Израиль

Только сверх-природная
 Может здесь помочь
 Милость, чтоб природную
 Прелесть превозмочь.

 Встретившись с природою,
 Собственной своей,
 Распроцусь с свободою,
 Захлебнувшись в ней.

Впавши в искушение,
 К славе ли к концу,
 Господи, борение
 Для чего скопцу,

Тело умертвившему,
 Встреча с телом, с Ним.
 Для чего Всевышнему
 Схватка выше сил?

Здесь можно приостановиться и заметить, что в приведенных строчках произошла метаморфоза – плотское искушение обернулось борьбой, образ которой восходит к борьбе Иакова с Богом, закончившейся, как известно, наречением новым именем – Израиль. Теперь можно вернуться к тексту:

Разве что природою
 Наделив меня,
 Милость сверх-природную
 Приберег до дня?

А куда пялится,
 Отойдя за круг,
 Как я буду маяться
 От Его ж рук.

Видно, хочет имя мне
Новое наречь.
Сам уже не вынырну,
Топит плоть как речь.

Топит плоть горячая.
Топит плоть как печь.
Вынырну ли мячиком,
Вытяну ли речь?

Сквозь стихию водную
Руку протяни
Третью сверх-природную –
Воду разгони.

Воздуху дай, воздуху!
От захвата рук
Нету в плоти роздыху.
Топит смысл и звук.

Топит, но не плавятся
Отроки в печи.
Что ж мне переправиться
Удалось?

Почти.

Июнь 1994

Здесь много аллюзий, которые легко восстанавливаются, если заглянуть в Исх. 14; 15 (переход народа Израиля через Черное море) и в Дан. 3 (отроки в печи вавилонской), как и вспомнить о Богородичной иконе «Троеручице».

Всего стихотворение состояло из 12 стрóf, но одну, слишком буквальную, я тогда же убрал (это соответствует и «удалось... почти»). Позднее этот жанр – 12-строфник – будет в моих стихах неоднократно повторяться, и смысл этой структуры мне постепенно приоткроется. Как бы то ни было, с этого стихотворения после долгого перерыва я снова начал писать стихи¹. Но в этом-то и состояла главная «засада». Одно дело было выдержать то, настигшее меня искушение, о котором речь в этих стихах (в решающий момент я открыл недавно вышедшую книгу Максима Исповедника на «Сотницах о любви», и это меня спасло), и другое – не впасть в тщеславие и не поддаться гордыне в связи с этой победой. Вот тут и произошел мой роковой прокол, приведший к сильнейшему потрясению Олиной и без того очень подвижной психики, которое, в общей сложности, длилось около полугода и наложило печать на всю ее, а через это и мою, оставшуюся жизнь.

Не буду описывать подробности. Скажу лишь, что тогда мы ничего не поняли, что с нею происходит. Как бы то ни было, не только ко мне, но и к ней тогда вернулась поэзия (и в отличие от подавляющего числа моих, ее стихи были, как и прежде – настоящими). Все они вошли в наш совместный сборник стихов «Прощание» (1994 г.), а потом были опубликованы отдельно в ее сборнике «Переход» (2015, с. 41–48).

Вот два моих самых любимых Олиных стихотворения оттуда:

¹ Большинство моих текстов, написанных в жанре двенадцатирифников, собрано в сборнике: Дважды двенадцать: стихи с контекстами. М., СПб.: Руграм, Пальмира, 2025.

Мертвая метель

Что стряслось? Какая-то метель –
Пух летит в лицо мне, пух лебяжий,
Комьями свалявшийся. Постель,
Развернув, вытряхивают, тяжесть.
Все с души воротит, этот пух
Забивает ноздри, уши, щели
Под дверьми, меж окнами. Метели
Закрываясь тщетно, слышу звук.
Человеку человек едва
Ерунда какая-то, условность;
Только вышел – ничего не вспомнишь,
Что осталось? – Эта чушь – слова.
Что представить, если все не так
Будет, и запомнится, как было
Все неверно: я уже не та,
Та, что обнимала, что любила –
Имя, тело, что-либо еще,
Как поймаешь, если облетая,
Я ищу того, что я не знаю?
Вот тебя люблю, касаюсь щек, –
Мнится мне, что я щеки касаюсь,
Все необязательно. Сметает
В кучку пух, но он летит еще.
Кто ты? Где ты? Мертвая метель
Все остановила, заглушая,
Даже сердца стук, нет, он мешает
Ей. И все слышней...
слышней.

Мука

Вот стою я между двух электричек,
Расходящихся, как смерть и рожденье.
В этой точке ни малейших приличий
Не осталось, но одно разделенье,
Одна голая неправда исхода,
Переменчивость во времени плоти –
Путь в египетскую мертвую воду,
Ну как если ничего не выходит.
Правда выглядит подвижнее массы,
Копошащейся и так же бесстыдна;
Все разъято – безразлично, безвластно,
Как у девки – кроме этой не видно
Ничего, какая жалкая маска,
Постаревшая в мученьи бесплодном
Зрящих родов, твоя жаркая ласка
Исторгает только мертвую воду.

Голова моя, глава и головка,
Беззащитная и бедная тайна,
Как ни спрячешься – смешно и неловко,
Милый мальчик мой – что делать – не знаю.
Где твой ум своей лишается власти
И теряет все, чем был во мне мужем,
Появляется в тиши и бесстрастьи
Тот, кто сам себе пока что не нужен.
И ему я точно полная чаша,
И ему я как надежная крыша,
Все во мне, что не мое и не наше,
Изливается обильно и дышит
До поры, пока не выйдет из сени
Смертной и не найдет себя чуждым.
Бедный мальчик мой – сплошное мученье
Эта жизнь – и невозможное чудо.

Сказ о помойке

До моего отъезда произошла еще одна история, о которой стоит рассказать. Речь о деньгах. Отправляясь на дачу, Оля практически все наши скромные сбережения, на которые она с детьми должна была жить в мое отсутствие, предусмотрительно переведенные в доллары, чтоб уберечься от инфляции, положила на всякий случай в коробку из-под сока, вставленную в другую, большего размера, и поставила, завернув в полиэтиленовый пакет, на полку в туалете. Это было сделано на случай, если в наше отсутствие кто-то проникнет в квартиру. В те времена квартирные кражи были явлением весьма распространенным, а дверь у нас вовсе не была железной. И жили мы на последнем этаже в доме без всякой охраны. Так что такая предусмотрительность была не лишней. А тащить деньги с собой на дачу было бы как-то тоже неправильно. Так что все она, вроде, предусмотрела, забыла только сказать мне об этом.

Ну, а я, что со мной бывало крайне редко, решил навести порядок в туалете. Ну и, короче, коробку эту с примерно 3 тысячами долларов – всем, что у нас было скоплено – выбросил на помойку. Через несколько дней я как-то случайно Оле о своей уборке в туалете сказал. Ей аж худо сделалось. Я, конечно, тоже обалдел, и подумал: значит ехать в Оксфорд не судьба. Но все же Оля, конечно, побежала искать коробку на помойку. Надо сказать, что помойки рядом с домами в те времена убирали очень редко, и там днями, а чаще неделями все валялось навалом и скапливалось... Я не пошел, так как даже не запомнил, как эта коробка выглядит. Оля же помнила, но с первого раза, походив вокруг помойки, ничего не нашла. Через пару часов предприняла новую попытку и стала эту помойку буквально ворошить. А рядом с ней там бомж занимался примерно тем же – искал, чем бы поживиться. Он, конечно, поинтересовался, что Оля ищет, а она ему: куколку дочка случайно выбросила. Он предложил ей помочь искать, но она сказала, что справится сама. Долго ли, коротко ли, переворотив помойку изрядно, Оля свою коробку, отличив ее от всех подобных ей коробок из-под сока и прочего мусора, выхватила. И, чтобы бомж не врубился, что искала она совсем не куколку, схватив ее, побежала домой. Тут только и выяснилось, что коробка та самая, и доллары были на месте. А я решил, что в Оксфорд мне ехать все же – судьба.

Лев ПАСЕКОВ

ЗАПИСКИ ЦЕРКОВНОГО СТОРОЖА

Публикация, вступление Евы Лисиной

Лев Дмитриевич Пасеков (1933–2018) – мой муж. В 1965–1967 годы мы с ним работали в одном научно-исследовательском институте. Он, окончивший МАИ, был прекрасным специалистом. Работал ведущим инженером. Человек красивый, благородный, общительный, необычайно добрый, отзывчивый. Все было очень хорошо. У нас родилась дочь, которую он очень любил. Но вдруг все изменилось. Его уволили (или заставили уволиться) с работы, после этого он уже нигде не мог устроиться. Мне говорил только об одном: его везде преследуют, даже соседи следят за нами, доносят на нас. Он ушел из дома, скрывался. К нам несколько раз приходили, допрашивали меня: «Где Пасеков?» Я отвечала: «Не знаю». Я действительно не знала, где он находится.

Причину всех этих бедствий я узнала намного позже от самого Льва Дмитриевича за два года до его смерти: оказывается, во время работы в институте ему предложили быть осведомителем, он отказался...

Подобную историю рассказывал близкий друг Г. Айги башкирский писатель Рим Ахмедов, который в полной мере испытал на себе последствия такого предложения и такого отказа¹.

Ева Лисина

В моей жизни был период, когда я бедствовал. Он продолжался несколько лет.

Объяснялось это тем, что подпал под действие определенного постановления о запрете на профессию для целой категории так называемых трудящихся, к которой принадлежал и я. Это постановление нигде не было конкретно записано, но тем не менее выполнялось безукоризненно. В соответствии с ним я не имел права на умственную трудовую деятельность, а на простую физическую работу не мог быть принят потому, что в бумагах моих значилась моя предназначенность именно к умственному труду.

А это было такое время, когда днем, если вы шли по городу, к вам могли подойти люди в штатском и спросить документы или по крайней мере спросить убедительного объяснения тому, почему вы находитесь на улице в рабочее время.

Разумеется, я не мог находиться и дома, так как там не без помощи патриотически настроенных соседей меня ожидала засада.

Случаи убедиться в этом у меня были...

Поэтому я часто по несколько дней жил то у одних, то у других моих друзей или знакомых, стараясь выдерживать необходимый промежуток времени, чтобы не успеть надоесть, после чего уходил к другим, у которых тоже существовал некоторое время, и так – по кругу, через некоторое время возвращаясь к прежним, полный впечатлений и переживаний от новых встреч и неожиданных событий, которыми и делился с доброжелательными хозяевами.

Однажды мне пришлось ночевать в морге. Туда меня привел один очень хороший мой знакомый художник.

¹ Ахмедов Р. Промельки // Бельские просторы. 2010. № 9. С. 102–125.

Это было одноэтажное кирпичное здание с одним входом посередине и двумя помещениями – направо и налево от входа, в одном из них находились деревянные двухэтажные нары с набитыми соломой тюфяками, на которых и можно было ночевать, разумеется, не снимая одежды.

Здание находилось во дворе какой-то больницы, главврач которой был меценатом, благоволил художникам андеграунда, авангардистам, а те одаривали его своими произведениями просто за ночлег и тепло, так необходимые людям, создававшим если и не прекрасные, но правдивые и интересные произведения искусства.

Как-то весной уже у других моих знакомых мне устроили ночлег по всем правилам гостеприимства на чердаке двухэтажного дома. Раскладушка находилась у слухового окна, а дом стоял на краю парковой зоны нашего большого города, так что воздух был чист, пахло сиренью, где-то недалеко и еле слышно журчала небольшая речушка.

Часа в три или четыре утра, когда уже начинало светать, я услышал полный панического ужаса вопль кошачьей драки где-то у меня над головой или рядом, и проснулся я оттого, что сам заорал истошным голосом, чем и разогнал дерущихся соперников: наверное, подобный окрик со стороны человека явился для них желанным поводом избежать драки и разбежаться в стороны.

Кстати, это могла быть и не драка. Просто бродячий одинокий кот, привыкший к своему одиночеству на чердаке этого дома, вдруг пришел в ужас и страшно напугался, когда внезапно увидел рядом с собой голову беззвучно спавшего человека, до шеи укрытого одеялом, которое своим цветом сливалось с окружающим полумраком чердачного помещения, из-за чего голова и могла восприниматься отдельно как бы без и вне ее связи с остальным телом.

И в самом деле: кого не повергнет в состояние панического страха и ужаса вид человеческой головы в глубине слухового окна в предрасветном полумраке на чердаке старого кирпичного дома!

Такое зрелище и могло вызвать вопль ужаса у перепуганного животного. Кроме того, я вообще замечал, что из двух участников кошачьего поединка вопит истерическим голосом тот, который больше боится...

Я вспоминаю все подробности этого незначительного события потому, что, по всей видимости, именно с него началось или должно было начаться мое реальное познание тогдашней окружающей действительности. Появилась мысль, которая последовала, которая и возникла после моего ответного крика бры-ы-ы-сь! на чердаке этого дома, в котором жили приютившие меня приятели.

Эта мысль была такова: *что* происходит с внутренней организацией живого существа, которое мыслит, а если оно мыслит, то как живому существу-человеку устроить и обустроить свой внутренний мир для того, чтобы познание окружающей действительности для него совпадало с интересами существования этой действительности и не противоречило бы этой действительности и ее существованию.

Эта мысль сформулировалась в следующем виде: сколько ты получил (имеется в виду энергетически), столько же ты и должен отдать, оставив у себя память об этом.

И для того должен отдать сколько получил, чтобы не оставить в себе какую-либо энергетически избыточную патологию, или энергетически избыточную недостаточность.

Кстати, большинство болезней, свойственных человеку, происходит потому, что он вовремя не смог отдать или лишь частично отдал внешне пришедшую к нему энергетическую посылку или воздействие.

И уже после, с течением времени, пришло и объяснение значения этой мысли: в ней мы имеем дело с нематериальной основой протекания и осуществления материально-физических процессов, а носителем этой нематериальной основы и является человек, человеческий субъект,

– но не как биологическая индивидуальность, а как организующее начало процессов жизнедеятельности,

– и в этом своем качестве являющийся носителем поля существования и осуществления взаимоотношений и взаимодействий, и, следовательно, являющийся олицетворением действительной,

– а не кажущейся социальной сущностью, представляемой индивидуально и лично

– в исключительной ее полноте.

Потому что действительная социальная сущность может быть представленной и представляемой в исключительной ее полноте – не социально, а индивидуально и лично.

От знакомых моих знакомых – к третьим моим знакомым, у которых в это время я находился, последовал телефонный звонок, на другом конце провода поинтересовались, не имею ли я чего-либо против простого физического труда, и если нет, то приглашали меня прийти во столько-то туда-то и туда-то и встретиться с человеком, с которым я еще не был знаком, но по рекомендации которого меня могли бы принять на эту простую физическую работу.

Тон этого телефонного разговора был совершенно спокойным и ненавязчивым, но в нем каким-то образом чувствовалась абсолютная уверенность в моем согласии на такую работу: у меня ничего не спрашивали, ничего не предлагали, а просто как будто меня взяли за руку и совершенно безропотного привели туда, где как будто меня уже давно ожидали.

И мы пришли вместе с встретившим меня человеком в церковный двор при большом православном храме, где сбоку у забора находилась деревянная одноэтажная постройка, похожая на складское помещение, в которой сидел пожилой человек, как мне позже сказали, помощник старшего администратора.

Этот человек спросил только мое имя, не стал спрашивать фамилию или какие-либо документы, но, видимо, по моему достаточно истощенному виду кое-что обо мне заключил и сказал, чтобы я пошел на кухню и от его имени передал, чтобы меня накормили. А после чтобы я его нашел и он мне покажет фронт моей будущей работы.

Так и начался мой испытательный срок. Двор был большой, в нем всегда было много работы, и с привычки в первые дни я прилично уставал.

И одно из первых впечатлений моих о новой форме моей занятости, заставившее меня о многом задуматься, было вызвано следующей ситуацией: работал я, добросовестно убирая двор, но иногда останавливался передохнуть. И тут появлялся старший администратор, молча проходил мимо, никаких замечаний не делал, но его поза, походка и еще что-то неуловимое не то чтобы обязывало, но подсказывало мне о необходимости продолжать работу.

И я продолжал. Через некоторое время я снова делал передышку, чтобы, как говорят в этих случаях, перевести дух. И тут снова появлялся старший администратор.

И так продолжалось довольно долго, несколько дней подряд.

И было о чем задуматься: выкладываешься изо всех возможных сил, а впечатление о тебе создается как о бездельнике.

Однажды помощник администратора поручил мне кроме ежедневной уборки выполнить еще одну работу – произвести уборку и собрать мусор вокруг кустов, посаженных внутри двора вдоль решетчатого забора, возведенного из материала художественнойковки еще дореволюционного производства.

А дело было весной, из-под таявшего снега выступало все то, что за зиму набросали сквозь чугунную решетку ограды. Задание же состояло в том, чтобы убрать весь мусор от угла двора до калитки. Но несколько метров кустарника продолжалось вдоль забора и дальше, и я решил сделать уборку и там, как бы перевыполняя порученную мне работу.

С ветвей кустарника я снял какую-то проволоку, положил ее в карман и сразу же о ней забыл, потому что заметил, что через стекло обычно запертой двери бокового входа в храм за мной внимательно наблюдает старший администратор.

Все эти мелкие детали первых дней моего испытательного срока врезались в память потому, что с ними оказались связанными следующие два события.

Первое: первоначальная ситуация, когда я выглядел бездельником несмотря на свой добросовестный труд, преломилась на полную свою противоположность: я по-прежнему делал передышки между часами физической работы, но только теперь делать эти передышки мне никто не мешал, даже наоборот: стоило мне взяться за инструменты – лопату, тележку или метлу – как сразу же откуда-то появлялся старший администратор, но с его стороны это было не наблюдение, а скорее всего своеобразное, молчаливое, доверительное общение со мной. Вероятно, он зачислил меня в хорошие, надежные работники. Я почувствовал, что теперь за мной никто не наблюдает. Это было для меня большой помощью.

Так что противоположность этой ситуации по отношению к первоначальной выражалась в том, что теперь при желании можно было оставаться фактическим бездельником, но иметь при этом репутацию трудолюбивого работника.

Второе событие: проволока, которую я нашел в мусоре и положил в карман, а затем о ней забыл, оказалась, когда я ее очистил от грязи, тонким золотым колечком с незатейливым узором, пропиленным в одном месте кустарным способом.

Конечно, я был окрылен этой находкой, но не потому, что она представляла собой какую-то материальную ценность (ценность ее была пустяковой). Я воспринял эту находку как знак благоговения свыше на чистый и бесхитростный человеческий труд.

Ведь правда же: этой должности никто не позавидует; в этой должности человек с никакими материальными ценностями дела не имеет, но при этом выполняет, в условиях города в особенности, может быть, самый важный или один из самых важных видов или форм человеческого труда; дохода от этой работы почти никакого не имеет, но при всем этом находится на самом нижнем этаже иерархии человеческой вертикали власти, он подчиняется всем вышестоящим этажам этой иерархии, а ему уже никто не подчиняется, так как под ним находится только земля, понимаемая иногда как своеобразный фундамент этой трудовой вертикали власти.

В этом качестве и на этом месте я и проработал около десяти лет.

За эти десять лет человеку, находящемуся на этой моей работе, можно было узнать многое, ибо эта работа находилась как раз на границе, посредством которой церковь отделена от государства. Можно даже сказать, что человек этой должности как раз и находился на самой этой границе и мог судить о том, что происходит по одну ее сторону, с точки зрения ценностей, принятых или существующих по ее другую сторону.

И о том, что происходит по другую ее сторону – судить со всей возможной точки зрения ценностей, существующих на первой стороне.

Тем более, если государство имеет или испытывает тенденцию быть или стать государством тоталитарного способа или принципа своей организации.

Прежде всего о самой этой границе. Почти на самой поверхности лежит та очевидная истина, что граница эта отделения церкви от государства существует для церкви, а не для государства, и государство почти беспрепятственно может вникать во внутренние дела церкви, а церковь вникать во внутренние дела и внутреннюю организацию государства органически не может; не может, да и не желает.

И в этом положении дел можно усмотреть совершенно отчетливые закономерности.

А дело в том, что церковь наконец усвоила, что вполне можно позволить государству вмешиваться в дела церкви просто по той элементарной причине, что вмешиваться оно может только в государственную сторону того, что существует или может существовать внутри церкви, то есть в материальную сторону ее существования, а в идеологическую сторону организации и существования церкви государство вникать и вмешиваться органически не может, как говорят иногда в подобных случаях, потому что в идеологической и организационной стороне существования церкви государство ни бельмеса не смыслит.

И вот наконец, когда церковь усвоила эту элементарную истину, она позволила государству вникать во все то, в чем государство могло оставаться или могло считать себя компетентным в своем вмешательстве во внутренние дела церкви.

При этом позиция, и можно сказать, само существование человека на границе этого разделения, на границе, которую с достаточным основанием можно определить как полупроницаемую, как границу полупроводимости,

– связано с определенными трудностями и даже лишениями,

– ведь с точки зрения каждой стороны, человек, находящийся на границе этого разделения, пользуется преимуществами или даже привилегиями, предоставляемыми ему с противоположной стороны, и поэтому эта сторона и не думает предоставлять ему каких бы то ни было благ, или преимуществ,

– может быть лишь за исключением самого минимального минимума,

– но со своей стороны нагружает его обязанностями, которые ею сформулированы исходя из своих представлений о всем, что происходит по другую сторону этой границы.

В результате человек, находящийся в этой ситуации или на этой границе, ни с той, ни с другой стороны никаких особенных благодеяний не получает, а нагрузку и требования должен выполнять, предъявляемые ему и с той, и с другой стороны.

Конечно, это трудно, но это есть вполне достойная плата за то, *что и как* он может узнать о той и другой стороне, об их знании друг о друге, об их взаимоотношениях между собой.

А церковь могла бы вмешиваться в дела государства, или вникать, тем более что понятие или понимание вмешательства и проникновения для государства и церкви есть понятия и понимания совершенно противоположные и несовместимые.

Церковь могла бы вмешиваться и вникать во внутреннюю структуру и внутренние дела государства, но для этого она должна была бы преодолеть в себе эту государственную часть – или государственную сторону уже своей внутренней организации и сущности.

В этом плане и приоткрывается для нас некоторая возможность выяснить

– а в чем же и как церковь могла бы преодолеть в себе эту государственную составляющую?

В чем и как она могла бы (или смогла бы) преодолеть в себе эту, в общем-то чуждую для самой себя часть?

– для того, чтобы практически участвовать в обеспечении благосостояния и государства с его многочисленным народонаселением, но и себя самой представляя собой народонаселение государства? Другими словами, какого рода своими собственными усилиями и без какого-либо воздействия извне церковь могла бы в приемлемой форме изменить или реорганизовать себя

внутренне, чтобы беспрепятственно вникать во внутренние дела и внутреннюю организацию государства?

То есть точно так же, как государство, проникая и вмешиваясь во внутренние дела и внутреннюю организацию церкви, в попытках проникнуть и в идеологическую сторону существования церкви, встречает в этих своих попытках проникновения

- совершенную пустоту,
- а некоторый эффект от своего проникновения может испытывать проникая лишь в государственную сторону того, что существует внутри церкви,
- то точно так же, если церковь преодолевает в себе эту государственную сторону или часть своей сущности, или своего существования,
- то сможет проникать во внутреннюю организацию или внутреннюю сущность государства,
- так сказать, совершенно не затрагивая его государственность. И государство совершенно не сможет как-либо воспринимать или как-либо отвечать на проникновение церкви во внутреннюю организацию и внутреннюю структуру государства, а государство при этом, оставаясь государством, просто утратит свою агрессивность и во внешней, и во внутренней своей политике.

Государство не будет воспринимать это явление проникновения церкви во внутреннюю структуру государства, оно просто будет знать об этом как о совершившемся факте, но органически утратит основное в себе, то, посредством чего оно всегда действовало и в чем воспринимало в себе свою сущность, а именно воинственность и агрессивность, которые, вообще-то говоря, и держатся, и существуют на основе государственно-материалистического понимания причинности...

Причем, если воинственность и агрессивность прямолинейно и открыто признаются государством в качестве своей сущности, и в качестве государственной идеологии, оно принципиально недолговечно.

Исторический опыт существования государственности красноречиво об этом и свидетельствует.

Но государства пытаются претендовать на долголетие, причем чем агрессивнее и воинственнее они, тем основательнее и жестче, и тогда они начинают делать попытки представить себя или представлять себя как источник благополучия и благосостояния. И они начинают верить общественное мнение в том, что они – источник добродетели, хотя раньше, в прошедшие времена, они гордились своей жестокостью и неприкрытой воинственностью.

И уже одно то, что уже в наше время государства пытаются скрывать свою агрессивность под маской доброжелательности, говорит о скором исчезновении насилия в нашем Мире и из нашего Мира.

Но вернемся к этому направлению размышлений о существовании этой границы разделения церкви от государства.

Человек, по своей должности находящийся как раз и непосредственно на этой границе, для людей, так или иначе связанных с государством, является олицетворением или по крайней мере представителем церкви.

Для большинства же людей, непосредственно вовлеченных в богослужебную деятельность внутри церкви, человек в этой должности является представителем или даже олицетворением государства.

Примеров, подтверждающих это положение дел за время моей работы в качестве церковного сторожа было достаточно много.

Однажды подошел ко мне человек и сказал, что желает со мной поговорить.

Был уже вечер, служба в храме закончилась, дневное задание было мной выполнено, и я находился в сторожке, стоявшей вне храма у ворот в церковный двор.

Ворота были заперты, а окно сторожки выходило на улицу. К форточке подошел человек, желающий поговорить со мной. Я вышел к нему на улицу.

Он рассказал, что уже почти целый день находится здесь, около церкви, хотел поговорить со священником, но у него никак не получается. «Я мог бы поговорить с тобой, – сказал он, – я же видел, что ты добрую часть дня кувыркался в пыли, убирая улицу, двор вокруг храма». Я пригласил его в сторожку. Человек продолжил свой рассказ: «Я только что освободился. Все, что они мне дали на дорогу, – это бумажка на бесплатный проезд. Жилья у меня нет, на работу не принимают. А я слышал, что существует такая форма разговора или обращения к священнику – благословение, но на что я могу спросить у него это благословение? На то, чтобы продолжать нищенствовать? Или на то, чтобы с какого-то прилавка стащить бутылку и снова угодить в тюрьму? И как я к нему подойду, если знаю, что от меня исходит плохой запах? Получить благословение на то, чтобы меня где-либо приняли на работу – бессмысленно, ведь в подобном благословении не существует предмета для благословения и возможность быть где-либо принятым на работу совершенно от меня не зависит, и от того, что я могу получить на нее благословение – тоже». Мне же подумалось: скорее всего в благословении нуждался бы его потенциальный работодатель.

«Я еще слышал, – продолжал он, – что существует и еще другая форма обращения или общения со священником, которая называется исповедь. Но о чем я могу исповедоваться у священника – о том, что я нищ и убог? Я и так нищ и убог, а исповедоваться в этом означало бы для меня удвоение моего нищенства и убожества, и было бы для меня издевательством, которого я достаточно натерпелся в тех местах, откуда только что освободился...»

Я поделился с ним едой, которая у меня была, и дал ему немного денег, хотя бы для проезда по городу. И я совершенно убежден в том, что человек этот ушел от меня, зная, что Бог существует, что есть и существуют люди, которые Ему верят...

Был и другой случай, когда настоятель выводил из бокового входа в церковь женщину, которая ругалась на него плохими словами, а он крикнул мне через церковный двор: «Дежурный! Выведите эту женщину за ворота!», – и ушел обратно в храм; ведь вывести кого-то за дверь или за ворота не является, как говорят, прерогативой непосредственно священнослужителей, но государства, то есть, значит, сторожа или охранника, служащих при храме.

Я подошел к ней и спросил, в чем дело, и она ответила мне, что настоятелю кто-то из прихожан пожаловался на нее, что она во время богослужения приставала к людям. «А я не приставала ни к кому, – говорила она, – просто спросила у кого-то, не могут ли мне помочь чем-то с ребенком». А у нее на руках была девочка лет пяти, и по ним было заметно, что достатка эта семья никакого не имеет, нет и жилья, то есть крыши над головой тоже, потому что ее родственники-коммунисты, как она мне потом сказала, выжили ее вместе с ребенком из комнаты в коммунальной квартире, и забрали эту комнату себе, а она теперь ездит по стране вместе с ребенком, договариваясь с проводниками, просто за то, что выполняет любую работу в вагоне, пока поезд идет; ездит она по монастырям на Северный Кавказ, в Среднюю Азию или Прибалтику: одну-две недели проводит там, выполняя какую-либо работу послушников в храме при монастыре. Ее и ребенка там кормят, дают какую-то одежду из той, что приносят прихожане.

И затем едет таким же образом в другое место, в другой город или район.

В нашем храме, где я был сторожем, она с ребенком появлялась раз или два раза в год. Однажды она приехала и пришла в храм в каракулевым пальто немного не по размеру, да и такая вещь давно вышла из моды.

И я понял ее проблему: она не умела и не могла просить милостыню, она просто, научившись неплохо разбираться в людях, находила человека из прихожан, о котором с уверенностью предполагала, что ее выслушают, не отвернутся от нее и не обругают.

И тогда она подходила к человеку, ни о чем его не просила, но давала понять, что она с ребенком, и что она нуждается.

Это я понял уже тогда, когда услышал ее ругательные слова в адрес настоятеля, которого она обзывала коммунистом.

Я ей немного помог. Ее благодарность при этом не знала границ, так что я чувствовал определенного рода неловкость: благодарила она меня, обращаясь к Богу, не за то, что я ей чем-то помог, но за то, что я предложил ей какую-то помощь, не дожидаясь того, когда она об этом попросит. То есть, за мое понимание того, насколько ей трудно и даже невозможно просить подаяние, продолжая тем не менее нуждаться в нем.

Молитва этой женщины оказалась очень сильной. Каждый раз, когда я ей очередной раз чем-то помогал, то потом, утром, при уборке территории двора или улицы я находил или деньги, или какие-то брошенные или забытые вещи, которые за их неостребованностью приходилось оставлять у себя. Их ценность превосходила мою помощь этой женщине. Однажды после ее посещения я нашел в мусоре, в старой обертке, пакет с небольшим количеством старых медных монет еще царской чеканки. А в какой-то другой раз подобным же образом нашел небольшой сверток, в котором оказался материал, называемый словом «двойник»: это были небольшие листы, штук двадцать, каждый в отдельной обертке, толщиной с папиросную бумагу, пластины наполовину из серебра, наполовину из золота, на упаковке значилась дата конца позапрошлого века. Это был материал для художественной отделки охотничьего оружия: материал этот наносился на сталь, в результате мог получиться узор двух цветов – желтого и белого – по замыслу художника, использовавшего этот материал. Такого рода узоры были обычными украшениями металлических предметов у жителей восточной части кавказских гор...

Время шло год за годом, и как-то эта женщина приехала в нашу церковь одна и на мой вопрос – почему? – ответила, что ее девочку убили в какой-то станице Краснодарского края. Девочке тогда уже было лет пятнадцать-шестнадцать...

Был и такой курьезный случай.

Как-то летом пришел в церковный двор человек в одних носках и обратился ко мне со словами: «У меня украли ботинки, когда я ехал в электричке, дайте мне какую-нибудь обувь».

Я ответил ему, что ни у меня, ни в храме обуви нет, никто не приносит из прихожан за последнее время, да и тем более, что церковь не считает себя благотворительной организацией. (А для себя я отметил, что, видимо, этот человек спал в электричке на скамейке для пассажиров и для удобства снял свою обувь и задвинул ее под скамейку.)

Тогда человек этот спросил с полной непосредственностью простого человека: «А в чем же я буду ходить?» Я ему ответил: «Так что, может быть, отдать тебе мои?» Человек этот посмотрел на мою обувь и заметил: «Да нет, они мне, пожалуй, окажутся маловаты». А я у него в ответ поинтересовался: «А что, если бы подошли, то взял бы?»

На этом наш диалог закончился...

Гола через полтора моей работы при храме я набрался смелости и обратился к старшему администратору, не позволит ли он мне ночевать в перерывах между сменами в церковном подвале, а со своей стороны я готов был помогать другим моим сменщикам в работе по двору, в особенности в зимнее время, когда много выпадало снега и одному человеку было совершенно не под силу убрать утром от снега весь двор да еще пешеходный тротуар вокруг церковного двора и храма.

Кроме того, я брался выполнять и роль второго сторожа в ночное время в случае каких-либо неприятных и непредвиденных ситуаций.

Я получил согласие и принялся обустроить подвал, в котором и просуществовал два года.

Подвал представлял собой небольшой ширины коридор со сводчатым потолком и небольшим кирпичным возвышением в конце этого коридора, так что это возвышение могло находиться как раз под серединой главного помещения храма.

Это возвышение было прежде большой печью кирпичной кладки, для внутреннего обогрева помещений храма зимой посредством целой сети дымоходов под полом храма, видимо, и внутри колонн, и в стенах. И все это было дореволюционной постройки, когда водяное отопление было большой редкостью в нашей стране.

Интересно, что слева от этого коридора и, видимо, на одном уровне с ним, под полом храма, было несколько захоронений заслуживших такие почести выдающихся людей и деятелей церкви в прошлом; совсем рядом, в нескольких метрах от этого захоронения, на месте прежней печи я и устроил себе свой ночлег.

Необыкновенное умиротворение можно было испытывать иногда, когда ночью с выключенным освещением и в полной темноте вслушиваться в завывание ветра в дымоходах, в особенности зимой и во время вьюги – это был один и тот же сложный звук, то затихающий, то возобновляющийся, состоящий из нескольких тонов одновременно, напоминающий нечто похожее на военно-морской форс-мажор, где слышалась печаль по уходящей жизни, одновременно ощущалась космическая даль казавшегося вполне очевидным загробного существования.

Очень хотелось этот звук записать, но не было у меня необходимого оборудования, а звук напоминал звучание органа, и был прекрасен сам по себе, никакого музыкального сюжета в нем не слышалось, прекрасен был один только тембр, и это можно было сравнить только с отвлеченной живописью, где красивым был не сюжет, не содержание, а набор цветов в каждом отдельном цветовом сочетании...

Не исключено, что идея органа и органной музыки родилась в период строительства католических храмов в Западной Европе еще в самом раннем Средневековье – с высокими шпилями и, разумеется, с печным отоплением и разветвленной сетью дымоходов в стенах и колоннах: ни о каком другом типе отопления таких громадных сооружений в те далекие времена и речи никакой быть не могло. А тяга в этих дымоходах различной длины, с различными изгибами и различной шириной была необыкновенно сильной. Достаточно обратить внимание на стометровую высоту труб тепловых электростанций современности. В дымоходах католических храмов старинной постройки рождались необыкновенной красоты звуковые сочетания...

...достаточно обратиться к этой индустриальной картине современности, чтобы оценить изобретательность мастеров, вслушивавшихся в это первоначальное звучание, казалось бы, самого по себе раннего Средневековья...

...природа же выдавала гениальных мастеров, создававших впервые эти величественные и великолепные орудия и инструменты воспроизведения божественных звуков и мелодий.

Однажды одна пожилая женщина, работавшая на кухне и готовившая обед для рабочих и работников храма, не то, чтобы попросила, а именно сказала мне, чтобы я пустил в этот подвал переночевать несколько ночей знакомого ей человека из какого-то храма, находившемся в каком-то далеком сибирском городе.

Женщина эта была суровой и, как правило, молчаливой, далеко не часто заходила в храм на богослужение, так что складывалось впечатление, что молитва для нее была святым делом, к которому можно было прибегать только оставаясь в одиночестве, а свою службу Богу она видела, как это представлялось тогда, именно в своей работе на кухне, участвуя в богоугодном деле обеспечения работающих в храме людей всем необходимым для их работы.

Было понятно, что словам, в том числе словам о Боге, она предпочитала конкретные дела, не являвшиеся непосредственными делами веры, но бывшими условием существования для людей веры.

Человек, о котором она мне сказала, оказался по-своему очень интересным. Я предоставил ему узкую скамейку, нашел что положить под голову и чем укрыться ночью.

Собственно, особенно интересного в этом человеке ничего не было, за все несколько ночей, которые он провел в подвале, мы обменялись едва ли одной-двумя парами слов. Интересным в

нем было другое: когда я выключал свет, то увидел, что в корзине, которую он почти все время с собой носил, светится какой-то огонек...

Я потом посмотрел, что это было такое.

Это была лампада, стоявшая на дне алюминиевого бидона, с отверстиями, чтобы проходил воздух и был виден свет. Рядом с бидоном в корзине находилась бутылка с лампадным маслом, и человек этот постоянно это масло подливал в лампаду по мере его выгорания.

И лампада эта горела и светилась у него постоянно и непрерывно, где бы он ни был, куда бы и на чем бы ни ехал, так что эту зарисовку нашей действительности мне хотелось бы обозначить заглавием «Просветитель».

Этот человек, по всей видимости, мог быть и неграмотным, но везде, где он был, он всюду символически распространял свет как молчаливую молитву.

Он везде, где бывал (а он ездил по всей стране, также договариваясь с проводниками или водителями), везде создавал своеобразное молитвенное поле.

Свойства такого молитвенного поля известны: человек, попадая в это поле, испытывает состояние совершенно беспрепятственной возможности совершать добрые дела и поступки, на которые у него далеко не всегда доставало мужества в таких ситуациях, когда добродетель вызывала подозрительность или даже насмешки, а порой и издевательства со стороны людей, не верящих в человеческую искренность.

С другой стороны, если в такое поле попадал обычный злонамеренный человек, он начинал испытывать притеснение своей свободой совершать злые поступки и действия, что вызывало у него раздражение или злобу по отношению к тому, кто был носителем этого поля или его источником. Но он был бессилен против молитвы.

Аркадий ШТЕЙНБЕРГ

«Я РАБОТАЮ ВОВСЕ НЕ ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ ЗНАЕТ ЯЗЫКА»

Три вечера у Александра Кривомазова (1980–81 гг.)

Запись вечеров – Александр Кривомазов. Оцифровка – Илья Симаковский. Расшифровка, комментарии, вступление – Владислав Резвый, Илья Симаковский

Во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов физик, фотограф и мемуарист Александр Николаевич Кривомазов (1947–2024) проводил на своей квартире литературные чтения. В воспоминаниях о поэте, переводчице и художнике Аркадии Акимовиче Штейнберге (1907–1984) он свидетельствует: «Несколько его <Штейнберга – В.Р., И.С.> вечеров записаны с хорошим качеством на наш катушечный магнитофон, который я приобрел с некоторым опозданием <...>¹».

После каждого литературного квартирника Кривомазов просил выступавшего автора оставить датированный автограф. Эти автографы он затем подшивал в альбомы вместе с собственными фотографиями, сделанными на квартирниках. В альбомах Кривомазова зафиксировано пять выступлений Аркадия Штейнберга. От первых двух, прошедших 2 апреля и 24 декабря 1977 г., остались только три записанных автором в альбом стихотворения, свидетельствующих о том, что Штейнберг читал на вечерах как переводы, так и оригинальные стихи. От последующих трех вечеров, кроме автографов и фотографий, остались магнитофонные записи, сделанные хозяином квартиры. Фрагменты расшифровок этих фонограмм из личного архива Кривомазова, недавно оцифрованных И. Симаовским, мы и представляем в настоящей публикации.

Первый из вечеров датируется 12 апреля 1980 г., он был поделен между Аркадием Штейнбергом и Евгением Рейном. Вечер был посвящен собственным стихам поэтов; Рейн читал первым, Штейнберг – вторым.

Вечер, прошедший 27 января 1981 г., почти полностью занимает чтение переводов с различных языков, а также поэмы «К верховьям» – тагнит орус Штейнберга-поэта.

Третий вечер, состоявшийся 21 февраля 1981 г., был целиком посвящен рассказу Штейнберга о переводе «Потерянного рая» Джона Милтона и чтению отрывков из него.

К счастью для нас, кроме собственно авторского чтения стихов и переводов все три записи сохранили монологи и ремарки Штейнберга о его жизни и творчестве, а также его ответы на вопросы слушателей. Остается сожалеть, что на пленках не зафиксированы рассказы Штейнберга о лагерном периоде его жизни, о его переводческом семинаре, «о стране, о Сталине, о нашем национальном характере» и другие, о которых вспоминает Кривомазов². Вероятно, эти темы поднимались на предыдущих квартирных вечерах – их устроитель сожалел, что магнитофон «приобрел с некоторым опозданием». Однако и то, что сохранилось, представляет большой интерес как для биографов и почитателей Штейнберга, так (мы надеемся) и для более широкой аудитории.

Есть планы выложить в скором времени полные аудиозаписи всех трех вечеров Аркадия Штейнберга, сопровождаемые полными же расшифровками, в электронной библиотеке Андрея Никитина-Перенского «Iwterden». Здесь мы предлагаем читателю только самые интересные отрывки, сопровождаемые нашим комментарием.

Поскольку к ряду тем, затронутых на первом из вечеров, Штейнберг возвращался на последующих двух квартирниках, мы решили организовать отрывки не хронологически, но сделать дай-

¹ Кривомазов А. Каменная гора // Воспоминания об Аркадии Штейнберге: он между нами жил... / [сост. В. Перельмутер]. М., 2008. С. 320.

² Там же. С. 321.

жест, где последовательность сюжетов более или менее упорядочена по смыслу. Чтобы зафиксировать места переходов между отрывками из разных квартирников, мы используем обозначение [...], при этом сноски перед ним указывает, откуда взяты все предшествующие ей отрывки. Для удобства чтения купированы некоторые повторы и необязательные реплики, сделаны небольшие перестановки слов и другие малозначительные правки. В местах, где пропуски были, на наш взгляд, существенны, как и в местах, где идущие подряд отрывки из одного вечера располагаются не в хронологической последовательности относительно друг друга, мы использовали обозначение <...>.

Чтобы немного оживить это сухое предисловие, не откажем себе в удовольствии привести крошечный эпизод – воспоминание Кривомазова, не вошедшее в его мемуар о Штейнберге «Каменная гора», цитированный выше. На одном из квартирных вечеров автор и его слушатели спустились перекурить на лестничный пролет – к открытому окну. Табачный дым потревожил некое начальственное лицо, привыкшее в подобных случаях не церемониться.

Кривомазов рассказывал:

«Выскакивает жирный дядька, который построил этот кооператив. Девятиэтажный дом, его организация, он там партсекретарь... И он на публику, – поэты, переводчики, – которая стоит и мирно обсуждает какие-то мировые проблемы, – понесся со своими угрозами. А внизу стоял Аркадий Акимович Штейнберг, лагерник. Который пятиэтажным матом ему прямо в глаза – тыдыдых!» Начальственное лицо постыдилось ретироваться с неправдоподобной скоростью. «Это надо было видеть, потому что... он даже не подозревал, что такие слова существуют в таких комбинациях!»¹

Пусть этот рассказ не введет читателя в заблуждение относительно манер Аркадия Штейнберга, который в общении со слушателями был неизменно доброжелателен, мягок и куртуазен.

Владислав Резвый, Илья Симановский

О начале литературной работы и искусстве перевода

Аркадий Штейнберг (далее – АШ): ...так называемый перевод стихов и что я в этой деятельности нахожу для себя, почему я этим занимаюсь. Я начинал свою литературную работу, напечатав свои стихи в «Литературной газете».

<...> Впервые-то я напечатался в 1927 году, батюшки мои. Мне было двадцать лет. И я очень много и очень активно печатал свои стихи в самых центральных всяких журналах и где хотите. И в «Новом мире», и в «Красной нови»...² В общем, где угодно. И вот однажды я напечатал стихи в журнале «Красная новь». И попал я в непонятное³. А именно, как раз тогда началась такая... Серия такая или такая <нрзб>, в общем, борьба с формализмом. И почему-то мои стихи, в которых не было никакого формализма, за исключением только того, что там не было рифмы... Мой друг Женя Долматовский и моя добрая приятельница, даже почти родственница, Рита Алигер выступили против меня как против врага номер один в смысле формализма⁴. И я никак не мог и до сих

¹ Из неопубликованного интервью Кристины Сафоновой с Александром Кривомазовым (2018 г.).

² Нам известно лишь о пяти стихотворениях АШ, опубликованных до 1937 г.: «Командир запаса» (Литературная газета. 1929. № 34, 9 дек. С. 2), «Волчья облава» (Литературная газета. 1930. № 12 (49), 24 марта. С. 3), «Стихи о совхозе» (Земля и фабрика: Альманах. Кн. 9. 1930. С. 226–228), «Могила неизвестного солдата» (Молодая гвардия. 1933. № 8. С. 62) и «Спиной к движенью – лежу неподвижно...» (Красная новь. 1935. № 12. С. 176; см. о нем далее), в свете чего слова АШ о том, что он «много и очень активно печатал свои стихи», выглядят некоторым преувеличением.

³ Жаргонное выражение, обычное для лагерной среды, с которой АШ, отбывший по политическим статьям два срока (1937–39 и 1944–1952 гг.), был знаком не понаслышке.

⁴ Возможно, АШ имеет в виду, что поэтесса Маргарита Иосифовна Алигер (урожд. Зейлигер, 1915–1992),

пор не могу понять, почему они вцепились в меня в этом смысле. Но меня перестали печатать тут же. Главное то, что Долматовский, его выступление, в ходе которого он полностью процитировал это несчастное... одно из стихотворений, которые там... Это все его выступление было полностью напечатано в «Литгазете», в том числе это стихотворение, я даже хотел у них гонорар потребовать. И меня просто перестали печатать¹.

Я повернулся на одной ножке и думал, что же делать. И тогда Георгий Аркадьич Шенгели, который был тогда редактором в отделе литературы народов СССР в Гослитиздате², сказал: «Знаете что, Аркадий, давайте мы попробуем – займемся переводом». Ну, я решил – давай<те> займемся переводом, раз так стоит вопрос³. И занялся я, действительно, переводом. Потом через некоторое время я втравил в это дело небезызвестного Арсения Александровича Тарковского, с которым мы тогда очень близко дружили. Относился я к этой деятельности совершенно nonchalantски⁴: ну, переводы и переводы. Переводили мы разных народов СССР, которые вообще плохо тогда умели писать еще. Мы много присочиняли там разных штук. Короче говоря, это был такой веселый род деятельности. Я тогда был молод, полон сил и мог шпарить строк по сто пятьдесят за добрый рабочий вечер. Но каким-то образом и почему-то вдруг я почувствовал, что вообще можно иначе к этому делу подойти. Ну, я не буду рассказывать, почему, как и отчего...

Постепенно я понял, что стихи – настоящие стихи больших поэтов или вообще стихи, в которых есть поэзия, а не просто версификация, – перевести на другой язык вообще нельзя. Как нельзя одного человека перевести в другого человека – это просто физически невозможно. Стихи существуют только в том языке, в котором они созданы, потому что это – явление языка прежде всего. Так же как сам язык есть явление душевной жизни людей и народа. И они существуют только в том языке, в котором они написаны. То, что мы называем переводом, – это, конечно, не перевод. Перевести можно статью из газеты, перевести можно учебник, перевести можно... и то, насчет перевода прозы у меня тоже есть большие сомнения. Я прозой писать не умею, сам никогда не писал. Но я подозреваю, что перевести можно только сюжет, то есть информацию о содержании. А если это произведение прозы такого писателя, как, скажем, Бунин... Это перевести можно, но только можно перевести какую-то информацию, о чем он рассказывает. А магию слова бунинского – ее нельзя перевести, а что-то надо другое с этим сделать.

А что же делать? И вот, оказывается, то, что мы называем художественным переводом или переводом стихов, – это не перевод. Вы можете только создать образ оригинала, а не сам ори-

как и Штейнберг, происходит из одесской еврейской семьи. Благодарим за консультацию Вадима Перельмутера.

¹ Ср.: «Наши редакторы недостаточно бдительны. Я приведу один пример: в двенадцатой книге “Красной нови” напечатано возмутительнейшее стихотворение Аркадия Штейнберга: <приводится ст-ние «Спиной к движению лежу неподвижно...» без ст. 5–8>. Герой наделен, как видите, “человеческими” чертами: он пьет теплую водку и целует дрожащую фельдшерницу. (*В зале смех и шум*). Ведь это клевета на советского молодого человека. Я нарочно остановил внимание такого собрания на этом маленьком факте потому, что таких стихов еще много, и они пролезают на страницы журналов» (Против равнодушия и халтуры: Из речи тов. Е. Долматовского // Литературная газета. 1936. № 17 (580), 20 марта. С. 2; фрагменты из речи на Третьем общемосковском собрании писателей 16 марта 1936 г., опубликованы вместе с фрагментами речей Н. Асеева, В. Инбер, Д. Мирского, А. Суркова под общим заглавием «О формализме и натурализме в литературе»).

² Поэт, переводчик и стиховед Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) служил редактором отдела творчества народов СССР и секции «западных классиков» Гослитиздата с августа 1933 г. до начала Великой Отечественной войны.

³ Хронология событий представлена здесь не вполне точно: первые переводы Штейнберга появились в печати как минимум за год до разгромной речи Долматовского, произнесенной в марте 1936 г. В частности, 3 февраля 1935 г. в «Известиях» появились стихи Радле Стийенского в переводе Тарковского и Штейнберга. В том же 1935 г. вышла книга Стийенского «Партизаны на Дурмиторе», также переведенная Тарковским и АШ.

⁴ От *nonchalant* (англ., фр.) – небрежно, нерадиво.

гинал. Точно так же, как если вы пишете в стихах о закате, или о реке, или о лесе, или о любви, – вы только даете образ этих вещей, вы в слове не можете непосредственно восстановить явление природы. Только образ. А образ оригинала можно создать. То есть эту игрушку надо совершенно сломать, ее надо пережить внутри, и опять из себя сделать это. И если в оригинале поэт пишет о лесе, о реке, о небе, о горах, то, по существу, переводчик так называемый берет материал – вот этот лес, горы и так далее – уже из своей собственной... из того, что он сам видел. Конечно, я видел и лес, и горы, и всякие вещи, и небо, и закаты... И по существу это делаешь все своими словами.

Если вы возьмете мой так называемый перевод «Потерянного рая» Милтона, если вы знаете хорошо английский язык и вы положите перед собой оригинал Милтона, то вы увидите, как мало слов Милтона перешло – словарных слов, то есть таких, которые можно по словарю узнать, – как мало слов Милтона вошло в мой текст. Очень мало, может быть, двадцать процентов, я не считал, но мало. Потому что я это все писал своими словами, так, как мне это было удобно, как мне надо было передать мысль или картину, которую Милтон описывает. Я это все делал вовсе не перенося английские слова на русские, у меня достаточный запас русских слов, и я мог это всё делать так, как это мне было удобно, и так, как это мне по моей художественной или поэтической воле хотелось сделать. Это единственный способ, которым можно воссоздавать произведение, написанное на другом языке стихами.

Поэтому я должен вам признаться, что, занимаясь этим делом, я меньше всего думаю о так называемой просветительской деятельности поэта-переводчика. Я работаю вовсе не для тех, кто не знает языка и не может прочесть что-то в оригинале. Это мне совершенно неинтересно. Вы хотите прочесть оригинал – учите язык. А не хотите учить язык – так читайте русские стихи. «Потерянный рай» в русских стихах – то, что я сделал, – это не произведение английской поэзии. Произведение английской поэзии написано на английском языке. Это явление русской литературы, а не английской. Но это имеет двойное подданство. Вот сейчас, знаете, есть такое явление в гражданской жизни людей нашего времени, когда человек – одновременно подданный Соединенных Штатов и Франции, скажем. В общем, неизвестно, кто он такой. Ну, человек, ходит, у него есть уши, глаза, он пьет, ест, любит, ненавидит и так далее. То же самое и здесь. И я убедился в том, что то, что называется переводной поэзией, – это просто особый жанр оригинальной поэзии, ни больше ни меньше. И если вы читаете произведение – перевод стихотворения немецкого, английского или французского – по-русски, не обманывайтесь. Не обманывайтесь.

Был такой комический случай с Аликом Ревичем, фотография которого здесь у вас висит и который есть мой хороший добрый друг¹. И замечательный переводчик, кстати: я его очень люблю и высоко очень ценю его поэтический дар именно в этом жанре. Однажды, когда было издание Арагона, ему поручили перевести разные вещи. Он перевел некоторое количество стихов, в том числе одно стихотворение – я уже не помню, как оно называлось, но не в этом дело. Дело в том, что оказалось, что это Арагон перевел стихотворение Некрасова на французский язык. Никто не узнал, читая по-французски. Там не было написано, что это Некрасов. И никто этого не узнал, хотя, в общем, это довольно... Потом, когда мы узнали, что это Некрасов, оказалось, что это довольно хорошо сделано Арагоном. Но дело в том, что то, что сделал Ревич, имело такое же отношение к Некрасову, как я имею отношение к экс-императору Бокассе. То есть абсолютно ничего общего не было! Совершенно!² Такой испорченный телефон получился. И, конечно, все это

¹ Александр Михайлович Ревич (наст. имя Рафаэль Михайлович Шендерович; 1921–2012), поэт, переводчик. Неоднократно выступал на вечерах Кривомазова.

² Речь о стихотворении «Подражание Некрасову» из книги «Мои караваны» (перевод А. Ревича см.: Арагон Л. Собр. соч.: В 11 т. Т. 9: Поэзия. М., 1960. С. 441), представляющем собою довольно точный перевод стихотворения Н. Некрасова «Блажен незлобивый поэт...» (1852). Вопреки утверждению АШ, едва ли этот факт ускользнул от внимания Ревича и редактора тома Н. Разговорова: во-первых, на Некрасова есть прямое указание в заглавии, во-вторых, даже первая строка перевода («Блажен благодушный певец...»), курсив в издании 1960 г.) недвусмысленно указывает на русский оригинал, стоящий за французским «подражанием» Арагона. Вопрос о том, почему в таком случае стихотворение

явление, которое мы называем переводной поэзией, было разоблачено совершенно.

Недавно было еще примерно такой же случай, когда Кудинов, который есть человек, по-моему, малоталантливый, он перевел – сделал целую книжку Гийома Аполлинера¹. И абсолютно не заметил – и никто этого не заметил, к сожалению, кроме меня, потом я раз даже с хохотом все это объяснял, – что там одно стихотворение есть – переложение Гийомом Аполлинером известного стихотворения Клеменса Брентано, такого гейдельбергского романтика немецкого, которое называется “Lore Lay”. И вот

<Zu> Bacharach am Rheine
Wohnt eine Zauberin

– так по-немецки. И в общем, он это перевел на французский язык, а Кудинов это перешлепал на русский язык. Получилась, конечно, абсолютная чепуха в результате!² И никто этого не заметил. Вот вам что это такое.

После того как я разоблачил, как фокусник, все мое искусство – что это есть, в общем, не то, что вы думаете, – теперь я могу начать читать свои переводы. <...> Мне бы хотелось вам в числе того, что я буду читать, прочесть какой-нибудь кусок из Милтона, скажем, о сотворении мира – это кусок, который я особенно люблю. Но я не могу с него начать, потому что, если я его прочту, после этого уже ничего нельзя будет слушать. Это настолько, по-моему, невероятно, что... Вообще, такая махина... После этого все будет выглядеть просто детской игрой. Поэтому я сделаю иначе. Сначала я прочту какие-нибудь веселые стихи, а Милтоном закончу. Потому что это невозможно будет прочесть слушать. Так мне кажется, я, может быть, ошибаюсь³.

[...]

Понимаете, для меня работа переводная ничем не отличается от моего собственного так называемого творчества. Я выбираю то, что мне нужно самому сказать, и печатаю это без дальних разговоров. Вы же понимаете, что цензура Ван Вэя не читает: стихи, написанные 1200 лет назад, их мало интересуют. «Потерянный рай» тоже цензура не читала. Главлит читал только предисловие и примечания, больше ничего. <...> Что они, будут Вергилия цензурировать, или Овидия, или Гомера? Они имеют указание этого не делать, оставить в покое.

<...> **Слушатель:** Все-таки есть разница между собственным творчеством и <переводом> или вы должны быть в каком-то смысле рабом, когда вы переводите?

АШ: Нет. Я вам сейчас объясню, в чем здесь ситуация. Дело в том, что вообще стихи перевести невозможно. Мы называем это переводом, потому что нет в русском языке, к сожалению, другого слова. Русский язык – великий язык, но есть у него, как во всяком языке, некоторые удивительные провалы. Например, в немецком языке нет слова, обозначающего материальную часть живого человека, то есть то, что по-русски называется «плоть». У них для меня, для живого тела и для мяса, которое продается в мясной лавке, есть только одно слово – “Fleisch”. И когда

всё же было переведено и опубликовано в составе собрания сочинений Арагона, остается открытым. Благодарим Анну Ямпольскую за помощь в этом вопросе.

¹ *Аполлинер Г. Стихи* / [пер. с фр. М. П. Кудинова]. М.: Наука, 1967. (Лит. памятники). Михаил Павлович Кудинов (1922–1994), поэт, переводчик.

² Стихотворение Г. Аполлинера «Лорелея» в переводе М. Кудинова («К белокурой колдунье из прирейнского края...»; см.: *Аполлинер Г. Стихи*. С. 70–71) положено на музыку Д. Шостаковичем в качестве 3-й части его Симфонии № 14 (1969). Назвать его переводом баллады К. Брентано (в отличие от стихотворения Некрасова-Арагона-Ревича) можно лишь с большой натяжкой: это скорее иронический парафраз или вольное подражание (на что указано в примечаниях Н. И. Балашова: там же. С. 301), на правах оригинального стихотворения включенный в книгу Аполлинера «Алкоголи» (1913). Заметим, что в переводческом наследии АШ есть как минимум один подобный пример – стихотворение Б. Брехта «Литургия ветерка», отклик на знаменитые «Горные вершины» И. В. Гёте.

³ Вечер у Александра Кривомазова 27 января 1981 г.

в Евангелии от Иоанна в переводе Лютера я читаю, что слово было Богом и слово было мясом, у меня волосы встают дыбом. Там “Das Wort war Fleisch”. Нет другого слова, хоть вы на голове стойте. Так и в русском языке нет слова, обозначающего вот это действие¹. Зато немцы давно уже не пишут “Übersetzung” по поводу стихов, а пишут “Nachdichtung”².

<...> Стихи существуют только в том языке, в каком они созданы. Перевести их, то есть слова – это у вас ничего не получится, это получается бесполезная работа. Потому что вот эта форма речи человеческой, которую мы называем стихотворной, обладает рядом свойств, которые не дают возможности ее перекладывать в другой язык. Поэтому то, что мы называем переводом, перевод не есть, а это совсем другой процесс. И далеко не все поэты могут этим заниматься. Например, Пушкин был великий переводчик в этом смысле, или Лермонтов. Но трудно себе представить Маяковского-переводчика, совершенно невозможно, и он никогда этим не мог заниматься. <...>

Евгений Рейн (далее – *ЕР*): Зато Бродский делает другие вещи. Он берет подстрочник и пишет на эту тему новое свое стихотворение.

АШ: Так вот то, что мы называем переводом, – это, по сути дела, подражание, что ли, с большей или меньшей близостью сходства, так я бы сказал. Только и всего.

Слушатель: Но все-таки почему-то вы предпочитаете находить авторов, которые...

АШ: Конечно, потому что я не занимаюсь поэзией по заказу. Я перевожу то, что находится в пределах моего плана творческого, если можно так выразиться, в пределах моих собственных потребностей. Причем я это делаю вовсе не для того, чтобы обязательно напечатать. У меня есть переводы, которые напечатаны через 25 лет после их исполнения. Но я убедился в том, что в общем и целом годы проходят – и в конце концов это где-то публикуется. <...>

ЕР: Аркадий Акимыч, я вот что хотел спросить. Ведь вы переводили вещи, в общем, не очень вам близкие, – какой-то бурятский эпос...

АШ: Вы говорите о «Богатыре на гнедом коне»? Что вы! Это я нашел замечательную книгу, изданную в Якутии, – такой... как вам сказать... филологический перевод этого «Олонхо»³. Прочитав его, пришел в невероятный раж, и захотелось это сделать. Я написал строк 500, а потом предложил «Детгизу» это напечатать. Они с удовольствием это напечатали, и потом я закончил эту работу⁴.

ЕР: Я о другом хотел спросить. Наверное, я подошел не с той стороны. Наверняка в вашей практике была такая переводная работа...

АШ: Сколько угодно. Но это же было давно, когда я деньги зарабатывал. Я переводил несметное количество всякой чепухи.

ЕР: Она по внутренней технологии отличалась от вашей?..

АШ: Да. Это стихотворство. Я по 200 строк мог делать. Просто набитая рука. Я могу стихами передовицу «Правды» изложить, это же ничего не составляет. Понимаете, надо отличать. Не всё, что написано стихами, есть поэзия. Не всё, что есть поэзия, написано стихами. Это же разные вещи, это абсолютно не одно и то же. А стихи – это просто версификация, то есть умение в рифму и в определенном размере написать всё что угодно. Это же не поэзия, а просто ремесло. В годы оны, когда я легкомысленно смотрел на все эти вещи, я просто зарабатывал деньги. Действительно, мне заказывали переводы всяких народов СССР, я переводил это дело так же, как это делал

¹ Т.е. перевод.

² Оба немецких слова можно использовать в значении «перевод». Однако если *übersetzung* подразумевает максимальную близость к исходному тексту, то *nachdichtung* означает свободный, поэтический перевод, который не обязательно строго следует букве и структуре исходного текста.

³ Нюргун Боотур Стремительный / Текст К. К. Оросина; Ред. текста, пер., коммент. и вступ. статья Г. У. Эргиса. Якутск, 1947.

⁴ Богатырь на гнедом коне: Якут. сказание [в стихах] / Переложение [и предисл.] А. Штейнберга. М., 1960.

Арсик¹ или Сема Липкин и так далее. А потом я это бросил совершенно, абсолютно².

[...]

О переводах с европейских языков

<Я прочту вам> одно стихотворение Байрона, которое я писал, честно говоря, с тайной мыслью о соперничестве с Лермонтовым. Только никому не говорите. <...> Тут «*Душа моя мрачна*» Лермонтова, и тут же рядом, конечно, то, что я сделал. (*Читает «Все суета, сказал Экклезиаст».*)³

<...>

Я прочту вам один сонет [Уордсворта], который имеет очень большое отношение к русской литературе. И почему, вы сразу это увидите. Вы помните, конечно стихотворение Пушкина «Суровый Дант не презирал сонета»? Там эпитафия из Уордсворта. Вот этот сонет как раз, «Не хмурься, критик...», который взял Пушкин эпитафией. И я сделал его на тех же рифмах, на которых написан сонет Пушкина, просто для того, чтобы привязать его побольше к нам. (*Читает: «Не хмурься, критик, не отринь сонета!..»*)⁴

<...>

Теперь я вам прочту очень забавное произведение Боба Саути, над которым Байрон смеялся страшно. Его вообще почему-то здорово все не любили. Но Саути переводил Жуковский, Пушкин его переводил. Вообще так выглядит приятно: перевод Пушкина, Жуковского, Жуковского, Штейнберга, Жуковского, Штейнберга, Штейнберга, Жуковского, опять же Штейнберга, опять Жуковского. Приятное соседство! Я вам прочту стихотворение, которое называется «Предостережение хирурга». Оно довольно длинное, но очень смешное, поэтому вам будет нескучно его слушать. (*Читает.*)

<...>

Вальтер фон дер Фогельвайде. Это очень древний миннезингер австрийский⁵. Говорят даже, что он был неграмотным и слагал свои песни так... Я перевел это стихотворение при забавных обстоятельствах. Это было в Тарусе много лет тому назад. Я сидел и читал этого Вальтера фон дер Фогельвайде в оригинале на нижненемецком языке⁶ и страшно радовался этим прекрасным стихам. А тут же сидел мой друг, художник Борис Свешников⁷, который немецкого языка не знает, и мне было очень обидно, что он не может разделить мое удовольствие. Я сказал: «Знаешь, Боря, я сейчас переведу это стихотворение». И я его перевел просто для своего приятеля. (*Читает «В роце под липкой...».*)

<...>

Прочту вам Гейне. Я его переводил только для собственного удовольствия в разные времена. Просто рука потянулась<нула> читал по-немецки эти стихи, и так мне вдруг захотелось их по-русски услышать. Четыре маленьких стихотворения. (*Читает: «Туманною картиной...», «Влюблен я в цветок...», «Куда тебя гонит весенняя ночь?..», «Брожу по саду, встречая...».*)

¹ Т.е. Арсений Александрович Тарковский.

² Вечер у Александра Кривомазова 12 апреля 1980 г.

³ Это и следующие два стихотворения Штейнберг читает по тому «Поэзия английского романтизма» из серии «Библиотека всемирной литературы» (М., 1975). В данном издании это переложение Штейнберга соседствует с переложением Лермонтова «Душа моя мрачна» (с. 403 и 399–400 соответственно).

⁴ Переложение Штейнберга точно следует схеме рифмовки оригинала Уордсворта (“Scorn not the Sonnet; Critic, you have frowned”), однако вслед за пушкинским «Суровый Дант не презирал сонета» использует 3 мужские и 4 женские рифменные пары, в то время как стихотворение Уордсворта целиком построено на мужских рифмах, преобладающих в английской просодии. За консультацию по этому вопросу благодарим Наталью Симаповскую.

⁵ Вальтер фон дер Фогельвайде (ок. 1160–1170 – после 1228), немецкоязычный поэт, композитор.

⁶ Ошибка: на средневерхненемецком.

⁷ Борис Петрович Свешников (1927–1998), живописец, график.

Ну как мне было не переложить такие прелестные стихи! Гейне все-таки гений, когда он не острит. Я не люблю его хохм.

<...>

Вот одно из самых, по-моему, великих стихотворений, написанных на немецком языке. Это Мёрике, называется оно «В полночь». Двадцать лет я крутился вокруг этого стихотворения, у меня ничего не получалось. Очень сложно было, ничего терять не хотелось¹. (*Читает.*)

<...>

Я прочту два стихотворения поэта с очень странной судьбой. Зовут его Бёррис Фрайхерр фон Мюнхгаузен. Он в глубокой уже старости, свыше девяноста лет отроду, стал председателем союза писателей во времена Гитлера². И когда эта империя рухнула, то он, будучи уже глубоким совершенно стариком, покончил самоубийством. Хотя мог бы подождать еще пару лет и уже тогда сам бы умер. Не без труда мне удалось его напечатать в БВЛ³. ГДРовские немцы в ужасе были от этого дела. Но я вам прочитаю стихи, и вы сами увидите, что он мог быть председателем где угодно, а стихи хорошие, – их можно печатать вполне, и даже стоит их печатать. (*Читает «Старые ландскнехты».*)

Ну как? Можно, по-моему, этого старого фашиста напечатать. Второе стихотворение, по-моему, гораздо лучше. (*Читает «Золотой мяч».*)

¹ Ср.: «В данном случае Штейнберга интересовал не конкретно поэт, а конкретно стихотворение. Когда вокруг него появлялись молодые переводчики со знанием немецкого, то одной из излюбленных тем была непереводаемость этого стихотворения (“к которому подступаю двадцать лет – и ни с места! Как с “Лорелеей” Брентано! Как с “Горными вершинами” Гёте!” и т.д.). Наконец, помнится, в 1972 году почти одновременно В. Леванский и я принесли Штейнбергу по переводу этого стихотворения. Штейнберг подумал день-другой и выдал свой вариант. Я его изругал, но понял, что моему переводу не жить. Когда через какое-то время Штейнберг сделал окончательный вариант, я свой перевод уничтожил за ненужностью» (*Витковский Е.* Заметки к книге «Золотой мяч: Стихи европейских поэтов в переводе Аркадия Штейнберга». 1986–87 <издание не состоялось>. Машинопись // Личный архив Е. Витковского). Ср. также воспоминание о выступлении С. Аверинцева на творческом вечере Штейнберга 17 февраля 1984 г.: «Он замечательно говорил о том, что крупнейшая переводческая работа Штейнберга “Потерянный рай” – это классика, как “Илиада” Гнедича, “Одиссея” Жуковского, “Божественная комедия” Лозинского. Но истинное чудо он обнаружил в томе европейской лирики XIX в. Библиотеки Всемирной Литературы. Всего шестнадцать строк. Он с детства заворожён стихотворением Мёрике “В полночь”, всегда считал его, если угодно, “эталоном непереводаемости”, а перевод Штейнберга – конгениален. Не перевод – то же самое стихотворение. Именно так и написал бы Мёрике, если бы сочинял по-русски. Впрочем, это чудо стало ему понятнее, нет, понять чудо нельзя, чуть менее удивительным, когда узнал собственные стихи Штейнберга, увидел в большинстве из них поразительное соответствие художественного намерения – и осуществления...» (*Перельмутер В.* Контуры «Потерянного рая» // Воспоминания об Аркадии Штейнберге: он между нами жил... С. 124–125).

² На момент смерти поэту Бёррису Фрайхерру фон Мюнхгаузену (1874–1945, покончил с собой) было 70 лет. Для упрощения Штейнберг называет его «председателем союза писателей», в то время как Мюнхгаузен был основателем консервативной Академии немецких поэтов, также известной как Вартбургский кружок (1930), а в 1933 стал сенатором Немецкой академии поэзии, преобразованной из поэтического отдела Прусской академии искусств.

³ Ср.: «Переводы из Мюнхгаузена относятся к первой половине 20-х годов, Штейнберг никогда не собирался их печатать. Однако, когда такая возможность представилась в 1976 году, он оба перевода переработал. <...> В 1976 году, во время работы над “Европейской поэзией XIX века”, возникла идея опубликовать переводы Штейнберга из Мюнхгаузена (идея возникла у меня, редактор – Парин, потом Ваксмахер – не противился). <...> Тогда же заказали и Георге – эту публикацию нужно, пожалуй, рассматривать как пик “германистики” в творчестве Штейнберга» (*Витковский Е.* Заметки...). Два стихотворения Берриса фон Мюнхгаузена в переводе Штейнберга были напечатаны в томе «Западно-европейская поэзия XX века» из серии «Библиотека всемирной литературы» (М.: Худ. лит., 1977. С. 182–183). В краткой справке о Мюнхгаузене сказано: «После первой мировой войны реваншистские настроения привели его к нацистам. После разгрома гитлеровской Германии покончил с собой. Мы печатаем ранние стихи поэта, в которых сильна гуманистическая традиция» (Там же. С. 739).

Годится, понимаете... По смыслу вообще это всех касается.

<...>

Теперь я вам прочту несколько переводов моих из замечательного немецкого поэта Стефана Георге, который у нас совершенно неизвестен. Потому что это трудный очень поэт. Он очень филологичен по-немецки. Он жил и писал одновременно с Райнером Марией Рильке. Это было такое соперничество двух огромных поэтов.

Но вот Рильке у нас благодаря Пастернаку как-то так пошел в ход, его переводят. Хотя должен сказать, что я знаю только одно по-настоящему хорошее переложение Рильке – это стихотворение Пастернака «Я зачитался. Я читал давно...»¹. Другие два перевода его из Рильке гораздо слабее, и они менее удачны².

Георге же вообще никто не переводил, его одно стихотворение перевел когда-то Вячеслав Иванов, называлось оно «Владыка острова». А я его перевел и буду заниматься им и дальше, потому что это поэт замечательный и он мне как-то по перу. (*Читает «Данте и поэма о современности», «Я на окне, храня от зимней стыни...», «Сумерки умиротворения».*)³

<...>

<О переводе из Ю. Тувима>

Это невероятно смешное стихотворение я перевел в свое время для покойного Константина Георгиевича Паустовского, который хотя был наполовину поляком, но языка этого не знал. А я, не будучи поляком ни с какой стороны, почему-то этот язык знаю. И я для него это перевел, потому что это очень смешное стихотворение, но не знаю, стоит ли его читать. Ну, давайте прочту. Называется оно «Rodowód» – «Родословная». Это редактор одной антисемитской газеты в свое время, – это все было в довоенной Польше, – написал, что Тувим – это не польский поэт, а поэт, пишущий на польском языке. Польскоязычный, так сказать, поэт. Тувим страшно обозлился и, воспользовавшись тем, что, как это часто бывает у антисемитов, жена этого редактора была еврейка, и, главное, газета издавалась на ее деньги, он по этому поводу написал стишок, который называется «Родословная»⁴. Это не настоящая родословная, написано просто для хохмы. Построена она на... Ну, вы сейчас увидите, что это такое. (*Читает.*)

(*Со смехом.*) Конечно, это можно было перевести только для приятелей.

<...>

<О переводе из Лопе де Вега>

Я вам прочту тоже то, что не напечатано. Это было такое дело. Меня попросили... Выходило такое издание Лопе де Вега в «Искусстве». Я должен был перевести пьесу, которая называлась «Молодчик Каструччо»⁵. Я жил тогда в Тарусе. А это такая пьеса из жизни проституток, публичных домов, сводниц, жуликов – вот такая вот штука. Довольно веселая. Но вы знаете, обстановка, в которой я работал, когда жил в Тарусе... писать эту всю штуку на фоне тарусской жизни – это просто было невозможно. Я дошел до какого-то места и потом плюнул... я просто не мог это дальше делать.

Я вам прочту отсюда забавную такую вещь. Теодора – это сводня, которая упрекает свою вос-

¹ «За книгой» (Рильке Р. М. Новые стихотворения. М., 1977. С. 269–270).

² Штейнберг имеет в виду «Созерцание» и два стихотворения, составляющие книгу «Реквием» – «По одной подруге реквием» и «По Вольфу графу фон Калькрейту реквием» (Там же. С. 270–271, 272–285).

³ Все три перевода опубликованы в томе «Западноевропейская поэзия XX века» (с. 172–175).

⁴ Стихотворение направлено против критика Владислава Рабского (1863–1925), выступавшего с антисемитскими пасквилями в адрес Тувима и членов поэтической группы «Скамандр»: его жена, поэтесса Зузанна Рабска (урожд. Краушар; 1882–1960), была еврейкой по происхождению, а половиной акций газеты «Варшавский курьер», в которой сотрудничал Рабский, владел дядя его жены Францишек Левенталь (1856–1923). См.: *Kryński M. J. Politics and Poetry: the Case of Julian Tuwim // The Polish Review*, 1973, Vol. 18, No. 4 (1973), pp. 5–7.

⁵ Имеется в виду издание: Лопе де Вега. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Искусство, 1962–1965. Пьеса «Молодчик Каструччо» вошла в т. 6 в переводе В. Бугаевского.

питанницу, невероятную куртизану, рибоду¹ по имени Фортуна, в том, что она вместо того, чтобы зарабатывать деньги и заниматься тем, чем надо, влюбилась в какого-то жулика, от которого не только не будет прибыли, но будет ужасный убыток. Она ей такую вот проповедь читает. (*Читает: «Мой ангел золотодобытчик...»*)

<О Г. Топырчану>

<Этот поэт помог> мне в свое время открыть себя самого для себя. Я случайно натолкнулся. Эта книжка написана мной почти что двадцать... когда же она вышла? В 61-м году, значит, я где-то в 60-м, в 59-м году работал над ней. Она будет переиздана в этом году².

Во-первых, я убедился в том – я это давно знал, но это было как-то очень для меня убедительно, – что поэт совершенно необязательно должен быть гениальным и необязательно должен быть великим. Но он обязательно должен быть поэтом. Если он велик и гениален, но не поэт – тогда это мне не очень интересно. (*Слушатель: А такие бывают?*) Конечно, бывают...

Это румынский поэт Георге Топырчану, который умер от чахотки в 1937 году³. Поэт эпохи между двумя войнами – между Первой и Второй мировыми войнами. Он поэт истинный, по-моему. Очень разный – это вы увидите сейчас из стихов. А почему мне это было интересно... Я вдруг увидел, что умею писать смешные стихи и что... какая-то одесско-молдавская, румынская часть моей природы вдруг вскрылась, когда я познакомился с этим поэтом и с огромным увлечением занимался им⁴. И целую книжку сделал. Покойный Константин Георгиевич Паустовский написал к ней маленькое предисловие. В конце он там написал несколько слов о моей работе над этой книжкой, но я своей рукой вычеркнул это и потом сказал: «Знаете, Константин Георгиевич, а то получится так, что...»⁵ <Топырчану> написал не так много. То, что в этой книжке, – это почти все его стихи.

О переводах с китайского

АШ: Книжка эта⁶ открывается стихотворением, написанным курсивом, и закрывается стихотворением, которое тоже написано курсивом. Почему это сделано – это для меня страшно личная книга. Абсолютно личная книга⁷. Так вышло, что вот так, как я ее написал за моим письменным столом, – так она лежит вот здесь вот. Никто не вмешался – ни редактор, ни цензура. Короче говоря, это то, что я написал. Без каких бы то ни было изменений. Такая любопытная...

Александр Кривомазов (далее – АК): Редкая вещь!

АШ: Ну, не редкая, но... Вы думаете, что кто-нибудь вмешивался в «Потерянный рай», так вы ошибаетесь. Вы знаете, что это... цензура это вообще не читает. Цензура, Главлит не читает этих

¹ *Ribaude (фр.)* – женщина распущенного поведения, проститутка (литер., устар.).

² *Топырчану Г. Стихи* / [Пер. А. Штейнберга; предисл. К. Паустовского]. М., 1961. 2-е изд.: М., 1981.

³ Большинство румынских интернет-источников указывает, что Георге Топырчану (1886–1937) умер от рака либо цирроза печени.

⁴ Ср.: «К переводам с румынского Штейнберг несомненно впервые обратился в середине 50-х годов, до того о них и не помышлял: языка он не знал, хотя, когда вместе с советскими войсками во время войны вступил в Румынию, “почувствовал себя как бы дома” (его собственные слова) – несомненно сказывалась близость родной Одессы к румынско-бессарабской культуре» (*Витковский Е. Заметки...*).

⁵ Ср.: «Книга Топырчану» вышла в 1961 году хамским тиражом 2.000 экз. с предисловием Паустовского, из которого, по настоянию Штейнберга, были вырезаны все похвалы переводчику» (Там же).

⁶ Ван Вэй. Стихотворения / [Стихотворные переложения Аркадия Штейнберга]. М., 1979. Переложения Штейнберга делались по подстрочным переводам В. Т. Сухорукова (1929–2016), чья вступительная статья открывает сборник.

⁷ Т. е. наиболее «знаковые» для АШ стихотворения Ван Вэя вынесены в начало и конец книги (строго говоря – в конец корпуса стихотворений Ван Вэя, т.к. собственно книга им не завершается) и набраны курсивом.

текстов. Главлит читает только предисловия и примечания. А Милтона они не цензуруют. Есть такое указание не лезть в это дело. Милтона цензуровать? Это смешно!

<...>

(Читает «Стихи сочинять...».) Это написал Ван Вэй, но я могу подписаться и сам, что я и делаю.

<...> Пытаюсь писать бессловесные стихи. Китайская поэзия же бессловесна. Иероглиф – это понятие. Их созерцают, понимаете? Два иероглифа – три иероглифа, два иероглифа – три иероглифа... Они могут и звука не иметь. Это игра понятий¹.

[...]

Эта книжка в моей личной биографии поэта играет такую же точно, не меньшую роль, чем «Потерянный рай». <...>

Сюда, например, включен мною трактат Ван Вэя «Тайны живописи» в переводе покойного академика Алексеева. Почему я это включил – это видно из моей... У меня статья небольшая после книжки, называется «Поэт и время». Там всё написано – почему я эту книжку... Я же не китайский и китайского языка не знаю. А почему все-таки такую книжку сляпал? Я ее два года писал, и тоже мне было не до своего. Я ее писал как свои стихи, собственно, она и есть... Тут меня в личном отношении не меньше, чем этого старого китайца. По многим причинам. Если прочитать послесловие мое, то это всё...

<...>

Сейчас у меня напечатана в альманахе... Сейчас я вам покажу... В восточной редакции Гослитиздата выходит периодически такой «Восточный альманах». Я перевел... Дело в том, что Ван Вэй – вокруг него был целый круг поэтов: его друзья и так далее. Я перевел 500 строк поэтов круга Ван Вэя, то есть его друзей². Могу вам, если вы хотите, что-нибудь показать, что это за такие друзья. (Слушатель: А имена?) А чего вам имена? Имена китайские. Цуй Син-цзун... Это всё были высокоученые люди, замечательные поэты, писавшие 1200 лет тому назад. Чу Гуань-си... Ничего не говорит вам, да? Хуанфу Жань, Цю Вэй...

Я уже год ничего не пишу и не перевожу ничего, только занимаюсь другими делами. Но я хочу сейчас сделать еще одну китайскую книжку – стихи вот этих поэтов круга Ван Вэя и еще ряд других, такая маленькая хрестоматия танской поэзии³. Вот одно из этих стихотворений, которое нигде не напечатано, я туда включил. Это чрезвычайно знаменитое четверостишие величайшего китайского поэта Ли Бо. Я его как-то сложил и вот вам написал тут на память эту самую штуку⁴.

АК: Скажите, величайший... то есть вы все-таки выше ставите Ли Бо или Ду Фу?

АШ: Ли Бо – величайший поэт, конечно. Они считают его небожителем. Но они одновременно жили. Ду Фу пришел в гости к Ван Вэю и просто не застал его дома, так их свидание не состоялось.

Ду Фу, Ли Бо и Ван Вэй – три великих поэта, жившие в одно время. Но мне, конечно, ближе всего Ван Вэй, просто как человек. Он был еще и великий художник, он основатель южной школы китайской живописи. Такой странный господин. Причем этот рисунок – они забыли написать, что это такое. Это единственное дошедшее до нас изображение Ван Вэя. <...> Не на обложке – внутри. <...> Но он изображен спиной к публике, там он с затылка, там нет лица. Такой странный портрет без лица⁵. (Читает: «Только покой...», «Мы вас погребли на высокой горе...».)

¹ Вечер у Александра Кривомазова 27 января 1981 г.

² См.: Поэты из круга Ван Вэя / Пер. с кит., вступ. заметка и коммент. В. Т. Сухорукова; стихотв. перелож. Арк. Штейнберга // Осень в горах. Восточный альманах. Вып. 7. М., 1979. С. 569–588.

³ Этот замысел не осуществился.

⁴ АШ записал в этот день в альбом А. Кривомазова свой перевод стихотворения Ли Бо «Задумался в тихую ночь» («В спальне моей...»). URL: <https://isiman.wixsite.com/krivomazov/Album4/74s>. См. ниже.

⁵ Ср.: «Живопись он любил, думается, больше, чем поэзию. По крайней мере, говорил о ней охотней. Иногда вдруг заболел какой-то картиной: то “Портретом поэта”, рисунком, приписываемым Ван Вэю, – эдакий автопортрет “со спины”, – то картиной голландца XVII века Мейндерта Гоббема “Дорога в

<...>

Понимаете, это такая отрешенность, отрешенность от всякого рода... Если сделать в нашей сложной жизни приведение подобных и их выкинуть соответствующим образом, останется суть <нрзб>.

Слушатель: Нет, здесь это уже взгляд человека, прожившего жизнь, или созерцателя.

АШ: В душе созерцателя. Весь вопрос в том, что такое задача человека. Мы очень много суе- тимся. И эта суета стоит нам жизни.

О других переводчиках

АК: Аркадий Акимыч, теперь, зная дух древнего Китая, как вы оцениваете переводы Гитовича?¹

АШ: Он талантливый человек, но то, что он сделал, к Китаю имеет очень мало отношения. Я вам сейчас объясню простую вещь. Вот это стихотворение, которое я вам написал...² У Гитовича оно звучит так:

У самой моей постели лежит от луны дорожка.
Возможно, что это иней, – точно я сам не знаю.
Я голову подымаю – гляжу на луну в окошко,
Я голову опускаю – и родину вспоминаю.

Так у него, по-моему. Я когда читал – еще до того, как я занялся китайскими делами, – я никак не мог понять: сидит человек в Китае и почему-то вспоминает родину. Я на Красной площади, понимаете ли, хожу и вспоминаю Россию. Да я же и нахожусь в ней!

Я начал думать, в чем там дело. Ведь это написал величайший китайский поэт, который в четырех строчках должен был выразить невероятно много. Китайского языка я не знаю. Но я просто как детектив подошел к этому вопросу. Что там происходит? Он лежит ночью, возле его постели лунный свет, который похож на иней. Он подымает голову и смотрит на луну. Он опускает голову – и что он вспоминает? И тут у меня возникал вопрос: откуда он родом сам? Не родился ли он где-то на севере Китая? Китай – очень большая страна. Не родился ли он на севере Китая и не писал ли он это стихотворение, находясь на юге? Я – к Эйдлину, который есть величайший спец по этому делу³. Он говорит: «Конечно!» И тут я понял, в чем дело. Он смотрит на этот лунный свет на полу, который похож на иней. Подымает голову – видит луну, которая бесконечно далеко от него, так же, как он далек от своих родных мест. Голову опускает, смотрит на иней, вспоминает – что он вспоминает? Дом свой он вспоминает родной, <нрзб> родные места он вспоминает.

ЕР: Микрородину.

АШ: Микрородину, родные места. Не родину: родина – это Китай. Тогда это стихотворение получает смысл. А Гитович просто его не понял вообще.

Я перевел его так, переложил:

В спальне моей
пол, осветленный луной.
Мнится – на нем
иней лежит ледяной.

Мидделхарнисе”» (Витковский Е. На память о Мидделхарнисе // Штейнберг А. К верховьям. С. 434).

¹ Александр Ильич Гитович (1909–1966), поэт, переводчик.

² См. примечание 4 на с. 169.

³ Лев Залманович Эйдлин (1910–1985), синолог, переводчик.

Взор возвожу –
вижу луну надо мной.
Взор опущу –
дом вспоминаю родной.

Во-первых, мне тут удалось сделать, как в оригинале, одну рифму <нрзб>, монорим. Но это случайно, – я не гнался за этим, так легло.

АК: <Из этого можно сделать> комментарий: то, что вы отгадали, и то, что вы нашли. Если это просто останется без комментария, там много теряется.

АШ: Это 1200 лет назад написано. Китаец не может читать древнекитайские стихи без комментария, а нам – сам бог велел. Конечно, нужен комментарий. Обязательно. Ну, по крайней мере, в самом тексте понятно, что комментировать. Причем это для меня еще не окончательный вариант.

АК: Дом родной... Это земля, все-таки, родная...

АШ: Может быть, надо «север припомню родной». Может быть, «край вспоминаю родной». «Край» – слишком широко. «Дом вспоминаю родной»... Тут надо очень узко сказать. В этом вся штукавина.

АК: Но «дом» – пропадает география. В «крае» география есть, а вот «дом» – просто дом.

АШ: Всё равно надо... ну, «север»... Тут я еще подумаю. <...>

[Алик Ревич] сделал целую книгу “Sagesse”¹. <...> Алик сделал замечательно, некоторые стихи изумительно сделал. <...> Он очень талантливый человек. Но, вы знаете, его переводы интереснее, чем его собственные стихи. <...> Переводчик он сейчас, по-моему, в первой пятерке. <...>

Шервинский² – образец удивительно позднего развития. Он по-настоящему хорошо стал работать и переводить на высоком уровне лет 15 назад. Он сам говорит, что он раньше очень плохо работал. У него была такая буквалистская установка, которая не давала ему возможности ничего сделать. Поэтому старые его переводы очень плохие, они нечитабельные совершенно. А вот то, что он делает последние 15–20 лет, – это совершенно замечательно.

О русских поэтах-современниках

АШ: Ну, что можно сказать, Женя, о вас? Что вы очень хороший поэт. Что не зря Бродский вас называет своим учителем.

(*ЕР читает: «В костюме васильковом...»*)

Женя, я теперь вижу, откуда Бродский украл луну как каплю в ватерпасе. Просто свистнул.

ЕР: Ну конечно. Да-да-да. Ну, я ему подарил с удовольствием. Это написано на десять лет раньше.

АШ: Да, я знаю. Но то стихотворение его прекрасное³.

<...>

Я знаю стихи, которые можно читать после двух часов чтения стихов. Это те стихи, которые опять будут слушать. Дона-Аминадо, например.

<...>

Такой у меня один добрый знакомый ленинградский, Боря Сохрин⁴. <...> Он двадцать лет пишет поэму о Рембо и не может ее кончить. <...> Он ее переделывает без конца, вообще нет пре-

¹ Мудрость (*фр.*). Название книги стихотворений Поля Верлена (1881).

² Сергей Васильевич Шервинский (1892–1991), поэт, переводчик, искусствовед.

³ Что имеется в виду, установить не удалось. Возможно, речь о никогда не публиковавшемся стихотворении Бродского.

⁴ Борис Монусович Сохрин (1932–2009), писатель.

дела. <...> Все мои попытки за многие годы убедить Сохрина, что за Рембо не надо писать поэму, – что он сам всё написал... Бесполезно. «Смерть негоцианта» называется¹.

<...>

АШ: [Николай Панченко]² сейчас пишет в пятьсот раз лучше, (*относительно подборки в «Тарусских страницах» – В. Р., И. С.*). Он замечательный. Это первостатейный сейчас поэт стал.

АК: Секунду, а почему не назвали Кронгауза?³ Вы считаете его слабым?

АШ: Нет, он хороший поэт. Конечно. Но мы же говорили о самых... Вообще есть поэты, что ж тут говорить. И потом, не всех же мы поэтов знаем. Вот позавчера я проводил семинар – одна семинаристка моя, девушка, привела одного физика молодого, <брата> физика. Этот физик – его зовут Володя Аристов⁴, – которого я видел первый раз в жизни, сел и прочел цикл очень примечательных стихов. Во-первых, замечательно здорово, ни малейшей тени никакого дилетантизма. Это просто совершенно созревший поэт, не без влияний, но сложный очень, с большим словарем – в общем, настоящий. Так что всяко бывает. Великая страна, – может, где-нибудь в Конотопе сидит гениальный поэт, просто мы его не знаем. И он нас не знает.

<...>

АК: Только пока не забыл, всех призываю завтра опять прийти послушать Кублановского, который...⁵

АШ: Это талантливый человек.

<...>

Слушательница: Ахмадулина – как вы к ней относитесь?

АШ: Она талантливый человек, но она пишет... Мало ли талантливых людей на свете. Она талантливый поэт, но, по-моему, поэт она сомнительный. То есть, сомнительный в том смысле... ну, как вам сказать... Это поэзия для очень молодых людей. Я бы так сказал.

Слушательница: Но почему, <нрзб> это поэзия женщины, которая прожила жизнь. И жизнь, в общем-то нелегкую(?)

АШ: Вы знаете, настоящая женская поэзия – конечно, это Ахматова. Вот это поэзия женщины. А это молодежная такая... Имеющая право на существование. <...> Я не поклонник этой... То есть мне нравится то, что она делает, но перечитывать я этого не буду.

Слушательница: А ее переводы?

АШ: Это не переводы.

Слушательница: Галактиона Табидзе...

АШ: Это не переводы.

Слушательница: Ну, это уже как-то авторски...

АШ: Конечно.

Слушательница: ...но всё равно очень большое...

АШ: Это приятно. Она очень талантливый человек, но у нее есть один недостаток, по-моему, вообще очень важный для русского писателя. Она занята главным образом и исключительно только собой.

Слушательница: Ну, это в общем-то ее своеобразие.

АШ: Да, но человек, который пишет только о себе, по-моему, должен сам и читать то, что он

¹ Поэма «Смерть негоцианта» написана от лица Артюра Рембо. См.: «Вся поэма – предсмертный бред, перед умирающим проходит его жизнь. Картины как во сне сменяют одна другую, и новый размер переламывает строку предыдущего» (*Иоффе Е.* О Борисе Сохрине. URL: <https://proza.ru/2017/03/20/1501?ysclid=mai5trquzf780817981>).

² Николай Васильевич Панченко (1924–2005), поэт.

³ Анисим Максимович Кронгауз (1920–1988), поэт, переводчик.

⁴ Владимир Владимирович Аристов (р. 1950), поэт, прозаик, эссеист; доктор физико-математических наук.

⁵ Поэт Юрий Михайлович Кублановский (р. 1947) выступал у Кривомазова 14 февраля и 13 апреля 1980 г.

пишет. Понимаете, один раз интересно, два... Но она не столь интересна, чтобы только о ней и писать. Это не в традициях русской литературы. Уж очень она назойливо...

Слушательница: Но, с другой стороны, Анна Ахматова тоже, там у нее в <нрзб>...

АШ: Нет, там всё время другие люди ходят. Это не о ней только, это очень обобщенная поэзия.

Слушательница: Вообще лирический поэт только о себе говорит(?) <нрзб>

АШ: Не только. Нет, не совсем так.

Слушательница: Пастернак.

АШ: Ну и что ж, он только собой интересуется? Нисколько. Никто – ни Пушкин, ни Блок, ни Лермонтов, никто. Она... Мне даже жаль бывает, что такой талантливый человек с таким прекрасным ухом и вообще с рядом таких больших данных чисто профессиональных...

Слушательница: Но ее область – это область(?) женской(?) психологии.

АШ: Один раз прочесть это можно. Я вам сейчас объясню простую вещь. Хороши только те книги, которые вы перечитываете. Книжки, которые вы один раз прочитали и больше их не возьмете в руки, – это литература поденочная, она уходит. Живет только то, что перечитываешь.

Слушательница: Знаете, я перечитывала очень много раз ее переводы... <нрзб>

АШ: Слушайте, вы же очень молодой человек. Посмотрим, что вы будете делать через двадцать лет, будете ли вы читать это.

Слушательница: Не знаю.

АШ: Я тоже. Я думаю, что нет, конечно. Это становится уже не очень интересно. Понимаете, есть искусство возрастное, если можно так выразиться.

Слушательница: Не только возрастное. Просто она вообще человек... мне кажется, это один из немногих поэтов, которые в общем-то в своих стихах <нрзб> чувство красоты. Это видно в ее облике. Как она держится, как она одевается – это тоже немаловажно.

АШ: Да, я сог<ласен>. Конечно, это так. Но вы забываете о том, что я мужчина. Конечно, если я вижу поэтессу, которая прелестно выглядит, я уже не думаю о ее стихах. Я просто думаю о ней с совершенно другой позиции.

Слушательница: Это не прелестно выглядит, это <нрзб>. Просто очень многие поэты – они, помимо всего прочего, эстетически что-то из себя, внешне даже представляли. Вы не понимаете, о чем я говорю?

АШ: Конечно, понимаю. Вот Ахматова была прелестна, когда она писала вот эти стихи... А потом я уже ее знал толстой старухой, но это была царица. Хотя это была толстая старая женщина. Когда-то она была тоненькая, как тростинка. <...> Царица, королева!

Ахмадулина пишет прелестные вещи для молодых людей. Просто, понимаете, я нажрался уже такой литературы громадной, невероятной за свою жизнь, что это уже на меня действует... один раз я могу это прочитать, второй раз я это перечитывать не буду, уже неинтересно. Ну не кормит меня уже, понимаете...

<...>

Она страшно занята только одним существом на этом земном шаре, а именно – сама собой. Это становится очень скучно. Это молодежное искусство такое, для молодых людей.

ЕР: И все-таки она что-то сделала в слове.

АШ: Ну, существует же такой жанр, ну, скажем... я не знаю... поп-музыка, например. Есть прекрасная, у нее есть право на существование, бесспорно. <Нрзб> это возрастное дело. Ну, я уже в дискотеку не пойду.

Слушательница: Скажите, а по форме(?) очень красивые стихи.

ЕР: Красивые, конечно.

АШ: Красивые.

ЕР: У нее есть несколько, мне кажется, замечательных стихотворений. Одно – про снег в Педделкино, как он, как лыжник, бежит куда-то, валится¹. Да нет, я вообще считаю...

¹ Имеется в виду стихотворение «Снегопад» (см.: Ахмадулина Б. Свеча. М., 1977. С. 95–96).

Слушательница: А перевод Табидзе? «Венчалась Мери в ночь дождей...»

ЕР: Да, это хорошее очень, тоже нравится. Правда, это, видимо, ее стихи.

АШ: Конечно. Никакого Табидзе там нет.

<...>

Слушательница: А к Вознесенскому как вы относитесь?

АШ: Очень плохо! По-моему, это абсолютная чепуха. И русский язык еще не знает, к тому же, что я ему никак не могу простить.

Слушательница: С другой стороны почему человек не имеет права какие-то новые слова...

АШ: Это не новые. Да ну что вы! Это всё было в гораздо лучшем виде. Это очень плохо. Меня страшно удивляет не так Вознесенский, как люди, которым это нравится. Слушайте, вам нравится Вознесенский? По-моему, это мура полнейшая. Понимаете, даже у Евтуха¹, который пишет стихи в общем неважно, но даже в самых плохих стихах у него всегда есть хотя бы одна хорошая строчка, обязательно.

Слушательница: Он слишком много пишет <нрзб>.

АШ: Да, он очень борзописный, но... как это сказал один тоже физик, толковый очень, который понимает дело не только в физике... он сказал, что они оба орут, только один орет, что я ни одного слова не понимаю, а другой орет так, что все-таки можно еще понять, что он орет. У него есть всегда, даже в очень плохих стихах хоть одна строчка хорошая. Он человек очень одаренный. И потом, он, при всех своих крупнейших недостатках и всяких таких штуках, находится в русле литературы русской. И вся его публицистика...

Такая культура у нас, что у нас всегда искусство служит чему-то другому, может быть, чему-то более высокому, чем само искусство. Все, что занимались искусством только ради его самого, – они все забыты. Даже очень талантливые люди. Скажем, Бальмонт был поэт очень талантливый... замечательный поэт, и можно выбрать у него прекрасные, необыкновенные стихи. Но в целом это явление, глубоко чуждое нашей литературе. И он где-то сбоку-припеку стоит, и, конечно, не на том месте, на которое он претендовал, когда он жил и работал. Слава у него была гигантская, он же невероятно был знаменит, считался первым из первых. Потом проходят годы, и всё становится на свое место. Время – это очень страшная вещь. Уходит всё это, понимаете ли. Литература – это то, что остается, а не то, что проходит. А то – становится предметом исследования специалистов, а в жизни людей уже это роли никакой не играет.

Слушательница: Но с другой стороны, у Вознесенского потрясающие метафоры бывают.

АШ: О боже мой! Это такой легкий хлеб, если б вы знали! Это же легкий хлеб невероятно. Нет ничего легче, как сравнить... Липкин как-то в одном стихотворении написал: «Да постыдитесь ты, наконец, художник, / С предметом сравнивать предмет»². Это же легкий хлеб. Это так легко! Если б вы знали, как легко писать стихи с потрясающими метафорами. Нет ничего легче. Вот спросите Рейна.

ЕР: Да.

АШ: Это же легкий хлеб. А вы попробуйте написать стихотворение совсем без метафор – это чудовищно трудно. Там надо дело сказать, без хохм.

О «Тарусских страницах» и своих стихах

АШ: ...поэзии Рейна. Надо чтобы и я получил некое удовольствие от чтения стихов. Если мне будет это интересно, то, может быть, будет интересно и вам. Поэтому я хочу вам почитать немножко из своих старых стихов, которые мне захотелось самому вспомнить, потому что многие из них я просто забыл, – я просто не думал о них и не читал их. Свои стихи перечитывать – это уже скучное дело. Кроме того, я вообще не успеваю прочитать всё, что мне надо прочитать. У меня

¹ Т.е. у Евгения Александровича Евтушенко.

² Из стихотворения «Подобие» (Липкин С. Воля. Анн-Арбор, 1981. С. 258).

уже накопилась вот такая гора книг, которые мне надо прочесть, а времени нет, потому что надо делать что-то, надо писать... И уж конечно, на перечитывание своих старых стихов совсем уже времени нет. Поэтому я хочу воспользоваться сегодняшним вечером и почитать вам немножко своих старых стихов и самому тоже их послушать – годятся они куда-нибудь сейчас или нет, как они выглядят сейчас. Поэтому я взял с собой небезызвестную книжку.

АК: «Тарусские страницы»?

АШ: Да, конечно. Такая небезызвестная книжка, такой предшественник «Метрополя»¹, с тем только исключением, что нам удалось его напечатать в городе Калуге, чего не удалось... Правда, они напечатали его в Анн Арбор. А мы напечатали в Калуге. Ну, результат известен: директор издательства был мгновенно уволен на пенсию, тут же. Главный редактор просто уволен, но пенсию он не получил, потому что ему было еще сравнительно мало лет, и он вообще ушел из издательской работы. И было закрыто письмо ЦК по всем издательствам и редакциям Советского Союза². И главное, что непонятно, «о чем шум», как писал Кузнецов³. В этой книжке нет абсолютно никаких кукишей в кармане ни по чьему адресу. Просто сам факт, что вот какая-то группа каких-то, понимаете ли, интеллигентов сумела найти такую лазейку, чтобы, не спросив у папы и мамы, взять и издать какую-то книжку. У меня ушел год жизни на этот сборник, потому что я был членом редколлегии и отвечал за всю поэзию в сборнике. И уж я очень тщательно следил, чтобы не было никаких политических вызовов, потому что мы не хотели скандала, а просто хотели книжку хорошо издать.

<...>

Это «Тарусские страницы», просто и мило. Это экземпляр единственный, который у меня остался. Замечателен тем, что очень многие авторы на своих стихах написали мне свои... (*Листа-ет.*) Вот, кстати, Панченко. «Спасибо за всё». Тут всякие штуки. Тут есть и Володи Максимова, который сейчас редактирует «Континент»⁴. Я хочу отсюда какие-нибудь стихи почитать – самому хочется посмотреть, что это такое, годятся ли эти стихи куда-нибудь.

¹ Метрополь: Литературный альманах. Ann Arbor: Ardis, 1979 (изначально вышел в 1978 г. в Москве в самиздате). См.: «Липкина я впервые увидел <...> у Штейнберга в конце шестидесятых. Но особенно часто стал встречать его <...> ближе к концу семидесятых, в пору “Метропольской” истории, в которой оба они находили, судя по разговорам, немало общего с почти двадцатилетней давности ситуацией вокруг издания “Тарусских страниц”, да и роли, так сказать, историко-литературные обоих альманахов считали схожими – с поправкой, разумеется, на то, что “времена переменялись”» (*Перельмутер В.* Контуры «Потерянного рая» // Воспоминания об Аркадии Штейнберге: он между нами жил... С. 143). Обратим также внимание на то, что Евгений Рейн, выступавший на пару с АШ на этом квартирнике, был участником «Метрополя».

² Ср.: «<...> решением бюро Калужского обкома от 9 января 1962 г. за выпуск этой книги директору издательства Сладкову был объявлен выговор, а главному редактору Левите – строгий выговор. 30 января бюро обкома изменило свое решение: “за потерю политической бдительности и партийной принципиальности, помещение в сборнике “Тарусские страницы” идейно вредных произведений” директору издательства был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку, а главный редактор был снят с работы, и ему был вынесен выговор с занесением в учетную карточку. Этим же решением <...> отмечена ошибка секретаря обкома Сургакова, давшего разрешение на выпуск сборника. В назидание местным издательствам, искушаемым столичными знаменитостями в надежде обойти “цензурные рогадки” на региональном уровне, было принято постановление “Об ошибке Калужского книжного издательства”» (*Горяева Т.* Политическая цензура в СССР: 1917–1991 гг. 2-е изд., испр. М., 2009. С. 327–328).

³ Штейнберг продолжает сопоставление истории «Тарусских страниц» с актуальным на время квартирника скандалом с неподцензурным альманахом «Метрополь». В статье «О чем шум?» (*Литературная газета.* 1979, 19 сент.) один из главных гонителей «Метрополя», первый секретарь московского отделения Союза писателей Феликс Феодосиевич Кузнецов (1931–2016), отвечает на письмо пяти американских писателей в защиту альманаха.

⁴ Владимир Емельянович Максимов (1930–1995), писатель, в 1974–1992 гг. редактор эмигрантского журнала «Континент». В «Тарусских страницах» опубликована его повесть «Мы обживаем землю».

<...>

Я прочту вам стихотворение, которое называется «Спутник». И оно посвящается памяти лайки – первого живого существа, которое человек послал в космос. Это было так. Я был тогда в одном доме отдыха, а спутник с этой собакой еще вертелся, был на орбите. И я подумал о том, что если я не напишу что-нибудь по этому поводу, то вряд ли кто-нибудь напишет. Я очень люблю собак, всю жизнь с ними живу, и сейчас у меня, конечно, есть собака. Правда, в тот спутник она бы не поместилась, потому что она очень большая. Вообще о собаке: я считаю, что собака – это судьба человека. И если когда-нибудь сам человек полетит Бог знает куда, к каким-нибудь отдаленным мирам, так он возьмет с собой кого? Свою собаку. (*Читаем.*) Не знаю, получилось ли то, что я думал... Я хотел связать просто начало и конец.

<...>

Кстати, то, что я вам сейчас читал, – это всё, как ни странно, переведено на ряд языков. На немецкий язык перевел очень хороший австрийский поэт Пауль Целан¹. Он родился в Буковине. Он умер, он покончил самоубийством, бросившись в Сену. Он Мандельштама переводил...

На английский переведено это, выходило и в Англии, и в Америке². Даже на иврит, – причем перевел Шлёнский, очень крупный поэт, тоже уже умерший³.

Вот стихотворение, которое я очень люблю. Называется оно «Учительница». Оно довольно длинное, но, может быть, вам будет интересно. Тут для меня открыты какие-то новые пути, и вот оно как-то так началось с этого стихотворения, пожалуй. (*Читаем.*)

Ну, вот стихи мои старые из «Тарусских страниц» я позволил себе прочесть и вам, и себе. Кое-что есть ничего, может быть.

ЕР: Есть замечательные.

АШ: Может быть. Во всяком случае, кое-что... Таруса написана похоже... Это всё с природы, так всё было. Надо было видеть эту страшную картину, когда огромный, шумящий молодой листовой лес – и в нем торчат эти страшные скелеты, абсолютно объеденные, ни одного листика не оставлено. А потом, когда осень пришла и листва была сорвана ветром – листопад, – эти дубы стояли зеленые, огромные, они полностью восстановили это дело, они остались зелеными. Да, это была картина невероятная⁴.

АК: И потом такой подтекст могучий.

АШ: Ну, это имеет отношение же... не просто же так...

<...>

Последнее написанное мною стихотворение называется «Отходная». (*Читаем.*) Это стихотворение, конечно, не просто о том, что умерла старуха. Просто надо было отпеть умирающую русскую деревню, вот я это по-своему как-то сделал. Я всю жизнь жил в них и, как видите из моих стихов, имею к ним отношение не только, так сказать... В общем, я прервал своего Милтона и почувствовал, что это надо сделать, потому что никто это пока не сделал.

¹ Пауль Целан (1920–1970), немецкоязычный румынский и французский поэт, переводчик. Получил сборник «Тарусские страницы» от своего друга Эриха Айнгорна, жившего в Москве (*Целан П.* Стихотворения. Проза. Письма / Под общ. ред. М. Белорусца. М., 2013. С. 316). Сведениями о переводах Штейнберга из Целана не располагаем.

² Имеется в виду издание: *Pages from Tarusa: New Voices in Russian Writing*. Boston and Toronto: Little, Brown and Company, 1964; аналогичное вышло в том же году в лондонском издательстве Chapman and Hall.

³ Авраам Шлёнский (1900–1973), поэт, переводчик. О переводе Шлёнским в 1963 г. стихотворения Штейнберга «Листопад», опубликованного в «Тарусских страницах», см.: *Мицц И.* Аркадий Штейнберг. Из «Тарусских встреч» // Воспоминания об Аркадии Штейнберге: он между нами жил... С. 40–41.

⁴ Речь идет о стихотворении Штейнберга «Дубы» (Тарусские страницы. С. 217).

О поэме «К верховьям»

(Читает «К верховьям».)

АШ: Пейзаж с людьми. Но главное, конечно, то, что там... понимаете, там есть у меня... <перерыв в записи>

...старик. Понимаете, жизнь его ничего не стоит вообще, он никем не был. Он хитрил, он не работал, он морочил голову, он сидел там... в общем, ловчил всё время. Ловчил, и каждый раз при определенных обстоятельствах всё превращалось в чепуху, потому что меняли деньги, и деньги превращались в навоз. И мысль заключалась моя в том, что это не имеет никакого значения, что эта жизнь была не хуже любой другой. И все к нему претензии абсолютно незаконные(?), потому что единственная плата за жизнь – это сама жизнь, больше ничего. А он ни черта не знает, он вот здесь живет <нрзб> водочки выпил, лучок там, чесночок, яичко облупил. Петух ему вещал – он не знал, что уже вот-вот... сойдет на пристани к обеду, и смерть идет за ним. Ну, ряд таких вот мыслей, которые...

А в тех мальчишках – там есть у меня блудный сын, по существу притча о блудном сыне. Там два парня. Я очень жалею, что...

Кончается это сочинение тем, что из-за поворота показывается эта загадочная буровая.

Слушатель: Женщины у вас бесцветны по сравнению с мужчинами.

АШ: Почему? Там все женщины по-разному. Одна – девочка, которая вообще случайно попала туда, боялась безумно(?) Вторая – вообще непонятная фигура. Они такие, какие есть. «Свободы спать и видеть сны». Она ничего не хочет, кроме того, чтобы ее оставили в покое. Больше ничего. Она уже нажралась всякой дряни в жизни:

Что снилось ей? Размолвка с братом?
 Базары в южных городах?
 Роман с бухгалтером женатым,
 Притом в порядочных годах?
 И это бегство... <...>

Какое-то бегство почему-то. Это неважно... Больницы, вымогатели... Что вам еще надо? Вся женщина, вся ее судьба. Удрала куда-то. Вообще неизвестно, где это происходит. Какая-то река. Где это? Не то в Сибири, не то еще где-то. Довольно далёко. Пароходство захолустное.

Такое итоговое для меня было... Некоторые соображения вложены в эту вещь.

Слушатель: Она не опубликована?

АШ: Абсолютно невозможно опубликовать ее. У меня договор с «Советским писателем» на книгу стихов, куда я включил поэму, уже она была вся одобрена. И в последний момент редактор сказал: «Знаете что, давайте снимем поэму и заменим чем-то». Я сказал, что если не будет поэмы, не будет книги. Так вот. Я договор с ними имею, а книжку я не издал, потому что без этой вещи я не хочу издавать. Она будет напечатана. Не так, так эдак. Меня этот вопрос мало волнует¹.

Слушатель: Это не самое главное в данной ситуации.

АШ: Абсолютно. Конечно.

ЕР: Я просто еще раз убедился в высоком литвкеусе некоторых издателей.

АШ: Они точно знают, что им брать и что им не брать, вы не думайте. Они тут всё поняли. Они совершенно отчетливо всё поняли, что эту поэму печатать не надо. Хотя там ничего нет как будто.

¹ В итоге книга оригинальных стихотворений АШ, включающая поэму «К верховьям», а также переводы и воспоминания о нем, вышла через тринадцать лет после смерти автора: Штейнберг А. К верховьям. [М.]: Совпадение, 1997. О попытках АШ издать книгу см., например: Липкин С. Вторая дорога: Зарисовки и соображения. М., 1995. С. 117; Перельмутер В. Контурсы «Потерянного рая». // Воспоминания об Аркадии Штейнберге: он между нами жил... С. 126–130; Пробиштейн Я. «До Гутенберга поэзия тоже существовала...» // Там же. С. 341 и др.

Мне заместитель главного редактора: «У вас там у всех такие тяжелые судьбы». Я говорю: «А у вас легкая судьба?» (*Смех ЕР.*) Тут она и замолчала. Я говорю: «А вообще бывают легкие судьбы?» Не бывает. Легких судеб не бывает ни у кого, ни у одного человека на земле никогда не было легкой судьбы. Абсолютно. Только у полного и законченного микроцефала, не осознающего ничего вокруг. Я ей говорю: «У вас легкая судьба?» Воды в рот набрала. Потому что я понимаю, что у нее тоже судьба нелегкая. Я бил просто без промаха, потому что я знаю, что легких судеб нет.

О Чистополе

Те дети писателей, которые были с родителями, именитыми писателями, – те жили чрезвычайно роскошно. А те дети, родители которых были на фронте, как ваш покорный слуга¹, – они жили в интернате². Их страшно обкрадывали. А повезла моих трех сыновей туда наша домработница. С Алтая, из села Солдатаво, такая Маруся, которая поступила к Тренёвым домработницей и подворовывала у этих Тренёвых съестного, и кормила моих детей в этом интернате³.

О последней охоте

Я был охотником, и страстным совершенно, что видно из стихов, конечно⁴. Но я бросил охоту. И, видимо, это приходит ко многим охотникам.

Я как раз был в тайге в Хакасской автономной области. Там было огромное количество рябчиков, – там не проблема была поехать, потому что можно было их настрелять сколько угодно. Ну, я их стрелял, сколько я мог съесть. Рыбу там ловил в речках, – хариусов... И вот был такой случай: когда я должен был рябчика снять⁵, он, понимаете, вытянулся по ветке весь... Он вот так вот, – фррр! – поднялся, вытянулся по ветке, и я вдруг почувствовал, как он хочет слиться с веткой, чтоб я его не увидел, чтоб я его не убил. Я его взял на прицел – и не мог нажать спусковой крючок. И я не выстрелил. И уехал в Москву. Продал свои ружья и больше не стрелял. Вот такой рябчик, спас и себя, и...

О соотношении науки и искусства

ЕР: Кто-то сказал, что наука и искусство ловят одного и того же зверя, только одни чучело изготавливают, а другие пытаются его выдрессировать.

АШ: Это не так совсем. Наука может поймать зверя только уже мертвого.

ЕР: Ну да.

АШ: Потому что пользоваться анализом мы не можем, мы должны расчленить.

Слушатель: Это правильно. Но ясно, что задачи разные.

АШ: Нет, задача одна и та же.

Слушатель: Я бы сказал, что методы одни и те же, а задачи разные.

ЕР: Мне кажется, наоборот.

АШ: Наоборот! Методы совершенно разные. А задача одна и та же. Есть замечательные по

¹ Дети АШ – Ясень (1929–?) ; Эдуард (1937–2012), художник; Борис (Борух; 1938–2003), художник. Э. А. Штейнберг вспоминал: «В войну я был в Москве, а потом нас, писательских детей, вывезли в Чистополь – где Марина Цветаева покончила с собой». (*Алексеев В. Штейнберг в Тарусе (памяти Эдика)*. URL: <https://dipart.livejournal.com/16617.html>).

² Имеется в виду т.н. Интернат Литературного фонда для детей писателей.

³ Константин Андреевич Тренев (1876–1945), прозаик, драматург. Его дети: Наталья Константиновна Тренева (1904–1980), переводчица; Виталий Константинович Тренев (1908–1953), архитектор, писатель.

⁴ См., например, стихотворение об охоте «Хозяин» (Тарусские страницы. С. 218) или одно из первых напечатанных стихотворений АШ «Волчья облава», отмеченное В. Маяковским.

⁵ Т.е. на жаргоне охотников – подстрелить.

этому вопросу философские работы Гейзенберга Вернера. Который <открыл> принцип неопределенности, – ну, вы знаете. Он очень точно об этом всем написал¹. Без искусства задача науки просто неполна, она не может быть достигнута. Так же как искусство может задачу решить, но оно не может результат свой воплотить в автономных действиях. То есть, искусство, познавая истину, не может ее реализовать на другом поле, так сказать. Познал – и будь здоров, всё, на этом кончается. Наука же ту часть истины, которую <познала>, – она может воплотить ее в своих действиях.

Слушатель: Ту мысль, где вы процитировали Гейзенберга, – мне казалось, он имел в виду нечто другое. Он имел в виду то, что научное творчество – оно сродни очень искусству, несмотря на кажущуюся противоречивость его утверждения.

АШ: Нет, сродни оно только потому, что задача одна и та же. Но наука, которая действует только методом анализа – как она может иначе делать? – когда она имеет дело...

Слушатель: Вы говорите о результате.

АШ: Почему о результате?

Слушатель: Ну, то есть о продукте науки. Действительно, он выглядит как метод логического и холодного анализа. На самом деле любое аналитическое достижение – оно методически часто дается методами искусства, как это ни странно.

АШ: Большой ученый интуитивно прозревает истину, но должен ее обязательно доказать другим путем. Но речь идет здесь о, конечно, особого типа ученых.

Слушатель: Нет, конечно, начиная с какого-то уровня, когда технические средства отступают на второй план. Но ведь вы именно таких поэтов нам и рекомендуете сами. Их тоже можно же на разных уровнях... Начиная с какого-то уровня методы творчества, как вы называете, научные – они очень близки к методам творчества искусства.

АШ: Ну, конечно, интуиция одна и та же, да и цель познания истины – она всегда... Искусство тоже ищет истину. Но оно ищет истину в процессе становления, понимаете ли? То есть всю целиком. Но, конечно, ее никогда не достигает. Это другой разговор. Но задачу оно такую внутреннюю... Природа искусства такова: стремление к полной истине. Полная истина человеку, вероятно, недоступна по природе человека. Но никто не может запретить ему стремиться овладеть ей целиком. Я как раз к науке – к науке в большом смысле этого слова, как к виду человеческой деятельности, – отношусь с громадным, конечно, уважением, и ценю очень ее, и не чужд ей вовсе. По мере сил и возможностей я стараюсь как-то к ней быть причастным, по крайней мере, к ее результатам.

Я считаю, что поэт должен знать схематически обо всем. Хотя бы схематически. Он не может быть специалистом во всех областях. Но понимать он должен природу вещей, – по крайней мере, на том уровне, на каком она представляется веку нашему. Что там дальше будет, мы не знаем.

Слушатель: Ну, этого, впрочем, не знает, наверное, никто...

АШ: Но можно предугадать. Я, например, полагаю, что в обозримом будущем... *(Запись обрывается.)*

О переводе «Потерянного рая»

Я одиннадцать лет работал над переложением «Потерянного рая» Милтона, и это такая работа, которая, конечно, не давала мне писать никаких своих стихов, потому что это были мои стихи

¹ Нобелевский лауреат Вернер Гейзенберг (1901–1976), широко известный как автор принципа неопределенности, названного его именем, – фундаментального положения квантовой теории, – размышлял в том числе и о сходствах путей науки и искусства. См., например: «Наука и искусство за прошедшие столетия образовали человеческий язык, на котором мы можем говорить о более удаленных сторонах действительности, и связанные системы понятий <созданные с целью научных исследований> представляют собой, точно так же и различные стили в искусстве, в известной степени только различные слова или группы слов этого языка» (*Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1989. С. 63 [Первое изд.: М., 1963]*).

тоже. Милтон-то написал по-английски, а мне приходилось писать по-русски, и я так выкладывался, что мне было просто неинтересно и не нужно ничего другого писать.

<Только> два случая было. Один раз я написал все-таки одно стихотворение, я вам его прочту¹.

<...>

Слушатель: Но все-таки вашей внутренней потребности больше переводы отвечают, я же вижу по вашим...

АШ: Нет, не только. Я пишу стихи только тогда, когда меня очень припрет, – то, что не переводы, мои стихи. Вот если я вижу, что надо написать... Я даже бросил такую работу свою, которая есть работа моей жизни, – вот эта вот, «Потерянный рай», – отложил и написал «Отходную». Потратил на нее неделю, наверное. А если я могу не написать, так и не надо писать. Просто писать, потому что у тебя зуд, – это не нужно.

Слушатель: Нет, ну вот у вас какие побудительные причины переводить... Вы сказали, что это отвечает каким-то вашим...

АШ: Да, абсолютно. Конечно. Кроме того, я считаю, что кроме моих собственных потребностей существуют еще потребности общества и людей, среди которых я живу. Я считаю, что, дав им «Потерянный рай», я оказал им в некотором роде неплохую услугу. Есть же какой-то писательский долг. Я же не Ахмадулина, которая интересуется только своей собственной особой. (*Слушательнице, спрашивавшей про отношение к Ахмадулиной – В. Р., И. С.*) Это в ваш огород. Отнюдь нет. <...>

И второй раз я как-то купил однотомник Гейне, – в одном томе весь Гейне. У меня был другой Гейне, но я почему-то вдруг стал его вечером... я писал, переводил Милтона, работал, потом, чтоб отдохнуть, начал перелистывать Гейне. И тут я нарвался на такие стихи, что у меня рука потянулась их переложить по-русски. Невероятно совершенно, бывает так. Захотелось по-русски это сказать.

Это два случая, когда я прервал работу над «Потерянным раем». Для меня это была работа моей жизни, я хотел быть автором русского текста «Потерянного рая» лет с двадцати. Но я не мог этим заняться, потому что я был просто к этому не готов. И взялся только тогда, когда почувствовал, что я могу это сделать.

Слушатель: Уже имея заказ?

АШ: Нет, какой заказ... Я перевел уже очень <много>, потом я предложил его издательству, и издательство заключило договор, и оно напечатано в БВЛ в количестве трехсот тысяч экземпляров, поэтому, в общем, у меня не пропала моя работа². Но я ведь давно никаких заказов не исполняю, совсем, уже много лет. Я работаю только по своим собственным заявкам. Я предлагаю издательству то-то и то-то. Если они согласны, они включают в план. Не согласны – ну, что ж делать...³

[...]

Я должен вам сказать, что история моего отношения к Милтону и к этой работе – это долгая история. Долгая не в смысле моего рассказа вам, а долгая в том, что она, в общем, продолжалась на протяжении моей жизни.

Еще когда мне было лет 12–13, мне попала в руки книжка «Потерянный рай» в переводе Ольги Чюминой, которая была издана издательством Каспари с довольно плохими воспроизведениями картинок Доре⁴. На меня произвела эта книжка невероятное впечатление. Конечно, то, что я тогда понял в этой поэме, – это была только чисто зрительная могучая словесная живопись

¹ Имеется в виду стихотворение «Отходная» (см. выше).

² Перевод Штейнберга был издан в серии «Библиотека всемирной литературы» московского издательства «Художественная литература» (*Мильтон Д. Потерянный Рай; Стихотворения; Самсон-борец. М., 1976*).

³ Вечер у Александра Кривомазова 12 апреля 1980 г.

⁴ *Мильтон Д. Потерянный и Возвращенный Рай. Поэмы / В новом стихотворном переводе О. Н. Чюминой; с 50-ю большими рисунками художника Г. Доре. СПб., 1899.*

Милтона. Философию этой поэмы, конечно, я не понимал и понимать не мог. Но потом... Эта книжка каким-то чудом у меня сохранилась, и я сегодня пытался ее найти. Но, вы знаете, я перевернул вверх ногами свою очень небольшую библиотеку, запылвился так, что мне пришлось потом душ принимать, и я книжки не нашел.

И не нашел первого перевода Милтона на русский язык, который был сделан еще в конце XVIII века. Он был сделан с французского перевода одним очень образованным московским священником, одним протоиереем¹. У меня эта книжка была, мне ее в свое время подарил покойный Георгий Аркадьевич Шенгели. И эту книжку я не мог найти, хотел вам показать.

Потом, когда я уже стал писать стихи и заинтересовался вообще проблемой переложения иноязычных стихов на русский язык, для меня сразу стало ясно, что я хочу быть автором русского текста этой поэмы. Почему – я скажу об этом отдельно.

Дело в том, что эта поэма была неоднократно переведена на русский язык. Есть не меньше шести или семи переводов прозой. Есть два стихотворных перевода – один, – перевод Ольги Чуминой, который вот я... и еще один есть². Уже когда я сам стал стихотворцем, я понимал, что они и меня не удовлетворяют, и, наверное, не удовлетворили бы и Милтона.

Дело в том, что эта поэма в оригинале не написана (никогда не была) самим автором – автор слепой, и вся поэма была надиктована. Она по-английски совершенно поразительно звучит, потому что она написана вся на голос, – не написана, а сочинена, сложена на голос. И мне казалось, что момент звуковой этой поэмы – очень важный элемент ее художественного смысла и ее силы. И когда я уже принялся сам за эту работу, то купил магнитофон, – и проверял каждую строчку. По небольшим кускам, сколько я работал, – наговаривал на пленку этот текст, потом сам его слушал – как он вообще звучит.

<...>

Мне было бы интересно услышать от вас, которые читали эту поэму: что вы в ней вычитали? Что вы можете сказать о ней?

Слушатель: Я могу именно с точки зрения звучания: мне очень понравилось. Я по-английски ее, конечно, не читал, но мне очень понравился тот поток образов, который рождается при чтении. И очень музыкально красиво.

АШ: Ну, это мне приятно слышать. А о самом идейном основании, идейной задаче этой поэмы вам ничего не приходило в голову? Зачем ее Милтон написал вообще? Это не шутка – написать такую вещь. Я, например, сам работал над этим текстом русским 11 лет, не считая многих лет подготовки. К этой работе я просто не мог раньше приступить, я сам был не готов к этому. <...>

Понимаете, почему я уже потом совершенно сознательно... уже я знал, что обязательно переведу эту поэму по-русски, – потому что мне показалось, и я уверен до сих пор, что ее смысл чрезвычайно важен именно для нашего времени. Там затронут один очень важный вопрос, в этой вещи. Сам Милтон поставил перед собой задачу, он пишет:

Но предо всем, о Дух Святой! – ты храмам
Предпочитаешь чистые сердца, –
Наставь меня всеведеньем твоим!
Ты, словно голубь, искони парил
Над бездною, плодотворя ее;
Исполни светом тьму мою, возвысь
Всё бренное во мне, дабы я мог

¹ Потерянный рай: Поэма героическая. Творение г. Милтона / Пер. с фр. яз. М.: В Унив. тип. у Н. Новикова, 1780. Автор прозаического перевода – архиепископ Амвросий (Авраам Никитич Серебрянников; 1745–1792).

² На самом деле два: *Мильтон Д. Потерянный и Возвращенный рай* / Пер. в стихах кн. Еликониды Кудашевой. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1910; *Мильтон Д. Потерянный рай* / Пер. Н. А. Холодковского. Ч. 1–2. СПб.: А. С. Суворин, 1911.

Решающие доводы найти
И благость Провиденья доказать,
Пути Творца пред тварью оправдав.

То есть задача – ни больше ни меньше как оправдать Бога перед людьми. А почему Бог нуждается в оправдании перед людьми? Дело в том, что есть такая антиномия: Бог предполагается благостным, всеведущим и всемогущим, а земля полна зла, бед, несчастий, горя и беды. Как это сочетается? Как это возможно при наличии благого и всемогущего божества? И действительно, как можно создавать водородные бомбы для того, чтобы убивать людей в наивозможно большем количестве? Как можно страдать от такого: каждый пятый американец умирает от рака; я уж не знаю, как каждый русский умирает, но тоже... Люди гибнут от болезней, в страшных муках, бессмысленных абсолютно, потому что если уж должен умереть, – а все мы должны умереть, бесспорно, – так лучше, чтобы это происходило наивозможно более комфортабельным образом. А я видел ужасные страдания, когда человек обречен на гибель. Вот мать моего одного друга, художника одного, – она умерла от саркомы бедра. Вы знаете, это не дай бог вообще видеть это зрелище, как она невероятно маялась, бессмысленно, потому что всё равно ее спасти было невозможно – она месяц маялась.

Так вот эта антиномия: как возможно оправдать всемогущего и всеблаготворца, который допускает такую печальную и полную опасностей жизнь своих творений? Это вопрос всех философий нравственных – вопрос происхождения зла. Что такое зло? Ведь зло – это не просто отсутствие добра. Зло – это очень активная вещь.

Была английская революция, Милтон был ученым секретарем парламента, человеком, близким очень к Кромвелю. Сам он был пуританином, человеком глубоко религиозным, невероятно по своему времени образованным. И, конечно, когда генерал Монк вернул сына казненного Карла I – Карла II – на английский престол, то все деятели, близкие к Кромвелю и участвовавшие в этой революции, которая, как известно, окончилась казнью Карла I, – они все подвергались очень большой опасности попасть в тюрьму и быть казненными тоже. И Милтон, конечно, не избежал этого: он жил уже совершенно слепым и очень бедным человеком, вокруг него, действительно, смыкались, как писал Карл Сэндберг, тюрьмы и эшафоты¹. И вот в этой трудной обстановке – он об этом кое-где намекает (очень мало) в своей поэме – он решил создать произведение, в котором он пытался разобратся в этой проблеме, о которой я сейчас вам говорил. И так как эта проблема меня тоже интересует, интересова и интересует, просто, может быть, в силу моего возраста, когда уже начинаешь подводить какие-то итоги и своей жизни, и жизни своих современников...

Я ведь участвовал в войне этой, прошел ее всю, до этой войны мне приходилось еще пару раз всякие неприятности испытывать². Я видел очень тяжелые вещи, я видел, как люди умирают разными способами. И видел зло. И когда я уже приступил к этой работе, то я пытался... мне было, с одной стороны, и легко, и трудно войти в мир этой поэмы именно потому, что она решала этот вопрос. Как решает этот вопрос Милтон? Он винит людей во всем, потому что, по его представлению, и по моему тоже, люди – созданы они или не созданы, но они свободны. У людей есть свобода, возможность выбора. Никто никого не заставляет выбрать зло – это мы выбираем сами, и винить некого.

Почему Милтон пишет и очень точно доказывает, что – принимая во внимание гипотезу о том, что люди сотворены Богом, – что они не могли не быть созданы свободными, они обязательно должны были быть созданы свободными. Богу не нужно создавать невольников, обязательное поклонение ему не нужно. Ему нужна свободная любовь, то есть когда человек приходит к добру

¹ Имеется в виду строчка из стихотворения К. Сэндберга «Призраку Джона Милтона» (To the Ghost of John Milton, 1928): «If I should pamphleteer twenty years against royalists / With rewards offered for my capture dead or alive, / And jails and scaffolds always near» (Sandburg C. Complete Poems. Harcourt, Brace and Company New York. 1950. P. 384).

² Намек на лагерный срок.

сам, по своей собственной воле. И никто не заставлял Адама и Еву прегрешить, они сами это сделали. Он развивает эту идею на протяжении всей поэмы, и, по-моему, чрезвычайно удачно. Я не собираюсь вам читать всю поэму, там 14.000 строк. Но мне кажется, что винить, кроме нас самих, некого.

Мне было неинтересно переводить эту поэму, или же перелagать ее. Я хотел ее воссоздать на русском языке. Потому что если ее просто переводить так, как делали до меня мои предшественники, то это трудно читать даже. Мне это было легко читать, потому что мне это было интересно – сама тема и так далее, – но это не всем сразу интересно. Всё это я должен был пропустить через себя как поэт.

Если вы положите перед собой английский текст и мой перевод, то вы увидите, как мало слов из английского текста перешло в мой русский текст. Всё изложено там своими словами, то есть собственными мне. Я мобилизовал, можно сказать... пытался, по крайней мере, мобилизовать все достижения русского стихотворства, начиная от Ломоносова и Державина и кончая Вячеславом Ивановым и даже Хлебниковым в какой-то степени. Это, по моему замыслу, должно было быть произведение уже не английской литературы, а русской литературы и русской культуры. Ну, естественно, потому что в английской литературе это английский текст. Не может русское стихотворение или русская поэма, русский текст не может стать фактором английской литературы и английской поэзии. Но это ведь само собой получается, а я очень активно хотел создать именно такую вещь, которая была бы каким-то элементом нашей культуры. И мне казалось, когда я работал над этой вещью, что то, что я делаю, – это нужно, что в общем и целом эта поэма... <нрзб> она вышла потом в очень большом количестве экземпляров, 300.000 в «Библиотеке всемирной литературы». Кроме того, она, если ничего не изменится, в будущем году выйдет отдельной книжкой, новым изданием, в Государственном издательстве литературном, и ее сможет тогда еще большее количество людей прочитать.

Я должен вам сказать, что мне до сих пор еще не очень ясно и понятно, как вообще я 11 лет работал над этой вещью и почему я ее не бросил на половине, вообще как мне удалось это проделать. Я человек довольно подвижный, занимался и занимаюсь всякого рода спортами водными, и прочее¹. Но последние 3 года работы над этой поэмой я сидел в Москве невылазно. Жена ездила в деревню, там она отдыхала, а я сидел на Шаболовке и под грохот четырех трамвайных линий делал эту штуку. И сейчас иногда, когда я раскрываю эту книгу, я даже не верю: неужели это я написал? Это не может быть. Я так не умею. Тем не менее все-таки, видимо, написал.

Конечно, было очень опасно: очень большая вещь, и много лет я над ней работал, – я очень боялся истощить свои словесные средства, и силы свои, и темперамент, и что угодно. Я боялся, что постепенно этот русский текст будет бледнеть по мере приближения к концу – скучнеть, бледнеть, вялым станет. Просто у меня уже не будет чем писать, слов не будет. Но как будто бы этой опасности все-таки мне удалось избежать. Опять-таки, тоже неясно почему.

Единственное могу вам сказать, что сейчас я могу работать только над очень маленькими вещами. Я сейчас работаю над переложением древних китайских поэтов – главным образом это четверостишия и восьмистишия. По сути дела, мне ведь надо сесть и начать работать над «Возвращенным райем». Ведь Милтон написал еще «Возвращенный рай». Это, правда, вещь гораздо меньше, чем «Потерянный рай», но все-таки... Но я никак не могу решиться сесть за это дело².

И еще могу вам сказать, что произошло в процессе этой работы. В силу некоторых обстоятельств, о которых говорить не приходится и не нужно, почти 4.500 строк уже сделанных по-русски стихов этой поэмы у меня пропало. И встал вопрос о том, что делать. И я пришел в издательство и сказал: «Товарищи, расторгните со мной договор. У меня пропало 4.500 строк, и у меня

¹ У Штейнберга были как парусные, так и моторные лодки. См. об этом в многочисленных воспоминаниях, например: *Тихомиров В.* «Таинственный совершается обмен» // Воспоминания об Аркадии Штейнберге: он между нами жил... С. 108–109.

² Сохранились черновики начала перевода «Возвращенного рая».

нет сил начинать сначала». Что же, опять начать сначала? Знаете, пропало с черновиками, просто целиком. И редактор этой серии, двухсот томов, Борис Тимофеевич Грибанов¹ – он просто на меня наорал: «Я буду ждать хотя 20 лет! Садитесь опять работать!» И я сел и начал опять сначала².

Знаете, нет худа без добра: мне кажется, то, что я второй раз сделал, лучше того, что я сделал в первый раз. А издательство, я считаю, проявило просто героические свойства: они мне девять раз продлевали договор, девять раз!

Эта книжка вышла в серии предпоследней. Последним был древнекитайский том, где тоже мои переводы, но это я уж не виноват³. Милтон вышел предпоследним из двухсот томов, а должен был выйти, конечно, далеко не предпоследним.

А теперь, с вашего разрешения, я... Или, может быть, вы хотите задать мне какие-нибудь вопросы по этому поводу? Мне будет это интересно. Или, может быть, я почитаю немножко, а потом вы меня спросите.

Это довольно трудно – выбирать отсюда что-нибудь, но я прочту... Дело в том, что Милтон, кроме всего прочего, не только мыслитель и замечательный, своеобразный богослов и философ – он, конечно, гениальный художник, потому что его словесная живопись поразительна. И моя задача была, конечно, в том, чтобы создать для вас и для читателей моих эффект присутствия, то есть для тех, кто будет читать эту книжку, – затянуть их туда, в этот мир Милтона, и заставить пребывать в нем. По-английски это так получается. Не знаю, как это у меня получилось по-русски, но я очень этого хотел. Я начну сначала и потом немножко по разным главам. Начало очень важное, потому что это экспозиция всей вещи.

(Читает начало поэмы до строк «Лучше быть / Владыкой Ада, чем слугою Неба».)

Как видите, центральный герой этой великой поэмы – сам дьявол, которому Милтон придал поразительные человеческие качества. Он вызывает невольную симпатию у читателя. Я, работая над этим текстом, эти черты отнюдь не сглаживал. <...>

<Сатана> летит к вратам Геенны, которые охраняют два страшных чудовища – женщина по имени Грех и какое-то страшное, странное существо с туманным лицом, которое нельзя определить, которое есть Смерть. Тут я имел очень большое затруднение. Дело в том, что по-английски грех – женского рода, а смерть – мужского рода. По-русски как раз наоборот: грех – мужского рода, а смерть – женского рода. И мне пришлось такую проделывать комбинацию, чтобы все-таки это получилось как-то... Ну, женщина – просто ее зовут Грех, как, скажем, ее могут звать Руфь или что-то в этом роде. А смерть – всё время его называют там всяким призраком и так далее. Я не буду читать все эти места, но в общем я выкрутился, с большими трудностями. Действительно, англичане как-то глупо считают смерть мужским... *(Смеется.)*

<...>

Я начну с того места, где наконец вот эта самая дама, которая хранит ключи от адских врат, открывает эти врата Сатане, и он... А что произойдет дальше, вы услышите.

<...> Замолчав, она

Ключ роковой, орудье наших зол

<...>

<...> безумный вихрь затих, и он

¹ Борис Тимофеевич Грибанов (1920–2005), писатель, переводчик, литературовед.

² Возможно, именно об этой истории вспоминает Александр Ревич: «Из-за этой своей “многогранности” он *(Штейнберг – В. Р., И. С.)* долго не мог приступить к переводу поэмы Мильтона “Потерянный рай”, хотя уже давно заключил с издательством договор. Чтобы продлить срок сдачи рукописи, он придумал версию о том, что она сгорела. Договор был пролонгирован, и работа – перевод огромного по объему стихотворного произведения – завершена за два-три года» *(Ревич А. Об Аркадии Штейнберге // Воспоминания об Аркадии Штейнберге: он между нами жил... С. 31.)*

³ Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977. В этот том БВЛ вошли переложения Штейнберга китайских и вьетнамских поэтов.

Погряз в трясине вязкой – ни вода,
Ни суша.

Вот такой вот вам кусочек. Тут, мне кажется, интересны его взгляды на физическое, вообще на природу материи. Ведь Милтон говорит о не созданной, не сотворенной, а искони существующей, какой-то хаотической... Видите, где он пишет: «тьма самобытная»¹. А Бог у него – только такой устроитель порядка, который наводит на всё это дело порядок. Вот эти его атомы, которые группируются... Вообще, не лишено любопытственности...

АК: Чрезвычайно интересно. Если до этого было только <нрзб> в одной из вещей(?), то Милтон для меня является следующей ступенькой к Дальтону <нрзб>.

АШ: Да. Он же еще вдобавок ко всему это всё видит и слышит.

АК: <нрзб>

АШ: Ну конечно. Ну, тут... Он находит там Анарха и несотворенную Ночь и спрашивает у них дорогу – как ему добраться до Земли. В общем, они ему дорогу указывают, и он... А Бог видит всю эту картину и разговаривает со своим сыном, небезызвестным Иисусом, и говорит... Вот он видит, как этот Сатана... И там у них такой длинный разговор о том, что уже Бог знает всё, что будет дальше. Я это место вам читать не буду – это чистое богословие, довольно любопытное.

Слушательница: А почему вы не будете читать?

АШ: Я же не могу вам читать всю поэму. Лучше я прочту другие места, где нет таких размышлений, а где есть великая милтоновская живопись. Так... Он попадает на Солнце, там ему... И наконец он...

На шар взгляни, что яркой обращен
К нам стороной и отражает свет,
<...>
(Так противостоящую звезду
Прекрасную зовут) приходит в срок...

Он приземлился на горе Нифат. И тут есть одно место, которое я обязательно хочу вам прочесть. Мне представляются как раз его монологи очень интересными. Он приземлился на горе Нифат уже на Земле. И вот он...

На пленительный Эдем
Не раз он обращал печальный взор,
На небосвод, на Солнце поглядел
Полднее, достигшее зенита,
И после долгих дум сказал, вздохнув:
«– В сиянье славы царского венца,
С высот, где ты единый властелин,
<...>
Отныне, Зло, моим ты благом стань,
С Царем Небес благодаря тебе
Я разделяю власть, а может быть,
Я больше половины захвачу

¹ <...> Глазам троих,

Стоящих на пороге Адских Врат,
Предстали тайны пропасти седой:

Безвидный, необъятный океан

Тьмы самобытной, где пространства нет

(Милтон Д. Потерянный Рай; Стихотворения; Самсон-борец. С. 77).

Его владений! Новозданный мир
И человек узнают это вскоре!»

Вот такие у него монологи и признания, у этого странного существа, которое создал этот слепой англичанин 300 лет тому назад.

Слушательница: А что Бог говорит, вы читать не хотите?

АШ: Я прочту, дойду и до Бога. Я вам прочту «Сотворение мира», это будет интересно. Почему я не хочу? Вы думаете, что у меня есть какие-нибудь соображения скрывать от вас Божьи слова? Нисколько, нисколько. (Смех.) Просто этот милтоновский Сатана чем-то очень похож на нас, ближе нам. <...>

Можно я закурю? Я не знаю, как вы, – я сейчас, перечитывая эти вещи, вспоминаю очень счастливые время, когда я сидел и всего меня трясло, когда писал. Мне приятно это опять как-то самому переживать. К сожалению, второго «Потерянного рая» не существует. Один раз это можно только было сделать.

Слушатель: А у Милтона белый стих?

АШ: То, что вы слышите.

Слушатель: Тоже нерифмованный.

АШ: То, что вы слышите, да. Ну, конечно, сходство между английским стихом и русским не стопроцентное. В английском языке есть и долгие, и краткие гласные, которых нет в русском языке. Английский стих более тоничен, а наш все-таки силлабо-тонический стих. Но близко. Не знаю, расслышали вы или нет, большинство моих стихов кончается так называемым мужским окончанием, то есть на ударном слоге. Так, как английский стих. Я это делал вовсе не потому, что я хотел имитировать английские стихи. Просто я так слышу эту вещь. И это придает этому пятистопному ямбу моему довольно своеобразное звучание, потому что в русском пятистопном ямбе обычно преобладание женских окончаний, а не мужских. А такое громадное преобладание – примерно 80% – мужских окончаний, как у меня, – это первый случай такой в русской поэзии. Но я это делал вовсе не для того, чтобы побить какой-то рекорд или имитировать английские стихи, – просто так это у меня получалось, и я иначе просто не мог это сделать. И, по-моему, я правильно сделал. Я не уморяю вас от скуки?

Слушательница: Нет-нет-нет! А как англичане, знающие русский язык...

АШ: Как они к этому относятся? Понимаете, у меня нет по этому поводу специалиста, ей-бо-гу... Ну, у меня есть сведения... У нас в Москве есть люди, которые знают первоклассно английский язык. Есть такой Владимир Владимирович Рогов, например, который окончил колледж английский¹. Он сочиняет английские стихи с такой же ловкостью, как и русские. Кстати, перевел «Слово о полку Игореве» на английский язык. И так далее.

Слушательница: Аркадий Акимович! Как можно было бы физически понять эти слова: «Она их отомкнула, но замкнуть / Уже не властна».

АШ: Она могла их открыть, а закрыть уже не могла, не властна – уже не в силах была. Ворота открылись. Она должна была их хранить, ключ был у нее. И был приказ не отдавать никому этот ключ и врат не открывать. Она их открыла, но закрыть она уже их не могла.

Слушательница: Но почему не могла?

АШ: Так это устроил тот, кто устроил эти врата.

Слушательница: То есть чисто физического <значения здесь> нет?

АШ: Конечно, нет.

Слушатели: Есть механическое значение, а есть политическое.

АШ: Можно, конечно, себе представить такой механизм, который может только один раз шелкнуть, а обратно – там будут такие собачки, и он не даст закрыть. Можно придумать разные

¹ Владимир Владимирович Рогов (1930–2000), переводчик, поэт, литературовед.

способы, которые помешают закрыть это. Но она не властна закрыть. Открыть она еще могла – у нее был ключ, а вот насчет того, чтобы эти врата...

Слушательница: Но знала ли она, что нет <пути>?

АШ: Вы знаете, у Милтона по этому поводу нет никаких указаний.

Слушательница: Самой интересно. Психология.

АШ: Я думаю, что она могла это предполагать, потому что она же нарушила... недаром она Грех.

Слушатель: Можно один маленький фактический вопрос?

АШ: Сколько угодно.

Слушатель: Я почему-то всегда считал, что ангелы богоподобные. Ну, что-то по типу людей. Ведь Бог создал людей по образу и подобию своему. А ангелов он создавал как-то не так? Или они были созданы не им?

АШ: Нет-нет. По идее, всё сущее – всё есть творение Божье. Он сотворил ангелов, которые вообще похожи... Милтон нам говорит, что он выражает вещи, которые не могут быть изображены людским языком, приблизительно, для того чтобы люди понимали это дело. Они – какие-то эфирные существа, они не из плоти сделаны человеческой.

Слушатель: Там о нем говорится в самом начале: огромное тело сравнивается с чудовищами...¹

АШ: Да, конечно. Но это тело – это не наша плоть с вами. Это совершенно другие физические основания. Он очень много потом говорит, там есть целые... Даже они питаются, эти ангелы, но, конечно, не так, как мы. У них есть какой-то обмен веществ, по Милтону. Но они, конечно...

Слушатель: Но они не богоподобны.

АШ: Нет, они, может быть... У Бога же нет формы.

Слушатель: А как тогда он создал человека?

АШ: А вы думаете, что «подобный» только в смысле сходства внешнего?

Слушатель: Ну, по образу...

АШ: По образу и подобию – образ может быть внутренний. Это совершенно не значит, что у Бога есть уши, нос, глаза, рот и борода, скажем. Или усы, как у меня. Отнюдь, нет. Бога же никто никогда не видел. Его нельзя увидеть вообще. Его и ангелы не видят. Там же всё время он... Описание Бога нет нигде абсолютно. Он не имеет формы.

Слушательница: А вот Милтон – он как создает своего Сатану? Как самобичевателя или самосозерцателя?

АШ: Да. Мало того, там есть изумительное место, которое я считаю просто психологически гениальным. Он весь гениальный, Милтон, но... Он видит в Раю Адама и Еву, этих необыкновенных, два совершенных по красоте существа, и в ужасе, что он должен их соблазнить и погубить. Вы понимаете или нет? Он в ужасе, что он должен их погубить, такую красоту разрушить. Это надо же такую вещь придумать про Сатану! И вместе с тем он не может этого не сделать. Я вам прочту этот монолог – это удивительно совершенно, – где он просто за голову хватается: такая красота и такая невинность, такая прелесть необыкновенная совершенно. И он смотрит на это, и способен оценить совершенство этого творения – и он должен это всё разрушить, он должен это погубить.

Слушательница: <нрзб>

АШ: Он не может. Он уже соблазнил несметные орды ангелов, которые вместе с ним восстали и пали. Там же битва была, там дальше идет описание. Там есть такое место, одна глава, где Бог

¹ Так молвил Сатана. Приподнял он

Над бездной голову; его глаза

Метали искры; плыло позади

Чудовищное тело, по длине

Титанам равное, иль Земнородным –

Врагам Юпитера! <...> (*Милтон Д.* Потерянный Рай; Стихотворения; Самсон-борец. С. 32).

посылает архангела Гавриила к Адаму и Еве для того, чтоб Гавриил их предостерег о том, что Сатана может их искушать, и чтоб они этому не поддавались. Попутно он у них гостит целый день и рассказывает об этом мятеже, об этом бунте ангелов, этой гигантской битве, которая происходила где-то в непонятных пространствах. Ведь Сатана был второй после Бога, был самый главный архангел. И он восстал, потому что Бог заявил, что «мой сын Иисус будет мне равный и ваш глава». И этого он не мог перенести. По Милтону, – и, вероятно, это так и есть, – самый первый грех, то есть первородный грех Сатаны и грех, конечно, всех нас, из которого потом исходят все остальные прегрешения, – это гордость.

Слушательница: Поэтому эту гордость дали женщине.

АШ: Не только. Почему женщине? Я знаю очень гордых мужчин в большом количестве. И знаю массу смиренных женщин. Смиренномудрых женщин.

Слушательница: Разумеется. Но нам говорят, что мы должны быть горды.

АШ: Ну, мало ли что вам говорят. Не слушайте всех, кто вам это говорит.

Слушательница: Нет, но это же не просто так.

АШ: Ну почему? Нам часто говорят разные вещи, которых вовсе не надо слушать. Причем говорят с полной уверенностью, что надо именно так поступать, а не иначе. А вы поступайте так, как вам подсказывают ваши собственные чувства и мысли. Никого не слушайте.

Слушательница: Я говорю в общем.

АШ: Почему женщины должны быть горды обязательно? <...>

Теперь я вам прочту то место, где он наконец...

<...> Продолжая путь,
Он под конец достигнул рубежа
Эдема, где отрадный Рай венчал
Оградой зеленой, словно валом,
Вершины неприступной плоский срез.

Тут идет описание, как это всё было устроено. Послушайте.

Крутые склоны густо поросли
Кустарником причудливым; <...> А рядом
Сосуществовала с жизнью наша смерть –
Познанья Древо; дорогой ценой
Купили мы познание Добра,
С Добром одновременно Зло познав.

Вот тут Милтон дальше – в особенности в песне, где Адама и Еву посещает архангел Гавриил, – развивает одну мысль, которая мне кажется поразительно верной, а именно – о границе дозволенного познания. То есть человеку разрешается граница познания только в зависимости от уровня его сознания, то есть от его нравственной высоты. Чем выше его нравственная высота, тем больше расширяются границы того, что ему дозволено познавать, и так далее. Конечно, всё абсолютно познать человек никогда не сможет, потому что всё познает только один Господь. Но по мере приближения нравственного своего уровня всё выше и выше расширяются границы дозволенного ему познания. И мы видим теперь сами, что наши познания необъятно велики, а нравственный наш уровень чрезвычайно мал. А результат этот, по-моему, на глазах у всех, очевидно о нем не приходится говорить. Но мысль мне кажется очень верной.

Слушательница: Скажите, пожалуйста... В этом отрывке «наймиты в Божий храм»...

АШ: Наймиты. Ведь не забудьте, что он <Милтон> был пуританином, и его всякие намеки на католическую церковь, на папство... Это наймиты – наемные священники, которые берут деньги за требы.

Слушательница: Ах, это в этом смысле.

АШ: А как же! У него непрерывно такие колкости бывают по адресу католичества, которого он был бесспорным противником. Он пуританин.

Так. Я читаю дальше описание рая:

Широкая река текла на юг,
 Нигде не изгибаясь; под лесной
 Горой она скрывалась в глубине
 <...>
 Разносят ветры вешние, звуча
 В листве дрожащей. Сам вселенский Пан,
 И Ор и Граций в пляске закружив,
 Водительствует вечною весной.

Слушательница: Описание Рая у него чисто слуховое больше, да?

АШ: Я говорил о том, что я старался передать именно инструментовку стиха. Наверно, вы это слышите.

АК: Аркадий Акимович, <нрзб> сельский Пан – это, значит, не только <нрзб>, но и уже с мифологией <нрзб>?

АШ: А как же! Он всё время... у него многослойное... Обязательно мифология греческая. (**АК:** *Языческое уже что-то есть.*) Да, конечно! ...которая всё время сочетается с библейским, с Ветхим и Новым заветом. Всё время. Это же эпоха Возрождения, не забывайте. Ренессанс чистой воды, барокко такое. <...>

<...> где Враг взирал
 Без радости на радостную местность,
 На разные живые существа,
 Столь новые и странные на вид.
 <...>
 А тронут я взаправду, – но велят
 Общественное благо, честь и долг
 Правителя расширить рубежи
 Империи, осуществляя месть,
 И, миром этим новым завладев,
 Такое совершить, что и меня,
 Хоть проклят я, приводит в содроганье.

Слушатель: Скажите, пожалуйста, а завет Бога «плодитесь и размножайтесь» был сделан до грехопадения?

АШ: Конечно. И Милтон этим пользуется очень широко и считает, что Адам и Ева до грехопадения прекрасно жили брачной жизнью.

Слушатель: А почему же тогда у них не было детей?

АШ: Еще не было. Просто не успели еще. <...> Во всяком случае, по Милтону, они жили брачной жизнью до грехопадения.

Слушатель: А по Библии?

АШ: По Библии – там тоже сказано «плодитесь и размножайтесь и населяйте землю» до грехопадения.

Слушатель: У Пушкина неправильно...

АШ: В «Гавриилиаде»? Ну, слушайте... Если вы собираетесь изучать Библию по Пушкину, вы далеко зайдете.

Слушатель: Есть один очень серьезный вопрос. Если они обладали вечной молодостью и вечной жизнью и без греха размножились, вечность какая-то прошла бы, и их потомство заполонило бы не только Эдем...

АШ: Ну, Земля же вся дана была им.

Слушатель: Земля – такая малость.

АШ: Земля была не такая уж и малость, им хватило бы надолго. А потом что стоило Богу... Они тем временем могли и другие какие-нибудь небесные тела занять. Мироздание велико. Это не проблема. Это для нас с вами проблема, для Бога в этом проблемы нет.

<...>

...грех. Поэтому устроено уже совершенно иначе, чем...

Слушательница: Но он запрограммирован, этот грех.

АШ: Конечно.

Слушатель: Богом.

АШ: Да, но род людской – и по Милтону, и по христианскому мировоззрению – вернется обратно в безгрешное состояние.

Слушательница: Вы так думаете?

АШ: Я не так думаю, это я вам излагаю христианскую доктрину.

Слушательница: Да, всё хорошо описано. Но как мы придем к безгрешию, не описано.

АШ: Мы, конечно, с вами не придем, но человечество, по христианскому вероучению, обязательно придет.

Слушательница: Но не сказано – как.

АШ: Второе пришествие. Потом тысячелетнее царство на земле. И потом соединение с Богом. А как же?

Слушательница: Но в общем-то Милтон – это поэтическая догма.

АШ: Это христианская поэма, конечно, в целом. Но она в себе несет... У Милтона очень своеобразное богословие, и было бы очень долго и, может быть, скучно объяснять особенности его богословия. В частности, он отводит Богу роль скорее устроителя и формодателя, чем сотворителя материи как таковой. То есть он соединяет здесь исконность и первозданность материи с существованием Творца, тоже первозданного и исконного.

Слушательница: Скажите, пожалуйста, <когда> вы работали над этой поэмой, вы задавали вопросы, почему <Милтон> думал так, а не иначе?

АШ: Я задавал себе эти вопросы и я искал ответы на эти вопросы в огромном количестве богословской литературы, которую я за это время прочитал и стал просто ученым богословом.

Слушательница: А были, например, в славянской, нашей поэзии люди, которые могли бы сравниться с Милтоном в этой поэтической догме?

АШ: Видите ли, русская поэзия – это, конечно, необыкновенно великая поэзия, но... Таких мировых поэм, как «Божественная комедия» и «Потерянный рай», славянские народы не создали. Мне, по крайней мере, ничего подобного не известно. <...>

Слушательница: У <Милтона> поразительно зрительные образы при том, <что он был слеп>.

АШ: Конечно, и это одна из причин, почему меня привлекла работа над этой поэмой. Моему собственному творчеству в высшей степени свойственна пластичность такая: я всё должен видеть. Поэтому это меня так привлекло, и я изо всех своих сил старался сделать так, чтобы вам тоже это всё было видно.

Понимаете ли, человек, который был когда-то зрячим и потом ослеп, – он, конечно, сохраняя-ет внутреннее зрение и зрительную память.

Я должен вам сказать еще вот что. Дело в том, что поэт, который перелагает другого поэта, иноязычного, – он пользуется своим накопленным зрительным опытом. И когда я передавал все эти картины милтоновские, то я пользовался бесконечными лесами, и горами, и реками, и ручьями, которых я понавидался в моей собственной жизни. И поэтому, может быть, это и у меня получается тоже видно. Потому что если переводить просто слова словами, то ничего видно не будет.

Слушательница: Вы знаете, мне очень понравились ваши слова: «Прощай, надежда! Заодно прощай и страх».

АШ: Это не мои слова (*смеется*), это Сатана сказал. (*Смех.*)

Слушательница: Я хотела спросить: это было у Милтона или это ваше?

АШ: Нет, всё, что вы слышите, – это всё есть у Милтона. И всё это есть и у меня. Я не придумал.

Слушатель: Извините, можно задать вам вопрос?

АШ: Любые вопросы. Мне интересны самому ваши вопросы.

Слушатель: Сатана у нас по Милтону является невольником. То есть исполнителем чьей-то воли.

АШ: Не совсем так. Я сейчас вам скажу. Бог создал ангелов и людей свободными. Животные тоже свободны. Что не мешает всеведущему Творцу знать, как они поступят. Но он не вмешивается в их поступки, потому что ему куклы, марионетки не нужны. Зачем ему марионетки, которыми он управляет? Это унизительно: что он, директор театра марионеток, что ли? Ему нужны свободные творения обязательно. А то, что он знает, как они поступят, – это не мешает свободе нашей с вами. Оттого что кто-то знает, как мы поступим, нам не легче...

Слушательница: И не тяжелее.

АШ: Да. Но тем не менее это не лишает нас свободы абсолютно. Мы-то не знаем.

Слушатель: Но Сатана является олицетворением зла, так? Кто над Сатаной <нрзб>?

АШ: Над Сатаной никого. Над Сатаной так же, как и над всеми, над всем сущим, есть, конечно, Творец.

Слушатель: Значит, Творец сочетает в себе два начала – добра и зла?

АШ: Нисколько. Почему? Он не заставлял Сатану быть злым.

Слушатель: А кто заставлял Сатану?

АШ: Сам Сатана выбрал. Он же свободен.

Слушатель: Но он же жалеет об этом? Значит, его кто-то заставляет?

АШ: Нет. Он жалеет... А что такое раскаяние, вы не знаете? У Сатаны тоже есть раскаяние. Он жалеет, но он ничего не может поделать. У него долг общественный. Он увлек несметные толпы низших ангелов за собой. Он не может их бросить в аду, а самому прийти опять поклониться Богу и просить прощения. Понимаете? Он не может. Вот же там всё написано у него. Как он может бросить людей, которых он увлек? Он не может их бросить. Он связан, понимаете? Свобода, которую он <получил>, избрав зло и бунт против Бога, – она влечет уже за собой ряд абсолютно необходимых и неизбежных вещей. Точно так же, как наши с вами поступки имеют следствия, и мы уже ничего не можем поделать.

Слушатель: Значит, он был волен избрать добро и зло?

АШ: А как же!

Слушатель: Значит, добро и зло было на равных правах?

АШ: Зло появилось, когда он его избрал. Понимаете, не было зла. До бунта ангелов зла не было в природе и на небесах.

Слушатель: А может быть, они были первоначально, и добро и зло?

АШ: Нет, никогда не были.

Слушательница: Они хотели что-то делать. Зло – оно делается, а в общем-то поля деятельности для добра у них не было. Что бы они могли еще сделать доброго для людей?

АШ: Почему? Людей-то еще никаких не было. Когда они взбунтовались против Бога, не было никаких еще людей. До того, как Сатана избрал зло, до этого бунта зла просто не существовало. Зло – ведь это не материя, это духовное... Это понятие. Это категория чисто умозрительная.

Слушатель: Получается, что зло – оно просто противно Богу.

АШ: Зло – это грех. Конечно, это прегрешение. Против законов природы. То есть идея Милтона – это христианская идея, это и древнееврейская идея, иудаистская идея о том, что, совершив грехопадение, единственный завет нарушив – не вкушать плодов Древа познания добра и зла, – люди исказили всю природу, всё мироздание. Всё мироздание исказилось этим поступком.

Слушатель: Но ведь, понимаете, добро и зло уже было запрограммировано в этом Древе.

АШ: Нет, ничего не было запрограммировано абсолютно. Само знание не может причинить зла. Зло может причинить только, понимаете... Пушка сама безвредна, пока из нее не стреляют по людям. То же самое и это древо, оно – источник знаний.

Слушатель: Здесь можно сколько угодно логических парадоксов найти.

АШ: Нет. Тут парадоксов никаких нет, у него система замкнута на себя очень точно.

Слушатель 2: А вот парадокс. Во-первых, свобода у людей, а во-вторых, явный запрет не срывать плодов с дерева. Всё можно, а плод сорвать нельзя.

АШ: Да. Вот не делайте этого.

Слушатель: Но какая же это свобода?

АШ: Они же вольны были, брать или не брать.

Слушательница: Просто если они возьмут, будут последствия.

АШ: Да, и будут последствия. Появилась в мире смерть. <...>

Слушательница: У Пьера Буля есть прекрасное произведение «Когда не вышло у змея». Змей много раз соблазнял Еву во множестве своих обличий... (**АШ:** Да.) ...а она не соглашалась, и все пришли в ужас: а что будет с планетой? Потому что они будут друг друга есть и не будут знать, что это зло¹.

АШ: Почему они будут друг друга? Никто друг друга не ел.

Слушатель: Ну, львы ягнят, например, ели. Что-то же они должны были есть.

АШ: Только плоды.

Слушатель: Львы тоже ели плоды?

АШ: Только, только, исключительно. Никто живое не ел.

Слушательница: Народу было бы <много>.

АШ: Пусть вас это не волнует. Бог нашел бы для них место.

Слушательница: Так это не меня волновало. Это Пьер Буль написал.

АШ: Ну, Буль мог придумать и <нрзб>. Вы знаете, это очень любопытная вообще система мышления. Я как-то придумал, сымпровизировал целый роман: что <бы> произошло, если Пушкин убил Дантеса.

Слушательница: И что бы произошло?

АШ: Это целая история. Я очень печальное придумал.

Слушательница: Вы знаете, это очень интересно.

АШ: Да. Ну, это не имеет отношения к Милтону. <...>

Слушатель: Милтон – он пуританин, правильно?

АШ: Конечно.

Слушатель: Но ведь то, что он рассказывает, – это свобода выбора, свобода воли.

АШ: Да.

Слушатель: Это, в принципе, католическая догма.

АШ: Не путайте с кальвинизмом только, ради бога.

Слушатель: У пуритан, по-моему, предопределение...

АШ: Предопределение? Нет-нет-нет. Только у Кальвина, у кальвинистов предопределение.

Слушатель: Я не знаю, если это католическое...

АШ: Не только.

Слушатель: Я имею в виду свободу воли.

АШ: Оттого что Бог знает, как вы поступите, – это не лишает вас свободы поступать так, как вы хотите.

¹ Согласно рассказу Пьера Буля, не познавшие запретного плода люди не смогли бы пожирать друг друга (так как были бессмертны), но, действительно, не отличая добра от зла, вызвали бы уничтожение животного и растительного мира на своей планете, а также гибель смертных людей на других, созданных Богом планетах, где грехопадение произошло.

Слушатель: <нрзб> так считали католики.

АШ: Не только. Лютеране тоже так считали. Православные тоже так считали. Вот кальвинисты так не считали. Это очень суровое и довольно противное вероучение – кальвинизм.

Слушатель: А у ангелов был же какой-то долг – хвалить Бога, благодарить.

АШ: Нет, он же там пишет, что это само собой получается.

Голоса: Что ж тогда ему надоело? Да, что первопричиной было?

АШ: Вы невнимательны. Я вам сказал. Очень простая штука. Бог вызвал всех ангелов – и херувимов, и серафимов, и прочих, – представил им своего сына Иисуса и сказал: «Вот ваш начальник. Он выше вас».

Слушатель: Он же Бог. Ведь Иисус – это... Ну, сын-то он сын, но он всё равно же Бог.

АШ: Да, но тем не менее вот эта ипостась – это вызвало приступ гордости у Сатаны, и всё получилось отсюда.

Слушатель: Так он воевал против Творца или против Иисуса?

АШ: Против Творца, конечно. Кстати, наивность Милтона и его, так сказать, английская дошность любопытны тем, что, когда <идет> описание этой гигантской борьбы, то в конце концов Сатана строит пушки и начинает стрелять снарядами по Раю, а Бог по ним дает электрическими разрядами.

Слушатель: По передовой, так сказать, технической мысли.

АШ: Да, и даже очень. (Смех.) Я говорю, что передовая техническая мысль была у Милтона. О том, что все-таки молния – энергия гораздо сильнее, чем химическая энергия пороха.

Слушатель: Зевс это тоже понимал.

АШ: Да. Он же всё время смещает (вероятно, оговорка: «смешивает» – В. Р., И. С.) христианского Бога с Зевсом.

Слушательница: А как, кстати, относится церковь к этому произведению?

АШ: Какая церковь?

Слушательница: Ну вообще.

АШ: Я лично послал свой перевод в Ватиканскую библиотеку, в отдел *Rossica*. Ответа я пока не получил.

Слушатель: А в нашу?

АШ: Это пусть они сами покупают. У них много денег.

Слушатель: У них есть, будьте уверены.

АШ: Несомненно.

Слушательница: А не было такого, чтобы жгли эту книгу?

АШ: Никогда этого не было. Это было не в Средние века. Это уже семнадцатый век, уже тогда не...

Слушатель: А Пушкин как относился?

АШ: Считал его величайшим поэтом. О Милтоне у Пушкина много есть. Он особенно восторгался местом, где в аду это мертвое пламя, которое горит только для того, чтоб осветить этот вечный мрак¹. То есть, понимаете, передать эту непроглядную темноту через малый свет. Есть у великого японского поэта Басё такое трехстишие, хокку, где он передает абсолютную тишину через звук, через всплеск лягушки, прыгнувшей в воду². Понимаете, отсутствие звука можно только передать через звук, а отсутствие света – только через свет. Иначе просто нельзя это сделать.

Слушатель: Скажите, пожалуйста, что вы понимаете под словом «пластичность»?

АШ: Когда видно и когда это можно хотя бы мысленно ощупать и обнюхать... Когда словами можно рисовать как красками, как карандашом, как углем... Можно ими ваять, как из глины.

¹ Ср.: «...Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней. Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические». (Пушкин А. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VII. М.–Л., 1951. С. 66).

² Имеется в виду стихотворение «Старый пруд» (1686), считающееся вершиной жанра хайку.

В литературе, в поэзии – это когда видно. Есть писатели, где не видно. А есть писатели, где очень видно. Скажем, у Бунина всё очень видно. И, что лично мне как художнику страшно свойственно, – задача создать эффект присутствия. То есть затащить читателя туда так, чтобы он почувствовал, что он тоже всё это видит, слышит, обоняет, осязает.

Слушательница: Ну хорошо, Милтон... допустим, он считает, что Бог всемогущ, но, тем не менее, у него слова такие: «Осталось то, чего не может Он».

АШ: Это говорит Сатана. Он не может отнять нашу славу боевую. Мы потерпели поражение, но как мы дрались!

Слушательница: Но почему?

АШ: Как же он может отнять славу? Даже Бог не может сделать небывшим бывшее. То, что произошло, уже обратно не делается. Грех можно искупить, но нельзя сделать так, чтобы прегрешения не было. Если вы прегрешили, то вы можете искупить свой грех, но сделать так, чтобы вы вернулись обратно, – это даже Бог не может. Что произошло, то произошло. Понимаете?

Слушательница: Но мне кажется, что, хотя Милтон был глубоко верующим человеком...

АШ: Абсолютно.

Слушательница: ...при всем при том он по наитию поэтическому приходит все-таки к мысли о том, что Бога нет. Или он Ему не доверяет во всем, он сам не верит в Его всемогущество.

АШ: Видите ли, есть такая апория: может ли Бог создать такой камень, который Он не в состоянии поднять? Но на апориях нельзя построить мировоззрение.

Слушательница: Милтон верил в Бога, потому что нужно было верить, а не потому что он в Него все-таки верил.

АШ: Это мне трудно так... Я бы все-таки воздержался от такого суждения, прежде чем прочел бы очень внимательно эту поэму в целом. Возьмите книжку и прочтите ее очень внимательно сами.

Слушательница: Дело в том, что на английском я ее не прочту.

АШ: Так прочтите ее по-русски.

Слушательница: Я читала ее.

АШ: В моем переводе.

Слушательница: Да, в вашем.

АШ: И вы сделали вывод, что Милтон был неверующим?

Слушательница: Да.

АШ: Я этого никак не нахожу.

Слушательница: Ну, он верил, потому что нужно было верить, потому что это было бы безнравственно, если бы он не верил.

АШ: Это неверно. Что вы! Никогда в жизни такой великий человек и огромная фигура такая человеческая... не будучи глубоко верующим человеком, он бы просто не мог бы написать этой поэмы.

Слушательница: Но он был поэтом.

АШ: А вы думаете, что поэт всё может? Разве поэт может написать то, во что он не верит? Это невозможно. Этого просто нельзя сделать.

Слушательница: Но он верил, понимаете... он сам не знал... в подсознании... он сам не знал, на что он способен.

АШ: Кто?

Слушательница: Милтон.

АШ: Мне трудно это сказать. Для него это было дело его жизни. Правда, он еще написал вторую поэму – «Возвращенный рай», которая, кстати, сюжетно не имеет никакого отношения к «Потерянному раю». Тема «Возвращенного рая» – это искушение Христа в пустыне.

АК: Кто же там его искушает?

АШ: Сатана. Причем, по идее Милтона, Иисус становится Христом только пройдя через это искушение. То есть он удаляется в пустыню еще просто Иисусом, а уже возвращается оттуда в со-

знании того, что он Мессия, что он Христос. И только пройдя через это искушение он становится тем, кем он стал. Это идея Милтона, очень еретическая.

Слушательница: А, ну вот видите...

АШ: Одну секундочку. Еретическая – это значит, что он не был католиком. Может быть, и в своем пуританстве он был как-то отклонен. У него было свое мышление, свое представление об этом деле, больше ничего.

АК: Аркадий Акимович! Скажите, пожалуйста, если говорить о выразительных особенностях языков, по богатству словаря, скажем, то, что использовал Милтон, и тот богатейший словарь, которым пользовались вы... какие пропорции могут быть? Мне кажется, что все-таки больше выразительного отводится нашей языковой ветви...

АШ: Знаете, я люблю, когда мне говорят комплименты, как всякий нормальный человек, но это, я считаю, уже слишком. Я могу единственное только вам сказать, открыть вам одну тайну, которую я, кстати, никогда не скрываю: я очень плохо знаю английский язык. И только это обстоятельство дало мне возможность сделать это переложение именно на том уровне, на котором я его сделал.

Слушательница: Простите, а вы переводили без подстрочника?

АШ: Я перевел, конечно, без всякого подстрочника¹. Я перевел с оригинала. Я <знаю> язык плохо, но я знал, что пишет Милтон – так я бы сказал. Мне очень скучно читать Агату Кристи по-английски, а Милтона нет.

Слушательница: Нет, я хотела спросить: <когда> вы работали, делали ли вы для себя какое-то, скажем, прозаическое переложение, которое вы потом перекладывали бы на русский?

АШ: Нет. В некоторых случаях, когда мысль Милтона казалась мне очень трудно расшифровываемой... все-таки это язык XVII века, который, правда, менее отличается от современного английского языка, чем, скажем, русский язык XVII века от современного... там были очень сложные места, которые мне приходилось распутывать. У меня жена – англистка, она хорошо знает английский язык, она окончила институт торезовский². Но я должен уже теперь самому себе сделать комплимент: все-таки мысль Милтона я всегда понимал гораздо точнее, чем она. Ей было труднее разобраться, чем мне. Просто потому, что я, видимо, вошел очень в ход мыслей этого человека, и я сам начинал думать и, в общем, приходил к тому же – и тогда становилось всё очень ясно. Конечно, в описаниях затруднений у меня не было – скажем, как он Рай там описывает. Но у него же есть мысли в целом ряде мест очень сложные, сложно сказанные. Например, история, которую я здесь читал, – с этими атомами, когда они стоят перед этой несозданной бездной, и так далее. Эти атомы группируются по тяжести своей, по цвету... Нет, я не делал себе подстрочника, но вот в некоторых местах мне просто приходилось разбираться.

Слушательница: Вы расшифровывали – по-русски писали, не на современном английском?

АШ: Нет, я расшифровывал по-русски, конечно. Я начинал думать, что он хочет сказать. Вот он говорит какую-то штуку очень запутанную, сложную. Что это означает? Я всегда эту мысль расшифровывал и в моем тексте старался ее не запутанно говорить – я прояснял текст, так как я Милтона передавал своими словами, а не словами словаря двухтомного. Я пользовался, прав-

¹ Здесь АШ лукавит. Ср.: «Мы познакомились осенью шестьдесят четвертого. <...> Поначалу мы виделись нечасто, с интервалами в два-три месяца, и всякий раз он заводил речь о Мильтоне <...>. Тогда же я впервые увидел на его столе раскрытую старую книгу – с крупными литерами плотного, во всю ширину страницы набора. Прозаический перевод “Потерянного рая” профессора Московского университета А.З. Зиновьева, изданный в 1861 г., считающийся наиболее точным, по существу идеальным подстрочником, в каком качестве Штейнбергом и использовался» (*Перельмутер В. Контур «Потерянного рая»*. // Воспоминания об Аркадии Штейнберге: он между нами жил... С. 160–161). Сохранилось фото АШ на фоне этой книги (см.: *Штейнберг А. К* верховьям. Фотоклейка между с. 320–321).

² Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. Речь о последней жене Штейнберга, Наталии Ивановне Егоровой (Тимофеевой).

да, старым словарем Александрова, который гораздо удобнее для таких старых текстов¹. Когда я понимал мысль <Милтона>, я эту мысль высказывал по-русски, излагал ее так, как она мне мыслилась.

Слушательница: Вероятно, уже когда вы настолько прониклись Милтоном, его идеями, то уже форма XVII века вас не смущала языковая.

АШ: Абсолютно нет.

Слушательница: Это было уже совершенно незаметно, современный язык.

АШ: Конечно. У меня была задача сложная вот такая – в моей уже работе по созданию русского текста. Дело в том, что я должен был каким-то способом читателю показать, что это все-таки старинное произведение.

Слушательница: Старый язык. Это очень чувствуется в вашем тексте.

АШ: Но если вы обратили внимание, у меня нет архаизмов.

Слушатель: Немножко есть.

АШ: Очень мало, и такие архаизмы, которые всем известны.

Слушатель: Слово «горний»...

АШ: Да, это все знают. То есть такие архаизмы, которые знают школьники.

Слушательница: Нет, «горний» – это не архаизм, это просто высокий стиль.

АШ: Да. Но все-таки мы не говорим так. И современный поэт не пишет. Я пишу свои стихи, а «горний» не пишу, зачем мне так писать? Но как я сделал? Я создал такой специальный язык для передачи Милтона, сконструировал, и передал эту старинность синтаксическими способами. Тут синтаксис так построен, что он производит впечатление немножко такого старого чего-то, не современного. Хотя всё понятно в общем и целом. Никаких затруднений для читателя я не создавал. Я вдобавок писал этот текст всё время с мыслью о том, чтобы люди читали и понимали, что они читают.

Слушательница: Скажите, пожалуйста, Аркадий Акимович, в вашем тексте очень чувствуется традиция русская. Где-то это напоминает Жуковского. Очень субъективно. Вы сознательно ни на кого не смотрели, не оглядывались?

АШ: Я сказал это в самом начале. Я мобилизовал все средства русской стихотворной <традиции>, начиная от Державина и Ломоносова...

Слушательница: То есть вы перечитывали.

АШ: Ну зачем перечитывать? Я просто их знаю очень хорошо. Мне не надо было их перечитывать, они во мне сидят. Там Жуковского как раз меньше. Там больше Державина, а из более современных поэтов – Вячеслава Иванова. Это русская поэма, и она, конечно, в русской традиции, а как же? Она написана русским языком. Для русских читателей.

Слушательница: Нет, я имею в виду не это. Она в лучших традициях русской литературы.

АШ: Конечно. (*Смеется.*) Я чрезвычайно этому обстоятельству рад. А как же вы думаете, я должен был делать похоже на Евтушенко, что ли?

Слушательница: Нет, я этого отнюдь не думаю. Мне просто интересно, как вы работали.

АШ: Я просто писал свойственно себе. Как у Сумарокова сказано: «свойственно себе словами украшался»².

Слушательница 2: Скажите, пожалуйста, а почему вы предпочли словарь Александрова? Что это вообще за словарь?

АШ: Это старый словарь, еще дореволюционный, который очень удобен для таких старинных текстов.

¹ Имеется в виду изданный в 1879 г. и с тех пор многократно переиздававшийся Полный англо-русский словарь, составленный А. Александровым.

² Не мни, переводя, что склад в творце готов;

Творец дарует мысль, но не дарует слов.

В спряжение речей его ты не вдавайся

И свойственно себе словами украшайся (*Сумароков А.* Стихотворения. М., 1935. С. 181).

Слушательница: Там приведены архаические формы?

АШ: Он, во-первых, меньше – там нет двух таких толстых томов с мельчайшим шрифтом и бесконечных этих всех значений¹. Этот двухтомный словарь нынешний – он годится, чтобы Айрис Мёрдок переводить, а для Милтона не нужно этого. Для Милтона этот Александров великолепно удобен. Всё там есть, все милтоновские слова в нем есть.

Слушательница: То есть он вам был удобней...

АШ: Конечно, для старой поэзии...

Слушательница: А вообще, вы считаете, из современных словарей какой удобней?

АШ: Ну, наш вот этот двухтомный – прекрасный словарь. Двухтомный словарь этот роскошный, и к нему даже дополнение сейчас издали, и очень хорошо². Это очень хороший словарь, прекрасный. И с дополнением. Он замечательный.

Слушатель: Вы проделали большую духовную работу, работая над этим произведением. Что-то необратимое, какая-то перестройка произошла у вас?

АШ: Я только хотел вам сказать, что я сел за эту работу одним человеком, а встал другим. Одиннадцать лет общаться с таким господином безнаказанно невозможно. Конечно. Я каждый день сидел. Ведь не забудьте, что мне пришлось для того, чтобы я мог это сделать... он же непрерывно намекает то на Библию, на Ветхий Завет, то на Новый Завет, то на мифологию греческую, то на мифологию римскую. Это же целые... мне пришлось тогда из моих довольно скудных средств купить богословский словарь за жуткие деньги, и так далее и тому подобное. Я вам сейчас прочту «Сотворение мира», и вы увидите, что я переводил это, держа перед собой русский текст Библии, потому что... там другие совершенно слова. Англичане переводили Библию по-английски иначе, а у нас есть привычные нам формы в книге Бытия из синодального перевода, известные нам. Мы все это читали, а кто не читал, пусть прочтет. (Смех.) А что вы смеетесь? Почитайте.

Слушатель: Жуткие деньги.

АШ: Почему жуткие деньги? 50 рублей – и вы имеете маленькую прекрасную Библию. Если вам очень сильно нужно будет, вы найдете.

Кстати, я могу вам сообщить, что с черного рынка этого Милтона купили же баптисты и пятидесятники. Ситуация такая. Идет переиздание Милтона в будущем году³. Мне нужно было дать два экземпляра для расклейки⁴. Либо перепечатать заново. Но перепечатать заново – это надо вычитать 14.000 строк. Сил нет вычитывать такую бандуру и исправлять рукописи после машинистки. Я кликнул клич по всяким чернокнижникам. Бесплезно. Невозможно. И мне купили где-то в провинции БВЛовскую эту книжку. Понимаете, какая петрушка? Мне привезли, купив где-то там в провинции эти штуки по 40 рублей за книжку. Но черт с ним, мне легче было дать 80 рублей для расклейки.

Слушатель: Конечно, вычитывать этот том...

АШ: Нет, дело в том, что мне перепечатка стоила бы столько же, но мне пришлось бы это дело вычитывать. А в Москве достать было невозможно. Вообще ни за какие деньги. Они купили это всё, понимаете. Баптисты это рассматривают как духовную литературу.

<...>

АК: Аркадий Акимович, как называется странный прием... Белый стих вообще должен быть без рифм, а здесь есть в некоторых местах совершенно поразительные созвучия <нрзб>

АШ: Я вам сейчас объясню, в чем дело. Там масса внутренних рифм, которых нет на концах, но которые есть в серединке.

АК: Нет, и на концах есть что-то совершенно... почти рифмующеся.

¹ Подразумевается двухтомный Большой англо-русский словарь. Актуальное на год квартирника издание: Большой англо-русский словарь: [В 2 т. / Под общ. рук. проф. И. Гальперина]. 3-е изд. М., 1979.

² Дополнение к Большому англо-русскому словарю / [Под общ. рук. проф. И. Гальперина]. М., 1980.

³ Мильтон Д. Потерянный рай / Пер. с англ. Арк. Штейнберга. М., 1982.

⁴ Т.е. для нового набора нужно было сделать расклейку – каждую страницу текста наклеить на отдельный лист, для чего требовалось расширить два экземпляра издания 1976 г.

АШ: Ну, есть такое дело.

Слушательница: По-моему, это самое интересное место.

АШ: Какое?

Слушательница: Вот то, что... вы прочитали.

АШ: А, то, что Бог себя так определяет, да? Ну, конечно. Это Его Милтон так определяет.

Слушательница: Ну, хорошо, допустим. Значит, «бесконечность Мной полна».

АШ: Конечно.

Слушательница: Но, тем не менее, «Я что-то не могу».

АШ: Нет, а Он не говорит, что Он что-то не может. Наоборот. Он этого не говорит.

Слушатель: Он благодать свою...

АШ: Да, Он благодать свою не всюду простирает.

Слушательница: А, благодать свою не всюду простирает.

АШ: По своему желанию.

Слушательница: Значит, в этом Он сродни Сатане.

АШ: Почему? Почему?! (Смех.)

Слушательница: Потому что Он должен благодать всюду простирает.

АШ: Это вы Ему будете указывать, что Он должен! Вот уж здорово. Это вы здорово! Я в первый раз вижу человека, который говорит, что Бог должен. (Смех.) И начерчивает ему программу.

Слушательница: Раз Он всемогущ, значит, Он обязан.

АШ: Ничего Он не обязан. Это вы обязаны.

Слушательница: Для Бога не существует нравственного закона.

АШ: Он сам нравственный закон.

Слушательница: Ну, вот очень мне понравилось: «случайность и необходимость».

АШ: Да.

Слушательница: А дальше не могу запомнить.

АШ: «Ко мне не приближаются».

Слушательница: «Ко мне не приближаются». Почему?

АШ: Потому что он вне этого дела. «Случайность и необходимость» – это только к нам относится.

Слушательница: Но уже то, что он сотворил из глины, – это была случайность.

АШ: Почему случайность? Хотел и сотворил.

Слушательница: Но именно из глины.

АШ: Но он хотел – мог бы создавать вас из алмазов. (Смех.) Что было бы неудобнее. <...>

Слушательница: А <у Милтона> тоже в такой пропорции аллитерация? Потому что это же исконно германский прием. Там много их?

АШ: Я могу вам сказать на это только одно: мои озвучения не есть копия милтоновских. Я писал так, как мне писалось. Во-первых, у меня озвучено, пожалуй, в большей степени, чем у Милтона. Потому что наш язык более жесткий по сравнению с английским. У нас много «р» всяких, <а в английском> там «р» такое неясственное... Английский язык более размазан, у нас более определенный язык. Поэтому я писал так, как мне писалось. Вы знаете, я вам должен сказать по секрету, что я иногда с удивлением обнаруживал, что у меня озвучено совершенно произвольно. Оно само озвучивалось в процессе работы.

Слушательница: Простите, вот вы говорили, Аркадий Акимович, о влиянии таком, может быть, каком-то очень опосредованном, Хлебникова. Не выражается ли это в некоторых неологизмах?

АШ: Конечно.

Слушательница: Там «оплеменится»...

АШ: «Расплеменится». «Расплеменится род людской».

Слушательница: Это ваша собственная выдумка?

АШ: Есть такое слово. Но вообще Хлебников присутствует там скорее даже в синтаксисе, в некоторых интонациях. Хлебников – он же очень архаичен в своих поэмах. И вот этот его архаизм я немножко у него поцапал, разобравшись, в чем его архаизм выражается. Ну и потом очень присуще мне стремление писать именно по-русски, а не на каком-то другом языке. Что, наверное, все-таки из этого текста видно. Просто мне хотелось бы, чтобы эта поэма была какой-то манифестацией русского языка. Который здорово подзабыт.

Слушательница: Поразительное лексическое богатство. Очень много корней задействовано.

АШ: Чем богат, тем я и рад.

<...>

АК: Мы были в ужасе, как нам сегодняшний вечер провести. Не было народа, вы же помните.

АШ: Ну и что?

АК: Но сегодня 35 человек...

АШ: Вы мне сегодня в ужасе говорили, что у вас будет мало народу, «вас боюсь обидеть». Я говорю: «Почему обидеть?» А я вижу, что полно у вас <народа>. Почему это называется у вас <«мало»>. Не знаю, сумел ли я быть достаточно интересным...

Слушатели: Очень. Конечно.

АК: Мы только можем принести извинения за то, что не все вопросы были на одном уровне.

АШ: Ничего, это не имеет значения. Я, единственное, могу только посоветовать всем, кто не прочел эту поэму целиком, за нее взяться. Люди, которые читали эту вещь, часто мне говорили, что она сама читается, как говорится. Так что я вам советую: прочтите ее повнимательнее. Я прочел вам только какие-то кусочки. Там же бесконечное богатство мысли этого... господина.

Слушатель: Даже вы с трудом достали <БВЛовское издание «Потерянного рая»>. (Смех.)

АШ: Да-да.

Слушатель: В библиотеке – там свободно...

АШ: Ксерокс можно достать. Но мне не годилось это, потому что типография не принимает ксерокопию для набора. Поэтому мне нужна была обязательно книга. А то я бы, конечно, взял бы свою книжку <в библиотеке> и отнес бы ее <на ксерокопирование>, – мне бы скопировали хоть 20 экземпляров. Так что необязательно книжка, вам же не для расклейки в типографии, вам – читать.

АК: Ксерокс, если учесть, что страница стоит 6 копеек, умножить на... ну, пусть даже по две страницы... всё равно солидная сумма.

АШ: Ну, не 60 рублей. Это будет стоить рублей 12–15. Можно пережить.

Слушательница: Нужно еще иметь книжку, которую не жалко.

АШ: А ее не надо раскурочивать, ее так можно положить. Делают ксерокс. На рынке бывает ксерокс «Потерянного рая»¹.

[...]

¹ Вечер у Александра Кривомазова 21 февраля 1981 г.

Кирилл ЯМЩИКОВ

И МЕДЬЮ БУДЬ

Михаил Кузмин. Смерть Нерона: Пьеса / Подгот. текста, коммент. и послесл. Лады Пановой; ил. Татьяны Свириной. – СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2025. – 264 с., ил.

Судьба этой «пьесы в трёх действиях и двадцати восьми картинах» типична для всякого большого высказывания, что случается между эпох и неминуемо проваливается в безвременье. «Смерть Нерона» была задумана Кузминым по следам похорон вождя русской революции, но обрела крылья только пять лет спустя. Во многих отношениях *актуальная* драма о писателе-эмигранте, становящемся героем (заложником?) им же написанного труда, чересчур заметно противопоставляла себя литературной погоде конца 1920-х годов и точно не могла оказаться на сцене.

Неправдой при этом было бы сказать, что «Смерть Нерона» антонимична духу советской драматургии той поры. Близки в трагикомических очертаниях, гротеске – пускай и не всегда намеренно – «Самоубийца» (1928) Николая Эрдмана, «Хочу ребёнка» (1926) Сергея Третьякова, «Заговор чувств» (1929) Юрия Олеши, «Квадратура круга» (1927) Валентина Катаева. Все они разглядывают человеческую психологию в непривычном для последней антураже «нового быта», который, по выражению Николая Заболоцкого, «даруя милость, в тарелке держит осетра».

Пьеса Кузмина – при всём её масштабе, надрыве – чернейшая трагикомедия, карнавальное подспорье которой лишь сильнее выявляет алогичность времени, движущегося, если верить автору, куда-то не туда («The time is out of joint; – O cursed spite, That ever I was born to set it right»). Действие разделено на три временных отрезка: дни-часы-минуты

императора Нерона, последнего из династии Юлиев-Клавдиев (от детства к падению); тяжкую современность Павла Андреевича Лукина, несчастного русского литератора, занесённого снегами истории в Рим; и его же, Павла Андреевича, годы относительного саратовского парадиза.

Выстраивается контекст. Фрески из беспутства Нерона – отрывки той самой пьесы, которую Лукин пишет в Риме, уже обзаведшись женой и наследством; саратовские проделки, в свою очередь, намечают истоки всей последующей кутерьмы (хотя и даны Кузминым намеренно поздно). Волнений хватает всюду. Эмигранта подозревают в сотрудничестве с кем угодно, кроме самого себя (фашисты! коммунисты!), Нерона последовательно завлекает бездна меона, и только в предреволюционном Саратове мы наблюдаем тоску, относительно успешно подменяющую собой *эклогу*; разве что ничтожествовом пахивает каждый тамошний разговор.

«Играть в кости с какими-то проходимцами, посещать притоны, громить жалкие харчевни, избивать полицейских – и в награду купленные похвалы прихлебателей за “молодечество” юного императора. Юность твоя пройдет очень скоро, Нерон, и не такими чудачествами насильно удержать её сможешь. Не юностью ты будешь жить на страницах истории. Так же как и не пением своим ты себя обессмертишь. К чему эти смелые претензии профессионала? Неужели у тебя так много свободного времени, что ты не знаешь, чем занять его?».

Брак Лукина катастрофичен. Выясняется это по ретроспективным проше-пожалуйста, слезоточивым монологам о горькой доле творца. Сначала он признаётся: «Вот Иволгины думают, что писатель не тот, кто пишет, а тот, кого печатают, вроде ремесленного цеха. Они правы, конечно. Да мне-то противно», но уже через два-три вдоха прибегает к самым ничтожным приманкам, дабы обратить на себя внимание кокетливой Мари («У меня очень богатый отец, если вам это интересно»). Рас-

топтаный интеллигент, техническая пауза между Ромашовым и Кавалеровым.

Реальность копируется письмом.

Вот Мари замечает вздыхателю – прежде чем поцеловать: «Фу, какой вы мокрый», а между тем император Нерон, обнесённый слухами, лестью и потными ручками, протяжно описывает Фаону свои кошмары, отмечая, в частности, что «тут же выплывает Агриппина и вылезает на берег, как тогда, когда её судно потонуло и она сама спаслась вплавь. Я целую её и говорю: “Фу, какая ты мокрая”». Рекурсивный характер этих сцен показателен, нарочит: Кузмин сближает жестокость античных восходов и сумятицу мешанского, как бы прибывшего к достатку одиночества. Что лучше? Что хуже?

Обговорим и сценические перспективы такого письма. Перед нами, очевидно, *Lesendrama*, предназначенная в первую очередь для чтения и ассоциативного восприятия (разбежавшись, прыгну со скалы). Уже затем – прямота иллюстраций: кинжалы, факелы, вскрики. Шекспировские громы, закатанные в банку эпического театра Брехта; вот что, наверное, выходит на передний план. Если же затрагивать техническую реализацию, то понадобится «что-нибудь вроде сценического поворотного круга», как завещал будущим режиссёрам-постановщикам Воле Шойинка, предуведомляя свою главную пьесу «Смерть и конюший короля» (*Death and the King's Horseman*, 1975).

«Старик. Братья, запирайте дома, лавки, мастерские, бросайте жён, матерей, любовниц, выходите на улицу и ждите. Близок час. Антихрист воцарился. Не служите в войсках, не платите налогов, не регистрируйтесь, не квалифицируйтесь – всё это печать антихристов. Выходите все и будьте все как одно тело. В единении спасение наше.

Голоса. Долой шута! в мешок его! лучше Нерону наденем мешок! Давно заслуживает. Хлеба, хлеба! в Британии поражение, в Армении неудача, Сирия отложила. А он всё поет. Звёзды грозят бедствием. В Галлии явился мститель. Виндекс так и зовется. Да здравствует Виндекс! Легионы идут на Рим. Галльский петух прокричит зарю освобождения».

Последние дни – что Лукина, что зеркально преломлённого Нерона, – стремительно отбрасывают нажитый гуманизм. Полотно смыкается, обрушаясь: и выходит, что римские колонны увиты плющом современной полифонии, что всё это из Паунда, из Элиота, из кубистов-экспрессионистов, только, собственно, не из Античности и её ностальгического огня. Кузмин обрубаёт право на стилизацию, коверкает мир своей культурологической страсти. Даже забвение даруется неравномерное: если Нерон всё-таки выкрадывает у парок кровавую пряжу, лицом к лицу встаёт с поражением, то Лукин этого поражения не доискивается, поскольку схвачен безумием, тихим швейцарским слюноотделением.

«Доктор. А вы знаете, что вы лишились всех ваших денег?»

Павел. Знаю, хотя не помню, от кого я это узнал.

Доктор. Теперь вам придётся заново начинать жизнь.

Павел. Жизнь?

Доктор. Конечно. И совсем на других началах. Предоставьте человечеству заботиться о человеке. И не считайте себя благодетелем. Теперь вы – как ребёнок, без сил, без средств, но вы знаете, в чём нет силы и что не является и средством. Вы знаете, где ложный путь, это уже многое.

Павел. Но ведь вы просто владелец этой дачи, не более.

Доктор. То, что я вам говорю, вам сказал бы всякий человек, не заражённый отвлечённой мечтой».

Страх и трепет в кантоне Дури – последние дни последнего человека. Финал пьесы взвихрён бульварным мелодраматизмом, выстрелами и окриками, которые всегда были интересны Кузмину как элементы далёкого и всё же крайне примечательного (нелепостью? предсказуемостью?) стиля. Трафарет на то и трафарет, чтобы распалать инстинкты. Жизнь Лукина превращается в функцию, алгоритм; бытие Мари и патологически влюблённого в неё барона Штейнбаха обрывается настолько горько и нелепо, что нельзя не сдержать нервного смеха.

«Я капризничаю, кокетничаю, приказываю, соглашаюсь или не соглашаюсь, а не разговариваю». Честность в обесмысленном мире равна площадной забаве. Кузмин вытягивает мизантропию, умерщвляя ритуал говорения (едва ли не самый важный для театра). Речь его марионеток вскорости напоминает глоссолалию «Лысой певичцы» (*La Cantatrice chauve*, 1948), однако Ионеско балагурил-измывался, а Кузмин *ужасается*. Оправдание бессмыслицы кажется ему преступлением ещё большим, чем, собственно, бессмыслица как таковая; и мир оказывается тем самым пиром во время чумы.

Как известно, пятый удар форели приходится у Кузмина на май месяц. Финал его и вовсе отмечен полуденным ужасом, лишённым рифмы и благочестия: «Кто выдумал, что мирные пейзажи не могут быть ареной катастроф?». Итоговое высказывание поэта – укомплектованное в многоярусную, корабельную драматургию, – в основе своей глубоко беспощадно, и отыскать рядом с ней добро, негу, свет, пролитый однажды «Александрийскими песнями», затруднительно. Однако если мы возьмём фрагменты пьесы о Нероне и вынесем за скобки самого Лукина, то получится, как ни странно, живописное моралите.

«Нерон. Я не могу, я не могу больше молчать! Тетя, вы все, небо, орёл, боги, камни, собаки, пыль, воздух. Слушайте, слушайте. Я клянусь. Если милость богов до конца прострётся, звезда моя пойдёт назначенным путём, если я достигну уготованной мне высоты, я клянусь, все будут счастливы; ни одной минуты не пройдёт без благодеяний, ни капли крови не прольётся, я всё отдам, судить я буду милостиво, никто не уйдёт от меня с пустыми руками, я ни от кого не буду скрывать своего лица, для всех буду танцевать. Я всем буду радость, утешение, опора. Само имя “Нерон” будет звучать как благовестие!

Служанка. Не подходите к нему, не прикасайтесь к нему. Свят час, свят дом, свято место, свят Нерон».

Что ещё мог завещать потомкам уставший, стеснённый обстоятельствами поэт, оставшийся без родного *хронотоп*? Смешки, камни, рассеянную звезду, мочёное яблоко эротиз-

ма. До смерти в первомартовском Ленинграде оставалось семь комнатных, свет-газ-вода, лет, до ареста Юркуна – чуть больше. Сейчас поздний Кузмин открывается нам полноправно, ровно так, как и должен был открыться современникам (вообразим – фанфары, рёв, букеты), однако ещё вчера такое положение дел мнилось фантастическим.

Внимание наших с вами двадцатых годов – которые уже кто-то находчиво окрестил «тёмными» (я, впрочем, такого взгляда на ситуацию не придерживаюсь) – к феномену неофициальной ленинградской культуры само по себе готовая почва для метафор, дискуссий и спекуляций, однако я обойдусь примечанием к объясняемому: если над такими сложными, крупными, лихими фигурами как Вагинов и Кузмин ворожат денно и ночью, то, получается, и время их прозы синхронизировалось не с кошачьим прищуром НЭПа, а с нашим лакированным полумраком.

Елена СЕВРЮГИНА

МОНОЛОГ ОТ ЛИЦА
БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Андрей Бычков. Голая медь: рассказы.
– Jaromir Hladik Press, Санкт-Петербург,
2025. – 184 с.

Анализировать прозу Бычкова, используя традиционные литературоведческие методы, кажется, невозможно. Он работает на стыке разных видов искусства – от литературы до сюрреалистической кинематографии. Рассказы из книги «Голая медь» нередко вызывают ассоциации с живописью. Здесь преобладают характерные для авангардного мышления черты: аморфность сюжета, фактически его отсутствие, подвижность и неустойчивость художественного пространства, переживающего множество трансформаций, условность реальности, замена литературных персонажей идеями. При этом кажущаяся фрагментарность повествования не лишает книгу цельности замысла. Нить повествования не теряется, замы-

сел четко прослеживается от начала до конца. Цельность текста всегда обусловлена образами-контрапунктами, ключевыми мотивами.

Отдельные новеллы кажутся версиями одной и той же идеи. Например, «Пакалет», где герой тщательно препарирует свою жизнь, воспринимается как набросок к «Человеку знака». А «Человек знака», в свою очередь, подготавливает нас к восприятию очень близкого ему по композиции рассказа «Ван Гог».

Единство восприятия обусловлено и тем, что объект изображения в рассказах Бычкова всегда – человек, показанный изнутри. Кроме него ничего нет. Все видимое – лишь кажущаяся реальность, которая, по сути, – напряженная работа сознания.

Смысл названия сборника как будто и обращает нас к идее духовной обнаженности человека, его саморазоблачения. Герои Бычкова – далеко не всегда творцы и незаурядные личности. Это и маньяки («Доктор, барин, повар»), и шизофреники («Восьмёрка»), и просто не состоявшиеся в жизни люди.

Освобождение от прошлого «я» (нередко через смерть, понимаемую как перерождение), затем обретение себя в новом качестве либо новая смерть и новое рождение – таков внутренний сюжет этой прозы.

В то же время Бычков отдает дань устоявшейся литературной традиции. Еще со времен Пушкина и Лермонтова пустыня трактовалась либо как гибельное место, где человек теряет духовную связь с Богом, либо, напротив, как сакрализованное пространство – символ поиска, преодоления и очищения, обретения новых прочных связей с высшей истиной:

«...некто Й. давно уже и сам мчался в пустыню самого себя, мчался и через трагическое, мчался и через комическое, что почему-то иногда бывает так трудно различить...»

Интересен в этой связи образ мистического короля Марокко, стоящего «в глубине атлантической толщи», в комнате «пронизанной лучами из глубин бессознательного». Это некая сублимация душевного состояния героя, мучительно переживающего процесс перерождения и сопряженного с ним умирания. Идея подчеркнута нарочитой амбивалентностью образа. Король понимает, что тел у него должно быть

безусловно два, и ожидает «спонтанного совпадения событий – внешнего и, если угодно, внутреннего, события глубоко интимной душевной жизни».

Эта же двойственность, наряду с изменчивостью, наблюдается в образах змеи и солнца. Солнце интерпретируется и как источник внешнего света, и как внутренний свет. Оно может сужаться до электрической лампы, когда закрывается «дверь в бессознательное», либо высвечивать подлинную суть явлений и предметов. Мотив змеи многопланов. Изначально образы двух змей отсылают нас к личной истории героя – к его неудачной женитьбе. Две змеи – две женщины (супруга и мать супруги) отравляют героя ядом повседневности, препятствуют его изменению. Но постепенно змея становится не тянущим в прошлое препятствием, а символом освобождения. Змея кусает героя, когда он находится в пустыне – и это очевидный отсыл к роману Экзюпери о маленьком принце, погибающем точно при таких же обстоятельствах. Гибельный укус – всего лишь способ родиться в новую жизнь, стать новым собой, обрести свое подлинное имя.

Йозель убивает в себе безликого господина Й, преодолевает нечто и становится самим собой. К концу рассказа художественная реальность начинает выстраиваться по законам сюрреалистической кинематографии, отсылающей к Андалузскому псу Сальвадора Дали:

«Артист безусловного, адепт нового, совпадающего, как второе тело короля, как оборотная сторона многоэтажной развязки, сползшего до очаровательной лодыжки чулка, лошадиное пальто, вывернутое наизнанку конской подкладкой, фокусник, шарлатан и лихач бессознательного, кузнец страны новой легальности грез, чьи пассы и пафос освобождения, превращения империалистической войны разума в Гражданскую войну искусства, он уже приближался к нам на четырех самолетах, несся на четырех джипах по шоссе, приближаясь к немислимой линии фронта».

Художественный язык повести необычайно пластичен, образы – зыбкие и ускользающие, переживающие множество трансформа-

ций. Так проще всего обозначить условность реальности, рождаемой на стыке авторского бессознательного и явлений материального порядка. Плавокость и ковкость образов, как будто перетекающих из одного в другой, рожают особую постмодернистскую вселенную. Именно в языке в чистом виде явлена идея перерождения бесформенного нечто в сияющего внутренним светом короля вселенной.

Язык – и самостоятельный герой рассказов Бычкова, и единственно возможный сюжет, поскольку иной реальности здесь просто не существует. Магия числа четыре тоже не случайна. Эта цифра повторяется из рассказа в рассказ. Первая же фраза, с которой мы сталкиваемся в книге, звучит так: *«Четыре профессора выстрелили из четырех пистолетов четырьмя пулями»*.

В конце рассказа «Человек знака» четыре путника идут по пустыне, четыре колдуна бьют в четыре барабана, их сопровождает караван из четырех верблюдов. Герой приближается к нам на четырех самолетах и несется на четырех джипах.

Если учесть, что в нумерологии число 4 символизирует целостность, порядок, равновесие и организованность; принимает форму квадрата, что означает устойчивость, становится понятной и авторская идея. Хотя по иной трактовке это могли быть и всадники апокалипсиса.

В других рассказах книги наблюдается тот же блистательный сплав авторской идеи и ее языкового воплощения. Герой рассказа «Текели ли», служитель некоего Абсолюта, устал *«заливать пустоты промеж ушей»* и «пудрить мозги» клиентам, используя лживые фигуры речи. Его прежняя реальность должна разрушиться, а взамен должна родиться новая. Этот мучительный процесс освобождения духа явлен именно в трансформациях языка, в поиске новых смыслов.

Выходя поздно вечером из бара «Килиманджаро», в котором он умудрился продать бармену квартиру, герой моментально попадает в иную реальность. Она гротескна и фантастична, нарочито экзотична, и все дальнейшие события, происходящие в ней, отношения к подлинной реальности не имеют.

Бычков заставляет слово работать в пространстве художественного текста как катализатор, бесконечно продуцирующий новые образы и смыслы, восходящие к многомерным и многоуровневым символам. Место, похожее на Бали, гроб, поднимающийся на лебедках, лодка с разложившимся Веерманом – боссом главного героя, призрачный парень по имени Гидун, со второй бородой, «которая сидела уже на половине первой и блестела, как нож на буханке» – все это не более чем облеченные в яркие образы и причудливые фразы потоки авторского сознания, призрачные мерцания его внутренней душевной работы. Образ второй бороды выполняет здесь ту же функцию, что и образ змеи: это орган, обладающий способностью к регенерации и нуждающийся в замене новым органом. То, что старая борода никак не хотела исчезать, символично и свидетельствует о ещё не завершённом перерождении главного героя.

Об этом же говорят нам и море, сначала чистое, потом превращенное в густое бордовое варево, похожее на борщ, затем снова очищенное, как лак от ногтей; и хлипкое судно, которое будет бросать вперёд, то назад до тех пор, пока герой не сумеет похоронить в себе Веермана, своего шефа, и родиться заново: *«И было все вроде бы как раньше Но было уже и что-то другое И как будто и я был уже кто-то другой...»*.

Путь к себе похож на поиск подлинного имени. Умиравший Веерман перед тем, как закрыть глаза, произносит «с Гобом» (искаженное «с Богом») – вслед за этим небо очищается, как будто избавляется от лжи, в том числе словесной.

Остается только мистический возглас призрачной птицы с женским лицом: «Текели-ли». Возглас неясной этимологии, который может символизировать переход между мирами и обретение подлинной свободы.

Та же эстетика нового рождения через смерть прослеживается в одном из самых сюрреалистичных рассказов Бычкова «Ван Гог». Здесь автор сам становится героем происходящего. У него, как и у человека знака, три ипостаси: Господин Б, пребывающий в поиске собственного предназначения, его альтер эго,

писатель Бычков, и рождаемый из них сверхчеловек – Ван Гог. Чтобы стать Ван Гогом, сказчик убивает и господина Б, и его жену, и самого себя.

Слово в прозе Бычкова стирает границы между подлинной и вымышленной реальностью. Мы уже не понимаем, где кончается одно и начинается другое. Слова утрачивают первичный смысл и легко обмениваются значениями, даже противоположными. Смерть героя не означает его физический распад, скорее, сигнализирует о качественно новом витке развития. Жизнь чаще подобна смерти. У Бычкова эти антонимы явно меняются местами.

Слова выполняют в текстах Бычкова роль, не связанную с функцией общения. Скорее, они отражают глубинную работу подсознания и, обнажая правду о человеке и его природе, наделяются особыми, подлинными, смыслами, выстраивают иную логику бытия. Так, в рассказе «Дао Дэ Дзин» используется прием реализации метафоры. Герой в поисках себя «успел вскочить в последний поезд». Затем выясняется, что поезд действительно стал для него последним.

Внутренняя логика нарочито абсурдного высказывания начинает преобладать над привычной логикой: «Вдали неспешно и меланхолично кружили полтора велосипеда, два из которых изобрел я сам».

В последнем рассказе книги, «Скачки в четверг», язык становится главным действующим лицом. Он переиначивает действительность, вспарывая традиционную языковую систему и обнаруживая за ней иную реальность, более напоминающую детские стишки-перевертыши: «Скачки были назначены на среду четверга после дождя в Японии, но потом их перенесли. При перенесении, скачек в том числе, обрушились перила на заводе, и было много жертв, в том числе приехавших и из Варшавы».

Грамматика языка Бычкова причудлива. Здесь нарочито не соблюдаются законы формальной логики, речь сбивчива, полна повторов, потому что повествование ведется от лица не персонажа, а бессознательного – навязчивой идеи, прочно укорененной в чьей-то голове. Это чувства, страхи, побуждения, рефлексии, тягостные воспоминания – та самая

«голая медь», за которой – бездна, иногда непреодолимая:

«Эти две змеи, что снова вползают, снова вползают, как сон наяву и кольцо, он должен вернуться, чтобы убить ее, ее мать и этого незнакомого мужчину. Убить, чтобы остаться одному, посреди этого оставленного мира, которому отныне он отказывается доверять».

Не знать, как и что называется – стол и стул, и настольная лампа – для тех, кто остается, кто знает. И когда нажимается кнопка и зажигается настольная лампочка. И как купить билет, вызвать такси в аэропорт и улететь. В багаже, на самом дне чемодана, будет лежать узкий и длинный нож, будет ждать!»

Проза Бычкова остра, даже жестока. Она может ранить чувства, утверждая мысль о трагизме и абсурдности бытия человека. Но ранение иной раз необходимо: оно способно заменить вакцину правды. Ведь абсурд и вымысел иногда реальнее самой реальности.

Алексей МОШКОВ

С НИЦШЕ НЕ СПОРЯТ ТЕЛОМ

Павел Крусанов. Совиная троп: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2025. – 384 с.

Крусанов считается певцом «имперского нарратива». И не без оснований. Однако свети все его творчество к этому означало бы серьезно погрешить супротив правды: впасть в грех поверхностности. Павел Крусанов прежде всего писатель традиции трансгрессивной, причем не столько в ее – условно – негативной плоскости (с основой на девиацию – в соответствии с интерпретацией этого термина у Фуко), как, скажем, Доминик Ори, о культовом романе которой Сьюзен Сонтаг писала: «В том образе мира, который представлен в “Истории О”, выход за пределы личности – высшее благо. Сюжет движется не по горизонтали: это как бы подъем через унижение. О не просто приравнивает к сексуальному орудию – она хочет, став вещь, достичь совершенства», –

сколько – снова же: условно – позитивной. Таковой, которую можно было бы определить как трансценденцию (хотя и нередко в вульгарно-нищенской трактовке): подъем не через спуск, но подъем в прямом его смысле. Правда, своим героям, поднявшимся над простыми смертными, он парить на набранной высоте не позволяет, спуская их назад на землю брентную (как, допустим, происходит с Евграфом Мальчиком из «Американской дырки», который получает дар ясновидца, но тут же его теряет, увидев собственное, ослепляющее – в смысле открывшийся третий глаз – будущее). Набранная высота остается лишь за теми, кто следует пути служения России, как понимает это автор, – Российской империи (с чего, собственно, Павел Крусанов и начинал: вспомним «Укус ангела»), возвеличивая ее и губя ее врагов (вот и в выше упоминаемом романе практически фантастическая авантюра Капитана удается на славу).

Но начинается все либо с сознательной, либо нет попытки (и часто успешной: в том же «Яснослышащем» герой вполне справляется с выходом за рамки человеческого, но останавливается, пугаясь того, что не понимает, как управлять той силой, которую обретает) протагониста выйти за границы обыденного, то есть исполнить завет Заратустры. И в своем новом романе Крусанов строго придерживается хорошо отработанной, привычной позиции. Хоть и существенно снижает планку.

На сей раз речи о сверхспособностях не идет. Речь о помощи ближнему (или не очень), но не обычной, а – тайной, то есть такой, чтобы тот, кому помогали, об этом ни сном ни духом. На претворение этого в жизнь главного героя Александра подвигает его приятель – такая посеревшая версия Капитана – Емеля Красоткин (он, кстати, и объявляется протагонистом, но роман диктует свои правила). Путь тайного милосердия зовется «совиной тропой», потому, что, как объясняет Емеля, «у совы бесшумный полет. И еще потому, что у совы нет никакой тропы». Но где же тут нищенство? А оно, кроме прямой отсылки к тому, что «К генеалогии морали» уже прочитана, по мысли Павла Крусанова, в следующем: «...скрытое милосердие дает такую

настройку чувств, которая редко бывает доступна человеку. В частности, речь о вибрациях, которые ты теперь способен уловить. Уловить – и, как живая мембрана, резонировать им в тон. Например, ощутить вибрацию тайного братства, к которому отныне принадлежишь и сам. Ведь если ты увидел результат собственного дружелюбного, но анонимного вмешательства в чужую жизнь – пусть даже масштабы этого вмешательства, как и его результат, смехотворны, – ты словно бы обретаешь иной взгляд на мир, на людей, на их историю. Многие события и свершения видятся уже как бы в ином свете». То есть исповедующий путь тайного милосердия приобретает а) опыт иного чувствования, недоступного обычному человеку и б) иной ракурс видения мира, что, конечно, с большими натяжками, но можно назвать как опытом трансценденции, так и реализацией нищенского концепта сверхчеловека.

Звучит неплохо, однако на практике все происходит не так «звучно». Первым делом «рыцарей тайного милосердия» становится операция по спасению бывшей одноклассницы Емели Кати от диабета, точнее, от предрасположенности к нему, которую у нее обнаружили врачи. Дело в излишнем весе, неумолимо набирающемся ее телом вследствие ее пристрастия к сладкому. Чтобы не дать предрасположенности себя проявить, нужно, чтобы Катя взяла под контроль питание и снизила вес. Но как это сделать? У Емели есть план: надо, чтобы Александр влюбил в себя Катю, а там уже чудодейственная сила любви сделает все сама. План сработал: Катя и влюбилась, и похудела, став красавицей. Только вот сила любви оказалась чрезмерной, перейдя в ненависть (за то, что объект пропал с ее радаров). И такой силы, что Катя даже увела его отца из семьи (об этом герой узнал много позже: дав обещание матери, с отцом он после его ухода не общался). Когда же все вскрылось и состоялось их объяснение, герой заявил, что жить теперь без Кати не может, причем, как выяснилось, и она без него тоже. В общем, почти классический хэппи-энд с чуть имперским оттенком: сделал Катю мальчика и девочку, Александр уезжает воевать на Украину.

Мораль проста: Ницше с его сверхчеловеком (даже замешанном на христианстве) ниспровергаются, утверждается «простое человеческое счастье» и излюбленный автором «имперский нарратив».

В целом для Крусанова ничего нового, и вроде бы другого от него и не ждешь. Но проблема в том, что, во-первых, вся история с Катей выглядит крайне неубедительно. Ну не бывает так, чтоб из-за одного поцелуя современная девушка так голову потеряла, что смыслом ее жизни стала месть бывшему возлюбленному, а уж если так случилось и дошло до того, что аж решила в отместку выскочить замуж за его отца, то не могло из-за одного разговора все кардинально поменяться (тем более что ее и отпустило после замужества, и с отцом героя она уже развелась, и за другого замуж вышла). Во-вторых, сама концепция «тайного добра» отдает какой-то секуляризированной юродивостью: у нее нет цели, то есть это не проект, не служение, но блажь и забава. В-третьих, сносить с пьедестала Ницше – все равно, что отменить в петербургском тексте

Гоголя: герой Крусанова, наоборот, действует аккуратно в духе его мысли, философствуя телом – отправляясь воевать.

И пафос, и стремление автора ясны: писатель хочет создать простую историю (поэтому и происходит перекалибровка на снижение), которая тронула бы. Но простая история немыслима без дидактики, а там, где на первое место встает мораль, литература как таковая умирает, становясь лишь ее инструментом. Но такого обращения литература с собой не терпит и не прощает, результатом чего и является «Совиная тропа»: и написано-то хорошо (тут к Крусанову не придраться), и сюжет не так банален, и мысль наличествует, а на выхлопе – голем: трансцендирующий прозревает не высшую реальность (как в «Мертвом языке»), а ту же, что вокруг него, с тем же репрессивным социальным аппаратом и т.д., в которой он только номер – как герой замятинского «Мы». Выходит что-то в духе «Тридцатой любви Марины» Сорокина. Только страшнее: даже волосы не могут встать дыбом, парализованные ужасом.

Николай АРЖАНОВ

В ДЕВЯТИСТАХ КИЛОМЕТРАХ ОТ МОСКВЫ

К выходу кн.: Елена Дорогина. Николай Гуцин и его круг. Истоки формирования неофициального искусства в Саратове. – Саратов: Саратовский Государственный художественный музей им. А.Н.Радищева, 2025. – 176 с.

Труд долгожданный, в Саратове с начала девяностых годов после каждой выставки художников «круга» возникали разговоры о больших исследованиях, издании альбомов.

Неофициальное искусство Москвы и Ленинграда 50–80 годов сейчас на слуху, постоянно проходят выставки, издаются монографии, работы когда-то запретных художников находятся в музеях и продаются на аукционах.

Совсем иная ситуация с нестоличным искусством андеграунда. Всего в девятистах километрах от Москвы стоит (лежит?) Саратов, город с серьёзными художественными традициями, неплохими учебными заведениями, старейшим в провинции и богатейшим художественным музеем имени Радищева. Здесь в 50–60-х годах сложился круг художников, объявленных «идеологическими диверсантами» со всеми вытекающими последствиями. Художников, не вписавшихся в соцреалистическую систему, не желавших делать «приемлемые вещи», а стремившихся делать своё, причем не просто своё, а «искусство музейного уровня»¹, практически сразу ставших изгоями, но перевернувших, радикально изменивших художественную жизнь города.

Эта группа сформировалась вокруг Николая Михайловича Гуцина (1888–1965), репатрианта, после войны вернувшегося в Советский Союз и с 1947 года работавшего реставратором в Радищевском музее. Ученик Валентина Серова, Сергея Малютина и Константина Коровина, друживший во время учёбы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества с футуристами, уехавший в 1919 из России (спасался не от красных, от белых), добившийся успеха в тридцатых годах во Франции, на родине сразу попал под подозрение. Жить в столичных городах ему запретили, он выбрал Саратов, преподавал один семестр в местном художественном училище, но был изгнан как негативно влияющий на молодёжь, поучаствовал в областной выставке и сразу приобретает клеймо «формалиста», больше на выставки, за редкими исключениями, не допускался². По его биографии можно приключенческий роман писать или фильм снимать. В Саратове у него быстро возник круг знакомых: артистов, преподавателей и, конечно, молодых художников: Михаил Аржанов, Владимир Солянов, Виктор Чудин, Вячеслав Лопатин, Людмила Перерезова стали его друзьями и учениками³. Впоследствии Аржанов, Солянов и Лопатин, не имевшие возможности зарабатывать трудом художника, тоже стали реставраторами Радищевского музея.

¹ См., напр.: Михаил Аржанов. Из дневников и писем (1952–1981). Публикация, вступление, примечания М.А. Богадельщиковой // Волга/ 2019/ № 11-12; <https://volga-magazine.ru/%d0%bc%d0%b8%d1%85%d0%b0%d0%b8%d0%bb-%d0%b0%d1%80%d0%b6%d0%b0%d0%bd%d0%bc%d0%b2-%e2%84%96-11-12-2019-%d0%b3%d0%be%d0%b4/>

² До периода оттепели: в 1955 г. всё же участвовал в областной выставке и в 1957-м во всероссийской. Больше до 1997 года работы Гуцина не показывались

³ Упомянуты только некоторые из художников, самые близкие, круг был гораздо шире.

Радищевский музей пытался показывать их работы ещё в 60-х, идя на различные ухищрения, но преодолеть запрет было почти невозможно. Однако в 1978-м удалось организовать выставку Владимира Солянова, а в 1984-м Михаила Аржанова (первую персональную, и уже посмертную, художник умер в 1981-м). С началом перестройки показали и Гущина, и Чудина, и Лопатина, а в 1992 году прошла большая выставка этой группы художников¹ – «Формула цвета»², ставшая крупнейшим событием художественной жизни города тех лет. В девяностые и двухтысячные годы выставок художников «круга Гущина»³ было очень много, и в музее имени Радищева, и на других площадках города. Последней на данный момент в этом ряду стала выставка М.Аржанова к столетию со дня рождения весной прошлого года в СГХМ им. Радищева.

То есть в Саратове своих художников-нонконформистов знают и любят. Но за пределами города они практически неизвестны. С Саратовом в российском культурном пространстве ассоциируется обычно «Саратовская школа» – Борисов-Мусатов, «Голубая роза», ну, иногда ещё В.М. Юстицкого периода двадцатых годов вспоминают. Всё, что было позже, как-то уходит из поля зрения. В девяностые было немало публикаций в местной прессе, причем написанных людьми, близко знавшими художников, например, серия статей Н.И. Свищёвой в газетах «Богатей» и «Саратов», но саратовские газеты в других городах не читали, а теперь этих изданий уже не существует. Неполные девятьсот километров до Москвы оказались непреодолимыми. Отчасти это объяснимо тем, что самые представительные выставки проходили в девяностые и на рубеже веков, когда интернет ещё только становился массовым, а такие институции, как частные галереи и аукционы, были ещё молоды и интересовались в первую очередь тем материалом, что был под рукой, благо его было в избытке. Удивительно, но в пятидесятые–семидесятые годы связь саратовских художников с художественным миром Москвы была куда более тесной, чем сейчас, в эпоху мгновенных коммуникаций. Расстояние не мешало Николаю Гущину устраивать квартирные выставки в Москве, Виктору Чудину – познакомиться с А.Зверевым, Михаилу Аржанову общаться с лианозовцами и дружить с Б.Свешниковым, познакомиться со студийцами Белютина (правда, тут паролом с художниками сам в Саратов приплыл)⁴.

Однако, при малой известности художников «круга Гущина» у широкой публики вне Саратова, существует литература искусствоведческая, и здесь расстояние до столиц роли не играет. Публикации, конечно, были не только в саратовской прессе, в научный оборот усилиями искусствоведов И.Н. Пятницыной, Г.М. Кормакулиной, Л.В. Краснощёвой эти имена были введены ещё при советской власти, в 80-х, тогда удалось издать каталоги выставок В.А. Солянова и М.Н. Аржанова, а первая статья о Н.М. Гущине филолога и близкого друга художника, Р.А. Резник, вышла ещё в 1966 году, в 91-м Л.В. Пашковой⁵ был составлен каталог выставки Н.М. Гущина, уже в новом веке вышел ряд её статей о Гущине, выпущен альбом В.Ф. Чудина⁶.

¹ Работ Н. Гущина на выставке «Формула цвета» не было, а шестым участником был Юрий Иванович Машков, непосредственно с Гущиным знакомым не бывший, но разделявший общие принципы группы, примкнувший в начале 1970-х. Выставка проходила на двух площадках, сначала в СГХМ им. Радищева, потом, в переработанном виде, в Энгельском краеведческом музее.

² По названию цикла абстрактных работ В. Чудина.

³ Также некоторое время, после выставки 1992 года, бытовало обозначение «Художники Формулы цвета» или просто «Формула цвета»

⁴ См.: Михаил Аржанов. Из дневников и писем // Волга. 2019. № 11-12.

⁵ Николай Михайлович Гушин. К столетию со дня рождения. Каталог / Авт.-сост. Л.В. Пашкова. Саратов, 1991.

⁶ Виктор Чудин. Встреча. Книга-альбом. Саратов–Самара, 2008; Николай Изумительный Гушин // Золотая палитра. 2009. № 1.

В десятие – начале двадцатых годов опубликованы статьи Е.А. Дорогиной¹, А.И. Любимовой². Беда лишь в том, что «широкая публика» искусствоведческой литературой интересуется мало. Выставка, альбом – другое дело.

В минувшем году произошли сразу несколько событий, дающих надежду вывести саратовское неофициальное искусство из тени, преодолеть взгляд на него как на «региональное», местное явление, ведь художественный уровень этих мастеров очень высок, «делать искусство музейного уровня» было их программной задачей.

Сразу после весенней выставки М.Н. Аржанова в СГХМ им. Радищева, в Москве, в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына состоялась большая выставка Н.М. Гущина из собрания Радищевского музея и частных коллекций.

А завершился год презентацией монографии Елены Дорогиной «Николай Гушин и его круг. Истоки формирования неофициального искусства в Саратове».

Конечно, монография по определению рассчитана на профессионалов, но автору удалось, как мне кажется, сделать серьёзный научный труд доступным и интересным тому самому «широкому кругу читателей». И сам формат издания, очень обильно иллюстрированного, прекрасно решённого дизайнерски (Мастерская Кашанин-А), по сути, близкого к альбому, располагает как минимум к внимательному просмотру. Текст не перегружен терминами, не впадает в нарочитую наукообразность и воспринимается очень хорошо.

Книга разбита на три главы, в первой подробно разбирается художественная обстановка в Саратове в контексте общей обстановки в стране с 1917-го до конца 1940-х годов. Собственно, автор начинает ещё раньше, с Борисова-Мусатова и Уткина, символистов, с той самой общеизвестной Саратовской школы. Одна из основных идей исследования – именно связь саратовских нонконформистов с предшественниками. Гушин, привезший в город знания о новейших течениях европейского искусства, встретил уже подготовленную почву, учеников, уже знающих, что кроме реализма существуют иные течения, воспитанных на саратовской пейзажной школе и способных воспринимать новое искусство. Формированию художников как в училище, так и в стенах музея, посвящена вторая глава. И в первой и во второй главе много внимания уделено противостоянию искусства и власти, подавлению ею всего живого, искоренению «буржуазных» течений, и способам сохранения традиций саратовской пейзажной школы, уклонению саратовских художников, учителей будущих нонконформистов от всеобщего соцреалистического метода. Здесь много подробностей, воспоминаний о педагогах училища В.В. Кисимове, И.Н. Щеглове, Б.В. Миловидове, Е.И. Макаровой, В.С. Успенском, атмосфере и обстановке в период обучения. В большой степени этот раздел основан на текстах Вячеслава Лопатина³. Много материалов было обнаружено при подготовке издания в архивах Радищевского музея. Отчёты, протоколы собраний – свидетельства борьбы музея за своих художников, противостояния с союзом художников (именно правление СХ было инициатором большинства доносов в обком). Эти страницы читаются как непридуманый детектив.

Третья глава, самая объёмная, – Гушин, его творчество саратовского периода и возникновение его круга, принципы общения, поиски художников и обретение ими собственных голосов. По времени эта глава охватывает период с середины 50-х по середину 60-х годов.

¹ Дорогина Е.А. (в соавторстве). Образный и музыкально-стилистический язык живописных произведений Н.М. Гущина (1950-е – начало 1960-х годов) // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 4 (71). <https://cyberleninka.ru/article/n/obraznyy-i-muzykalno-stilisticheskiy-yazyk-zhivopisnyh-proizvedeniy-n-m-guschina-1950-e-nachalo-1960-h-gg/viewer>

² Любимова А.И. Неофициальное искусство Саратова. Проблемы эволюции художественного языка в 1960-е – 1980-е гг. // Вестник СПбГИК. 2023. № 3 (56) сентябрь; <https://cyberleninka.ru/article/n/neoofitsialnoe-iskusstvo-saratova-problema-evolyutsii-hudozhestvennogo-yazyka-v-1960-1980-e-gg/viewer>

³ <https://volga-magazine.ru/author/>, и <https://magazines.gorky.media/authors/l/vyacheslav-lopatin.html>

Первая часть главы называется «Формалист» Гущин и его живопись саратовского периода». Анализ основных произведений этого, очень продуктивного, завершающего этапа жизни мастера, сопоставление с более ранними работами. В следующих частях рассматриваются работы Аржанова, Чудина, Лопатина, Солянова и Перерезовой, влияние Гущина и их влияние друг на друга. Искусствоведческий анализ переплетается с рассказом об исторических обстоятельствах, подробностями жизни и быта художников. Завершается раздел кратким обзором дальнейшего пути каждого мастера.

Исследование, как заявлено в названии, ограничивается этим периодом, более поздние поиски и находки художников круга Гущина в самостоятельном творчестве, после окончания «Гущинского периода» ставших очень разными, нуждаются в дальнейшем изучении, возможно в создании монографий о каждом художнике. Но это уже тема будущих исследований.

Книга – первое масштабное системное исследование неофициального искусства в Саратове. Надеемся на продолжение.

Контакты:

Анна Сафронова (*гл. редактор, проза*): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (*зам. гл. редактора, поэзия, критика*): alexandrov-volga21@yandex.ru

Олег Рогов (*архивные публикации, критика*): rgv@mail.ru

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 16 февраля 2026 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.